

СЛАВЯНСКІЙ

СБОРНИКЪ

Н. В. Савельева-Ростиславича.

La rénovation de l'histoire, dont je signalais vivement le besoin, se présentait à moi sous deux faces, l'une scientifique et l'autre politique. J'invoquais à la fois une complète restauration de la vérité, altérée ou méconnue. . . . je demandais qu'on recueillît, avec un soin respectueux, les souvenirs d'honneur. . . en un mot, qu'à l'aide de la science unie au patriotisme, on fit sortir de nos vieilles chroniques des récits capables d'émouvoir la fibre populaire.

Тьерри. Dix ans d'études historiques, Préface.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА.

1845.

g. n. 7100
= Hart 18. 26

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1-го
Нолября 1844 года.

Ценсоръ А. Очкинъ.

(Изд. 1.)

ПАМЯТИ

ЛОМОНОСОВА И ВЕНЕЛИНА,

ПАДШИХЪ ВЪ БОРЬБѢ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ РУССКОЙ МЫСЛИ.

ИЗДАНИЕ

АВТОГРАФА И ПЕРВОГО

НАДПИСАНОГО ПОДПИСАМИ АВТОРА И РЕДАКТОРА

Non ex vulgi opinione, sed iudice rationis sanæ.

Васон.

«Но по общему мнѣнію, но по здравому смыслу.»

Бэконъ.

Украшенный двойнымъ вѣнцомъ, славы и страданія, краснорѣчивый слѣпецъ, которымъ по справедливости гордится новѣйшая историческая школа Франціи, Тьерри, высказавъ литературныя свои убѣжденія, въ Предисловіи къ *Dix ans d'études historiques*, такъ заключилъ изображеніе своихъ идей и трудовъ историческихъ: «il y a au monde quelque chose qui vaut mieux que les jouissances matérielles, mieux que la fortune, mieux que la santé elle-même, c'est le *dévouement à la science*.»

Да! любовь къ знанію, преданность наукъ, можетъ заставить забыть многое, всѣ обольщенія юности, всѣ выгоды жизни промышленно-общественной, особенно, когда предметомъ вашихъ занятій будетъ родина, цѣлью вашихъ трудовъ—возстановленіе передъ потомствомъ славныхъ подвиговъ предковъ, блистательныхъ дѣлъ, умышленно прикрытыхъ завистію чужеплеменниковъ...

Великій преобразователь Россіи, бессмертный Петръ понималъ необходимость союза между *знаніемъ* и *народностію*: питая благоговѣніе къ отечественной Исторіи, онъ радовался, найдя Кенигсбергскій списокъ Несторовой лѣтописи, и первый возымѣлъ мысль о собраніи и напечатаніи древнихъ нашихъ лѣтописей и грамматъ; задумывая объ Академіи, онъ приглашалъ къ намъ ученыхъ ино-
земцевъ, но при каждомъ иностранцѣ велѣлъ быть *двуемъ Русскимъ*, которые могли бы въ послѣдствіи быть разсадниками наукъ въ отечествѣ. Между тѣмъ, заботясь о

Россіи, Петръ не забывалъ и нашихъ Славянскихъ братій. Великая мысль Все-Славянства, въ новомъ мірѣ Россіи, принадлежитъ—какъ справедливо замѣтилъ С. П. Шевыревъ—Петру Великому: Государь-геній, онъ первый постигъ важность *родственного* отношенія между нами и другими племенами Славянскими. Во второй половинѣ своего царствованія онъ выражаетъ къ нимъ глубокое сочувствіе: въ манифестѣ войны 1711 года противъ Турокъ обнаруживаетъ желаніе помочь нашимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, которые стенаютъ подъ игомъ Турецкимъ, Грекамъ, Волохамъ, *Болгарамъ, Сербамъ*; въ томъ же году входитъ въ сношенія съ Черногорскимъ митрополитомъ Даніиломъ, а въ 1715 году оказываетъ ему Царское гостепріимство и отправляетъ съ нимъ дружественную грамоту къ *Черногорскимъ Сербамъ* (1716); въ 1720-мъ году пишетъ къ Рагузинскому въ Прагу, поручая нанять ему для театра людей умѣющихъ по-Словенски или по-Чешски; въ 1722 г. посылаетъ къ Сербамъ церковную утварь, Богослужебныя книги, учителей для языка Славянскаго и Латинскаго, а въ 1723 году приглашаетъ Сербовъ селиться на Русской границѣ, выразивъ ту замѣчательную мысль, что они конечно будутъ вѣрно служить Государю единовѣрному и единоплеменному ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, согрѣвая себя мыслию Все-Славянства, Петръ Великій постигъ важность Исторіи озаренной патріотизмомъ; желая возобновить передъ глазами обновленнаго славою народа *древнюю* славу могущаго племени Славянскаго, безсмертный Преобразователь велѣлъ перевести съ Итальянскаго сочиненіе Мавроурбина, которое представляло довольно полную и — не смотря на младенчество тогдашней исторической критики—довольно вѣрную картину прошедшаго бытія Славянъ. Въ 1722 году явилась наконецъ «Книга Исторіографіи початія имене, славы и расширенія народа *Славянскаго*, и ихъ цари и владѣтелей *подъ многими имянами*, и со многими царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ історическихъ, чрезъ господина Мавроурбина, Архимандрита Рагужскаго. Переведена со Итальянскаго на Россійскій языкъ, и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣ-

(1) Москвитянинъ (1844), № 10, въ статьѣ «Академическія бесѣды въ 135 верстахъ отъ Москвы,» рѣчь С. П. Шевырева, стр. 346 — 352, также въ «Сынъ Отечества» (1838 г.) статья Макашова о Черногоріи, т. VI, отд. III, стр. 65—72.

нія Петра Великаго, Імператора и Самодержца Всероссійскаго, и протчая, и пр. и пр. въ Санктпѣтербургской Типографіи, 1722 году, Агуста въ 20 день». И на первой же страницѣ Введенія, современники великаго Преобразователя читали: «Нікако же удівітелно есть, что слава народа Славянскаго, нынѣ *не такъ ясна, какъ оной довлѣло* разславітися по вселенній. Ежели бы сей народъ, такъ достаточенъ былъ людьми *учеными и книжными*, какъ былъ доволенъ *военными* и превосходѣтельными оружіемъ, тобъ ни едінь другой народъ во вселенній былъ въ примѣръ имени Славянскому. А что протчіе народы, которые *згло нижше* его, нынѣ *велики* себя прославляютъ, то не ради чего иного, токмо чрезъ бывшихъ въ ихъ народѣ людей ученыхъ».

Путь прямой былъ указанъ—по нѣмъ не пошли.

Къ несчастію, первые наши «люди ученые и книжные» были не-Русскіе, не-Славяне: могли-ль они сочувствовать патріотическимъ намѣреніямъ Петра Великаго?

Великій Преобразователь Россіи уважалъ тѣхъ благородныхъ иноплеменниковъ, которые съ усердіемъ посвящали свои труды Россіи, отрицались прежней народности и по *духу* становились истинно-Русскими; но видѣлъ онъ также и многихъ своекорыстниковъ, думавшихъ единственно о личныхъ выгодахъ. Очистить Россію отъ этихъ плевелъ, возросшихъ вмѣстѣ съ пшеницею, сдѣлалось любимой мыслію Петра Великаго. Изъ донесенія Кампредона Французскому Двору (отъ 30-го Января 1722 года) мы узнаемъ, что «Петръ Великій повелѣлъ всѣмъ дворянамъ явиться въ Петербургъ—подъ опасеніемъ конфискаціи имѣнія неявившихся, и лишенія благороднаго званія. Цѣль сего указа: узнать способныхъ на службу дворянъ и *замѣнить ими иностранцевъ*, коихъ Петръ хочетъ вскорѣ уволить отъ службы и отослать». ⁽¹⁾

Но Великій умеръ—и мысль его осталась безъ исполненія.

Люди, къ которымъ онъ питалъ глубочайшее презрѣніе, размножались. Въ благодарность Россіи, которая кормила ихъ и поила, они подарили Бироновщину (1730 сѣ—1740), тяготѣвшую надъ нашимъ отечествомъ до счастливаго воца-

⁽¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1845), ч. XXXVII отд. II: *Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго*, извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній Французскихъ Посланниковъ и Агентовъ при Русскомъ Дворѣ. Статья II, стр. 169.

ренія дочери Петровой, кроткой Елизаветы, очистившей Русь отъ иноплеменниковъ и предуготовившей намъ вѣкъ Екатерины Великой. Въ этотъ несчастный для Россіи періодъ господствованія Бирона, въ угодность сильнымъ временщикамъ-иноземцамъ, явилась и система Скандинавскаго происхожденія Руси. Угрожаемые намѣреніемъ Петра Великаго, но жалѣя разстаться съ гостепріимною Россіею, чужеземцы осуществили планъ — присвоить себѣ воспитаніе Русскаго юношества и съ самаго дѣтства внушать ему ту мысль, что Россія всѣмъ обязана не себѣ а чужеземцамъ, что имъ слѣдственно (а не намъ) принадлежитъ во всемъ первенство, и что даже первое сѣмя государственной жизни брошено, у насъ чужеземцами.

Современникомъ Великому Преобразователю Россіи явился человекъ знаменитый на литературномъ поприщѣ, бессмертный рыбакъ Холмогорскій, который геніемъ своимъ въ Естествознаніи проникъ въ истины, раскрытыя только въ наше время соединенными усиліями Европейскихъ ученыхъ ⁽³⁾; котораго славный Эйлеръ равнялъ съ величайшими геніями ⁽⁴⁾; которому справедливо удивлялись лись Стокгольмская и Болонская Академію, почтившіе его званіемъ Члена; который преобразованіемъ Русскаго языка заслужилъ имя Отца нашей Словесности, и котораго заслуги не оцѣнены только на Историческомъ поприщѣ... Рожденный въ снѣгахъ сѣвера (1711), Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ провелъ всю жизнь въ борьбѣ съ судьбою и съ ненавистниками Россіянъ: «за то терплю», писалъ онъ въ памятной для себя запискѣ, «что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучи-

(3) Маякъ (1843, Январь) томъ VII, глава. III, статья Д. М. Перевощикова «Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденій о явленіяхъ воздушныхъ», стр. 53—67.

(4) Вотъ что писалъ о трудахъ Ломоносова Эйлеръ: *Toutes ses pieces sont non seulement bonnes, mais très excellentes, car il traite les matières de la physique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont tout à fait inconnues et inexplicables aux plus grands genies avec tant de solidité que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à monsieur Lomonosoff qu'il possède le plus heureux genie pour decouvrir les phénomènes de la physique et de chimie; et il seroit à souhaiter que toutes les autres académies fussent en état de produire des decouvertes semblables à celle que monsieur Lomonosoff; vient de faire.* (Очерки Россіи, изд. Вадимомъ Пассекомъ, кн. II, статья А. О. Вельмана «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова», стр. 6).

лись *Россіяне*, чтобъ показали свое достоинство», — и какъ бы чувствуя приближеніе кончины, прибавилъ: «я не тужу о смерти — пожилъ, поторпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ» ⁽⁵⁾; а передъ кончиною (4 Апр. 1765 г) говорилъ своему другу, Штелину: «на смерть взираю равнодушно; сожалью только о томъ, что не успѣлъ довершить начатаго для пользы Отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Вижу теперь, что мои благія намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною» ⁽⁶⁾.

Къ Ломоносову можно вполне примѣнить сказанное Французскимъ историкомъ Мишлѣ о трудахъ славнаго Вико: «его открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ потому, что они относились къ нашему вѣку». Современники рѣдко бываютъ благодарны къ человеку, превышающему свой вѣкъ, особенно жь, когда тутъ вмѣшается ненависть... Ломоносовъ, благоговѣя къ памяти безсмертнаго Преобразователя Россіи, высоко цѣнилъ народность, и защищалъ дѣло Петра Великаго «чтобъ выучились *Россіяне*», поэтому долженъ были ежедневно выдерживать нападенія: его раздражали, выводили изъ терпѣнія, ему во всемъ препятствовали — не только чужеземцы, но даже свои, Русскіе поклонники иностранцевъ. Года за три или за четыре передъ кончиною, Ломоносовъ благородно раскрылъ свою душу въ письмѣ къ Теплову (1761) и откровенно объяснилъ причину медленнаго развитія наукъ въ Россіи и жалкаго состоянія нашей Академіи. Упомянувъ, что уже «неоднократно представлялъ, словесно и письменно, о исправленіи застарѣлыхъ непорядковъ», Ломоносовъ говоритъ: «однако, не по мѣрѣ Монаршей къ наукамъ щедроты, воспослѣдовали рѣшенія и успѣхи, затѣмъ, что не отнято *прежнее самовольство* недоброхотамъ приращенію наукъ въ *Россіи*. Нѣкогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы къ нему: L'Académie sans académiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les regles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède. Кто же въ томъ виноватъ кромѣ васъ и вашего непостоянства? Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мнѣ. Въ томъ больше вы слѣдовали

⁽⁵⁾ Очерки Россіи, кн. II, стр. 40.

⁽⁶⁾ Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, ч. III, біографія Ломоносова, стр. 197.

стремленію своей страсти, нежели общей Академической пользы, и чрезъ таковыя *повседневныя перемѣны* колебали какъ трость все Академическое зданіе: тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позоръ и упадокъ; тотъ, кто высланъ съ безчестіемъ, съ честію назадъ призванъ Еще есть вамъ время обратиться на *правую* сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ *и добрыя* о пользѣ *Россійскихъ* наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять *недоброхотовъ Россійскимъ* ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я симъ ничего иного не ищу, какъ только, чтобъ *закоренное несчастіе Академіи* пресѣклось. Будежъ еще такъ все останется, и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали: за нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно, по моей возможности. *За общую пользу*, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, *и противъ отца своего роднаго* возстать за грѣхъ не ставлю. И такъ нынѣ изберите любое: или одобряйте явныхъ *недоброхотовъ* не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги; одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ *ихъ* *противоборство* никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и *роптанія* и *презрѣнія*; — или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ *противоборниковъ* наукъ Россійскихъ, не употребляйте *Божія* дѣла для своихъ *пристрастій*, дайте возрастать свободно *насажденію Петра Великаго*. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу Что до меня надлежитъ, то я къ сему себя *посвятилъ*, чтобъ до гроба *моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ* бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину» ⁽¹⁾.

Голосъ человека благороднаго, возставшаго на защиту *народности*, не нашель отклика между современниками: они увлечены были *пристрастіемъ* къ направленію исключительно западному. Не таковъ былъ Ломоносовъ. Онъ постигалъ великое назначеніе Россіи; хотѣлъ, чтобы ея умствен-

(1) Очерки Россіи, кн. II, стр. 38 — 39.

ное возрастаніе было свободно отъ несвойственныхъ ей прививковъ, запечатлѣно народнымъ духомъ, проникнуто народнымъ характеромъ. Кичливые возгласы иноземцевъ о собственномъ достоинствѣ, неуваженіе къ имени Русскому и невѣріе ихъ въ способности Русскихъ, наполняли негодованіемъ пылкую душу патріота-ученаго, душевно преданнаго.

Отечеству.—Россіи предстояло гениемъ Ломоносова опередить Европу, въ половинѣ XVIII вѣка утвердить тѣ открытія, которыя составили славу нѣсколькихъ ученыхъ Естествоиспытателей конца XVIII и начала XIX вѣка: завистники гения не допустили Россію обнаружить самостоятельность возрѣнія на Естествознаніе. Россія могла бы за полвѣка до Карамзина имѣть свою Исторію, произведеніе если не равное творенію славнаго Исторіографа, по крайней мѣрѣ несравненно лучшее всего того, что предшествовало «Исторіи Государства Россійскаго»: не доброжелательство враговъ Русскаго гения лишило его средствъ совершить полезный трудъ. Кто же были эти враги Русскаго гения? Иноземные гости и даже (стыдно сказать) свои соотечественники ⁽⁹⁾. «Намъ Русскимъ», писалъ Артемій. Петровичъ Волынской князю Урусову, «не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ, и съ-того сыты бываемъ» ⁽⁸⁾. Пользуясь такимъ несогласіемъ, чужеземцы-ученые рѣшились возвышать только тѣхъ, кто былъ ниже ихъ, не могъ бы затмить ихъ; давали ходъ только такимъ людямъ, какъ знаменитый

⁽⁸⁾ Въ 1654 году Ломоносовъ просилъ Шувалова о переводѣ изъ Академіи въ Иностранную Коллегію, гдѣ не менѣе могъ бы онъ принести пользы и чести Отечеству. Въ 1759 году онъ писалъ къ нему же: «мои манускрипты могутъ нынѣ больше служить, нежели самъ я, не имѣя отъ моихъ недоброжелателей покоя. Въ «Трудолюбивой» такъ называемой «Пчелѣ» напечатано о мозанкѣ весьма презрительно. Сочинитель того, Тредьяковскій, совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать пошлѣнство. Здѣсь можно видѣть цѣлый комплектъ: Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Тредьяковскій далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть Ваше Превосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покоя, не преставаая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ. Умилосердите надо много, Милостивый Государь, свободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться долѣе въ полезныхъ и славныхъ моему отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія» и проч.

⁽⁹⁾ Энциклопедическій Лексиконъ, т. XI, въ статьѣ *Волынской*, стр. 464. Сравните мнѣніе Панина о Волынскомъ въ *Запискахъ* С. А. Порошина, с. 74, 75.

Профессоръ Элоквенціи, преславный авторъ Тилемахиды, Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, типъ ученой бездарности, воловьего трудолюбія, мертвого подражанія, равнодушія къ высокимъ началамъ нравственно-политической любви къ отечеству и народности (¹º). Такіе люди *нрави-*

(¹º) Петръ Великій ударилъ Тредьяковскаго по лбу и сказалъ: «вѣчный труженникъ!» Предсказаніе было вѣрно... Впрочемъ это бы еще не бѣда, если бѣ Тредьяковскій по крайней мѣрѣ сохранилъ благородство характера, а то его низость передъ чужеземцами и недоброхотство Русскимъ много вредили успѣху праваго дѣла. Завистникъ, онъ увѣрялъ, что Ломоносовъ *портитъ языкъ*, замѣняя иностранныя слова Русскими, *мушкетжили и подлыли*, почему и называть себя профессоромъ не *Красно-рѣчій*, какъ предлагалъ Ломоносовъ, но *Элоквенціи*... Въ отношеніи къ высшимъ, Тредьяковскій являлся совершенною противоположностью пылкому Ломоносову, которой смѣло писалъ своему начальнику, чтобы ожидалъ «отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія». Бездарность Секретаря Академіи, Тредьяковскаго, соединена была еще съ низостью, готовностью вытерпѣть все. Когда готовились къ шутовской сватбѣ въ ледяномъ домѣ, Кабинетъ-министръ, Артемій Петровичъ Волинскій послалъ кадета Криницына за Василемъ Кирилловичемъ, которому хотѣли заказать стихи на свадьбу. Это было 4 Февраля 1739 г. Дорогою, кадетъ поссорился съ Тредьяковскимъ и пожаловался на него Кабинетъ-министру. Что же сдѣлалъ Волинскій, пусть расскажетъ самъ Василій Кирилловичъ (Москвит. 1845, № 2, гл. IV, стр. 43-46): «Его Превосходительство началъ бить меня по обѣимъ щекамъ, правое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что изволилъ чинить въ три или четыре пріема; потомъ «велѣлъ и оному кадету бить меня по обѣимъ щекамъ публично». Василій Кирилловичъ вытерпѣлъ все, и только на другой день поплелся къ Бирону «припасть къ ногамъ Его Свѣтлости». На бѣду несчастнаго стиходѣя, къ Бирону съ дѣлами явился тогда же и Волинскій. Онъ входитъ въ переднюю, а тамъ стѣитъ «краснаго слога борзый писецъ»... Артемій Петровичъ накормилъ друга плюхами, «вытолкалъ въ шею» и поручилъ одному сержанту отвезти злополучнаго пѣнту въ маскарадную комиссію, а тамъ снялъ съ него шпагу и приказалъ ввалить ему 70 палокъ по голой спинѣ; потомъ, неудовлетворенный какимъ-то отвѣтомъ Василія Кирилловича, велѣлъ закатить ему еще 30 палокъ. Секретарь Академіи ночевалъ подъ карауломъ, «твердя наизусть стихи, хотя уже и не до стиховъ было, чтобы оныя прочесть въ потѣшной залѣ». После всего этого, уже на третій день, отпуская его изъ-подъ караула, Волинскій далъ ему на прощанье еще съ десятокъ ударовъ... Творецъ Тилемахиды снесъ и это; уже въ Апрѣль, герцогъ Биронъ сказалъ, между прочимъ, въ свой жалобной челобитвой Императрицѣ, что Волинскій «не устыдился недавно *обругать побоями* нѣкотораго Секретаря Академіи Тредьяковскаго, *въ его герцогскихъ покояхъ* и тѣмъ оказалъ неуваженіе къ Государынѣ, а ему, владѣтельному Герцогу, нанесъ чувствительную обиду, уже извѣстную и при иностранныхъ дворахъ». И такъ Биронъ хлопоталъ совѣтъ не о Тредьяковскомъ, а о

лись заморскимъ нашимъ учителямъ, потому что всегда оставались ихъ подражателями, учениками; а Ломоносовъ — эта душа пылкая, благородная, открытая, прототипъ Русскаго характера и Русской даровитости, способности ко всему и на все — Ломоносовъ, живое недовольство посредственностью и стремленіе къ лучшему, слѣдственно къ преобразованіямъ, къ новымъ опытамъ — разумѣется, сталъ предметомъ ненависти однихъ и зависти другихъ. «Не лѣзя оспаривать», пишетъ А. О. Вельтманъ, «что при началѣ учрежденія Академіи Наукъ въ Россіи необходимо было дать ученымъ людямъ, выписаннымъ изъ за границы, преимущества, выгоды и даже право распорядительности. Петръ Великій основалъ дѣятельность Академіи на людяхъ, которыхъ память чтить Россія. Но послѣ Петра Великаго, новый комплектъ занялъ Академію точно также, какъ Дидона землю туземцевъ Африканскихъ, и сталъ истреблять насажденія великаго образователя; слѣдовательно, постоянныя негодованія и жалобы Ломоносова на злоупотребленія — справедливы, и мы можемъ считать его Русскимъ отводомъ противъ тогдашнихъ иноземныхъ тучъ. За него, какъ за человѣка съ сильной душою, готовой ко самопожертвованію, загордились многіе. Одаренный могучею умственною дѣятельностью и проникнутый любовью къ Отечеству, онъ уважалъ всѣхъ истинно просвѣщенныхъ, но ненавидѣлъ ученыхъ педантовъ, арендаторовъ науки и ученаго званія; сталъ невольнымъ представителемъ борьбы за завѣтъ Петра и за самостоятельность Русскую... но повсюду видна (у него) главная цѣль: возстановленіе Академіи для пользы *Отечества и Русскаго юношества*, которую предназначилъ Петръ Великій⁽¹¹⁾».

Дѣйствительно, когда состоялось Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи и исправленіи законовъ, и въ томъ

себѣ — «нѣкотораго секретаря» пожалуй можно и «обругать побольше», только не въ герцогскихъ покояхъ... Между тѣмъ, расположеніе Анны Иоанновны, поколебленное Волынскимъ только на время, опять возвращено Бирону, когда онъ сталъ на колѣни передъ Императрицей, говоря: «либо ему жить, либо мнѣ»... Съ 12-го Апрѣля, Волынский былъ уже подъ карауломъ; тогда и Тредьяковскій охрабрился и подалъ жалобу, прося удовлетворенія въ безчестьи и увѣчьи; послѣ казни несчастной жертвы Биронова властолюбія (27 Іюня), Тредьяковскій подалъ новую жалобу и получилъ удовлетвореніе — ему выдали изъ имущества казеннаго, деньгами двойной окладъ жалованья, именно 720 рублей!

(11) Очерки Россіи, кн. II, стр. 18 — 19.

числѣ Академическаго Регламента, Ломоносовъ написалъ проэктъ преобразованія Академіи, въ которомъ представилъ ея тогдашнее состояніе, показывалъ причины ея упадка и средства — привести ее въ цвѣтущее положеніе. Въ «Приступленіи» онъ говорилъ: «всевождедѣльный случай къ исправленію бѣднаго состоянія Академіи! Однако вкоренившееся и застарѣлое въ ней злосчастіе чинить препоны и сему великому матернему и божественному попеченію и желанію Всемилоостивѣйшія Монархини нашея. Ибо все оное разсмотрѣніе пресѣклось коварными происками и наглыми поступками, которыми самозванно сочинитель, а слѣдовательно и защититель онаго регламента, старался отъ него отвести Высочайшій указъ Ея Величества, данный изъ Правительствующаго Сената о исправленіи законовъ. Стоя за *пользу и важность* высокопомянутаго указа, принужденъ я былъ претерпѣть *неправедное и несносное огорченіе*... Нынѣ въ разсужденіи Академіи предпріиалъ я отдать отечеству *последнюю должность*; ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролубія Великія нашея Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали въ *Отечествѣ*.—Симъ предпріятіемъ побуждаю на себя безъ сомнѣнія *нѣкоторые* негодованія, которыхъ по силѣ доброжелательство прежнее чувствительно; однако *совѣсть и должность* онаго несравнено сильнѣе. Чѣмъ могу я предъ правосудіемъ извиниться? Оно уже заблаговременно мнѣ предвѣщаетъ и въ сердцѣ говоритъ, что имѣя во многихъ наукахъ знаніе, вѣдая *другихъ Академій* поведеніе, видя великій упадокъ и бѣдное состояніе здѣшней Академіи, многіе недостатки и неисправности въ Регламентѣ и бесполезную трату толикой казны, не представлять по своей должности. Что отвѣтствовать? развѣ что я боялся руки сильныхъ? Но я и живота своего не жалѣть въ случаѣ—клятвою предъ Богомъ обѣщался. И такъ, ежели симъ истинной своей ревности не удовольствую, и можетъ быть себя опасности подвергну, однако присяжную должность исполню» ⁽¹²⁾.

Такимъ образомъ, гоненіе и преслѣдованіе съ одной стороны, чувство собственной правоты но безсилія — съ другой, разжигали волненіе умовъ. «Вражды, несогласія, взаимныя противорѣчія были ужасны», пишетъ А. О. Вельт-

⁽¹²⁾ Очерки Россіи, кн. II, стр. 23 — 24.

манъ: «призванные ученые Германцы хотѣли все зданіе построить сами, по своей мысли; а ученые Русскіе ломали ихъ начала и говорили: «не вамъ здѣсь жить, а намъ; »учите насъ, какъ чертить планъ, какъ выбирать и употреблять матеріалы, а строить будемъ сами, по своей мысли». Это требованіе было истинно; а между тѣмъ иностранцы не могли ни постигать быстрыхъ Русскихъ понятій, ни вѣрить способности Русской учиться всему со взгляду: они считали это невѣжественной самонадѣянностью. . . . Самопознаніе Русское еще только что возникало, и его легко было извести *односторонними* доказательствами, что Руссы отрасль Нѣмцевъ, а Русскій языкъ одно изъ нарѣчій Германскихъ». (1³)

Правительство Русское не щадило издержекъ для водворенія наукъ въ Россіи; какъ исполнялись предначертанія Петра Великаго, говорить не буду: это всѣмъ извѣстно. Въ 1726 году, по совѣту Гольдбаха, выписанъ изъ-заграницы другъ его, Байеръ. Этотъ ученый, (скончавшійся 1738 г). разсужденіемъ *De Vagagis* (1735) положилъ начало школѣ, донинѣ еще существующей, хотя уже и значительно растерявшей своихъ поборниковъ. Призванный нашимъ Правительствомъ какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ филологовъ, для объясненія Русскихъ лѣтописей, Байеръ не хотѣлъ однакожъ выучиться Русскому языку. Шлёцеръ весьма основательно говоритъ о Байерѣ: «Непонятно, какъ этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много *потѣвшій* надъ . . . Китайскимъ, не учился по-Русски, почему и *завистель* всегда отъ *неискусныхъ переводчиковъ* и *надѣлалъ важныя ошибки*» (1³). Не зная по-Русски, хотя и взявшись объяснять Русскія лѣтописи, Байеръ, разумѣется, не могъ понять Нестора, что Русскія племена (по-ученому, Восточные Славяне) издревле «ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѡ» (1⁵); и вмѣсто того, чтобы, руководясь Несторомъ, слѣдить исторію древней Руси у *Грековъ* подъ именемъ *Великой Скиѡи*, изъ всѣхъ силъ старался раздѣлить то, что бы должно оставаться недѣлимымъ, и *три названія* одного и того же народа превратилъ въ *три народа*: Греческое прозвище Русскаго народа (*Скиѡы*) обращено въ Татаръ и Финновъ, наше народное имя (*Русь*) въ Скандинавовъ, а книжное

(1³) Очерки Россіи, кн. II, стр. 40, 41.

(1⁴) Шлёцеровъ «Несторъ» (пер. Д. И. Языкова). Введеніе страниц. *р.и.*

(1⁵) Лаврентьевскій списокъ, стр. 7. Сравните у меня, въ этой книгѣ, стр. 161 и прим. 142, на стр. 184 пр. 10, также стр. 275—278 (прим).

имя (*Славяне*) получило привилегію быть Славянскимъ народомъ.

Незнакомый съ Славянскою Этнографіею, Байеръ не могъ замѣтить, что у Византійцевъ имя *Sthlavi*, *Sclavi*, *Sclavini*, равно какъ и у Иорнанда, означало *только однихъ Словенъ*, т. е. Словенцевъ и Словаковъ, донинѣ живущихъ почти въ тѣхъ же предѣлахъ, въ Дунайской странѣ. Не понявъ же этого, Байеръ вознамѣрился отыскивать нашу Исторію Руси въ извѣстіяхъ о *Sclavin*'ахъ, т. е. тамъ гдѣ ее и отыскать не лъзя. Распространивъ на насъ *чуждое* намъ имя (*Sclavi*), Байеръ конечно не могъ найти указанія, что *Rhos* и *Varangi* суть *Sclavi*, *Sclavini*, разумѣется по той простой причинѣ, что мы Русь (*Rhos*) всегда жили въ Руси а не въ Дунайской Словеніи, *Varangi* же населяли Балтійское Поморье, Куть Велето-Сербскій, а не землю Словенцевъ, хотя подобно намъ «были Славяне изъ Славянъ» по выраженію Арабовъ, или же прямо *Rutislii* (Русскіе-Славяне) по свидѣтельству Птолемея ⁽⁴⁾. Не могши понимать Нестора, по незнанію Русскаго языка, а Византійцевъ по невѣденію Этнографіи Славянскаго міра, Байеръ упустилъ изъ виду, что Несторъ Варягамъ назначаетъ жилища на *западъ отъ Ляховъ и Пруссовъ*, то есть страну къ Одрѣ и Лабѣ (Эльбѣ), до земли Англанской (Англо-Саксовъ въ Шлезвигѣ) и до Волойской (Волоховъ Чехо-Моравскихъ, въ верховьяхъ Лабы и Вислы); что Византійцы, до 1120 года, строго отличали своихъ Варанговъ отъ Козаровъ, Агарянъ, Франковъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ и Англовъ, какъ народъ особенный, отдѣльный ⁽¹⁷⁾; что съ второй чертврти XII вѣка, когда Прибалтійскій Куть Славянскій, тѣснимый Нѣмецкими Императорами, не могъ уже высылать своихъ отважныхъ полковъ въ Византію, тамошній Варяжскій легіонъ началъ комплектоваться изъ разныхъ племенъ, почему съ 1120 годовъ между сѣкироносцами попадаютъ и Бретонцы Французскіе, и Нѣмцы, и Англичане. Смѣшавъ двѣ различныя эпохи, Байеръ отнесъ къ Варягамъ тѣ извѣстія, въ которыхъ упоминаются разноплеменные сѣкироносцы (де-

⁽¹⁶⁾ Сравните далѣе, ст. 215—217 и прим. 75; также стра. 282—302 и прим. 194, 203, 216.

⁽¹⁷⁾ Подъ годомъ 935 у Константина Багрянороднаго (*de Ceremon. Anl. Byz.*), подъ годомъ 949-мъ, подъ г. 1050-мъ у Кедрина, подъ г. 1068 у Иоанна Скил. подъ г. 1071 у Никитора Вріенція, подъ г. 1078 у Иоан. Скил. и Кедрина, подъ г. 1081 и 1107—1118 у Анны Комниной.

λευφοροι); привязался къ извѣстію Киннама, подъ годомъ 1123-мъ, о сѣкироносцахъ изъ Французовъ - Бретонцевъ, (ἐθνὸς Βρεταννικόν, gens Bretannica), по созвучію сдѣлалъ изъ нихъ Англичанъ-Британцевъ (gens Britannica), а изъ Англіи, невѣдомо въ силу какой логики, пересадилъ въ Скандинавію и объявилъ Шведами, Норвежцами и Датчанами, хотя сами Скандинавы строго отличали себя отъ Веринговъ (¹⁸). Но такъ какъ въ Исландскихъ сагахъ (сказкахъ) говорится о многихъ (небывалыхъ) похожденияхъ Скандинавскихъ витязей въ Россіи и Греціи, а критика у Байера была очень слаба; то, принявъ сказки за чистую монету, онъ объявилъ собирателя сагъ (сказокъ), Скорро Стурлезона, изъ всѣхъ писателей *наиболѣе достойнымъ вѣроятія* (¹⁹), и хотя ни въ Скандинавскихъ лѣто-

(¹⁸) Эверсъ давно уже показалъ, что въ Скандинавскихъ сагахъ *Веринги* отличаются отъ Норманновъ-Скандинавовъ. (Предварительныя критическія изслѣдованія Эверса, пер. М. П. Погодина, ч. I, стр. 29).

(¹⁹) Quo viro in omni memoria gravior integriorque auctor, meo quidem sensu et judicio, non existit, писалъ Байеръ (Th. Sig. Bayeri opuscula, Halae, 1770; разсужденіе De Varagis, стр. 358). — Скорро Стурлезонъ родился въ Исландіи 1178 года, а умеръ около 1241 года. Уже Лейбницъ старался поколебать безсмысленный авторитетъ, которымъ пользовались саги между Нѣмецкими историками; еще сильнѣе напали на саги: Шлѣцеръ (Probe russ. Annal. 1768; Allg. Nord. Gesch. 1771; Isländ. Litteratur, 1783), авторъ разсужденія о Сѣверной Исторіи, Словесности и Мифологіи, помѣщеннаго у Бекера въ 1797 году (Erholungen, кн. II, стр. 86—124) и Деліусъ въ изслѣдованіи, напечатанномъ въ 1801 году (Allg. Litter. Anz. N 124—127). Эти разсужденія, — какъ писалъ объ нихъ Шлѣцеръ, — способны «укротить безпорядокъ и навсегда выкинуть сіи бредни (саги) изъ числа историческихъ источниковъ» (Несторъ, I, стр. 427). Будучи знатокомъ исторіи, Шлѣцеръ вообще отличался здравомысліемъ, когда не увлекался пристрастіемъ къ нѣкоторымъ любимымъ гипотезамъ; видя всю несообразность сагъ съ историческою дѣйствительностью, онъ справедливо называлъ ихъ *глупыми сказками*, а сочинителей или (пожалуй) собирателей Скандинавскихъ сагъ честилъ настоящимъ ихъ именемъ, *сказочниками*. «Безстыдство выдумщиковъ», пишетъ Шлѣцеръ (Нест. I, 54-55), «заставляло молчать критику: они все рассказываютъ такъ подробно, называютъ людей и мѣста по именамъ (только берегутся говорить о времени), почему позднѣйшіе ихъ читатели и подумали, что тутъ надобно быть *чему нибудь* вѣрному, хотя въ побочныхъ обстоятельствахъ и встрѣчали *несообразимыя глупости*. Не подумайте однакожь, чтобы сіи сказочники хотѣли обманывать съ намѣреніемъ: все презрѣніе падаетъ только на тѣхъ, *кто имъ вѣритъ*. Если бы на первой Лейпцигской ярмаркѣ,» заключаетъ Шлѣцеръ, «вышла повѣсть о Хлодовикѣ съ разными анекдотами, и хотя безъ показанія историческихъ источниковъ, но съ болѣе шимъ наблюденіемъ правдоподобія, нежели въ Гаральдовой и прочихъ сказ-

писяхъ ни даже въ Скандинавскихъ сказкахъ не говорится объ основаніи Шведами Русскаго государства, однакожь Байеръ думалъ, что такіе храбрецы, какъ Снорровы (сказочные) герои, не могли не быть Русскими государями, и слѣдственно Варяго-Русскіе князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были Скандинавы, Шведы.

Проникнутый Нѣмецкимъ патріотизмомъ, Байеръ истощилъ все свои силы для того, чтобъ онѣмечить древнюю Русь, какъ нашу, такъ и Варяжскую — доказавъ, будто Варяги были не Славяне, а Скандинавскіе и Датскіе дворянчики, ex Scandinavia Danique homines nobiles, хотя самъ сознался, что *имя Варяговъ было даже вовсе неизвестно въ Скандинавіи, inauditum apud hos piratas nomine Varagorum*. Не смотря на такое важное сознаніе, Байеръ всё-таки провозглашалъ Варяговъ Шведами и Датчанами, подыскивалъ созвучія и всю систему свою основывалъ на шаткомъ — *если*: «если Варяги изъ Скандинавіи, si Varagi ex Scandinavia, то»... писалъ Байеръ, забывая непрочность своего основанія, ибо что можетъ быть ломче звуковъ, подвергнутыхъ этимологической пытке? строя же на пескѣ, полагая въ основаніе не *фактъ*, а лишь *сходство звуковъ*, иногда *очень мало* сходныхъ, по необходимости слѣдовало прибѣгнуть къ усиленнымъ средствамъ, къ инквизиціи филологической. Послѣдователь Байера, Шлѣцеръ, самъ будучи великимъ инквизиторомъ такъ описалъ подобныя операціи: «если какое-либо слово не имѣетъ замѣтной съ другимъ созвучности, то его поднимаютъ на этилогическую дыбу, и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука какого хочется жестокому словопроизводителю» (Нест. II, 114). Подвергнувъ такимъ истязаніямъ имена древнихъ нашихъ князей, Байеръ нашелъ, что они *очень похожи* на Скандинавскія, и слѣдственно Русскіе были не Русскіе (Славяне), а Скандинавы.

кахъ; то нашелся ли бы въ наше время кто-нибудь, который бы принять эту повѣсть не за рыцарскій романъ?» — Карамзинъ утверждалъ, что «въ сагахъ, какъ и во всѣхъ народныхъ сказкахъ есть конечно истинныя древнія преданія; только онѣ сочинены уже гораздо послѣ десятого вѣка — и кто отличить въ нихъ ложь отъ истины?» (Истор. Гос. Рос. I, пр. 78) — Академикъ Руссовъ также называлъ саги «простыми народными сказками, въ которыхъ историческія лица перемѣшано безъ малѣйшаго соображенія, а число ошибокъ и противорѣчій изумляетъ читателя» (О древностяхъ Россіи новые толки и разборъ ихъ).

Но софизмы, направленные къ одной цѣли — уничтожить нашу народность, возбудили «неудовольствіе» Русскихъ, пишетъ Шлёцеръ, и потому, когда Миллеръ (оказавшій потѣмъ великія заслуги собраніемъ матеріаловъ и Сибирскою Исторіею) сочинилъ въ Байеровомъ духѣ рѣчь о началѣ народа и имени Русскаго, то ее запретили: члены Академіи въ это время были уже не тѣ, что при Байерѣ; да и кланяться иноземцамъ, послѣ паденія Бирона, уже не было никому нужды. Притомъ, между академиками засѣдалъ патріотъ-Ломоносовъ. Времена измѣнились: въ эпоху чужеземнаго деспотизма (1730-1740), пущена гипотеза о Скандинавскомъ произхожденіи Руси (1735), и хотя (пишетъ А. О. Вельтманъ) «положить въ основаніе—неосновательное, было противно истинѣ», однакожь «Русскіе въ то время могли только чувствовать всю ложь этого мнѣнія и опровергать его однимъ ропотомъ на предосудительность его для Россіи»; подъ правленіемъ же славной дочери Петра Великаго, патріоты смѣло возстали на защиту правды, и къ нимъ пристали даже всѣ иноземные члены Академіи: одни изъ иностранныхъ профессоровъ «совсѣмъ разсуждать о томъ, за незнаніемъ ихъ *Россійскаго языка* и за невѣденіемъ подлинно *Россійской Исторіи*, отказались»; другіе же благоразумно предоставили судъ *природнымъ Россіянамъ*; третьи предлагали «нѣкоторыя мѣста въ той диссертациіи выпустить, а напротивъ того, касающіеся до важности въ семь дѣлѣ пункты обстоятельнѣе описать» (20). Къ этимъ лицамъ присоединился «краснаго слова борзый писецъ», Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, и хотя послѣ его смерти найдена между его бумагами *пародія* на Байеровы и Миллеровы словопроизводства, однакожь явно возстать—у Тредьяковского не хватило духа, и онъ подалъ мнѣніе, что «она диссертациія *естъ вѣроятная* и возможно ей быть напечатанной; токмо же есть, что надлежитъ въ ней перемѣнить и исправить» (21), между тѣмъ какъ въ бумагахъ своихъ откровенно говоритъ, что рѣчь Миллерова «освидѣтельствованная *встѣми* членами Академическими, нашла, что какъ *исполнена неправости въ разумѣ*, такъ и ни къ чему годности въ слогѣ» (22). Не таковъ былъ

(20) Очерки Россіи, кн. II, стр. 41 и 42.

(21) Тамъ же.

(22) Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, написанныя Тредьяковскимъ 1758 года, напечатаны черезъ три года

Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другимъ профессоромъ Крашенинниковымъ и адъюнктомъ Поповымъ; они прямо объявили рѣчь Миллера «предосудительною для Россіи» ⁽²³⁾, въ слѣдствіе чего и послѣдовалъ указъ 24-го Сентября 1750 года, за № 1387. Въ немъ сказано: «ни одинъ профессоръ такъ не опробовали, чтобъ какъ та диссертація сочинена, такъ бы ее и напечатать; а Россійскихъ профессоровъ двое и одинъ адъюнктъ (кромѣ профессора Тредьяковскаго) *совѣстьмъ ее предосудительною для Россіи* нашли, и совершенно доказали, какъ то и присутствующіе канцеляріи Академіи Наукъ члены за *справедливое* почитаютъ, *больше полагаются въ такомъ дѣлѣ на Россійскихъ ученыхъ людей, нежели на иностранныхъ*; профессоръ же Тредьяковскій *одинъ* хотя ту диссертацію и за вѣроятную признаваетъ, только бѣ ее исправить; однакоже сего мнѣнія въ силу именнаго указу вѣчной славы достойной памяти Его Императорскаго Величества Государя Петра Великаго, состоявшагося въ 714 году Апрѣля 14-го числа, въ дѣйствіе не принимается, ибо въ ономъ Его Императорскаго Величества указѣ между прочимъ написано: «куда въ какомъ дѣлѣ болѣе голосовъ явится, такъ и вершить». Того ради, основываясь на объявленномъ Е. И. В. указѣ, и что оная диссертація *отъ троихъ Россійскихъ* не опробована, да и *отъ иностранныхъ ни отъ кого, и отъ профессора Тредьяковскаго* за прямо основательную не

по его смерти, въ 1773 году. Первое разсужденіе *О первенствѣ Словенскаго языка передъ Тевтоническимъ* есть пародія Байеровой диссертаціи de Scythiae situ, второе *О первоначалѣ Россовъ* и третье *О Варягахъ Руссахъ* составляютъ разборъ Байеровыхъ Origines Russicae и De Varagis. Тредьяковскій признаетъ, что Варягами въ обширномъ смыслѣ у Нестора называются почти всѣ западные народы; но собственные Варяго-Руссы были Славяне. Какъ ученикъ Роллена, Тредьяковскій не могъ не замѣтить натяжекъ, въ которыя вдавались Байеръ и его ученики, утверждавшіе, что Русскіе князья и бояре, хотя носили имена Славянскія: Святославъ, Ярополкъ, Владиміръ, Рогволодъ и проч., однакожъ *можетъ быть* всѣ эти имена были Скандинавскія: Свендъ-Олафъ, Ягд-полкъ, Вальдемаръ, Ренгвальдъ и проч. Передразнивая снлагоистику Скандинавомановъ, Тредьяковскій точно также пишетъ, что имя *Италія* хотя происходитъ отъ Греческаго *ιταλος*, однакожъ можетъ быть и отъ Славянскаго *Выдалія*, выдавшаяся въ море; сознается, что имя *Савроматы* есть сложное Греческое отъ *σαυρος* и *ομμα*, *ομματος*, однакожъ производитъ это слово отъ Славянскаго *Саблѣмѣтъ*, и проч. Жаль одного: пародія эта очень растянута и не вездѣ остроумна, а то могла бы произвести сильное впечатлѣніе.

(23) Очерки Россіи, кн. II, стр. 42.

признана,—опредѣлено: оную диссертацию *совсѣмъ уничтожить*; и что оная диссертация по мнѣнію гг. профессоровъ и по разсужденію канцеляріи Академіи Наукъ, такъ какъ она предосудительная Россіи, *въ свѣтъ не выдана* и совсѣмъ уничтожена, о томъ профессорскому собранію вѣдать» (24).

Миллеръ старался отмстить своимъ противникамъ другимъ способомъ: онъ сталъ — по выраженію Ломоносова—«въ ежемѣсячныхъ и другихъ своихъ сочиненіяхъ, всѣвать, по обычаю своему, занозливыя рѣчи», и «больше всего высматривать *пятна* на одеждѣ Россійскаго тѣла, проходя *многія истинныя* ея *украшенія*», — а между тѣмъ, въ разныхъ сочиненіяхъ, началъ «вмѣщать свою скаредную диссертацию о Россійскомъ народѣ, по частямъ», и «хвастать, что онъ ту диссертацию, за кою штрафованъ, напечатаетъ золотыми литерами». Ломоносовъ прямо, безъ околичностей, писалъ, что Миллеръ «хвалитъ превеликаго педанта Байера превеликія въ Комментаріяхъ и намъ прикрытыя ошибки для того, что помянутую заклѣтую диссертацию *все выкралъ* изъ Байера, и ту *ложь*, что за много лѣтъ напечатана въ Комментаріяхъ, хотѣлъ возобновить въ ученомъ свѣтѣ» (25). Но всего оскорбительнѣе казалось Миллеру то, что иностранные профессеры присоединились къ Русскимъ: вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, Поповымъ, Крашенниковымъ, и Струбе съ Фишеромъ на всякую страницу дѣлали возраженія (26); Миллеръ наконецъ согласился, что Варяги-Русь были то племя, которое названо у географа Равенскаго Роксоланами и, по свидѣтельству его, населяло южный берегъ Балтики, при впаденіи Вислы въ море. Такимъ образомъ мнѣніе обращеннаго Миллера сблизилось съ мыслями Ломоносова, признававшего Варяжскую Русь племенемъ Славянскимъ, обитавшимъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, хотя отчужденіемъ этой южно-Балтійской Руси отъ Балтійскихъ Славянъ и признаніемъ ея за какое-то племя Скандинавское—Миллеръ надѣялся сблизиться съ догматизмомъ Байеровой школы, «сдѣлавъ попятный шагъ отъ искомой истины», по выраженію М. А. Максимо-

(24) Очерки Россіи, II, стр. 42—43.

(25) Тамъ же, стр. 78 и 79.

(26) Исторія Государства Россійскаго (изд. 2), т. I, пр. 111. Карамзинъ, какъ увидимъ далѣе лично былъ одинаковыхъ мнѣній съ Ломоносовымъ.

веча (²⁷). Впрочемъ надобно замѣтить, что и Струбе, не соглашаясь съ Миллеромъ на выводъ Руссовъ изъ Швеціи, все таки въ главномъ положеніи оставался ученикомъ Байера, и въ книгѣ *Dissertation sur les anciens Russes* выказалъ дѣтство своей исторической логики: онъ отвелъ квартиру Руссамъ (которыхъ все же признаетъ Скандинавами) въ Лапоніи, между Чухнами, по обоимъ берегамъ Ботническаго залива, и рассказываетъ о событіяхъ во время *Р. Х.*, основываясь на Шведской хроникѣ въ стихахъ, сочиненной въ *XIV* вѣкѣ! Карамзинъ, — весьма основательно замѣтивъ кривое толкованіе Страбоновой географіи въ *Dissertation* у Струбе, — въ недоумѣніи спрашиваетъ: «можно ли Академику объяснять такимъ образомъ Страбона?» и въ заключеніе говоритъ, что земля эта «принадлежитъ къ баснословію Исландскому: тамъ обитали не Вряги-Русь, а злые духи, оборотни, чудовища» (²⁸). Струбе, для легчайшаго онѣмѣченія Руси, превратилъ даже *Перуна* въ Скандинавскаго *Тора*: «Перунъ-Ферунъ-Терунъ-Терь-Торъ!» Не дѣтскія ль игрушки созвучіями? . . . Но между тѣмъ, забавляясь ловлєю созвучій, Струбе своимъ разсужденіемъ о произхожденіи Варяго-Руссовъ изъ Ботники утвердилъ особую школу, Скандинаво-Финскую или Чудскую (Чухонскую), основанную Татищевымъ, распространенную потомъ Болтинымъ (въ критическихъ замѣчаніяхъ на сочиненія Леклерка и Щербатова) и П. Г. Бутковымъ, который признаетъ, кромѣ Скандинавовъ Готорюсовъ изъ Финляндіи, еще Русь чисто-Финскую въ древнихъ Роксоланахъ и по-Волжской Чуди (Чувашихъ, Мордвъ, Черемисахъ), а для отличія называетъ ее Русью Пургасовою (²⁹). — Такимъ образомъ эта школа, системою П. Г. Буткова, достигла высшаго предѣла своего развитія: признавъ Русь въ древнихъ южныхъ Роксоланахъ, она сблизилась съ исконнымъ у насъ мнѣніемъ о старобытности Руси въ предѣлахъ нашего отечества, хотя и прикрывала Варяжскую Русь Скандинаво-Финскимъ началомъ, а южную нашу Днѣпровскую Русь (Рох-алап'овъ) и восточную или Болгарскую Русь по Волгѣ объявила чистыми Финнами или Чухонцами. Проницательный умъ Императрицы Екатерины II-ой тотчасъ обнаружилъ въ этихъ мнѣніяхъ

(²⁷) Откуда идетъ Русская земля? сочиненіе М. Максимовича (1837) стр. 113.

(²⁸) Ист. Гос. Росс. т. I, прим. 113.

(²⁹) Статья о Руси и Рюсаланді въ сынѣ Отечества, 1836, № 1.

недостатокъ соображеній Исторической Логикѣ и естественности, неизбѣжно ею требуемой. Въ замѣчаніяхъ на Россійскую Исторію Стриттера, геніальная Екатерина между прочимъ пишетъ: «*соблазнительно* покажется всей Россіи, аще примите толкованіе Стриттера о произхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ. Самое *отвращеніе* и *соблазнъ* не малое доказательство, что *произхожденія разныя*. Сравните Россійскаго крестьянина съ Финскимъ: похожи-ль другъ на друга? похожъ ли языкъ?» (30).

Такъ-какъ Байеръ сознался, что—имя Варяговъ было не извѣстно въ Швеціи; а Шведъ Тунманъ, хотя и вѣрилъ, будто бы «Скандинавы основали Русскую державу», сознался однакожъ что *Шведы никогда не называли себя Руссами* (31), то система онѣмеченія древней Руси должна бы навсегда исчезнуть. Шлёцеру хотѣлось поддержать ее, и онъ указалъ на *Шведскій Рослагенъ*, увѣряя, будто бы Варяги-Русь вышли отсюда. Но, къ крайнему сожалѣнію поклонниковъ Байера и Шлёцера, имя Rods-lagen становится исторически извѣстнымъ только въ XIII вѣкѣ, слишкомъ черезъ 400 лѣтъ послѣ Рюрика. По мнѣнію ученаго изъяснителя Кормчей Книги, покойнаго Барона Розенкампа, имя god's-lagen, «нисколько не доказываетъ на произхожденія ни отечества Руссовъ», по-русски оно значитъ: корабельный станъ, рейда; собственное-жъ имя той страны есть *Упландія* (32). Еслибъ Рюрикъ пришелъ къ намъ изъ этого *Упландскаго* корабельнаго стана (godslagen'a), то и наша земля конечно должна бы отъ него получить имя Упландіи, а не Россіи. Притомъ, же въ словѣ god'slagen буква s не принадлежитъ къ корню Rod, но есть собственно знакъ родительнаго падежа; слѣдовательно, этотъ Упландскій *корабельный станъ* (god's-lagen) никакъ бы не могъ дать нашему отечеству того имени (Русь, Россія), котораго самъ не имѣлъ. Если же признать, что названіе Roslagen дѣйствительно есть имя собственное, то, принявъ въ соображеніе появленіе этого имени *послѣ разбоевъ* въ Швеціи, произведенныхъ тамъ *нашими Славяно-Русскими* удальцами, *Новгородцами*, до основанія раззорившими 1187 года Сигтуну въ Упландѣ, должно бу-

(30) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1835, № 1; тамъ приложены и снимки съ собственноручныхъ замѣчаній Императрицы Екатерины Великой.

(31) Тунмана Untersuch. — Шлёцера Несторъ, ч. I, стр. 325 и 327.

(32) Труды Общества Исторіи. и Древн. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 145—162.

детъ согласиться съ мнѣніемъ Ф. Н. Святнаго, утверждающаго, что названіе *Русь* осталось въ Скандинавіи и Финляндіи памятникомъ прогулокъ нашихъ Новгородцевъ, Русскихъ-Славянъ, которымъ нѣкогда подвластна была и Финляндія, а отнюдь не мечтательныхъ Скаддинавскихъ и Финскихъ Рюссовъ, которыхъ тамъ Исторія не знаетъ⁽³³⁾, да и допустить никакъ не можетъ, имѣя передъ собою важное признаніе Скаддинавскаго ученаго, Тунмана, что *Шведы* (Свеи) *никогда не называли себя Руссами*. Такимъ образомъ невольно приходитъ на мысль обстоятельство, на которое давно уже обращали вниманіе Ломоносовъ и Юрьевскій (Дерптскій) профессоръ Эверсъ, а именно: совершенное молчаніе Скаддинавовъ о Рюрикѣ и основаніи имъ Русскаго государства, между тѣмъ какъ они не упускали случая похвастать даже самыми ничтожными подвигами, иногда и *небывальными*, на примѣръ, будто бы и въ христіанскую-то вѣру обратилъ нашего Владиміра ихъ же Скаддинавскій храбрецъ Олофъ, при помощи (никогда не существовавшей) супруги Владиміровой, Арлогии и Греческаго философа Павла⁽³⁴⁾. Но, рассказывая были и небывлицы о Руси и своихъ похожденияхъ при дворахъ Русскихъ государей, хвастливые сагисты нигдѣ не упоминаютъ, чтобы эти Русскіе государи были потомки Скаддинавовъ, что Рюрикъ былъ конунгъ Скаддинавскій и призванъ изъ Скандинавіи; вникните въ это, и невольно скажете съ Ломоносовымъ: «Нордманскіе писатели конечно бы сего знатнаго случая не пропустили въ Исторіяхъ, для чести своего народа, у которыхъ оный вѣкъ, когда Рюрикъ призванъ, съ довольными обстоятельствами описанъ»⁽³⁵⁾. Почему же Скаддинавы представляютъ вездѣ Русь чуждымъ для себя государствомъ? почему, хвастая о своихъ войнахъ и союзахъ съ Русскими государями, нигдѣ и намека не даютъ, что родоначальникъ Русскаго владѣтельнаго Дома призванъ былъ нами изъ Скандинавіи? Да по той простой причинѣ, что и подобнаго даже слуха нигдѣ не было; а не было слуха потому, что призваніе Скаддинавскихъ князей въ нашу землю совершилось не въ дѣйствительности,

(33) Историко-критическія изслѣдованія Ф. Н. Святнаго гл. II, § 20, 21.

(34) См. у меня далѣе, примѣч. 39, подъ стр. XXIII—XXVII.

(35) Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины Великаго Князя Ярослава перваго, или до 1054 года, сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ (стр. 55 — 56.) — Книга эта напечатана Академіею уже по смерти автора.

а только въ головѣ Байера — выдуманно имъ, и принято на вѣру его слѣпыми поклонниками, не захотѣвшими эту фантазію подвергнуть суду здраваго разсудка. Словомъ, что Ломоносовъ и Эверсъ безусловно правы, пришедши къ рѣшительному убѣжденію, что Скандинавы *знатъ не знали и вѣдать не вѣдали ни о Рюрикѣ, ни объ его пришествіи въ нашу землю.*

Ничтожность прочихъ доводовъ очень ясно обнаружена Эверсомъ и Барономъ Розенкампомъ. Ложность другихъ софизмовъ Байеро-Шлецеровыхъ выказывалась уже сама собою, какъ скоро узнали несправедливость основанія. Каждый здравомыслящій человекъ могъ уже выводить вѣрныя слѣдствія, когда историческая логика представляла ему данныя; только закоренѣлое упорство можетъ внушать такой силлогизмъ:

А. Имя Варяговъ было неизвѣстно въ Швеціи,

В. Шведы никогда не называли себя Руссами,

С. Въ Швеціи никогда не было ни области Варяжской, ни области Русской,

Д. Скандинавы *знатъ не знаютъ* ни Рюрика ни его Руссовъ, пришедшихъ въ Новгородъ;

Слѣдственно: Рюрикъ и его Русь были Скандинавы, ихъ область находилась въ Скандинавіи, и оттуда вышли они въ Новгородъ!!! А именно-эту нелѣпость и провозглашаютъ Шлѣцеріане, стараясь всевозможными схоластическими увѣртками затемнить главныя истины, изъ которыхъ должно бы произойти заключеніе, совершенно противное ихъ мнѣнію.

Если основаніе ученія ложно, то ясно, что и всѣ второстепенныя доказательства не могутъ служить надежною опорою системъ Байеро-Шлѣцеровой. Защитники ея надѣются однакожъ оправдать свою гипотезу слѣдующими доводами:

І, «Несторъ называетъ Варягами *Свеевъ* (Шведовъ), *Урманъ* (Норвежцевъ), *Англянъ* (Англовъ), *Готовъ* и *Русь*; и слѣдственно Русью назывались единоплеменники Шведовъ, *какіе нибудь* Скандинавы (по мнѣнію Погодина), Свси (по мнѣнію Круга), Ботнійцы или Финскіе Скандинавы (по мнѣнію Буткова), Ютландцы либо Норвежцы (по мнѣнію Крузе).» Несторъ употребляетъ имя Варяговъ въ обширномъ смыслѣ, распространяя почти на всю западную Европу; но если онъ же самъ говоритъ, что Новгородцы пошли не къ Свеемъ, не къ Урманамъ, не къ Англянамъ, не къ

Готамъ, а въ Русь, то ясно, что онъ *отдѣляетъ* ее отъ всѣхъ прочихъ народовъ Запада. Это неровержено свидѣтельствуется еще и тѣмъ, что у Нестора подъ именемъ земли Варяжской—въ *собственнои* смыслѣ прямо указывается страна *на западъ отъ Пруссавъ*, т. е. Поморье, населенное Велето-Сербскими племенами, которыя въ самомъ дѣлѣ (какъ свидѣтельствуется и Несторъ) простирались до земли *Англандской* (Англо - Саксонской въ Шлезвигѣ), а на югъ до земли *Волошской* (Волоховъ Чехо-Моравскихъ), и въ этнографическомъ смыслѣ, какъ Славяне, были совершенно отдѣльны отъ Свевовъ, Урманъ, Англанъ и Готландцевъ.

II. «Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Рюрикъ пришелъ изъ *Нѣмцевъ*, слѣд. Варяго-Руссы были Нѣмцы.» Такъ, но имя *Нѣмцевъ* не всегда означало племена Тевтонскія: оно распространялось на всѣ народы, которые *не умѣли* чисто говорить по-Русски, за исключеніемъ однихъ Грековъ; такъ, что даже Цыганы причислялись къ Нѣмцамъ: «Цыгане есть люди въ Польши, а пойдоша отъ *Нѣмцевъ*»⁽⁵⁶⁾, писали наши старики, увѣряя, что есть «Нѣмцы Скотскіе» (Шотландцы), «Нѣмцы отъ Испаніи, «Нѣмцы Римскіе»; вотъ почему нашъ простой народъ и донынѣ еще называетъ Нѣмцами не только Французовъ, Итальянцевъ, но даже Германскихъ Славянъ: Варяги, бывшіе, (по свидѣтельству Арабовъ) «Славянами изъ Славянъ», *не умѣли* чисто говорить по-нашему, слѣдственно и были *Нѣмцы* въ этомъ смыслѣ, хотя черезъ это и не дѣлались Тевтонами, Тейтшерами.

III. «Литовскія племена называютъ Русскихъ *Guddus Gudds*, а это имя напоминаетъ Шведскую область Готландію»: у Литовцевъ Прусскихъ это имя означаетъ однакожь не Шведовъ, но *Поляковъ*—племя *Славянское*, а у Латышей означаетъ Бѣлоруссовъ, Украинцевъ или Малоруссовъ, и даже Прусскихъ Надравцевъ и Славоновъ, потому что всѣ эти племена были покорны *Полякамъ*. Какимъ же образомъ, имя присвояемое *Славянскому* Польскому племени, *Guddus, Gudds*, можетъ служить доказательствомъ не-Славянскаго (Скандинавскаго) происхожденія Руссовъ?⁽⁵⁷⁾

IV. «Балтійскіе Финны зовутъ Шведовъ, безъ сомнѣнія по Рослагену, *Ruotsi*, и это имя, конечно, было передано Финнами (Чухонцами) Славянамъ, среди которыхъ поселились

⁽⁵⁶⁾ Описаніе рукописи. Руманцовскаго Музея, А. Х. Востокова—Алфавитъ XVII вѣка; Историко-критическія изслѣдованія о Варяжской Руси, Ф. Н. Святнаго въ гл. I-й § 5, въ гл. V-й § 9.

⁽⁵⁷⁾ Тамъ же, въ гл. III-й § 27—33.

Шведы; Славяне же передѣляли Ruotsi въ Русь, и называли этимъ именемъ своихъ повелителей». Точно, Финны зовутъ Шведовъ Руохтами (Ruohiti), Руохтелайнами (Ruhtelainen), Рочами, Рочелайнами, иногда Ruotsi, Ruotselainen; насъ же Русскихъ Славянъ, называютъ Ryssä, слѣдственно двумя совершенно различными именами. Имена ruotsin, Ruotsi, Ruotselainen происходят отъ корня ruo, ru, и значать «угрюмый, сердитый»; согласная s принадлежитъ въ этомъ словѣ образовательнымъ окончаніямъ (sin, si), а не корню, между тѣмъ какъ въ имени Русь, Ρωσ, Rhos, Ryssä, буква s составляетъ существенную, стихійную принадлежность⁽³⁸⁾. Допустимъ однакожь (вопреки рациональной филологіи) тождество именъ: Русь (по-фински Ryssä) и Ruotsi; но, призванные у насъ господствовать, неужели эти Варяги захотѣли бъ свое настоящее имя Свей (если бъ они были въ самомъ дѣлѣ Шведы) перемѣнить на Чухонское прозвище Ruotsi? Призванные княжить и владѣть, Варяжскіе витязи могли бы силою заставить Новгородцевъ называть государей настоящимъ именемъ. Притомъ, зачѣмъ бы и Новгородцамъ передѣлывать Чухонское Ruotselainen въ Русь, когда у насъ издревле было извѣстно, очень хорошо, настоящее имя Шведскаго народа, Свей? И такъ, еслибъ въ самомъ дѣлѣ Рюриковы Варяги были Свей, то они должны бы основать Свейское государство, а не Русское.

V. «У Исландца Снорро въ одной сагѣ Россія названа Великою Швеціею или Свеоніею; слѣдственно, древніе Руссы были Свей, Шведы». А что такое саги? богатырскія сказки, въ которыхъ объ истинѣ и не заботились. Шлѣцеръ давно уже совѣтовалъ «выкинуть эти бредни изъ числа историческихъ источниковъ»: мало ли что сказкахъ говорится—такъ всему и вѣрить? ⁽³⁹⁾ Сказочнику законъ не

⁽³⁸⁾ Святнаго о Варяжской Руси гл. II, § 14-18.

⁽³⁹⁾ У насъ къ числу замѣчательнѣйшихъ противниковъ сагъ принадлежали: членъ бывшей Россійской Академіи, покойный С. В. Руссовъ, и мой университетскій товарищъ, С. М. Строевъ, такъ рано похищенный смертію у нашей Исторіи. Отличаясь необыкновенно сильною логикою, Строевъ (подъ именемъ Сергія Скромненки) справедливо указалъ на ощутительный недостатокъ здравомыслія въ защитникахъ сагъ, и весьма основательно утверждалъ: «здравый смыслъ показываетъ, а ученые труды извѣстнѣйшихъ критиковъ еще болѣе подтверждаютъ, что Исландскія Саги нѣсколько не могутъ быть достоверными источниками Исторіи, а замѣчательны только какъ произведенія словесности обитателей отдаленнаго острова» (Критическій взглядъ на Скандинавскія Саги, М. 1833, стр. 33). Въ небольшой книжкѣ этой, Строевъ очевидно

писанъ: ври что въ голову придетъ — на то онъ и сказочникъ! Вотъ отчего въ Скандинавскихъ сагахъ все такъ переиудано, время, лица обстоятельства, почему благоразумный писатель тотчасъ сознается въ справедливости Шлёцерава приговора. Въ одной Скандинавской сказочкѣ Россія называется великою Швеціей—такъ чтожь? это *сказка*! Можно ли доказывать что нибудь нашею

выказалъ всю недостоверность Эймундовой саги, всю несообразность ея съ летописью Нестора и всю неосновательность мнѣній защитниковъ сагъ; къ сожалѣнію, статья о Скандинавскихъ сагахъ, написанная О. И. Сенковскимъ (1834) въ «Библіотекѣ для Чтенія» со всею роскошью блистательнаго слога, увлекла многихъ, не хотѣвшихъ принять на себя труда обсудить все дѣло *безпристрастно и хладнокровно*. Къ числу защитниковъ сагъ присоединился даже и ученый Бутковъ; но какъ мало удалась попытка согласить Саги съ Хронологіей и съ Несторовой летописью, и какъ основателенъ отзывъ Шлёцера, Н. М. Карамзина, С. М. Строева и С. В. Руссова, о степени историческаго достоинства сагъ, всего яснѣе изъ трактата объ Алдегайборгѣ (Сын. Отеч. 1836, Май), основаннаго П. Г. Бутковымъ на сказаніяхъ Снорра и Торфеля: I. почтенный авторъ увѣряетъ будтобы «Олофъ, сынъ Тригга, спасшись отъ участи отца, въ 956 году его постигшей, провелъ *три года* при дворѣ *Владимира* и годъ начальствовалъ надъ пограничнымъ Владиміровымъ войскомъ, послѣ чего отправился по Балтійскому морю къ Буриславу, князю Вендскому, и женился на его дочери, въ 995 году сѣлъ на престолъ Норвежскій» (стр. 246). Владиміръ Святославичъ посланъ отцемъ княжить въ Новгородъ 969-го или 970 года; могъ ли же Олофъ провести въ Новгородѣ три года (956—959) при дворѣ Владиміровомъ, котораго тамъ *еще и не было*? могъ ли Олофъ 960 года начальствовать надъ пограничнымъ войскомъ Владиміра, который *еще самъ не имѣлъ* тогда ни войска ни княжества? Князь Поморскій (Вендскій) Буриславъ жилъ въ половинѣ X вѣка и въ 955 году воевалъ съ Оттономъ противъ Венгровъ; но допустимъ, что онъ дожилъ до конца X-го вѣка; саги увѣряютъ, что у Бурислава были три дочери: Гейра, Генгильда и Астрида; первая будто бы вышла за-мужъ за Олофа, а другія двѣ остались въ *двухушкахъ*; а между тѣмъ саги же называютъ Шведскаго короля Олофа Эриксона *мужемъ* Астриды, Славянки Ободритской, той самой княжны Поморской (Вендской). Допустимъ однакожь тутъ ошибку въ именахъ (Олофъ); посмотримъ *когда* же это могло быть? Согласимся на время, что Варяги были Скандинавы; но къ Владиміру Варяги не приходили; напротивъ онъ *самъ* удалялся на два года въ землю Варяжскую (978, 979), привелъ оттуда войско, увеличенное Новгородцами, началъ войну съ братомъ своимъ Ярополкомъ (980), умертвилъ удѣльнаго *Полоцкаго* князя *Рогволода*, наконецъ убилъ брата, овладѣлъ Кіевомъ и отпустилъ Варяговъ въ Грецію, удержавъ при себѣ немногихъ. Это было въ томъ же 980 году. Карамзинъ, не занявшись хронологическою повѣркою, относилъ это къ послѣднимъ годамъ княжескія Владимірова (997—1014) и

сказкою (сагою) о Бовѣ королевичѣ, или объ Ерусланѣ Лазаревичѣ? Такъ точно и тутъ! Замѣтимъ здѣсь, что даже и защитникъ сагъ, П. Г. Бутковъ, уже не вѣритъ существованію этой Великой Свеоніи, какъ отчизны Одиновой, въ южной Россіи, подъ именемъ (будто бы) Дарданіи: «смѣемъ сказать,» — пишетъ ученый авторъ «Обороны» (стр. 364), — «что эта Великая Свеонія существовала только въ

писалъ: «въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владиміръ *могъ* имѣть ту войну съ Норвежскимъ Принцемъ Эрикомъ», у котораго отнялъ корону Олофъ *«можетъ быть, съ помощію Россіи»* (Истр. Гос. Росс. т. I, стр. 228 — 229). Допустимъ, что Олофъ Тригвасонъ жилъ при дворѣ Владиміра три года въ *это время* (997 — 1014), хотя по мнѣнію П. Г. Буткова Олофъ Тригвасонъ уже въ 995 году сѣлъ на престолъ Норвежскій. Но вѣдь намъ извѣстно, что Владиміръ въ 988-мъ году принялъ въ Корсунѣ Христіанскую вѣру и женился на *Аннѣ*, сестрѣ Греческихъ Императоровъ; а между тѣмъ Снорро увѣряетъ, что у Владиміра, по ходатайству его (небывалой) супруги *Арлогіи*, нашли себѣ убѣжище: Астрида и *сынъ ея* Олофъ; выѣхавъ же изъ Россіи, «Олофъ принялъ Христіанскую вѣру, былъ вторично у Владиміра, вздѣлъ отъ него въ Грецію и привезъ къ нему оттуда ученаго мужа, именемъ *Павла*, который съ помощію великой княгини *Арлогіи*, уговорилъ Владиміра и его подданныхъ креститься». Сказка, противорѣчащая *всѣмъ* достовѣрнымъ извѣстіямъ; ибо крещеніе Владиміра и бракъ его съ Анною описанъ не однимъ нашимъ лѣтописцемъ, Преподобнымъ Несторомъ, но и чужеземными историками: Византійскими, Арабскими и Нѣмецкими (Memor. popul. II, 25; Эрбелот. Bibl. Orient. III, 157; Эль-Макина Historia Saracenica, стр. 251; Dithmari episcopi Merseburgensis chronicon, кн. 7: Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, не могъ ошибиться въ имени и назвать Анну Еленою — явная эта ошибка принадлежитъ издателямъ или переписчикамъ).

II. Въ надеждѣ согласить саги съ Хронологіею, П. Г. Бутковъ ссылается на Лаврентьевскій списокъ Нестора; но въ указанномъ мѣстѣ, Несторъ говоритъ не объ Олофѣ, котораго даже и по имени не знаетъ, но о Варягахъ призванныхъ *Ярославомъ* противу отца въ 1014 году: если принять, что этими-то Варягами начальствовала Олофъ Тригвасонъ, то выйдетъ, что онъ женился на Астридѣ, *не ранѣе 1015 года*: какимъ же чудомъ у Астриды успѣла въ *четыре* года родиться, вырасть и созрѣть для замужества дочь, Ингигерда, выданная за-мужъ за Ярослава въ 1019 году, какъ увѣряетъ П. Г. Бутковъ (Сын. Отеч. 1836 Май, стр. 247), и бывшая тогда уже взрослою, если вѣрить Эймуидовой сагѣ? П. Г. Бутковъ, на основаніи Торфя и Снорра, пишетъ, что «Ярославъ, при женитьбѣ своей въ 1019 году на Ингигердѣ, дочери Шведскаго короля Олофа Эриксона отъ Астриды, Славянки Ободритской, по древнему Скандинавскому обыкновенію и брачному договору, далъ ей въ пожизненное владѣніе Ингрию», т. е. Ижорскую землю, и что «Ингигерда ввѣрила управленіе той страною *Рогвальду*, съ нею прибывшему.» Слѣдственно,

баснословіи Скандинавскомъ; въ натурѣ ее у насъ не было: ни одинъ древній историкъ, ни одинъ географъ ее не вѣдаетъ; да и Дарданіи никто тамъ не знаетъ, а была у Кубани, при восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, Дандарія или Гандарія, извѣстная Страбону, Помпонію Мелѣ, Плинію, Плутарху, Тациту и Стефану Византійскому.»

мужемъ княжны Астриды былъ не Король Норвежскій Олофъ Тригвасонъ, какъ увѣрили насъ давеча, но уже Король Шведскій Олофъ Эриксонъ? Забудемъ однакожь эту несообразность, забудемъ *лѣта* Ингигерды и посмотримъ на распоряженія трехъ-лѣтней дѣвочки-супруги: единственный Рогволодъ, извѣстный у насъ въ Исторіи X—XI вѣка, и уже убитый Владиміромъ въ 980 году, является при дворѣ Ингигерды въ 1019-мъ году и получаетъ для управленія (съ того свѣта) Алдегайбургъ, Олофъ же царство Болгарское (*ut regnum acciperet gubernandum, quod Vulgaria dicitur*), слѣдственно Ярославъ и Ингигерда дали Олофу то, чего и сами не имѣли, ибо не смотря на увѣренія сагъ, будтобы *Vulgaria Gardagikiae est pars*, мы знаемъ достоверно, что Болгарія по Волгѣ никогда Ярославу не принадлежала, а Болгарія Дунайская и подавно.

III. Взглянемъ теперь на потомство Астриды. Если она сама вышла за-мужъ не ранѣе 1015 года и родила Ингигерду въ слѣдующемъ же году (1016), то ясно, что Ингигердъ во время замужества (1019) было только *три годика*; допустимъ на время, что ее *отдали за-мужъ* въ такія лѣта, когда она уже не ползала, а ходила, — посмотримъ далѣе: разумѣется, она получила способность рожать не прежде какъ на 16-мъ или 15-году возраста; слѣдственно Ингигерда могла родить Елизавету Ярославну въ 1032 или въ 1031 году. И такъ въ 1034 году Елизавета Ярославна была еще двухъ или трехъ лѣтъ; но сагамъ (сказкамъ) что за дѣло до лѣтъ? и вотъ сага заставляетъ Гаральда Храбраго пылать любовью къ *двухъ-лѣтней* «Русской красавицѣ», предлагать ей руку и сердце, и жаловаться что «дѣла земли Гольмгардской *презираетъ* его». Такъ какъ жестокая красавица не склонялась на любовь нѣжнаго рыцаря, то онъ рѣшается ѣхать въ Сицилію и Грецію, чтобы славными подвигами заслужить любовь горделивой Русской княжны. Принявъ такое намѣреніе, Гаральдъ «въ 1034 году отправился изъ Альдегайбурга моремъ Балтійскимъ въ Константинополь, и прожилъ тамъ 10 лѣтъ», пишетъ П. Г. Бутковъ, утверждая на основаніи Далина, Снорра и Торфеля, будто «Гаральдъ въ 1045 году женился на дочери Ярослава, Елизаветѣ, сѣлъ на великолѣпный корабль и уплылъ съ супругою въ Скандинавію» (Сын. Отеч. 1836 Май, стр. 250). Но чтобы видѣть въ настоящемъ свѣтѣ степень вѣроятія, котораго заслуживаетъ сага, надо ужъ вполнѣ читать весь рассказъ Снорра (ч. IX, гл. 1—17): когда Гаральда запрятали въ Царьградскую тюрьму, онъ вырвался оттуда, въ ту же ночь отправился въ свои казармы, призвалъ Скандинавскихъ храбрецовъ и осадилъ дворецъ Константина Мономаха (*palatium imperatoris Constantini Monomachi*), выломалъ у него спальню и выкололъ Императору глаза (*eum, effracto cubiculo, captum oculis privavit aut excaecavit*). Хотя Исторія и знаетъ

VI. «Люйтбрандъ, епископъ Кремонскій, находившійся въ Царьградъ при нашествіи Игоря, пишетъ, что *Руссовъ* по мѣстоположенію называютъ *Нордманнами*». Что же? Nordmanni значить *Сѣверяне*, а на Сѣверѣ жили не одни Скандинавы; Сѣверянами жъ называли въ Цареградъ и Казаровъ и даже Венгровъ (Мадяровъ): неужели и эти народы должны быть признаваемы за Скандинавовъ, потому только, что они были Nordmanni (Сѣверяне), какъ жители странъ лежащихъ на сѣверѣ отъ Царьграда? Впрочемъ, обитателей Велето-Сербскаго Кута, при-Балтійскихъ Славянъ, занимавшихъ сѣверъ Германіи, сами Нѣмцы звали Нордманами, какъ видно изъ Фульдскихъ лѣтописей подъ годомъ 889-мъ: говоря о послахъ Балтійскихъ Поморянъ, пришедшихъ къ императору Арнульфу, лѣтописецъ называетъ ихъ Нѣмецкимъ именемъ Nordmann'овъ, значеніе котораго поясняетъ Латинскимъ ab aquilone, «отъ сѣвера»: legati Nordmanorum, scilicet ab aquilone Slavorum, «послы *Норманновъ*, то есть *Славянъ* отъ сѣвера» пишетъ онъ.

VII. Греческій Императоръ Теофилъ, въ 839 году, отправилъ съ своими послами къ Людовику Благочестивому нѣкоторыхъ людей, называвшихъ себя, то есть *народъ* свой, Rhos, и пришедшихъ отъ царя своего, называемаго Каганомъ, подъ видомъ дружбы; Теофилъ просилъ Людовика доставить имъ средство черезъ его владѣнія возвратиться на родину, потому что путь, которымъ пришли они въ Царьградъ, не безопасенъ отъ варварскихъ народовъ. Людовикъ же открылъ, что *они* (лично) были *родомъ* изъ Свеевъ и задержалъ ихъ какъ лазутчиковъ. — Изъ этого разсказа

не знаетъ о походе сказаннаго героя въ Константинополь, но *саги* что за указъ *дѣйствительность*? Императоръ Константинъ Мономахъ до самой смерти (1054) не былъ слѣпъ, а Снорро смѣло заставляетъ своего храбреца, вырвавшись изъ тюрьмы, вырѣзать Мономаху глазки, послѣ чего позволяетъ Гаральду достать корабли (неизвѣстно гдѣ) и немедленно (1045) уплыть въ *Черное море*, а отсюда по *Волгѣ* прибыть въ Россію къ «двѣмъ землямъ Гольмгардской», которой и тогда-то было только еще 12 или 13 лѣтъ отъ роду.

Такимъ образомъ хронологическая повѣрка *саги Исторію* убѣждаетъ еще сильнѣе въ той мысли, которую уже оправдалъ и разборъ Эймундовой саги, Сергѣй Михайловичъ Строевъ, а именно, что саги замѣчательны только какъ произведенія словесности обитателей отдаленнаго острова, словомъ — что саги суть *богатырскія сказки*, а не историческій источникъ. Принимать за *истину* историческую *саги* — значитъ доказывать слабость своей исторической логики!

Бертинскихъ лѣтописей Шлѣцеръ вывелъ, что Свей (Шведы) въ началѣ IX вѣка назывались *Росъ*, а имя Царя ихъ *Каганъ* вѣроятно есть *Гаконъ*.—Но Эверсъ справедливо утверждалъ, что если эти Шведы *обманомъ* выдали себя въ Византіи за Россовъ, то ихъ ложь не доказываетъ ничего, да и у Шведовъ (Свеевъ) тогда не было ни какого Гакона. Впрочемъ названіе Каганъ не имѣетъ ни какого отношеніе къ Шведскому имени Гакону: Каганъ есть не имя, а титулъ Россійскихъ Государей; такъ назывались и Владиміръ Равноапостольный и Ярославъ. Слѣдственно, свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей нисколько не можетъ быть доказательствомъ sweизма *Руси*. Новѣйшій изыскатель, Ф. Н. Святный, очень хорошо показалъ, что «послы тѣ, природные Шведы, назвали себя, то есть народъ свой—*Rhos* потому именно, что они были *послами* отъ Балтійскихъ Славянъ, *отъ Руси*, а не отъ Свеевъ, и слѣдственно назвали Русью собственно *народъ*, который отправилъ ихъ послами, что обнаруживается уже изъ употребленнаго сочинителемъ Бертинской лѣтописи пояснительнаго выраженія *то есть*. Правя посольство свое въ духъ древне-Русскаго дипломатическаго языка («мы отъ роду Русскаго послы»), они по необходимости должны были назвать себя, *то есть народъ свой* (а именно: тотъ, который ихъ отправилъ) Русами, Русью, *Rhos*, хотя сами лично были родомъ изъ Свеевъ, въ чемъ и признались, и этимъ знаменитымъ признаніемъ уже въ 839-мъ году положительно подтвердили открытіе Людовика Благочестиваго, что *Rhos* и *Sveonі* два разноплеменные народа».

VIII. «Имена *Днѣпровскихъ пороговъ*, кажется, звучатъ по-Скандинавски.» Впрочемъ и самъ Шлѣцеръ сознался (Нест. I, с. 330), что «нѣкоторыя изъ нихъ *натянуты*»; притомъ же, другіе писатели объясняли эти-жъ самыя имена изъ Половецкаго (Турецко-Венгерскаго) языка, а нѣкоторые изъ Славянскаго. Но допустимъ, что эти имена имѣютъ болѣе сродства съ Скандинавскими; неужели пятокъ-другой чужихъ словъ (а не цѣлый языкъ) можетъ служить доказательствомъ Скандинавскаго происхожденія Варяго-Руссовъ?—тогда и нашего Петра Великаго, за то что называлъ свою столицу не Петроградомъ, а Петербургомъ, придется признать Нѣмцемъ, въ подтвержденіе чего пожалуй приведутъ нѣсколько иностранныхъ словъ изъ его писемъ. — Наши лѣтописи положительно свидѣтельствуютъ что *Русскій* языкъ и *Славянской* ничѣмъ не разнятся меж-

ду собою: такъ на пр. сказавъ «Словенскому языку» (народу) «училъ есть Пзвель», Никоновскій лѣтописецъ продолжаетъ: «отъ того же языка и *мы есмь Русь*», и часто повторяетъ: «а Славянскій языкъ и Русскій *единъ* есть»; Дунайскіе Болгаре пришли съ береговъ *Волги*, изъ Руси, и вотъ Болгарскій царь Владиміръ-Борисъ (крестившійся въ половинѣ IX вѣка) названъ у Бандури государемъ *Русскими*; переводчики Библии, Кириллъ и Меѳодій составляютъ для него азбуку *Русскую или Славянскую*; а Римскіе Папы запрещаютъ совершать Богослуженіе «по Болгарскому обычаю на *Русскомъ или Славянскомъ* языкѣ» (4°). Укажите-жь хотя одно свидѣтельство, русское или чужеземное, гдѣ бы Скандинавскій языкъ названъ былъ Русскимъ! Нигдѣ нѣтъ и нигдѣ не найдете такого свидѣтельства! — Послѣ того, что же мы должны думать о тѣхъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, которыя объясняются языкомъ Скандинавскимъ? А вотъ что: наша Запорожская Сѣчь (по-гречески Томи) какъ въ среднихъ вѣкахъ, такъ и въ глубочайшей древности, давала убѣжище не однимъ Русскимъ удалцамъ Славянскимъ, но и тѣмъ, которые, будучи иноземцами, принимали нашъ языкъ, нашу вѣру, наши обычаи, становились Русскими, вступивъ къ намъ въ Русскую службу; Скандинавскіе витязи, какъ видимъ изъ сагъ, считали за особенную честь—служить при дворѣ и въ войскахъ Русскихъ государей: служивъ у насъ въ Сѣчи (Томи) и потомъ въ Греціи, они рассказывали про Днѣпровскіе сѣчевые пороги, называли ихъ разумѣется *по-своему*, и такимъ образомъ у Константина явились двойныя названія пороговъ. Константинъ, по отношеніямъ къ Дунайской Болгаріи, разумѣя немного по-Славяно-болгарски, одни имена понялъ и называлъ Славянскими, а другія (непонятныя) называлъ все-таки Русскими, потому что слышалъ отъ людей, бывшихъ въ Россіи.—Или же, наконецъ, эти, похожія на Скандинавскія, названія не *переиначены-ль Нѣмецкими* переписчиками Константинова сочиненія, ибо вѣдь и Шлёцеръ сознался, что объясненіе этихъ названій языками Тевтонскаго корня очень *натянуто*?

IX. «Имена *нѣкоторыхъ* лицъ напоминаютъ Скандинавскія.» Допустимъ на время, что эти имена объясняются не изъ Славянскаго, а изъ Скандинавскаго; но неужели

(4°) Annalista Saxo, p. 311; Corpus Hist. med. aevi, Eccardi, t. I.

изъ того, что у насъ теперь въ употребленіи Греческія имена, можно вывести слѣдствіе, что мы Греки? — Впрочемъ, объясненіе изъ Славянскаго языка ближе и естественнѣе, нежели изъ Скандинавскаго. Шлёцеръ предполагалъ, что имена Варяжскихъ князей «немного испорчены въ чужой землѣ» (Нест. I, 337), и что *Рюрикъ* есть *Rörek* или *Rhrorekur*, *Синеусъ* можетъ быть *Snio*, *Sinniuter*, *Signiauter*, *Siniam*, *Snio*, а *Труворъ* есть *Tguere*, *Trygye*, *Trygt.* Но зачѣмъ предполагать, что эти имена испорчены, когда у Древанскихъ Сербовъ, на Велетскомъ Балтійскомъ Поморьѣ, *Rugic* значитъ *Соколъ* (извѣстно, что Славяне часто брали себѣ имена отъ птицъ), въ Скандинавскомъ же это слово не имѣетъ никакого значенія, откуда и ясно, что Скандинавы сами заимствовали это имя отъ Поморскихъ Славянъ, нѣсколько поизмѣнивъ у себя *Rugic* въ *Rörek*, *Rorekur*, подобно какъ изъ Славянскаго *Владимира* сдѣланъ *Waldemar*. Другое имя, Рюрикова брата, *Синеусъ* есть чистое Славянское, какъ *Бѣлоусъ*, *Сивоусъ* и проч. Третье *Труворъ* есть также Славянское *Tribor.* — И такъ, изъ Славянскаго языка имена первыхъ трехъ князей объясняются легко, безъ натяжки; да оно и естественно, потому что эти князья княжили, по словамъ Нестора, «на западъ отъ Ляховъ и Пруссовъ», слѣдственно на западъ отъ Вислы, «до земли Англанской», Англо-Саксонской (въ Шлезвигъ), а на югъ «до земли Волошской», то есть до истоковъ Лабы (Эльбы) и Вислы, населяемыхъ Чехо-Моравскими Волохами; словомъ, ихъ владѣнія занимали Куть Велето-Сербскій между Лабой и Одрой до Вислы, т. е. Славянское Балтійское Поморье. — «Но разныя имена въ договорѣ Олега и Игоря?» Одни имена тамъ понятны, другія непонятны: первыя Славянскія, другія суть искаженныя переписчиками; когда издастся сводный Несторъ, тогда можетъ быть и остальные прочтутся какъ слѣдуетъ. Но допустимъ, что въ мирныхъ договорахъ въ самомъ дѣлѣ окажутся и Скандинавскія имена: какъ ими доказывать, что Рюрикъ-то и его братья были Скандинавы? неужели здравомыслящій изыскатель можетъ допускать такой силлогизмъ: А) имена первыхъ Варяго-Русскихъ князей естественно объясняются только изъ языка Славянскаго; В.) но у этихъ князей было въ службѣ и нѣсколько челоуѣкъ Скандинавовъ; слѣдственно: эти князья сами были Скандинавы !!! силлогизмъ такой же правильный, какъ и «въ углу палка, слѣдственно на дворъ дождь идетъ.»

Х. «Струбе открылъ сходство между нѣкоторыми положеніями Русской Правды съ *Шведскими* и *Датскими* законами.» Но Эверсъ основательно замѣтилъ, что Шведское Шонское уложеніе позднѣе Ярославовой нашей Русской Правды цѣлою сотнѣй лѣтъ, а Датскіе Ютскіе законы слишкомъ двумя стами, и потому не могли служить основаніемъ для Правды, которая издана раньше ихъ. Сходство же ихъ объяснялъ Эверсъ тѣмъ, что оба народа, Скандинавы и Россы-Новгородцы, заимствовали много отъ одного народа, именно отъ Балтійскихъ Поморскихъ Славянъ. Если бы даже было доказано,—замѣчаетъ Эверсъ,—что Правда Русская буквально заимствована изъ Скандинавскихъ источниковъ, то и тогда никакъ не лзя бы вывести заключеніе, что Новгородцы за двѣсти лѣтъ до обнародованія ея призвали себѣ князя изъ Скандинавіи: Петръ Великій намѣренъ былъ взять за образецъ Шведское уложеніе; если бы онъ совершилъ это, то неужели мы имѣли бы право говорить, что предки Петра Великаго *вѣроятно* призваны изъ Швеціи? ⁽⁴¹⁾—Такимъ образомъ сходство Русскихъ (древнѣйшихъ) законовъ съ Скандинавскими (позднѣйшими), если бы даже и оказалось на дѣлѣ, не могло бы еще служить доказательствомъ Скандинавскаго происхожденія нашихъ Князей и ихъ Русси. Ученый Баронъ Розенкамповъ справедливо сказалъ: «никто не споритъ о семъ *сходствѣ*, проистекающемъ изъ *разныхъ причинъ*, требующихъ изслѣдованія особеннаго; впрочемъ изъ сего сходства не лзя заключить, что Руссы пришли съ Упландскихъ береговъ, изъ *goslagen'* а: почему же не съ Датскихъ или Ютскихъ и *прочихъ береговъ Балтійскаго моря*? Струбе-де-Пирмонъ привелъ изъ Ютскихъ уложеній только одну статью, которая находится во *всѣхъ другихъ сѣверныхъ уложеніяхъ*, равно какъ и въ *Греческихъ правилахъ въ Кормлей книгѣ*. Къ тому же, онъ выписалъ изъ нѣмецкаго перевода Ютландскаго закона только *первыя строки* 54-й главы, содержащей въ себѣ *совсѣмъ другія подробности*, нежели статья нашей Русской Правды (стр. 34, въ Рус. Достопам.) Греческая статья ближе, но и она не есть подлинникъ, изъ коего заимствована статья въ Русской Правдѣ». ⁽⁴²⁾

⁽⁴¹⁾ Предварительныя Критическія изслѣдованія Густава Эверса для Россійской Исторіи (пер. М. П. Погодина), стр. 97.

⁽⁴²⁾ Труды Общества Ист. и Древн. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 153, 154.

ХІ. Въ доказательство, что Варяго-Русскіе князья наши были Шведы и только со времени Рюрика наша земля прозвалась Русью, Шлёцеръ, — умышленно забывая свидѣтельство Герберштейна (въ нач. XVI вѣка), что первые наши князья призваны изъ воинственной земли при-Балтійскихъ Славянъ, изъ Велетской Руси, которую прочіе Славяне звали землею Вильковъ-Лютиковъ, по-Нѣмецки Wagr'овъ, — указываетъ на извѣстіе Шведскаго Историка Витекинда, будто бы Новгородскій архимандритъ Кипріанъ, убѣждая Московскихъ бояръ избрать Шведскаго принца, сказалъ, что и князь Рюрикъ былъ изъ Шведовъ: «слѣдственно», заключаетъ Шлёцеръ, «въ XVII столѣтіи даже сами Русскіе считали за рѣшеное дѣло, что призванные Варяги были Шведы.» (Нес. I, с. 326). *Говорилъ ли* что Кипріанъ, и *что именно* говорилъ — никому неизвѣстно, потому что рѣчь его до насъ не дошла. Карамзинъ, выписавъ это мѣсто изъ Витекинда, спрашивалъ: «справедливо ли сіе обстоятельство? Витекиндъ могъ *выдумать* его.» (⁴³) — Предположеніе Карамзина имѣетъ на своей сторонѣ всю вѣроподобность, тѣмъ болѣе, что Новгородъ, угрожаемый тогда Делагардіемъ, конечно долженъ былъ по крайней мѣрѣ показывать видъ, что благопріятствуетъ избранію Шведскаго принца; къ тому же, мнѣніе будто сами Русскіе въ XVII вѣкѣ считали за рѣшеное дѣло, что Варяго-Русскіе князья были Шведы, не можетъ быть подтверждено ни однимъ *Русскимъ* памятникомъ древности. Напротивъ, читая Русскіе памятники XVII вѣка, находимъ въ универсалѣ Богдана Хмѣльницкаго (18 Мая 1648 г.), что «древніе *предки наши*, воевавшіе Римъ, валеchnые *Руссы*, зъ Руссіи, отъ *Поморія Балтійскаго*,» пришли въ нашу землю. Точно также и въ XVI вѣкѣ Русскіе думали и рассказывали Барону Герберштейну¹, который потому и утвердительно пишетъ, что предокъ Русскихъ Государей былъ Славянинъ изъ той части Балтійскаго Поморья, которую Нѣмцы по-своему называли *Вагріей* (⁴⁴). Слѣдственно, вопреки Шлёцеру, должно заключить, что Русскіе въ XVII и XVI вѣкѣ считали неоспоримымъ Славянское происхожденіе своихъ князей съ Балтійскаго поморья, а не изъ Скандинавіи. — Что же касается до мнѣнія, будто бы наша земля прозвалась Русью только

(⁴³) Ист. Гос. Росс. Карамзина (изд. второе) т. I, прим. 108.

(⁴⁴) Сравните у меня далѣе, стр. 91—96 прим. 34, также стр. 203 до 217 особенно прим. 75. и стр. 282—302.

въ половинѣ IX вѣка съ прибытія Рюрика въ Новгородъ, то и эта гипотеза рѣшительно низпровергнута изысканіями Эверса и другихъ изыскателей, открывшихъ слѣды Русскаго имени въ нашей Россіи *за сто лѣтъ до Рюрика*, когда 2000 Русскихъ судовъ предпринимали походъ на Византію, помогая Болгарамъ противъ Грековъ. Открыты и еще древнѣйшіе слѣды: Римскіе писатели временъ Діоклитіана свидѣтельствуютъ, что въ эту эпоху, (т. е. въ III вѣкѣ по Р. Х.) въ Персидскихъ междоусобіяхъ принимали участіе и *Руссы* (Russi), помогавшіе Принцу Ормусу оспаривать престолъ у брата ⁽⁴⁵⁾, а Моисей Хоренскій, живъ въ Арменіи, еще въ V вѣкѣ зналъ, что Русскій народъ примыкаетъ своими жилищами къ Дунаю. ⁽⁴⁶⁾

Замѣтимъ еще, что защитники Байера и Шлёцера противорѣчатъ другъ другу, какъ скоро приходится опредѣлительно сказать, *откуда* же призванъ Рюрикъ. — «Изъ Скандинавіи вообще», утверждаютъ Погодинъ и Устряловъ; «нѣтъ, именно изъ Швеціи», говорятъ Кругъ и Куникъ; «нѣтъ, изъ Финской Лапоніи или Ботники», пишутъ Струбе и Бутковъ; «нѣтъ изъ Ютландіи, гдѣ есть мѣстечко Розовая волость, Rosengaau, созвучная съ именемъ *Руси*», думаетъ Крузе, но вспомнивъ что въ Норвежской Вермеландіи жилъ когда-то король Нонні, котораго имя *похоже* на Русское *Каганъ*, гнѣ Крузе передумалъ и, уже приведя Руссовъ изъ Ютландіи, закричалъ самъ себѣ: чуръ! и началъ утверждать, что Русь должно быть пришли изъ Норвегіи; «нѣтъ, съ Ферейскихъ острововъ», писалъ нѣкогда А. О. Вельтманъ, замѣтившій въ послѣдствіи *односторонность* доказательствъ Шлёцеровой школы, которыми она «извела» здравый смыслъ Русскихъ ученыхъ (по счастливому выраженію ученаго нашего археолога-поэта), и потому благоразумно рѣшившійся перейти на сторону защитниковъ Славянскаго происхожденія Рюрика и его Руссовъ съ Балтійскаго Поморья. Крузе предполагалъ даже, что нашъ Рюрикъ есть Грекъ Датско-Голландскій, грабившій въ западной Европѣ въ первой половинѣ IX вѣка; но всѣ его предположенія опровергнуты весьма удачно Руссовымъ и Бутковымъ. — Датско-Голландскій былъ Христіанинъ, а нашъ Рюрикъ язычникъ; тотъ занимался грабежами, а нашъ призванъ въ Новгородъ для водворенія порядка и управленія по законамъ; тотъ былъ

(45) См. Гиббона и Эверса, Предв. Критич. Изслѣд. с. 201, пр. 14.

(46) Сравните у меня далѣе, стр. 277, 278, прим.

вассаломъ королей Франкскихъ, а нашъ самъ раздавалъ свои области въ управленіе мужамъ (вельможамъ).

Такимъ образомъ построенная на *ложномъ основаніи* созвучій и обставленная *односторонними* доказательствами, система Скандинавскаго производства Руси, не смотря на *ученые* софизмы, не могла обѣщать себя вѣковѣчности, но еще должна была видѣть постепенное удаленіе тѣхъ, кто одаренъ отъ природы здравымъ смысломъ. Непостижимо одно только: какъ можетъ простираться до такой степени упрямство иныхъ поклонниковъ Байеро-Шлёцеровскихъ, что и до сихъ поръ не могутъ убѣдиться *очевидностью* истины! Нѣмцамъ еще простительно: они хоть изъ патріотизма хотятъ онѣмечить древнюю Русь, по крайней мѣрѣ хоть на бумагѣ; а наши-то, нѣкоторые писатели, изъ-за чего хлопчуть, стремясь поддержать явные несообразности Нѣмецкихъ писателей? Изъ любви къ истинѣ? Но истина противъ нихъ! Изъ подражанія, изъ желанія угодить иностраннымъ ученымъ колонистамъ, основавшимъ свое мѣстопробываніе въ Россіи? Но сообразно ли это съ достоинствомъ государства, которое уже сбросило съ себя пеленки подражанія, вышло на путь самознанія и твердо стремится къ полному воссозданію своей славной народности.....? Изъ-за чего же, повторяю, наши-то Русскіе писатели возстаютъ противъ истинны?... Опомнитесь, мм. гг! Есть Исторія Литературы: она запишетъ на своихъ скрижаляхъ и передастъ отдаленнѣйшему потомству имена тѣхъ, которые добровольно закрываютъ глаза предъ истиною, единственно изъ рабскаго поклоненія Байеру, не знавшему по-Русски и—объяснявшему Русскія лѣтописи, или Шлёцеру, утверждавшему, будто бы до призванія Рюрика нашъ народъ жилъ безъ законовъ, безъ правленія, кромѣ Древланъ имѣвшихъ князей, не зналъ никакихъ искусствъ, скотоводства, звѣроловства, раздѣлялся на малыя орды, предводимыя кациками, и что въ цѣлой Россіи все было пусто отъ Кіева до Новгорода. «Ссылаемся на древнихъ писателей, начиная съ Геродота до Византійцевъ IX вѣка, что такія грубыя черты нисколько неприличны обитателямъ Европейской части Россіи,» говоритъ Бутковъ: «и если мы пристальнѣе всмотримся въ *намитрѣніе Шлёцерова*, можемъ безошибочно угадать, что перомъ сего писателя управляло предубѣжденіе, будто наши Славяне въ быту своемъ *нигдѣмъ не одолжены самимиъ себѣ, а все только Шведскимиъ родслагенцамъ,*

то есть *лодошникамъ*, отъ которыхъ онъ ведетъ къ намъ *морскихъ разбойниковъ*, Рюрика и Руссовъ, и дѣлаетъ ихъ *завоевателями* нашей страны, противъ яснаго сказанія Несторова, что Рюрикъ призванъ къ намъ *доброю волею* Новгородскаго союза (⁴⁷).»—

Нѣмецкое направленіе Байеро-Шлѣцеровоѣ школы повредило нашей Исторіи, остановивъ ея правильное развитіе мнимымъ *объясненіемъ* Нестора, наперекоръ ему отвергнувши свидѣтельства Грековъ и Римлянъ о Скивахъ, наконецъ, отвлекши Русскихъ ученыхъ отъ изученія исторіи *единоплеменныхъ съ нами Славянскихъ народовъ*. Самые лучшие умы болѣе или менѣе отдавали дань заблужденіямъ, хотя каждый высказывалъ какую нибудь истину, которая прямо шла противу софизмовъ, и которую можно было направить противу Скандинавоманіи:

I. Ученый переводчикъ Эймундовой Саги, г. Сенковскій справедливо удивлялся неизвѣстности имени Варяговъ Скандинавамъ: «Если гдѣ-либо, то въ этой сагѣ слово Варяги *Vaeringar* или *Väringjar* долженствовало бы встрѣчаться на каждой страницѣ, потому что повѣствователи сами служили здѣсь въ званіи *Варяговъ*, сами исполняли ихъ должность: къ удивленію, оно *нигдѣ не встрѣчается*, и кажется имъ вовсе неизвѣстнымъ!» пишетъ О. И. Сенковскій.—«До 1040 года это слово не было извѣстно Скандинавамъ. Шлѣцеръ производилъ его отъ слова *Waere* (союзъ), и соображалъ это значеніе съ наименованіемъ иностранной стражи при дворѣ Византійскихъ императоровъ, *foederati* или союзники. Но слово *waere* употреблялось въ этомъ смыслѣ только въ Англо-Саксонскихъ нарѣчіяхъ; въ Скандинавскомъ языкѣ союзъ выражается словами *skyldagi* и *malí*. Названіе Варяговъ, *Варенги*, *Веринги*, есть слово *чуждое* Скандинавскому языку.... Не споримъ, что слово Варягъ, въ подраженіе Византійскому придворному обычаю, въ концѣ XI вѣка было уже общепринятое наименованіе для иностранной стражи и при дворахъ нашихъ князей, но не менѣе того ясно, что оно *не-Скандинавское*, и не могло быть принесено на Русь ими, въ то время, когда сами они еще его не знали» (⁴⁸).

(⁴⁷) П. Г. Буткова—«Оборона летописи Русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ», стр. 5.

(⁴⁸) Библіотека для чтенія (1834), т. II, отд. Наукъ и художествъ, стр. 50, прим. 4.—Замѣчу однакожь, что производство имени *Варяговъ* отъ Англо-Саксонскаго слова *war*, *waere*, принадлежитъ не Шлѣцеру, а Ире—Шлѣ-

II. Покойный академикъ нашъ, Кругъ, почитая Варяговъ Скандинавами, сознался однакожь, что «имя *Vaeringiar* получило право гражданства на сѣверѣ только чрезъ возвратившихся изъ *Греціи* Варяговъ» (⁴⁹); а такъ какъ «сѣверные войны, ходившіе въ Грецію, тамъ служить наемниками, вѣроятно по большей части состояли прежде въ службѣ Князей *Русскихъ*, чрезъ земли коихъ они должны были проходить, то весьма вѣроятно, что они имя, подъ которымъ слыли въ *Россіи*, перенесли съ собою и въ Грецію». Такимъ образомъ происхожденіе «Варяги» Кругъ отыскивалъ въ Славяно-Русскомъ словѣ «варяю», которымъ переводятся въ Священномъ Писаніи глаголы: *φθαίνω*, *προφθαίνω*, *προάγω*, *προλαμβάνω*, *προκαταλαμβάνω*, *προέρχομαι*, *κατασπένδω*, *ηγέομαι*, *ὑπερβαίνω*, заключающіе въ себѣ понятіе: предупредить, быть проворнѣе другаго, почему Славянское имя *Варяги*, полученное за ловкость и проворство на морѣ, означало *скорыхъ пловцовъ*, и переводилось у Византійцевъ чрезъ *Δρομίται* (⁵⁰).

III. Извѣстный оріенталистъ нашъ, академикъ Френъ, обозрѣвая восточныхъ писателей — въ надеждѣ найти у нихъ подкрѣпленіе Скандинавскому произхожденію Руси, — нашелъ у Арабовъ прямое свидѣтельство, что «Варенги суть *Славяне* изъ *Славянъ*», то есть славнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ Славянскаго племени. (⁵¹)

IV. Трудолюбивый академикъ нашъ, П. Г. Бутковъ, признающій за истину *сочиненіе* Струбе о Скандинавской Руси будто бы населявшей Ботнику, добросовѣстно однакожь сознался, что Варяго-Русскаго Князя Рюрика призывали въ землю *Русскую*, гдѣ были и южныя поколѣнія Руссовъ, Русацы, Роксоланы, извѣстные древнимъ и Моисею Хоренскому еще въ V вѣкѣ. (⁵²)

церъ именно говорилъ (I, стр. 348), что сходство тутъ «только случайное», и что въ силу ясныхъ соображеній здравомыслящей критики «уничтожается Ирево произвожденіе слова *Väring* отъ Англо-Саксонскаго *Wag*, союзъ».

(⁴⁹) Чтенія Императорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ за 1829 и 1830 годъ. — Отдѣленіе Наукъ Историческихъ, Филологическихъ и Политическихъ, книжка I, стр. 10.

(⁵⁰) Тамъ же стр. 12. и 15.

(⁵¹) См. далѣе у меня, стр. 288, 289; также Ф. Н. Святнаго Историко-критическія изслѣдованія о Варяжской Руси, глава V, § 49.

(⁵²) Сынъ Отечества (1836) 1, статья «о Руси и Рюсаладѣ»; сравните у меня прим. 179 на стр. 277, 278.

V. Юрьево-Ливонскій (Дерптскій) профессоръ, Крузе, защищавшій Скандинаво-Ютландское происхождение Варяго-Русскаго князя Рюрика, сознался, что *въ 774 году*, слѣдственно почти за сто лѣтъ до Рюрика, *Русскій флотъ*, состоявшій изъ 2000 небольшихъ судовъ, *нападалъ на Византию*, и былъ разбитъ Греческимъ императоромъ Константиномъ Копронимомъ, (*εις τα Ρῶσια χελανδία ἀπενίγησε*). Здѣсь Русскіе въ VIII вѣкѣ являются союзниками Болгаръ, съ которыми этотъ императоръ велъ до самой своей смерти (776) войну, по большой части весьма удачно (53).

VI. Адъюнктъ Академіи, гнъ Куникъ, тщетно усиливающійся защитить Байеро-Шлёцерову гипотезу о Шведскомъ происхожденіи Рюрика, сообщившаго будто бы имя Руси нашему отечеству, сознается однакожь, что Русинами на-

(53) Это извѣстіе Теофана о Русскихъ судахъ, *Ρῶσια χελανδία*, *Russorum chelandia*, въ-конецъ подрываетъ писателей, которые, — признавая Руссовъ за Скандинавское племя, а Рюрика за Скандинава, — увѣряютъ, будто до пришествія Рюрика Россія не была Россіей, а Русскій народъ не былъ Русскимъ. Не зная что дѣлать съ извѣстіемъ Теофана о Русскихъ судахъ, *Ρουσία χελάνδια*, они увѣряютъ, что Болгарамъ помогали не русскіе корабли, но . . . какъ бы вы думали? . . . просто — суда расписанные *красною* краскою, *tubea chelandia*. Гдѣ видано въ свѣтъ — называть флотъ не именемъ народа, которому онъ принадлежитъ, но придавать особое названіе по краскѣ, которою покрытъ корабль? Шлёцеръ утверждалъ: Скандинавы-Руссы пришли съ Рюрикомъ къ Славянамъ въ половинѣ IX вѣка; слѣдовательно, «только со времени пришествія ихъ въ Новгородъ, тамошняя страна прозвалась Русью, которое названіе однакоже *впоследствии времени* распространилось также на Кіевъ и на прочія завоеванія Рюриковыхъ потомковъ» (Нест. I, стр. 344); а Теофанъ рассказываетъ о Русскомъ флотѣ на Черномъ морѣ въ половинѣ VIII вѣка: не правда ли, какъ подрываютъ прежнюю историческую систему логика и факты? . . . Нашъ Юрьевскій (Дерптскій) профессоръ г-нъ Крузе, уже призналъ, что Теофанъ говоритъ здѣсь именно о Русскихъ судахъ, о флотѣ Руссовъ, а не о карабляхъ *неизвѣстнаго народа*, карабляхъ чермныхъ, карабляхъ расписанныхъ *красною краскою*. «Мнѣніе, что здѣсь должно разумѣть чермныя суда, не могу я раздѣлить», пишетъ г-нъ Крузе. «Членъ *τα* предъ *Ρῶσια* означаетъ уже, что рѣчь идетъ о судахъ *извѣстной* націи. Напротивъ того, Византійцы *нигдѣ* ни упоминаютъ о непріятельскихъ судахъ по ихъ *цвѣту*: да и какъ могло бы послужить это къ особенному обозначенію ихъ? Первая гласная въ имени Руссовъ переходила еще въ самыя древнія времена изъ *у* въ *о*: это видно изъ того, что Византійское *Ρός* еще въ древнія времена означало у Русскихъ лѣтописцевъ *Русь*; притомъ же имена народовъ часто оканчиваются не только на

зываются православные обитатели Венгерской Славии, кроме Сербовъ и Волоховъ: если же имя Руси было дано Славянамъ отъ Рюрика, то оно должно бы распространиться только на земли подвластныя Рюрикову потомству и не могло бы переходить за Карпаты, на страну, которая вѣдь *никогда не принадлежала Рюриковымъ потомкамъ* (54).

иос, но также и на ос. Такимъ образомъ, здѣсь вовсе не нужно измѣненія въ чтеніи.» Господинъ Крузе справедливо писалъ: «особенно должно замѣтить, что Исторія *жрѣтъ Русскихъ* не знаетъ *никакого другаго народа* по всѣмъ берегамъ Чернаго моря, который бы былъ столь же силенъ; и если упомянутые корабли были *не Русскіе*, то *кому же* они принадлежали?» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1838, ч. XVII, Науки, стр. 521 и 522).

(54) Впрочемъ, г. Куникъ старается перетолковать по-своему этотъ важный этнографическій фактъ, доказывающій, что и у Славянъ за-Карпатскихъ была своя Русь.—Приписывать это имя одной Религии никакъ нельзя: не народъ получаетъ свое имя отъ религии, но религія отъ народа, ее исповѣдующаго. Къ тому же, если бы въ самомъ дѣлѣ Закарпатскіе Славяне назывались Русью по той единственной причинѣ, что они Православные, то и Сербы и Волохи должны бы также усвоить себѣ Руси, чего мы совсѣмъ не видимъ: значить Русью называются не просто Славяне Православнаго исповѣданія, но потомки за-Карпатскихъ Славно-Русиновъ, искони тутъ обитавшихъ.

Вообще сочиненіе гна Куника *Die Berufung der schwedischen Roden durch die Finnen und Slaven* (1844) обнаруживаетъ въ авторѣ начитанность и свѣденія, которыя съ пользою могутъ быть употреблены при разработкѣ нашей древней исторіи, если авторъ 1.) рѣшится устранить нѣмецкій патріотизмъ, 2.) не придавать филологіи слишкомъ большаго значенія, ограничиваясь не разборомъ цѣлой системы языка, а только десяткомъ-другимъ словечекъ, поставленныхъ (по выраженію Шлѣцера) не этимологическую дыбу, и главное, 3.) если рѣшится быть безпристрастнымъ изыскателемъ истины, отрекшись отъ всякаго увлеченія ничтожными авторитетами, и обращая вниманіе на Историческую Логику, которую онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду.

Искренно желая правильнѣйшаго направленія трудовъ иноземца, занимающагося изученіемъ Русской Исторіи, замѣчу для него слѣдующее: можно *быть* глубокомысленнымъ, даже не употребляя туманныхъ фразъ, ничего не выражающихъ, и можно *казаться* глубокомысленнымъ изъ-за оградъ выраженій изысканныхъ, но ничего не доказывающихъ и ничѣмъ не доказанныхъ. Когда гнъ Куникъ, посвятивъ себя Россіи, рѣшится и писать по-Русски, тогда онъ самъ признаетъ истину словъ моихъ: геній Русскаго языка отвергаетъ тѣ извилистые, туманные обороты, за которыми прлчется бѣдненькая мысль, и на Русскомъ языкѣ (какъ и Французскомъ) пустота содержанія и нелогичность построенія мысли—тотчасъ обнаружатся.

Сблизимъ теперь эти важныя признанія защитниковъ прежней школы:

I. Имя Warengi, Weringi, *Варяги*, до 1040 года было совсѣмъ неизвѣстно Скандинавамъ, и есть слово чуждое Скандинавскому языку (О. И. Сенковскій).

II. Это имя правильно объясняется только Славяно-Русскимъ языкомъ, и произходя отъ корня *варяю*, означаетъ скорыхъ пловцовъ (Ф. И. Кругъ).

III. Арабы сохранили намъ свидѣтельство, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ» (Френъ).

Господинъ Куникъ, усиливаясь глядѣть съ-высока, увѣрять, что не въ томъ сила, кто были Варяги: Славяне или Чухонцы, Нѣмцы или Азіатцы? а въ томъ: *чьего духа чада* они были? и *какія силы* придедены были въ движеніе основаніемъ Русскаго государства? «Es wird sich dann weniger um das verschrieene Thema handeln, ob die Waräger Slawen, oder Finnen, Germanen oder Asiaten waren, sondern darum wess Geistes Kind sie waren, welche Kräfte bei der Gründung des russischen Staates in Bewegung gesetzt wurden, wie er überhaupt gegründet wurde». (стр. XVII).—Предложивъ такую задачу себѣ, господинъ Куникъ разумеется долженъ бы заняться рѣшеніемъ вопроса: что составляетъ сущность жизни Русскаго народа? Но такой огромный вопросъ еще не подѣ силу нынѣшнимъ ученымъ: онъ можетъ быть разрѣшенъ тогда только, когда историческая жизнь Руси будетъ изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ, то есть: когда мы узнаемъ критически не только политическія событія древней Руси, но и гражданскія, государственныя, религіозныя, торговыя и промышленныя ея установленія; словомъ, когда раскроемъ весь общественный бытъ ея, прослѣдимъ его по всѣмъ періодамъ существованія Россіи, изучимъ это Прошедшее нашей жизни въ живыхъ остаткахъ: въ пѣсняхъ, пословицахъ, преданіяхъ. Только послѣ такихъ частныхъ монографій возможно будетъ обнять умомъ всю минувшую жизнь нашего отечества, постигнуть идею, осуществляемую бытіемъ Россіи. Но и тогда, совершить подобный трудъ предоставлено будетъ природному Русаку, ибо не только чужеплеменникъ, даже не всякій Славянинъ можетъ подмѣтить и уловить характеристическіе отбѣнки Русскаго быта, Русскаго ума, Русскаго склада рѣчи.

Понятно, почему задавъ себѣ вопросъ о томъ, *чьего духа чада* были Варяги? и *какія силы* приведены въ движеніе основаніемъ Русскаго государства? гнъ Куникъ уклонился отъ прямого пути, и возвратился на попятный дворъ, на старую колею изслѣдованій о томъ: кто Варяги? Конечно, при нынѣшнемъ состояніи пріуготовительныхъ трудовъ по нашимъ древностямъ, иностранцу нельзя и приниматься за разработку философіи древней нашей исторіи; но зачѣмъ же осуждать другихъ и обѣщать то, чего не даемъ и дать не въ состояніи? У насъ есть премудрая пословица: взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ!... Господинъ Куникъ старается увѣрить, что, молъ, Шведскаго духа чада были Варяго-Руссы; но для этого мало простаго увѣренія — нужно философско

IV. Въ призваніи Варяго-Русскаго Князя Рюрика участвовали племена Руссовъ; но и на югъ по Днѣпру и на востокъ по Волгѣ были также Руссы, извѣстные древнимъ подъ именемъ Роксолановъ, Русацовъ (П. Г. Бутковъ).

V. За двѣсти лѣтъ до Рюрика, нашъ Русскій флотъ помогаль на Черномъ морѣ Болгарамъ противу Грековъ (Крузе).

VI. Имя *Руси* встрѣчается въ *Славянской* землѣ и за предѣлами нашего Русскаго государства (Куникъ).

Присоединивъ сюда не менѣе важныя признанія Бай-

изслѣдованіе всѣхъ стихій общественной и частной жизни древней Руси и, точное, подробное сравненіе во всѣхъ отношеніяхъ древней Скандинавіи, а для этого нужны и подробное знаніе прежней и нынѣшней Руси и необыкновенная проицательность.

Возвратившись на старую дорогу, гнѣ Куникъ оставилъ въ сторонѣ заданную себѣ задачу, и рѣшился ограничиться разсмотрѣніемъ вопроса: кто были Варяги? Такимъ образомъ гнѣ Куникъ пошелъ по старому же и убитому пути, и принялъ основаніемъ систему Байеро-Шлѣцерову, не обращая вниманія на возраженія противниковъ Скандинавоманіи. Вся книжечка его (XXVIII, 182 стр.) составляетъ развитіе тѣхъ доказательствъ, которыя были уже давнымъ-давно предлагаемы Байеромъ, Тунманомъ, Шлѣцеромъ и другими Скандинавистами; *новаго* не могъ придумать гнѣ Куникъ *ни*чего, кромѣ гипотезы, будто имя Русь *потому впроятно* не-Славянское, что кончится на букву *ь*, какъ и названія *Финскихъ* племенъ: Ямь, Пермь, Сумъ, Любь (Ливь); слѣдственно и это имя «Русь» Финскаго происхожденія и утвердилось у Славянъ конечно посредствомъ Финновъ. Но, при такомъ великодушномъ производствѣ нашего *народнаго* имени «Русь» — а не книжнаго, какъ «Славяне» — въ почетный чинъ прозвища Чухонскаго, забыта... бездѣлица... *Историческая Логика*. Посовѣтовавшись съ нею, гнѣ Куникъ легко бы сообразилъ: I). что Новгородцы знали собственное имя Шведовъ, *Свеи*, и слѣдственно совсѣмъ не имѣли бы нужды употреблять Чухонское прозвище Русь, если бѣ имя Русь въ самомъ дѣлѣ Финскаго происхожденія; — II.) неужели можно себѣ вообразить, чтобы Шведскіе князья (еслибы въ самомъ дѣлѣ Рюрикъ и его братья были Шведы) ни съ-того ни съ-сего вздумали свое настоящее, народное имя «Свен», извѣстное и Новгородцамъ, переимѣнить на Чухонское прозвище? вѣдь они сѣли княжить не между Чухонцами, а между Сѣверными Славянами, которымъ была подвластна Чудь (какъ доказалъ Ходаковский)... Наконецъ, если гнѣ Куникъ рѣшится оставить этимологическую дыбу, на которой онъ вынуждаетъ Славянскія имена взвизгивать по-Шведски и по-Чухонски, то я попрошу его вникнуть въ слѣдующія соображенія *здравой Филологіи*: I) Финскія или Чудскія поколѣнія вообще называютъ себя въ Лапоніи Same или Sahmalaiset, въ Финляндіи Suomalaiset, въ Эстоніи Somelased: это *мѣстное* названіе которое значитъ по-русски *Низовскіе люди* (обитатели низменныхъ мѣстъ), у народовъ Тевтопо-Скандинавска-

ера и Тунмана, что Скандинавы никогда и не звали себя ни Варягами ни Руссами, всякій человекъ не лишенный здраваго смысла долженъ признать за неоспоримую истину, что Варяги-Русь были племя Славянское и пришли въ землю также Славяно-Русскую, которая всегда называлась Русью, Россіей, хотя иностранцы и назывались насъ по-своему: Rhos, Roxani, Rox-alani, Alan-orgsi, Aorgsi, Rosso-mani, — словомъ: что на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, отъ Чернаго моря до Ладожскаго озера, обитателями Руси всегда были Русскіе и призывали къ себѣ князей—единоплеменниковъ, Русскихъ же, съ южнаго Балтійскаго Поморья, искони заселеннаго Славянами.

го племени было *переведено* и образовало имя Финновъ (слово *finn*, *finn* = болотистое низкое мѣсто), а у насъ у Русскихъ Сѣверныхъ Славянъ, передѣланное на нашъ ладъ, измѣнено въ *Сумь*; посмотримъ на частныя имена: *Hämälaiset* (отъ *häm*, род. *häme* = сырой, влажный) передѣлано въ *Ямь* или *Емь*; другое племя, *Cainulaiset* (*cainu* = болотистая, низкая земля) названы у насъ Каянцы, а страна *Cainu*—Каяна; имя *Lorri* или *Larri* (народъ отдаленный, пограничный) измѣнено въ *Лопь*, мѣстное имя Эстонцевъ, занявшихъ песчаное поморье, *Liwamaa* (*liwa* = песокъ, *maa* = земля), измѣнено въ *Ливь* и *Либь*. Если же мы такъ передѣлывали Чухонскія прозвища, то, разумѣется, *сообразно законамъ нашего, Славяно-Русскаго языка*; поэтому, возникаетъ вопросъ: II.) свойственно ли окончаніе *ь* нашему Русскому языку? Пусть съ этимъ вопросомъ гнъ Куникъ обратится къ любому природному Русаку, пусть возьметъ любую Русскую грамматику — отъ cadaго Русака, изъ каждой Русской грамматики онъ узнаетъ, что окончаніе *ь* свойственно у насъ *женскому роду* для означенія предметовъ изъ міра физическихъ явленій (на прим. *ночь*), также нравственныхъ свойствъ человека (на пр. *добродѣтель*, *доблесть*, *храбрость*), наконецъ для означенія одушевленныхъ существъ и неодушевленныхъ предметовъ (на пр. *мать*, *дочь*; *печь*); далѣе, онъ узнаетъ, что окончаніе *ь* свойственно въ Русскомъ языкѣ также и *мужескому роду* какъ неодушевленныхъ предметовъ (на пр. *корабль*), такъ и одушевленныхъ (на пр. *парень*, *дурень*) и проч. Если же окончаніе *ь* весьма употребительно въ въ Русскомъ языкѣ, то III-й вопросъ: свойственно ли оно собственнымъ именамъ? разрѣшается самъ собою. Пусть гнъ Куникъ развернетъ «Славянскія Древности» Шафарика, въ котораго такъ тепло вѣруеть; въ II-ой книгѣ Русскаго перевода, на стр. 32 и 33, онъ можетъ найти слѣдующее поучительное для себя мѣсто: «изъ обыкновеннаго слова *Нурь* (мужескаго рода) т. е. *земля* произошло собственное имя *Нурь* (женскаго рода), *означающее страну и народъ*, точно такъ какъ *Русь*, *Сербь*, *Чудь*, *Дань*, *Весь*, *Пермь*, *Ямь* (Емь), *Корсь*, *Либь* (Ливь), *Лопь*, *Сумь*, *Вадь* или *Водь*, *Сибирь*, и т. п. Всѣ эти имена суть *сокращенныя*, въ коихъ знакъ *ь* или буква *j* (церк. *ь*) замѣняетъ здѣсь церковное *и*, слѣд. *Нурь* то же что *Нурь* (латинское *Nurgia*, земля Нурская); сравн. *мати*, *пани*, *сестри*, *нети*, *дщи* (дщи) и тому подобн. (объ этой формѣ см. Журн. Чешскаго Музея, 1835, № IV, стр. 376.) Человекъ изъ роду *Нуровъ*

Это ясно, просто и естественно; а умъ человѣческій рѣдко признаетъ съ перваго раза истинною то, что ясно, просто, понятно каждому — обыкновенно ищетъ онъ чего нибудь позамысловатѣе, помудренѣе, понесообразнѣе, поученѣе. Но такъ какъ мы всегда мыслимъ по извѣстнымъ законамъ, и всегда, стремимся къ *правильному* мышленію, то зная результатъ, но отправляясь отъ ложнаго начала, мы уже по-неволѣ должны допускать *предположенія*, и такимъ образомъ изыскатель, желая какъ нибудь свести концы, строить гипотезу на гипотезѣ, помощію всесиль-

назывался Нурянинъ, Нурипъ, какъ Славянинъ, Полянинъ, Русинъ, Чудинъ и проч. *Сокращеніе* личныхъ и народныхъ именъ необходимо нужно для простаго народа, а потому оно и у *Славянъ*, какъ и у другихъ народовъ, *ежедневно*.» Голосъ перваго въ наше время Славяниста, надѣюсь, убѣдитъ гна Куника, что окѣпчаніе ъ не только не можетъ служить доказательствомъ *Чухонскаго* произхожденія имени *Русь*, но еще должно составлять филологическое доказательство *Славянскаго* произхожденія этого имени. И такъ, единственная гипотеза, принадлежащая господину Кунику, не можетъ быть допущена критикою, какъ противурѣчащая условіямъ Исторической Логикѣ и соображеніямъ здравой Филологіи.

Не смотря однакожъ на то, что гнъ Куникъ удалился отъ *цѣли*, которую въ началѣ предположилъ себѣ; не смотря на то, что ему собственно принадлежитъ въ книжкѣ *только одно мнѣніе*, да и то должно быть отвергнуто, какъ противное Исторической Логикѣ и Филологіи; не смотря на явное (хотя и тщетное) усиліе—софизмами поддержать падающую Скандинавоманію, — его книжка радуетъ меня въ томъ отношеніи, что явился еще *иностранецъ* занимающійся *Русскимъ Языкомъ* и Русскою Исторіею. Не надобно только ему обольщать себя, подобно Шлѣцеру, котрый производилъ Русское Славянское слово *князь* отъ Нѣмецкаго кнехта (*knecht* = холопъ), а думалъ учить по-русски природнаго Русака, Ломоносова! Оставивъ на время въ покоѣ нашу Русскую Исторію, гнъ Куникъ могъ бы съ честію для себя и съ пользою для нашей исторической Литературы заняться переводомъ или полнымъ извлеченіемъ тѣхъ сочиненій, которыми объясняется минувшая жизнь нашихъ единоплеменниковъ, Германскихъ Славянъ. Нѣмецкая Литература богата подобными произведеніями; передавъ ихъ по-русски, гнъ Куникъ составилъ бы себе почетное имя, содѣйствуя аналогическому объясненію Русской жизни посредствомъ сличенія подобныхъ явленій изъ исторіи нашихъ единоплеменниковъ. Если же и самъ гнъ Куникъ изъ Германскихъ Славянъ утратившихъ политическую самостоятельныхъ между Тевтонами (Маяк. 1844, Авг. т. XVI, гл. IV, стр. 59), то я братски подаю руку ему, какъ Славянину, и—приглашая на трудъ и терпѣніе, на доброжелательство Россіи, на отреченіе отъ всего въ пользу *истины*,

наго «можетъ быть» и всемогущаго «вѣроятно». Новый изыскатель замѣчаетъ ошибку перваго, поправляетъ его; но, не обнимая предмета во всей обширности, принимая за исходную точку мнѣніе частное, которому произвольно даетъ значеніе общности, самъ впадаетъ въ ошибку — только другаго рода, и такимъ образомъ возникаетъ *новая гипотеза*: если угодно, и въ ней есть истина, только истина неполная, принятая за истину безусловную. «Мы не иначе можетъ заблуждаться», — пишетъ профессоръ философіи въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра, гнъ Новицкій, — «какъ только подъ условіемъ *мышленія*, и слѣдовательно — подъ условіемъ *сознанія*, а сознаніе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда находится въ немъ хотя одинъ, необходимый для его проявленія, элементъ. Чтобъ состоялось *сознаніе* чего либо, хотя бы то *ошибочное*, надобно непременно, чтобы въ немъ находилось усмотрѣніе какой нибудь реальной вещи, то есть какой нибудь *истины*. Слѣдовательно, заблужденіе наше никогда не есть заблужденіе цѣлое, совершенное: подлѣ заблужденія должна всегда находиться какая либо истина» ⁽⁵⁶⁾. Таковъ ходъ всѣхъ научныхъ гипотезъ вообще, и въ частности — всѣхъ историческихъ системъ, порожденныхъ ученіемъ Байера, развитымъ и распространеннымъ у Шлѣцера: подлѣ одной истины — тотчасъ гипотеза, не только не опирающаяся на прямой смыслъ Нестора, но часто противорѣчащая и лѣтописи и даже Исторической Логикѣ, основанной на законахъ здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ.

Не увидать заблужденій Байеро-Шлѣцеровыхъ было не возможно, по рѣшительной противоположности ихъ ученія съ прямымъ смысломъ Русскихъ лѣтописей. Байера и Миллера отчасти уже выказалъ въ настоящемъ свѣтѣ самъ Шлѣцеръ, написавъ: «Байеръ, одинъ изъ величайшихъ эллинистовъ и латинистовъ своего времени, не зналъ по-

на забвеніе перваго крайне неудачнаго историческаго опыта — окончу словами, обращенными къ его лицу почтеннымъ издателемъ «Маяка», въ духѣ братской, Славянской любви и Славянскаго гостепріимства: «судьба привела васъ не въ Нѣмецкую, а въ Славянскую землю; не отнимайте же у насъ чести быть Славяно-Руссами! Будьте и сами Славяниномъ въ Славяно-Русскомъ царствѣ!»

⁽⁵⁶⁾ Журналь Министерства Народ. Просвѣщенія, 1838, № 2 (Февраль): рѣчь профессора Новицкаго «Объ упрекахъ дѣлаемыхъ Философіи въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи», стр. 274 и слѣд.

Русски, не могъ даже отличить настоящаго Нестора отъ сомнительной Степенной Книги и слишкомъ много вѣрилъ Исландскимъ сказкамъ ⁽⁵⁷⁾.» Какъ человекъ благо-разумный, какъ знатокъ Исторіи, Шлецеръ немогъ не оцѣнить по достоинству — сказокъ о богатырскихъ подвигахъ мнимыхъ Скандинавскихъ героевъ, покорявшихъ будто бы древною Русь, и справедливо писалъ: «что теперь думать объ Исландскихъ рассказчикахъ, кои говорятъ намъ о короляхъ Финляндскихъ, Пермскихъ и Полоцкихъ, о царяхъ Гольмардскихъ и Острогардскихъ, съ которыми Датскіе и Шведскіе владѣтели вели кровавыя войны и заключали договоры о бракосочетаніяхъ, еще до Р. Х. и въ послѣдующія столѣтія? И заслуживали-ль *си* глупости того, чтобы Байеръ и Миллеръ внесли ихъ въ Русскую Исторію» (конечно нѣтъ) «и рассказывали объ нихъ съ такою важностію, какъ будто объ истинныхъ произшествіяхъ? Все это есть не иное что, какъ глупыя выдумки. Датчанинъ Саксо началъ первый; онъ умеръ въ 1204 году, слѣдственно почти сто лѣтъ былъ моложе Нестора; а настоящія Исландскія сказки (съ которыми не надобно смѣшивать Снорровой истинной Хроники) моложе и его. И *си* люди рассказываютъ намъ о произшествіяхъ такихъ земель, въ которыхъ до 1000 года никто не умѣлъ писать; о произшествіяхъ, случившихся до нихъ за 500, за 800, даже 1000 лѣтъ, и о которыхъ ничего не говоритъ тутошній житель, Несторъ, хотя онъ и всѣхъ ихъ старѣе» ⁽⁵⁸⁾. Дѣйствительно: какъ отличить въ сказкѣ истину отъ вымысла, особенно, когда иныя только выдаются за древнія, а въ самомъ дѣлѣ сочинены въ новѣйшее время? Шлецеръ основательно указывалъ на это защитникамъ сагъ, и говоря о невѣрныхъ изданіяхъ произведеній среднихъ вѣковъ, справедливо говорилъ: «Нѣмецкіе издатели временниковъ *перепортили* ихъ по одной только *неосторожности и лѣности*, или *поправляли по високоумію*» ⁽⁵⁹⁾;

⁽⁵⁷⁾ Несторъ Шлецера, т. I, стр. 49.

⁽⁵⁸⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 54 — 55.

⁽⁵⁹⁾ Шлецеровы эти слова достойны полнаго уваженія, какъ приговоръ истиннаго ученаго, не увлекавшагося тутъ Нѣмецкимъ патріотизмомъ: особенно важны они для Русскихъ изыскателей при разсужденіи о тѣхъ знаменитыхъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, которыя надѣлали столько шума и породили столько споровъ между историческими критиками. Не такъ ли *перепорчены* и эти названія какимъ нибудь *Нѣмцемъ* переписчикомъ, по *неосторожности и лѣности* разобрать подлинное

но издатели Исландскихъ сказокъ поступили *гораздо дурнѣе*, ибо *передѣляли ихъ съ злыхъ умысловъ*. Такъ на, примѣръ Петръ Клауссенъ, пасторъ въ Норвегіи (1599) первый издатель Сноррона, выпустилъ — не говоря ни слова — глупыя мѣста, которыя могли бы обезчестить его достойнаго лѣтописателя: Торфей Antiq. стр. 37. Такъ Вереліусъ перемѣнилъ въ Герваровой сказкѣ тѣ мѣста, которыя показывали, что сочинитель былъ Христіанинъ, слѣдственно и эта сказка не такъ стара, какъ издателю хотѣлось увѣрить: Цельс. Svea Rikes Kyrsko Historia, стр. 120. Такъ Ур показывалъ мнѣ въ Упсалѣ 1756 года, въ Біернеровой Nordiska Kämpa-Dater (Стокгольмъ 1737) конецъ глупой Ансъ-Богсвейгеровой сказки стр. 35, гдѣ въ Шведскомъ и Латинскомъ переводѣ поставлены только слѣдующія слова: *hodie etiam in Islandia sunt, qui genus originemque ad Hrafnistae viros referunt*; а въ Исландскомъ текстѣ при словѣ *hodie* (по-Исландски *nu enn*) поставленъ 1683 годъ не цифирью, а словами! Слѣдственно, еще и въ 1683 году сплетали Исландскія сказки!» (6°) И такъ, передѣланныя, измѣненныя или даже совершенно вновь сочиненныя въ новѣйшее время, Скандинавскія саги должны быть рѣшительно исключены изъ числа источниковъ Русской исторіи, и Шлѣцеръ показалъ себя и человѣкомъ здравомыслящимъ и знатокомъ нашихъ древностей, когда рѣшился высказать слѣдующую истину: «надобно *отказаться отъ Исландскихъ сказокъ*, выключая которыхъ вся Скандинавская Исторія не имѣетъ почти ничего, да и ни одна изъ нихъ не сравняется древностію съ Несторомъ, не говоря уже о ихъ *внутреннемъ недостаткѣ*» (16) Такимъ-то образомъ природное благоразуміе, соединенное съ знаніемъ Русской и Всеобщей Исторіи, показали Шлѣцеру въ настоящемъ свѣтѣ и Скандинавскія саги и отношеніе ихъ къ нашимъ отечественнымъ древностямъ.

Слѣдственно, Скандинавское сказко-любіе, внесенное къ намъ Байеромъ, Миллеромъ и Струбе, удержано логи-

значение написаннаго въ оригиналѣ? или же, не *поправлены* ли онѣ по *высокоумію*, умышленно, на Нѣмецкій ладъ?

(6°) Шлѣцеровъ Несторъ, I, стр. 407—408.

(61) Тамъ же, стр. 426.— Желаящему вполне убѣдиться въ справедливости такого приговора сагамъ совѣтую внинуть въ сочиненіе Сергія Скромненки (С. М. Строева) «Критическій взглядъ на Скандинавскія саги» (М. 1834), гдѣ разобрана Эймундова сага; о другихъ сагахъ см. у меня, выше, прим. 39.

кою Шлёцера, который далеко выше ихъ вознесся именно знаніемъ Русскаго языка. — Байеръ и Миллеръ, не зная по-Русски, должны были во всемъ полагаться на своихъ толмачей, которые не умѣли имъ порядочно перевести даже заглавіе Несторовой Хроники «Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Θεодосіева монастыря», въ слѣдствіе чего Преподобный Несторъ названъ Θεодосіемъ, и за границей, полагаясь на авторитетъ нашихъ академиковъ, долгое время толковали о лѣтописи Θεодосія, не подозрѣвая въ простотѣ сердца, что Св. Θεодосій никогда и не писалъ лѣтописи, а принадлежитъ она Пр. Нестору, жившему въ Θεодосіевой обители. Струбе имѣлъ переводчиковъ гораздо искуснѣе, но этого было еще недостаточно. По незнанію Русскаго языка, они всѣ трое не могли изучить Русской Исторіи по *лѣтописямъ*, а потому и не могли даже замѣтить всѣхъ отступленій отъ *истины* въ Скандинавскихъ *сагахъ*: не видя же луча правды, они погрязли всѣ трое въ сказочномъ болотѣ сагъ... Такимъ образомъ, незнаніе Русскаго языка повлекло за собой неизбѣжное незнаніе Русской Исторіи; а невѣденіе истинныхъ событій, соединенное съ легковѣріемъ, при недостаткѣ основныхъ началъ исторической критики, заставило принять саги (т. е. сказки) за чистую истину!... Байеръ справедливо утверждалъ, что источники Русской исторіи до-Рюриковскаго періода находятся у иноземцевъ; но, ища этихъ иноземныхъ источниковъ, по нечастію набрелъ на Скандинавскія (Исландскія) саги; затѣмъ, инстинктивно было наткнулся на Византійцевъ, но и тутъ не избѣжалъ ошибокъ: по незнанію Славянской Этнографіи, онъ отнесъ къ намъ извѣстія о Дунайскихъ Sclavi'ахъ (Словенцахъ), самовольно переставилъ ихъ съ Дуная на Днѣпръ и на Волховъ, послѣ чего разумѣется не могъ понять *нашей* отдѣльности отъ *нихъ*, и въ тоже время единоплеменности съ ними; не могъ понять и Несторова указанія Варяжской земли (въ собственномъ смыслѣ) въ Прибалтійскомъ Кутѣ между Лабой и Одрой; а не зная, что нашъ народъ никогда самъ себя не называетъ *Славянами*, и что это имя только существуетъ въ книгахъ, что лишь одни книжники величаютъ насъ «Словенами» и «Славянами», Байеръ смѣшалъ понятіе *рода* и *вида*, не понялъ, что можно быть Славяниномъ не бывши Словенцемъ, и потому Русь, Варяги, Поляки, Болгаре, Сербь, всѣ хотя не Словенцы (Sclavi, Sclavini, Sthlavi), однакожь черезъ это

не лишаются права на имя Славянъ. Не принявъ же въ основаніе этнографіи, Байеръ основалъ всю свою критику на *созвучіяхъ*, и — вопреки Несторову свидѣтельству, что Славяно-Русскія племена у Грековъ назывались Скиѳами — почелъ непремѣнною обязанностью раздѣлить Русь, Славянъ и Скиѳовъ, какъ три будто бы разноплеменные народа, ибо-де звуки этихъ именъ между собою нисколько не сходны!.. *Новгородцы* — по сходству въ звукахъ превращены въ Кавказскихъ *Кабардинцевъ*, а Малороссійскіе *Бужане* въ Татарскую орду *Буджаковъ*. Все это казалось Байеру очень легко: Новгородцы, Ковгородцы, Кобгородцы, Кобородцы, Кабардинцы! Бужане, Бужани, Бужаки, Буджаки!... Тутъ не утерпѣлъ даже и Шлёцеръ. Собрался съ духомъ, и торжественно воскликнулъ: «какъ ошибся Байеръ о *лавв*, которой прежде всѣхъ взялся *изъяснить* (Commentar. t. X) Несторово исчисленіе народовъ! Въ дурныхъ рукописяхъ не могъ онъ различить *н* отъ *к*, почему вмѣсто *Бужане* читалъ *Бужаке* и заговорилъ о *Татарскихъ* Буджакахъ, вмѣсто *Новгородцы* читалъ *Ковгородцы* и забрелъ въ *Кабарду*.... Да почіетъ въ мирѣ прахъ его!» (Нест. I, стр. 192, 193). Впрочемъ, соблюдая справедливость, и произведя Малороссовъ - Бужанъ въ Татаръ, а Великороссовъ-Новгородскихъ въ Кавказскихъ Кабардинцевъ, Байеръ считалъ уже необходимымъ отнять у тѣхъ и другихъ настоящее ихъ *народное* имя Россіянъ, Россовъ или Руссовъ: премудрое рѣшеніе немедленно приведено въ исполненіе, и намъ пожаловано книжное имя Славянъ, а наше народное имя (Русь) превращено въ храбрыхъ *Свейскихъ и Датскихъ дворянчиковъ*!...

Что сказали бы Нѣмцы, если бы кто, рассуждая объ ихъ древностяхъ, началъ размышлять подобнымъ образомъ: «эти дѣйствія мы, *Тейтшеры*, приписываетъ себѣ; но Русскіе приписываютъ ихъ *Нѣмцамъ*, а Французы *Альманамъ* — имена эти нисколько не похожи одно на другое: звуки ихъ совершенно различны, а потому и должно строго отличать три эти разноплеменные народа, и узнать время: когда Альманы и Нѣмцы могли быть истреблены Тейтшерами? или же, когда они побѣждены ими и слились съ побѣдителями въ одинъ Тейтшерскій народъ?»... Здравомыслящіе Тейтшеры, — зная, что именно *ихъ* называютъ Русскіе Нѣмцами, а Французы Альманами, — конечно расхохотались бы надъ подобными гипотезами, какою бы ученостью ни были онѣ изукра-

шены: а Байеръ, Миллеръ и Струбе не то же ли дѣлали съ нами, отдѣляя отъ насъ не только Скифовъ, *можетъ быть* Финновъ либо Татаръ либо Монголовъ, но и Русь, *вѣроятно* племя Скандинавское, въ подтвержденіе чего и призваны *саги*, то есть *сказки*, о храбрости и мужествѣ Скандинавскихъ воителей?

Природное здравомысліе, соединенное съ знаніемъ Русскаго языка и Русской Исторіи, спасло Шлёцера отъ увлеченія Скандинавскими сагами: прямодушно сталъ онъ ихъ называть ихъ настоящимъ именемъ — сказками, глупыми выдумками, бреднями Исландскихъ старухъ ⁽⁶²⁾ и бессмысленныхъ разкащиковъ, подновленными или даже вновь сочиненными въ новѣйшія времена. Исключивъ Скандинавскія розказни изъ числа источниковъ Русской Исторіи, Шлёцеръ доказалъ свой умъ и свои познанія въ нашей Исторіи; а сличеніемъ, буква въ букву, нѣсколькихъ списковъ Несторова Временника и первымъ опытомъ ученаго изданія лѣтописей Шлёцеръ воздвигъ себѣ несокрушимый памятникъ. Справедливо говоритъ Н. И. Надеждинъ: «кромѣ Библии и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ классиковъ, ни одинъ писатель, древній или новый, не удостоивался такой тщательности, такой ученой почести, какъ смиренный Печерскій черноризецъ, котораго самое имя за нѣсколько десятковъ лѣтъ извѣстно было только въ Русскихъ святцахъ. Обширная и глубокая эрудиція принесла ему въ дань свидѣтельства всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, всѣхъ языковъ, чтобъ объяснить одно его слово, возстановить одну букву въ словѣ.» ⁽⁶³⁾

Но Шлёцеръ былъ человекъ не-Русскій, и потому-то Байерово мнѣніе объ основаніи Русскаго государства иностранцами крайне ему понравилось; отъ природы харак-

⁽⁶²⁾ Шлёцеровъ Несторъ ч. I, стр. 420.

⁽⁶³⁾ Библіотека для Чтенія, 1837, т. XX, Науки и Художества: «Объ историческихъ трудахъ въ Россіи», стр. 106. — Никто не оцѣнилъ такъ хорошо, какъ Н. И. Надеждинъ, заслугъ и недостатковъ Шлёцера по изданію лѣтописей (стр. 104 — 108); не становясь на козлы передъ нимъ, но цѣня все по достоинству, онъ указалъ на *исключительно-эксегетическій* тонъ, сообщенный Шлёцеромъ нашей исторической критикѣ, которая съ того времени «начала производить свои работы съ такою же довѣренностью, какъ будто дѣло шло о каноническихъ книгахъ или объ опредѣленіяхъ Вселенскихъ соборовъ», равно и на *соблазнительный* примѣръ произвольности, съ которой толковалъ онъ и приписывалъ Нестору то или другое мнѣніе, а наконецъ и на многія частныя *ошибки, пропуски и недоразумѣнія*.

тера страстнаго, раздражительнаго, онъ пожертвовалъ истиннымъ смысломъ Несторовой лѣтописи любимой гипотезѣ, и подѣ видомъ объясненія Русскихъ лѣтописей началъ рѣшительно *противорѣчить* имъ, въ надеждѣ — заставивъ Нестора говорить *совсѣмъ наизворотъ*, такимъ способомъ увѣрить всѣхъ, что Русскіе Славяне всѣмъ одолжены благотворному вліянію чужеплеменниковъ, а до того времени будто бы они были чуть не звѣри.

Отсюда у Шлёцера образовался взглядъ на нашу древность діаметрально противоположный Несторовскому. Несторъ, перечисливъ Славяно-Русскія племена, говоритъ напрямки, что они «ся зваху отъ Грекъ *Великая Скиѣя*» ⁽⁶⁴⁾; справедливость этого показанія Несторова подтверждается тѣмъ, что у Геродота мы дѣйствительно находимъ въ Греческомъ *переводѣ* настоящія Русскія имена этихъ Скиѣевъ. Шлёцеръ перевелъ свидѣтельство Нестора: «все это (пространство) Греки называютъ Великою Скиѣею» ⁽⁶⁵⁾, но тотчасъ же воскликнулъ: чуръ! свалилъ все на переписчика: «теперь еще *чего дѣлать* со всею этою главою; *кажется*, что она вся *вставлена*» ⁽⁶⁶⁾, и думая, что такой отговоркой отдѣлался отъ Нестора, съ торжествомъ заключилъ: «прежде всего, должны Русскіе *отстать* отъ Скиѣевъ и Сарматовъ» ⁽⁶⁷⁾! Почему же *должны отстать* когда изъ словъ Нестора именно слѣдуетъ, что исторію, до-Рюриковского нашего періода надо искать у Грековъ подѣ именемъ Великой Скиѣи? А вотъ почему: «Байеръ очень ясно доказалъ, что сіи названія хотя сначала и принадлежали извѣстнымъ народамъ, но послѣ, по незнанію древнихъ, распространились на безчисленное множество земель. Неужели такъ трудно понять различіе между гео-графическимъ и этно-графическимъ названіемъ?» ⁽⁶⁸⁾.— Такъ, въ послѣдствіе времени имя Скиѣи распространено древними не только на весь Русскій Сѣверъ, но и на земли Азіатскія; да въ этомъ-то и задача критики, чтобъ отдѣлать *истинныя* свѣденія древнихъ отъ извѣстій, порожденныхъ *незнаніемъ* древнихъ. На прим. зная изъ Нестора, что у насъ были въ Малороссіи Поляне, Древляне и проч., и встрѣчая эти имена Скиѣевъ у Геродота

⁽⁶⁴⁾ Лаврентьевскій списокъ, стр. 7

⁽⁶⁵⁾ Шлёцеровъ Несторъ, I. стр. 213.

⁽⁶⁶⁾ Тамъ же, стр. 214.

⁽⁶⁷⁾ Тамъ же, стр. 423.

⁽⁶⁸⁾ Тамъ же, стр. 423—424.

въ Греческомъ переводѣ (Georgi, Hylaei etc), находя наконецъ у Страбона на мѣстѣ Малой Россіи имя Малой Скиѣи (parva Scythia), мы непременно должны воспользоваться этими свѣденіями и *сравнительнымъ* изученіемъ древности, повѣренной извѣстіями временъ *вполнѣ* достовѣрныхъ, возсоздать настоящую географію древняго міра, а не пренебрегать разсказами древнихъ писателей о Скиѣахъ, какъ требуетъ Шлёцеръ, наперекоръ Нестору, которому на каждомъ шагу противорѣчить.—Несторъ говоритъ что «бѣ множество» Славяно-Русскихъ племенъ, которыя отъ Грековъ звались Скиѣами, что они «сѣдяху до моря» (Чернаго) и что «суть гради ихъ и до сего дне» ⁽⁶⁹⁾; Шлёцеръ зналъ это, перевелъ самъ: «города ихъ существуютъ тутъ даже и до сего дня» ⁽⁷⁰⁾, но тотчасъ же назвалъ это вставкою *поддѣльщика* ⁽⁷¹⁾ и, отстранивъ такимъ образомъ свидѣтельство Нестора, смѣло началъ утверждать, будто бы «на всемъ пространствѣ Русскаго сѣвера, даже до середины IX столѣтія, не было ни одного города» ⁽⁷²⁾.—Несторъ пишетъ, что эти Славянскія племена, извѣстныя у Грековъ подъ именемъ Скиѣовъ, «имяху обыаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свои нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обыаи имуть кротокъ и тихъ и стыдѣнѣ къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ» ⁽⁷³⁾ и проч. Шлёцеръ передалъ это важное свидѣтельство Нестора такимъ образомъ: «у нихъ были свои обыаи, свои законы отъ отцевъ ихъ, свои преданія: каждый народъ имѣлъ свои (собственные) нравы. Поляне имѣли обыаи своихъ отцевъ: они были тихи и кротки, и оказывали великое погтеніе своимъ родителямъ и родственникамъ: своимъ снохамъ» и проч. Но, забывъ это, Шлёцеръ такъ объясняетъ Нестора, изображая состояніе Руси до призванія Рюрика: «конечно, люди тутъ были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда зашли; но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, не отличавшіеся ничѣмъ» ⁽⁷⁴⁾.—Не-

⁽⁶⁹⁾ Лаврент. списокъ, стр. 7.

⁽⁷⁰⁾ Шлёцеровъ Несторъ, I, стр. 213.

⁽⁷¹⁾ Тамъ же, стр. 214 и 216.

⁽⁷²⁾ Тамъ же, стр. 52.

⁽⁷³⁾ Лаврент. списокъ, стр. 7 — 8.

⁽⁷⁴⁾ Шлёцеровъ Несторъ, стр. 419 — 420.

сторъ пишетъ:» *бѣ путь изъ Грекъ по Днѣпру* ⁽⁷⁵⁾ Шлѣцеръ зналъ это ⁽⁷⁶⁾, перевелъ самъ, что *«былъ путь, отъ Грековъ ко (?) Днѣпру»* ⁽⁷⁷⁾; но, увлекаясь мыслію, что Русскіе Славяне до призванія Шведа-разбойника были подобны звѣрямъ и птицамъ, увѣряетъ, будто бы изъ Несторовой лѣтописи слѣдуетъ заключить, что Русскіе Славяне *«не имѣли ни какого сношенія съ южными народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ Европейцемъ»* ⁽⁷⁸⁾. — Несторъ пишетъ, что, для водворенія порядка нарушеннаго междоусобіемъ, сѣверные Славяне рѣшились *«поискать себѣ Князя»* ⁽⁷⁹⁾; а Шлѣцеръ, переведя это мѣсто ⁽⁸⁰⁾, спрашиваетъ самъ отъ себя: *«кому тутъ придетъ на умъ принцъ или Государь?»* ⁽⁸¹⁾ и воображая, что уже совсѣмъ отдѣлался, прямо говоритъ, будто бы «Нестору извѣстны только военачальники, а не Короли или Князья» ⁽⁸²⁾. — Несторъ объясняетъ причину призванія Рюрика, что Новгородцы *«рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ Князя, иже бы владѣлъ нами и судилъ по праву»* ⁽⁸³⁾; Шлѣцеръ нашелъ въ Софійскомъ Новгородскомъ спискѣ, что Новгородцамъ хотѣлось *«Князя, иже бы нами водилъ и радѣлъ и судилъ правду;»* сообразивъ разные списки, онъ вывелъ, что Новгородцы *«собравшись и поговоря между собою сказали: поищемъ сами для себя Князя, который бы нами владѣлъ, держалъ порядокъ и судилъ по правдѣ»* ⁽⁸⁴⁾. Но, не обращая вниманіе на этотъ собственный свой переводъ Нестора, Шлѣцеръ, положившись на Миллера, смѣло утверждаетъ будто бы Новгородцы *«не искали государя,»* потому что были кажется *«люди возвращенные въ дикой свободѣ и можетъ быть подобно Далекарскимъ крестьянамъ, столь же мало знавшіе что такое значить Король, и не могли вдругъ добровольно перемѣнить гражданское свое право на монархическое»* ⁽⁸⁵⁾. — Умышленно

⁽⁷⁵⁾ Лаврент. списокъ, стр. 4.

⁽⁷⁶⁾ Шлѣцеровъ Несторъ, I, 152.

⁽⁷⁷⁾ Тамъ же, стр. 154.

⁽⁷⁸⁾ Тамъ же, стр. 420.

⁽⁷⁹⁾ Лаврент. списокъ, стр. 12.

⁽⁸⁰⁾ Шлѣцеровъ Несторъ I, стр. 301

⁽⁸¹⁾ Тамъ же, см. 308.

⁽⁸²⁾ Тамъ же, стр. 51.

⁽⁸³⁾ Лаврент. списокъ, см. 12.

⁽⁸⁴⁾ Нест. Шлѣц. I, стр. 301.

⁽⁸⁵⁾ Тамъ же, см. 306.

бывъ Несторово свидѣтельство, что Новгородцамъ нуженъ былъ *Князь*, который *держалъ порядокъ и судилъ по правдѣ*, Шлѣцеръ выдумываетъ самъ отъ себя, что «они искали *только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ*, въ случаѣ прихода новыхъ грабителей», почему будто бы и призвали Шведскихъ «*морскихъ разбойниковъ*», изъ той части Упландскаго берега, которая — лѣтъ черезъ 300 или 400 послѣ Рюрика — отъ набѣговъ нашей Новгородской Руси (частенько разорявшей Шведскіе берега, особенно Упландскіе) названа была пристанищемъ Россовъ, Рослагеномъ⁽⁸⁵⁾. Шлѣцеръ и самъ видитъ, что у него дѣло не клеится — откровенно сознается, что «намѣреніе призвать защитниковъ отъ жестокихъ грабителей изъ сихъ же самыхъ *грабителей*, было *странно и опасно*»⁽⁸⁶⁾ но думаетъ вывернуться изъ такой несообразности тѣмъ только, что со стороны *грубыхъ* Новгородцевъ тутъ была *неосторожность*⁽⁸⁷⁾....

Для доказательства же *грубости* и дикости Новгородскихъ Славянъ, призвавшихъ себѣ въ князя *морскихъ разбойниковъ и грабителей*, Шлѣцеръ прибѣгнулъ къ этимологической дыбѣ и началъ изъ Русскихъ словъ выжимать Нѣмецкіе звуки. Онъ самъ хвастался «Рудбековскимъ искусствомъ» находить сходство тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго сходства: «если дадутъ мнѣ сотню *Русскихъ* именъ, то съ помощію извѣстнаго Рудбековскаго искусства, *возмусь я* отыскать столько же подобныхъ звуковъ въ *Малайскомъ Перуанскомъ и Японскомъ* языкахъ»⁽⁸⁸⁾. Какъ знатокъ этого искусства, онъ и сталъ нещадно мучить наши слова, до тѣхъ поръ, пока они отъ боли не зачали взвизгивать по-Нѣмецки. Новгородскіе Славяне, по мнѣнію Шлѣцера, были *очень дики и грубы*, а ихъ начальники, бояре, *очень глупы*, отчего будто бы и получили свое названіе, ибо слово *боляринъ* произошло отъ *барана*, принятаго въ смыслѣ *дурака*⁽⁸⁹⁾. Превративъ, такимъ обра-

(85) Тамъ же, стр. 430 и 317; сравните у меня выше, стр. XIII, XXIV.

(86) Шлѣцеровъ Несторъ, I, стр. 305.

(87) Тамъ же, и далѣе стр. 356 — 357.

(88) Тамъ же, стр. 429.

(89) Россійская Грамматика Шлѣцера, стр. 58; — Очерки Россіи, кп. II, стр. 45. — Сличите съ этимъ анти-логическимъ и анти-филологическимъ производствомъ «Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго съ всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями и съ 24 иностранными языками», покойнаго О. С. Шимкевича, ч. I, стр. 7 и 8. — Изъ его труда очевидно,

зомъ, почетное названіе древнихъ нашихъ витязей въ площадное ругательство глупцами, Шлёцеръ увѣряетъ, будто бы наши предки по дикости и грубости приняли Нѣмецкія презрительныя названія за высшій для себя идеаль, и Нѣмецкій *kerl* (мужикъ) сдѣлался у насъ владѣтелемъ сѣвернаго края, *Кралемъ*, или по другому діалекту *Королемъ*, а Нѣмецкій *Knecht* (холодъ) Русскимъ *Княземъ* (°°).

что имя *боляринъ* произошло слова *бой*, относящагося къ корню *би*, который далъ производныя: I) *бить*, по-Сербски *бити*, по-Чешски *bíti*, по-Словацки *bit*, по-Словенски у Крапцевъ *biti*, а въ Славоніи *bitti*; у Дубровничанъ (Рагузинцевъ), Далматовъ, Босняковъ и Кроатовъ также *bitti*; по-Литовско-русски *биць*, по-Польски *bic*; по-Сорабски въ Верхнее Лузацин *bicz*, въ Нижней Лузацин *bisch*, у Полабовъ въ Люнебургъ *bue*, по-Болгарски *би*; — II) *бой* и *вой-на*, по-Чешски и Словацки *wog* (читай: бой, ибо у Германскихъ Славянъ наше *й* выражается иногда латинскою буквою *g*), *wogna* (война), по-Польски *woy*, *woyna*, по-Сорабски въ верхней и нижней Лузацин *wojna*; по-Литовско-русски *вайна*; по-Словенски въ Крайнь и Славоніи *woiska*; по-Сербски въ Кроацин и Далматин *woy*, въ Босніи *woj*, въ Дубровникъ (Рагузь) *wooj*. — Отсюда произошли: старинное Чешское слово *wojak*, Словенское (Виндское) *wojaq*, Кроатское *woynik*, *woynik* и наше *боляринъ*, одного корня и значенія съ западно-Славянскимъ *витязь*.

(°°) О производствѣ слова *король* отъ *короля* (*kerl*) см. въ Шлёцеровой Россійской граматикѣ стр. 85; а слова *князь* отъ *кнехта* (*knecht*) стр. 89; — Очерки Россіи, кн. II, см. 46. — Возражать противу Шлёцера мнѣнія считаю излишнимъ: безразсудство его корнесловнаго «Рудбековскаго искусства» тутъ на высшей степени. — Проще и естественнѣе всѣхъ объяснено имя *краль* у М. Н. Макарова (Маякъ 1844, Сент. т. XVII) отъ кореннаго слова *край*. Онъ указываетъ на старую записку о Донцахъ (1625), гдѣ сказано: «напозады Кошеваго статьи Наказу, а по немъ Наказномъ Сотнымъ и Десятнымъ, а по тѣхъ быть *Крайлими* сирѣчь *Краевыми*»; и такъ, здѣсь слово *крайль* означаетъ фланговаго, крайняго воина, и произведено отъ кореннаго *край*. — Удивительно, что это коренное Славянское наше слово пропущено въ «Корнесловъ» Шимкевича. — Замѣчу здѣсь, что слово *крайль*, означая воина стоящаго на *краю* и защищающаго *край* (страну), въ то же время означаетъ и *правителя края*, держащаго край подъ своею властію и защитою; почему, западно-Славянское имя (употреблявшееся иногда и у насъ, хотя рѣдко) *Держикрай* совершенно соотвѣтствуетъ нашему имени *Владимиръ*. (См. Słownik języka Polskiego, przez Linde). Правильная форма, *крайль* (*krajl*), сохранилась на югѣ, у Краинскихъ Словенцевъ (*krajl*, *krajl*) а у Сербовъ въ Босніи (*kragl*) и Дубровникъ или Рагузь (*kragl*); у прочихъ Славянскихъ народовъ это слово сократилось въ *краль*: въ Словацкомъ языкѣ, въ Чешскомъ, Сорабскомъ (Лузацкомъ), Кроатскомъ, Далматскомъ, Виндскомъ (Славонскомъ). Отъ мужескаго *крайль*, сокращенно *краль*, произошло и женск *крайля*, *кралья*; но такъ какъ звукъ *а* часто замѣняется *о* (напр. крава=

Доказавъ свое «Рудбековское искусство» превращеніемъ Вла-
давца края (Края) въ мужика, а Законодателя и начальника
города въ холопа, Шлёцеръ пустился далѣе, увѣряя, буд-
то бы наши дикіе предки, не понимая истинъ нравствен-
ныхъ, не цѣнили дѣвственности, цѣломудрія, и самое сло-
во *дѣва* составили изъ Нѣмецкаго *Dieb* (дибъ = воръ) и
употребляемаго въ нижней Саксоніи *Tiffe* (сука)⁽⁹⁾... Тутъ

корова, прахъ = порошокъ, врагъ = ворогъ, прагъ = порогъ, влага = волога)
то вмѣсто *Краль*, явился нашъ *Король* и еще сокращеніе *Krol* и даже
Kgul. Сравнивъ слово *король* съ прочими словами оканчивающимся
на *ль*, — именемъ *крайль* (подобно коняль, княль), *король*, легко объ-
яснимъ Несторовыхъ «Корлязей», вариантъ имени *Краинцевъ*, объясняемый
различнымъ употребленіемъ слова *край* Славянскими племені: *крій*, *корай*
(какъ у насъ въ Рязанской сторонѣ) и проч. — Отсюда же и произво-
димый *крайлевство*, *королевство*, *крулевство* и т. дал.

Слово *князь* заключаетъ въ себѣ очень много значеній и существуетъ,
у всѣхъ Славянскихъ племенъ: у Болгаръ — какъ выходцевъ изъ Волж-
ской Руси — подобно намъ *князь*, у Сербовъ *кнезь*, въ Кроаціи Ду-
бровникъ и Далматин *knez*, у Сорабовъ въ Верхней и Нижней Лузаціи
также *knes*; у Чеховъ (въ старину *kniaz*), а теперь *knize*, *knez*; у Сло-
ваковъ въ старину *knaz*, а нынѣ *knize*; у Поляковъ *ksiadz*. Корень эта-
го имени есть слово *конъ*, означавшее въ древности во первыхъ: всякій
законный актъ, — откуда «кончати» = заключать законное условіе,
«докончаніе» = договоръ, напр. «съ Великимъ Княземъ ни кончати, ни
помириться безъ моей воли» (Ист. Гос. Рос. V, пр. 564), или: «съ кѣмъ
самъ буду въ докончаніи, и мнѣ того учинити въ докончаніи» (Древн.
Росс. Вивліоо. IX, 20), — и во вторыхъ: *часть города, илиющая особое
вѣдомство*, какъ пять концовъ Новгорода, наприм. «оже кто познаетъ
челядь свою украденную, и пойметъ ѳ, то вести по конамъ» (Ист. Гос.
Росс. II, пр. 88). Отъ слова *конъ* произошли: *конягъ* (законодатель и
начальникъ города), сокращенно *княгъ*, жен. *княгиня*, и *княжь* (сынъ
княга), жен. *княжна* (дочь княга). Женскій родъ сохранился въ правиль-
ной формѣ; а въ мужескомъ, по трудности произношенія, и *княгъ* и
княжь измѣнились въ *князь*, тѣмъ удобнѣе, что въ именительномъ мно-
жественномъ числѣ уже говорилось «князи.»

(¹) Шлецерова Россійская Грамматика, стр. 82; — Очерки Россіи, кн. II,
см. 46; нелѣпость такого словопроизводства очевидна. — Слова *дѣва* при-
надлежитъ не однимъ намъ, но всѣмъ вообще народамъ Славянскаго пле-
мени: у насъ въ Россіи *дѣва*, *дѣвка*, *дѣвица*, *дѣвина*, *дзѣвка*; у Бол-
гаръ также такъ у насъ *дѣва*; у Сербовъ *дева*, въ Дубровникѣ *djeva*,
djevizza, въ Босніи *djeva*, *djiva*, *djevica*, *divica*, у Кроатовъ *deva*, *devicza*;
у Словенцевъ въ Славоніи *divica* въ Краинѣ *diviza*, у Словаковъ *diwka*;
у Чеховъ въ старину *dewa*, *dewice*, нынѣ же, *diwka*, *dewka*; у Сора-
бовъ въ Верхней Лузаціи *dzowka*, въ Нижней *zowka*, въ Люнебургѣ
dewa. — «Отъ слова *дѣва* происходитъ названіе такой добродѣтели, ко-
торая прилична лицамъ обоего пола, именію *дѣвство*,» замѣчаетъ Шни-

остается только поставить знак удивленія филологическимъ способностямъ и благонамѣренности Шлецера!

Такимъ образомъ возникла и утвердилась пресловутая Шлѣцорова теорія Русской древней Исторіи, опиравшаяся единственно лишь на *илля* Нестора, но въ сущности рѣшительно противоположная Несторовой лѣтописи, и подкрѣпленная только беззаконіемъ филологической инквизиціи, наперекоръ истиннымъ основаніямъ здравомыслящей этимологіи. Шлѣцеръ, какъ человѣкъ умный, безъ сомнѣнія не могъ не видѣть всей несообразности своихъ гипотезъ; но, какъ фанатикъ, пожертвовалъ *истиною* любимой идеѣ, будто мы всѣмъ обязаны только вліянію чужеземцевъ, морскихъ Шведскихъ разбойниковъ, а до прибытія ихъ оставались почти на степени животныхъ.—Какимъ же способомъ удалось ему пустить въ ходъ эту гипотезу, которой противорѣчили и Временникъ Нестора и наблюденія Филологіи надъ Славянскими языками? Шлѣцеръ и тутъ нашелся. Во время своего пребыванія въ Россіи (1761—1769) онъ замѣтилъ, что Русскіе ученые падки къ космополитизму, не любятъ хвастать любовью къ отечеству, и съ жаромъ ухватился за эту слабую струну. Ловкость его въ семъ случаѣ удивительна. Онъ сталъ жаловаться, что «*худо-понимаемая* любовь къ отечеству подавляетъ всякое критическое и *безпристрастное* обработываніе Исторіи»⁽⁹²⁾, какъ будто хорошо-понимаемая любовь къ отечеству ради *безпристрастія* заставляетъ *противорѣчить* ясному свидѣтельству и лѣтописному и филологическому. Но Шлѣцеръ сталъ на своемъ и, прибавивъ, что эта худо-понимаемая любовь къ отечеству «*дѣлается смѣшною*»⁽⁹³⁾, восклицаетъ: «возможно ли, чтобы древнихъ Руссовъ не признали за Шведовъ *потому только*, что тогда были въ ссорѣ со Шведами?»⁽⁹⁴⁾.—Нѣтъ, слѣдовало бѣ отвѣчать на это: совсѣмъ не потому: ссора сама по себѣ, а правда сама

кевичъ. «Если мы ограничимся въ семъ случаѣ только Русскимъ языкомъ, то съ перваго взгляда представится несообразность понятій. Но эта несообразность отстраняется, когда обратимся къ Кроатскому нарѣчію, въ которомъ говорится о лицѣ женскаго пола до замужства *deva* и *devicza*; а о мужчинѣ, ведущемъ себя непорочно въ извѣстномъ отношеніи, и слѣд. находящемся какъ бы въ состояніи юности: *dev* и *devacz.*» Корнесловъ Русс. языка I, стр. 72.

(92) Шлѣцеровъ Несторъ, I, стр. 430.

(93) Тамъ же.

(94) Тамъ же.

по себѣ; но ваша теорія Шведскаго произхожденія Рюрика явно противорѣчитъ Времяннику Пр. Нестора, который утверждаетъ, что послы наши отправились не къ Свеемъ, не къ Урманамъ (Норвежцамъ), не къ Англянамъ (Англо-Саксамъ), а къ Руси, и указываетъ жилища этой Руси отнюдь не въ Швеціи, а на западъ отъ Пруссавъ и Поляковъ до земли Англянской (Англо-Саксонской), то есть до низовья Лабы (Эльбы), къ югу же до земли Чехо-Моравскихъ Волоховъ, то есть до верховья этой рѣки и Вислы. Слѣдственно: не по ссорѣ со Шведами, а *по причинѣ явной несообразности съ указаніемъ Пр. Нестора* отвергается теорія о выходѣ Рюрика изъ Швеціи.—Но Шлѣцеръ твердитъ свое: «возможно ли чтобы противъ неоспоримато положенія, что Варяги и Норманны суть одинъ и тотъ же народъ, возставали *потому только*, что Норманны были морскіе разбойники? Генгстъ и Горзъ были одного съ Рюрикомъ ремесла, а потомки ихъ, короли Англо-Саксонскіе, и во снѣ не думали сердиться на своихъ лѣтописателей за то, что они это говорили»⁽⁹⁵⁾. Но чтожь прикажете дѣлать, если Рюрикъ и его братья не были морскими разбойниками? Новгородцы нуждались совсѣмъ не въ морскомъ разбойникѣ, а въ князѣ, который бы держалъ порядокъ и судилъ по правдѣ — способенъ ли на это разбойникъ изъ жестокихъ грабителей, по выраженію Шлѣцера? И такъ не изъ худо-понимаемой любви къ отечеству, но *по причинѣ* опять явнаго противорѣчія Пр. Нестору и даже простому здравому смыслу, Историческая Логика не можетъ допустить гипотезы, будто бы Рюрикъ и его братья были только разбойниками!⁽⁹⁶⁾

⁽⁹⁵⁾ Тамъ же.

⁽⁹⁶⁾ Этотъ подробный разборъ основныхъ идей Байера и Шлѣцера о древностяхъ нашей Руси лучше всего оправдываетъ мысль, высказанную мной въ *Предисловіи* къ Историко-Критическимъ изслѣдованіямъ О. Л. Морочкина, что «Нѣмецкое направленіе Байеро-Шлѣцеровой школы *повредило* нашей Исторіи и остановило ея успѣхи» (стр. 6). Профессоръ Морочкинъ начинаетъ свое *Вступленіе* слѣдующими словами: «мы до тѣхъ поръ не будемъ илить Исторіи, достойной Русскаго народа *доколе* будемъ вѣрить Шлѣцеру и его продолжателямъ. Шлѣцеръ не понималъ Нестора и вообще заставлялъ лѣтописцевъ говорить такъ, какъ ему было угодно, порицая все что было противно его системъ... Изъ этого можно видѣть, какъ необходимо было критику *искажать* текстъ лѣтописей и какъ трудно ему было дойти до истины. Направленіе удивительно ложное!» (стр. 18) Такіе отзывы, хотя и основанные на сущности дѣла, пробудили фанатизмъ байеро-шлѣцеріанъ, не при-

Проницательный Ломоносовъ съ перваго взгляда — какъ говорится — раскусилъ Шлецера: цѣня его познанія по достоинству, но видя въ немъ одинаковое съ Миллеромъ желаніе «высматривать *пятна* на одеждѣ Россійскаго тѣла, *проходя истинныя украшенія*», нашъ патріотъ-ученый сильно вооружился, оперся на Законъ и смѣло возсталъ противъ принятія Шлецера въ Академію, утверждая и доказывая, передъ Правительствующимъ Сенатомъ и Президентомъ Академіи, «что Шлѣцеръ принять въ Академію не токмо не въ силу Регламента, но и въ предосужденіе Россійскому народу.» Развивая мысль эту, Ломоносовъ пишетъ: «въ *Академическомъ Регламентѣ* въ 13 пунктѣ повелѣно стараться, чтобъ *адъюнкты* были всѣ *Россійскіе*.

выкшихъ отдавать себѣ *отгетъ* въ справедливости того или другаго мнѣнія. Авторъ книжки Die Begufung ужаснулся, что смерть Венелина не остановила возстаній противу Байеро-Шлѣцеровъ ученія, и въ суетврномъ испугѣ воскликнулъ: «von diesen wurde nun nach seinem Tode ebenso entschieden der Stab über Männer wie Bayer, Müller und die ihnen unter den Schweden, Deutschen und Russen gefolgt sind, gebrochen. Sie sollen, hört man wiederholt sagen, der Russischen Geschichte durch ihre einseitige Behandlung derselben mehr geschadet als genützt haben. Далѣе (стр. VIII и X) слѣдуетъ переводъ моихъ словъ, что система Байера и Шлѣцера отвлекла нашихъ ученыхъ отъ аналогическаго изученія Исторіи нашихъ Славянскихъ единоплеменниковъ, а потомъ переводъ вышеприведеннаго отзыва Морошкина о направленіи трудовъ Шлѣцеровыхъ. Чѣмъ же насъ опровергаетъ юный фанатикъ прежней школы? А тѣмъ, что, молъ, Шлѣцера *хвалили* все *важные люди*: епископъ Стратиміровичъ, Копытаръ и Михаилъ Петровичъ Погодинъ, однажды сказавшій «нашъ славный учитель Шлѣцеръ!» (стр. XII). Ну такъ что же? *бездоказательная* похвала развѣ что-нибудь значить на всѣхъ критики? Учивость покойнаго Канцлера Румянцева, который написалъ Шлѣцеру: «je suis fier de vous avoir pour collègue,» развѣ можетъ доказывать истину и справедливость Шлѣцерева ученія? Нисколько! Румянцева былъ человекъ удивительно *учтивый* и *добрый*: какъ истинный меценатъ, онъ оказывалъ денежныя пособія многимъ ученымъ, въ надеждѣ не будутъ ли они чѣмъ полезны Русской Исторіи. Лучшимъ доказательствомъ его доброты можетъ служить слѣдующее происшествіе, известное всѣмъ, кто только былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Канцлеромъ. Отъ него шло постоянное жалованье, между прочимъ, и тому ученому, который прославился знаменитымъ производствомъ слова *отгій* не отъ *отца*, а отъ *отца*; однажды, читая книгу «Іоаннъ Экзархъ Болгарскій», Румянцева затруднился тамъ словомъ *спанъ* и отресся къ преславному ученому, прося объяснить: что значить это слово? Велемудрый ученый отвѣчалъ по-французски и привелъ множество примѣровъ изъ Библіи, въ которыхъ употреблены слова *спалъ*, *спали*, *спавъ*, *спать* и проч.

Сіе разумѣть не иначе должно, какъ что *иностранныхъ не принимать вновь* послѣ объявленія онаго Регламента, а особливо гдѣ они не положены, какъ при исторіографѣ. Шлёцеръ принять — первое иностранной, второе — не къ мѣсту, сверхъ штата; и хотя по послѣднему пункту онаго Регламента позволено Президенту нѣчто прибавить или переимѣнить, однакожь для важныхъ причинъ, и чтобъ

(сплавить, соединить) откуда и заключить, что *впрямую* имя «спапъ» означаетъ человека *спалинаго* съ Римскою Церковью, сирѣчь *Uniat*! Такимъ образомъ, отличная этимологія достигла того, чего не могли достигнуть всѣ Папы; и чего не произвела вся хитрая политика Римскаго Двора, то сдѣлалось очень легко, всемогущею волею знатока Русскихъ и Славянскихъ древностей, который, говорятъ, потому только не печаталъ такихъ драгоценныхъ открытій, что *не хотѣлъ* «прервать свое надменное безмолвіе и испортить себѣ кровь» во время *утеной полемики*, на которую вызывали его, а то бы загрозилъ всѣ книжныя лавки безсмертными произведеніями, ничуть неуступающими славному *огагу*, отъ него же выведенъ и *отхій*, подобно тому какъ въ *Болгарію* при Царѣ Симеонѣ введена *Уніа*, въ исходѣ X вѣка!... Румянцевъ хохоталъ отъ чистаго сердца. Онъ перевелъ это письмо на Русскій языкъ, и читая своимъ знакомымъ и близкимъ къ нему людямъ (въ томъ числѣ известному нашему археографу, И. И. Г-чу), говорилъ: «а вѣдь переводъ для меня «очень полезенъ — прежде и я, подобно другимъ, почиталъ этого ученаго *знатокомъ* Славянскихъ древностей; теперь важу, что онъ пре-«пустая голова: связи ни малѣйшей!» — «Такъ не прикажете ли, Ваше Сіятельство, прекратить ему выдачу жалованья?» спросили Канцлера. — «Нѣтъ,» отвечалъ добрый Графъ, «по нашимъ-то древностямъ онъ хоть «и ничего не смыслитъ, да за то его Византійская Хронологія книга «хорошая и для насъ полезная! Конечно, теперь его ужъ ни за чѣмъ «безпокоить я не буду; впрочемъ, онъ человекъ не богатый: продолжать «ему посылать!» — Вотъ какой добрый человекъ былъ Канцлеръ Румянцевъ!... Диво ли, что онъ уважалъ Шлёцера за полезное для насъ *сличеніе* разныхъ списковъ Нестора, за *переводъ* лѣтописи и вообще за *редкое трудолюбіе*; а недостатки: *искаженіе* прямаго смысла у Нестора и *противорѣчія* его Временинику, которыя Шлёцеръ величалъ *объясненіемъ*, русскій меценатъ великодушно прощалъ ему, какъ иностранцу, увлеченному своимъ народнымъ патріотизмомъ.... Въ такихъ же точно отношеніяхъ должны и мы находиться къ труду Шлёцеру: оцѣнивалъ доброе, не скрывать и недостатковъ, искажающихъ внутренній смыслъ важнѣйшихъ событій нашей Исторіи. Шафарикъ справедливо говорилъ, что «нѣкогда, въ глубокую старину, въ странахъ между Понтомъ и Бельтомъ была *несравненно большая и населенность и образованность и дѣятельность*, нежели какъ намъ угодно было думать» (Слав. Древн. III, стр. 292), и писалъ М. П. Погодину: «Греками и Римлянами наши предки не были, не ходили ни въ какой Аѳинской театръ и не читали никакого Платона; но и такими *дикиими варварами и каннибалами*

то суммы не превосходило. Въ принятіи Шлёцера не было никакой нужды, ни очевидной пользы; ибо принять онъ по прихотямъ Миллеровымъ для вспоможенія въ его дѣлахъ, который *долженъ* уже давно былъ — принять и приучить кого къ своему дѣлу изъ *природныхъ Россіянъ*, коему не нужно бѣ было обучаться — какъ Шлёцеру — Россійскаго языка, что и *нашему народу предосудительно*, яко бы не было изъ него способныхъ понять Миллерово знаніе, которое видно изъ самыхъ его лучшихъ дѣлъ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ. Наконецъ Шлёцеръ принять въ адъюнкты не токмо *безъ выбору*, но и безъ всякаго выбору и одобренія отъ профессорскаго собранія, но по представленію *одного* человѣка, который въ двухъ коммисіяхъ подозрительнымъ признанъ публично въ разсужденіи не позволенныхъ переписокъ и занозливыхъ мнѣній о Россіи. Да и самымъ дѣломъ оказалось, что Миллеръ *пріискалъ* себѣ *подобнаго*, что явствуетъ изъ печатающейся Шлёцеровой Грамматики Россійской на Нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ, *кромя множества несносныхъ погрѣшностей*, внесены досадительныя Россіянамъ мнѣнія»⁽⁹⁷⁾. Возставая на защиту Регламента и желая дать средства Русскимъ проникнуть въ Академію, Ломоносовъ нападалъ на принятіе Шлёцера въ адъюнкты, но — умѣя цѣнить истинныя его достоинства: знаніе многихъ языковъ и отличныя свѣдѣнія во Всеобщей Исторіи, — полагалъ, что «можно дать ему *ректорство въ гимназій*, и притомъ титулъ экстраординарнаго профессора, съ тѣмъ чтобъ въ университетѣ онъ читалъ *студентамъ лекціи Универсальной Исторіи*, на Латинскомъ языкѣ, съ жалованьемъ противъ Россійскихъ экстраординарныхъ»⁽⁹⁸⁾.

Пылкій, желчный характеръ Шлёцера вполне выказался въ этой ссорѣ. Ломоносовъ былъ однакожъ правъ, возставая не изъ личной вражды, но единственно изъ желанія — проложить *Русскимъ* путь въ Академію, почему и предлагалъ употребить Шлёцера на то, къ чему онъ способенъ. Оправдывая свое мнѣніе о Миллеровскомъ на-

какими изображаютъ ихъ намъ нѣкоторые писатели, они также *не были*.» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, Май, отд. IV, стр. 283). А кто же возрастилъ эти мысли? кто былъ родоначальникомъ этихъ «нѣкоторыхъ» писателей?... Шлёцеръ!...

(97) Очерки Россіи, кн. V, вторая статья А. О. Вельмана «Портфель Ломоносова», стр. 58 — 59.

(98) Тамъ же, стр. 62.

правленіи Грамматика Шлецера, Ломоносовъ пишетъ: «больше всего оказывается не токмо незнаніе, но и сулябродство, въ произведеніи словъ Россійскихъ. Кромѣ множества, что развратно и здравому разсудку противно, внесены еще *ругательныя* чести и святости *разсужденія*», въ доказательство чего стоило только указать словопроизводство нашего *боярана* отъ *барана* или дурака, нашей *дѣвѣ* отъ Нѣмецкаго *вора* (Dieb) и Ниже-Саксонской *суки* (Tiff), нашего Славянскаго *кравля*, *короля* отъ Нѣмецкаго *мужика*, (Kerl) Славянскаго, *князя* отъ Нѣмецкаго *холопа* (Knecht), и проч. тому под. Ломоносовъ такъ и сдѣлалъ, а въ заключеніе прибавилъ (⁹⁹): «изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не накоблудить въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина». . . . Рѣзко, а вѣдь справедливо; и Ломоносовъ имѣлъ право такъ говорить, какъ Русскій и какъ ученый, коротко знакомый съ отечественною исторіею, которой удѣлялъ часть своихъ занятій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Понимая, что взглядъ Байера и Миллера, усвоенный впоследствии Шлѣцеромъ, долженъ вести неизбѣжно къ превратному изображенію всей нашей древности — Ломоносовъ еще съ 1751 года вознамѣрился готовить матеріалы для составленія Русской Исторіи, и занимаясь ex officio Химіею и Физикой, посвящалъ часть времени Словеснымъ Наукамъ и Отечественнѣйшей Исторіи. Въ 1751 году «читалъ книги для собранія матеріи къ сочиненію Россійской Исторіи: *Нестора*, за нимъ *Приславлѣ*, большой лѣтописецъ *Татищева* первый томъ, *Крамера*, *Вейселя*, *Гельмольда*, *Арнольда* и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя эксценты или выписки или примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ» (¹⁰⁰). Въ 1752 году «для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи, читалъ *Кранца*, *Преторія*, *Мураторія*, *Йорнанда*, *Прокопія*, *Павла Дьякона*, *Зонара*, *Феофана Исповѣдника*, *Леона Грамматика* и иныхъ; эксептовъ нужныхъ на 5 листахъ, во 161 статьѣ» (¹⁰¹). Въ 1753 году занимался по прежнему: «записки изъ упомянутыхъ авторовъ приводилъ подѣ статьи

(⁹⁹) Очерки Россіи, кн. II, стр. 45 — 46.

(¹⁰⁰) Москов. Телеграфъ (1827), ч. XVIII. «Послужной списокъ М. В. Ломоносова съ 1751-го по 1757 годъ» (стр. 109 — 117). Жаль, что статья эта обезображена многими ошибками; Крамеръ названъ *Кримеромъ*, Арнольдъ *Арсольдомъ* и проч.

(¹⁰¹) Тамъ же, стр. 110.

числами; читалъ *Россійскіе Академическіе лѣтописцы* безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ»⁽¹⁰²⁾; въ 1754 г. «сочиненъ *Опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рюрика*»⁽¹⁰³⁾; въ 1755 году Ломоносовъ изслѣдовалъ вопросъ объ отношеніяхъ Варяго-Руссовъ къ нашимъ Новгородцами и къ южнымъ Славянскимъ народамъ, и дѣянія трехъ первыхъ князей нашихъ⁽¹⁰⁴⁾; въ 1756 году, пишетъ Ломоносовъ, «собранные мною въ нынѣшнемъ году *Россійскіе историческіе манускрипты* для моей библіотеки, *пятнадцать книгъ*, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ Россійскихъ»⁽¹⁰⁵⁾. Приготовивъ себя такимъ образомъ къ *ученому занятію* Исторіею,—уже знакомый съ великими образцами древности, а теперь познакомясь съ Исторіею нашихъ западныхъ и южныхъ Славянскихъ братій,—Ломоносовъ пріобрѣлъ самостоятельный взглядъ на древности, и съ горькимъ негодованіемъ смотрѣлъ на усилія чужеземцевъ—исказить истину и представить Славянъ до призванія Рюрика грубыми, бѣдными дикарями, лишенными всѣхъ понятій нравственнаго и общественнаго порядка.

Противникъ Ломоносова, послѣдователь Байера, Шлёцеръ сознался, что «нужда въ отечественной Исторіи была ощутительна» Ломоносовъ желалъ удовлетворить вопіющей потребности своихъ современниковъ—и, какъ увидимъ далѣе, не безъ успѣха. Академія въ это время уже перемѣнила мысли о своемъ знаменитомъ членѣ, геніальномъ *Русскомъ* человѣкѣ, который сошелъ въ могилу Оцѣняя заслуги умершаго, Академія положила напечатать Русскую Исторію Ломоносова (хотя она была доведена имъ только до кончины Ярослава Перваго), и предисловіе къ этой книгѣ поручила написать Шлёцеру, находившемуся тогда при Академіи.

Шлёцеръ, фанатически преданный гипотезамъ Байера о Скандинавскомъ происхожденіи древней Руси и о дикости Славянъ до призванія ими по неосторожности (!) морскихъ Шведскихъ разбойниковъ, безъ сомнѣнія тогда еще не забылъ и рѣзкаго Ломоносовскаго отзыва объ авторѣ извѣстнаго *ученаго* опыта Русской Грамматики, произво-

(102) Стр. 113.

(103) Стр. 114. Ломоносовъ упоминаетъ тутъ *Дедикацію* или *Посвященіе*; оно утрачено—по крайней мѣрѣ не напечатано въ книгѣ.

(104) Москов. Телеграфъ (1827), т. XVIII, стр. 115.

(105) Тамъ же, стр. 117;—окончанія этою послужнаго списка нѣтъ.

дившей Русскія благородныя слова отъ Нѣмецкихъ ругательныхъ. Теперь, когда грозный противникъ *ученыхъ фантазій* лежалъ во гробѣ, Шлёцеръ могъ уже говорить обо всемъ безъ околичностей . . . Каково было предисловіе это, неизвѣстно, потому что Академики не согласились напечатать его въ томъ видѣ, какъ оно было написано; въ I-мъ же томѣ своего «Нестора», Шлёцеръ такимъ образомъ выразился объ историческихъ трудахъ Ломоносова: «Нужда въ отечественной Исторіи было ощутительна. Тутъ *сжалился* профессоръ химіи, Ломоносовъ, и написалъ «Краткій Россійской лѣтописецъ» (1760, въ 8-ую долю листа, 75 стр). Онъ принялся было и за бѣльшее сего сочиненіе, но довелъ его только до 1054 года; по смерти его, Академія напечатала этотъ отрывывокъ въ 1766 году (140 стр. въ 4 долю листа), съ моимъ (хотя передѣланнымъ) предисловіемъ... Такимъ образомъ вышло довольно сносное руководство къ Русской Исторіи» (1°6). Но такъ какъ, по мнѣнію Шлёцера, «ни одинъ ученый историкъ не долженъ сомнѣваться, что Скандинавы основали Русскую Державу,» а этому предположенію Байера Ломоносовъ являлся ревностнымъ противникомъ, то Шлёцеръ и вывелъ, что «между всѣми Русскими, писавшими до сихъ поръ Русскую Исторію, нѣтъ ни одного *ученаго* историка», и въ эту категорію *неученыхъ историковъ*, включилъ Ломоносова (1°7). Однакожь, благоразуміе Академіи заставило уничтожить слѣды ученой вражды и несправедливаго гнѣва, который невольно проглядывалъ сквозь видимое спокойствіе у Шлёцера. Оставлено только слѣдующее:

«Къ читателю. Сочинитель сея книги, покойный Статскій Совѣтникъ Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ, издалъ уже въ 1760 году Краткой Россійскій лѣтописецъ, который *принятъ* былъ здѣсь съ немалымъ удовольствіемъ.— Потомъ, положивъ намѣреніе сочинить пространную Исторію Россійскаго народа, собралъ съ великимъ *прилежаніемъ* изъ иностранныхъ писателей все что ему полезно казалось ко познанію состоянія Россіи прежде Рюрика, и при томъ описалъ житія осьми первыхъ Великихъ Князей, сидѣвшихъ на Россійскомъ престолѣ отъ 862 до 1054 года. — *Полезный* сей трудъ содержитъ въ себѣ древнія, темныя и самыя ко изъясненію трудныя Россійской Исторіи части. Сочинитель конечно не преминулъ бы оный

(1°6) Шлёцеровъ Несторъ, ч. I, страница риз.

(1°7) Тамъ же, стр. 325.

далѣе продолжать, ежели бы преждевременная его смерть, приключившаяся ему 4 Апрѣля 1765 году, *добраго сего предпріятія* не пресѣкла; а между оставшимися послѣ его письмами продолженія не найдено.»

Приговоръ Академіи Наукъ былъ справедливъ. Оба книги Ломоносова «приняты съ немалымъ удовольствіемъ» и за границу: «Краткій лѣтописецъ», переведенный на Нѣмецкій языкъ Штелинымъ младшимъ (1766), весь разошелся и потребовалось даже второе изданіе, которое и было исправлено Шлёцеромъ (1771); «Древняя же Россійская «Исторія переведена была и на Нѣмецкій языкъ (Бакмейстеромъ) и на Французскій. Для иностранцевъ, чуждыхъ ученой нашей враждѣ, было все равно, кто бы ни писалъ — только бы умно и хорошо было написано; какое жъ различіе мыслительности у Ломоносова и его современниковъ! какой взглядъ на древность, основательный и справедливый, хотя и не во всѣхъ частяхъ равно отчетливый! Коротко знакомый съ великими образцами Исторіи у Грековъ и Римлянъ, изучивъ иноземные памятники среднихъ вѣковъ и наши отечественные, Ломоносовъ такъ выразилъ свои мысли во *Вступленіи* къ своему труду:

Народъ Россійскій отъ временъ глубокою древностію сокровенныхъ до нынѣшняго вѣку *толь многія* видѣлъ въ счастіи своемъ *перелѣты*, что ежели кто междоусобныя и отвиѣ-нанесенныя войны разсудить, въ великое удивленіе придетъ, что по толь многихъ раздѣленіяхъ, утѣсненіяхъ и нестроеніяхъ не токмо *не растопился*, но и на *высочайшій степень величества, могущества и славы* достигнулъ. Извиѣ Угры, Печенѣги, Половцы, Татарскія орды, Поляки, Шведы, Турки, изнутри домашнія несогласія — не могли такъ утомить Россію, чтобы сила своихъ не возобновила. Каждому несчастію послѣдовало *благополучіе бѣльшее прежняго*, каждому упадку *высшее возстановленіе*, и къ ободренію утомленнаго народа нѣкоторымъ *Божественнымъ промысломъ* воздвигнуты были бодрые государи.

Толикія перемѣны въ дѣяніяхъ Россійскихъ, *соединеніе* разныхъ племенъ подъ *самодержавствомъ* первыхъ князей Варяжскихъ, *внутреннія* потомъ *несогласія*, ослабившія наше отечество, наконецъ *новое совокупленіе подъ единою властью*, и *пріобщеніе сильныхъ народовъ на востокъ и на западъ* разсуждая, порядокъ оныхъ — подобенъ теченію великія рѣки представляю, которая отъ источниковъ своихъ по широкимъ полямъ разпростираясь, иногда въ малые потоки раздѣляется, и между многими островами теряетъ глу-

бину и стремленіе; но паки соединясь въ одни береги, вѣщую бы-
стрину и великость пріобрѣтаетъ; потомъ, присовокупивъ въ себя
иныя великія отъ сторонъ рѣки, чѣмъ далѣе протекаетъ, тѣмъ обиль-
нѣйшими водами разливается и теченіемъ умножаетъ свои силы.

Возрастая до толикаго величества Россія, и восходя чрезъ *силь-
ныя и многообразныя препятствія*, колы многія дѣянія и приключе-
нія дать могла писателямъ — о томъ удобно разсудить можно.
Изъ великаго ихъ множества не мало, по общей судьбинѣ, во мра-
къ забвенія покрыто. Однако, *противу мнѣнія и гаянія многихъ (!)*,
толь довольно предки наши оставили на память, что, примѣнясь къ
лѣтописателямъ *другихъ народовъ*, на своихъ жаловаться не най-
демъ *причины*. Не мало имѣемъ свидѣтельствъ, что въ Россіи толь
великой *тѣмъ несправедливости не было*, какую представляютъ многіе
внѣшніе писатели. Инако разсуждать принуждены будутъ, снесши
своихъ и нашихъ предковъ, и сличивъ *происхожденіе, поступки,*
обычай и склонности народовъ между собою.

Большая однихъ древность не отъемлетъ славы у другихъ, ко-
торыхъ *или* позже въ свѣтъ распространилось. Дѣянія древнихъ
Грековъ не помрачаютъ Римскихъ, какъ Римскія не могутъ унижить
тѣхъ, которыя по долгомъ времени приняли начало своея славы.
Начинаются народы, когда другіе разсыпаются: одного разрушеніе
даетъ происхожденіе другому. Не *время*, но *великія дѣла* прино-
сятъ преимущество. Посему всякъ, кто увидитъ въ Россійскихъ
преданіяхъ — *равныя дѣла и герои* Греческимъ и Римскимъ *подоб-
ныя*, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но
только *вину* полагать долженъ на бывшій нашъ *недостатокъ въ*
искусствѣ, каковымъ Греческіе и Латинскіе писатели своихъ геро-
евъ въ полной славы предали вѣчности.

Сіе уравниеніе предлагаю по причинѣ нѣкотораго *общаго подобія*
въ порядкѣ дѣланій. Россійскихъ съ Римскими, гдѣ нахожу владѣніе
первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей —
самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россій-
скихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему
на разныя княжескія и на вольные города, нѣкоторымъ образомъ
гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство Кеса-
рей представляю согласнымъ самодержавству государей Московскихъ.
Одно примѣчаю *несходство*, что Римское государство гражданскимъ
владѣніемъ возвысилось, самодержавствомъ пришло въ упадокъ;
напротивъ того, разномысленною вольностію Россія едва не дошла
до крайняго разрушенія: самодержавствомъ какъ съ начала усили-
лась, такъ и послѣ несчастливыхъ временъ умножилась, укрѣпилась,
прославилась. Благонадежное имѣемъ увѣреніе о благосостояніи на-

шего отечества, видя въ *единоначальномъ владѣнн* — залогъ нашего блаженства, доказаннаго толь многими и толь великими примѣрами. Едино сіе разсужденіе довольно являетъ, *коль полезныя къ сохраненію цѣлости государствъ правила* изъ примѣровъ Исторіею преданныхъ — изыскать можно.

Велико есть дѣло — смертными и преходящими трудами дать *бессмертіе* множеству народа, соблюсти похвальныхъ дѣлъ *должную славу*, и преноса минувшія дѣланія въ потомство и въ глубокую вѣчность — *соединить* тѣхъ, которыхъ натура долгою времени раздѣлила. Мраморъ и металлъ, коими видъ и дѣла великихъ людей изображенныя всенародно возвышаются, стоятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно и ветхостию разрушаются; Исторія, повсюду распростиралась, и обращаясь въ рукахъ человѣческаго рода, стихіи строгость и грызеніе древности презираетъ. Наконецъ она даетъ Государямъ примѣры правленія, подданнымъ—повиновенія, воинамъ—мужества, судіямъ—правосудія, младымъ—старыхъ разумъ, престарѣлымъ—сугубую твердость въ совѣтахъ, каждому — незлобивое увеселеніе съ неслыханною пользою соединенное. Когда *вымысленныя повѣствованія* производятъ движенія въ сердцахъ человѣческихъ, то *правдивая ли Исторія* побуждать къ похвальнымъ дѣламъ *не имѣетъ силы*, особенножь та, которая изображаетъ дѣла *правдцевъ нашихъ*?

Предпринимая тѣхъ описаніе, *твердо напѣтрлюсь* — держаться *истины* и употреблять на то цѣлую силу возможность. *Великостію сего дѣла* закрыться должно все, что отъ правды отвратить можетъ. Обстоятельства до особенныхъ людей надлежащія — не должны здѣсь ожидать похлѣбства, гдѣ весь разумъ повиненъ внимать и наблюдать *праведную славу цѣлаго отечества*: дабы пропущеніемъ надлежащія похвалы—*негодованія*, приписаніемъ ложныя—*презрѣнія* не произвести въ благоразсудномъ и справедливомъ читателѣ! (108)

Это *Вступленіе* лучше всего знакомитъ со взглядомъ Ломоносова на Русскую Исторію и на обязанности Историка. Если же онъ рѣшительно отказалъ въ *похлѣбствѣ* даже *особеннымъ*, сильнымъ политическимъ людямъ; то могли ль отъ него ожидать *похлѣбства* гипотезы тѣхъ «внѣшнихъ писателей», которые—вопреки истинѣ, вопреки настоящему смыслу Нестора—проповѣдывали теорію дикости Славянъ и образованія ихъ Шведскими «морскими разбойниками», призванными въ князя «по неосторожности», а поддерживали эту гипотезу нещаднымъ искаженіемъ Русскихъ словъ, принужденныхъ этимологическою пыткой взвизгивать на Нѣмецкій ладъ. Много ль было пригото-

влено трудами Байера и Миллера для наших древностей? Что могъ бы заимствовать отъ нихъ умный Ломоносовъ, говоря о первыхъ вѣкахъ нашего бытія? Ужъ не сказки ли о томъ, какъ разные Датскіе, Шведскіе и Норвежскіе *Короли*, современники Иисуса Христа и Апостоловъ (по увѣренію Торфея), завоевывали Россію, побѣждали Русскихъ Царей и женились на ихъ дочкахъ,—сказки, такъ справедливо осужденныя остракизмомъ Шлецера на изгнаніе изъ Русской Исторіи (¹⁰⁹)? Или высшій взглядъ на историческую критику, какъ на ловлю *созвучій*, у Байера, превратившаго Французовъ-Бретонцевъ въ Англичанъ-Британцевъ, а этихъ въ Скандинавовъ, равно какъ и насъ Великороссіянъ-Новгородцевъ въ Кавказскихъ Кабардинцевъ, а Малороссійскихъ Бужанъ въ Татаръ Буджаковъ? Или, уже не слѣдовало-ль нашему Ломоносову пойти въ науку созвучій къ защитнику «бредней Исландскихъ старухъ», автору диссертациі о началѣ народа и имени Русскаго, Миллеру, который, прочитавъ нашу сказку о Бовѣ королевичѣ и слышавъ отъ дѣтей, что нянюшки потѣшали ихъ рассказами какъ «Царь Додонъ... на-клатъ на ладонь», съ важностью воскликнулъ въ Академической рѣчи: *имена Боусъ (сынъ Одиновъ) и Бова, Одинъ и Додонъ — сходны; слѣдственно, не должно отвергать сказаній Саксона Грамматика* (¹¹⁰)? Но Ломоносовъ былъ такъ благоразуменъ, что его не лъзя было поддѣть на созвучія—онъ искалъ другихъ основаній, болѣе твердыхъ, болѣе вѣрныхъ, для исторической критики. Умъ, привыкшій къ математической точности, требовалъ постепенности, послѣдовательности, и потому, приступая къ разсужденію «о старобытныхъ въ Россіи жителяхъ», Ломоносовъ начинаетъ со временъ чисто-историческихъ и отсюда уже углубляется въ древность:

Старобытные въ Россіи обитатели, *Славяне* и *Чудь*, по преданіямъ *достоверныхъ нашихъ летописателей* извѣстны. Древніе

(¹⁰⁹) Карамзинъ «для читателей любопытныхъ» выписалъ изъ Саксона Грамматика и Торфея «*сін весьма недостоверныя извѣстія* о древней Россіи». Исторія Гос. Росс. I, прим. 96.

(¹¹⁰) См. сочиненіе Миллера «о народахъ въ Россіи обитавшихъ», гл. о Гот-оахъ; Карамзинъ (I, пр. 96) основательно смѣется, что «Миллеръ въ своей Академической рѣчи съ важностію повторилъ *сказки* сего Датчанина, который «дозволилъ себѣ *выдумать* всю начальную Исторію Скандинавіи, основываясь будто бы на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ, неизвѣстныхъ ни одному человѣку, кромѣ его».

внѣшніе авторы *Скивоовъ* и *Сарматъ*, на разныя поколѣнія раздѣленныхъ, подъ разными именоваіями въ ней полагають. *Обои народы* одержали великое участіе въ обширномъ семь земель пространствѣ ⁽¹¹¹⁾.

Соединеніемъ двухъ этихъ племенъ, нашего Славяно-Русскаго и Чудскаго или Финнскаго, подъ властію князей Варяжскихъ начинается наша древнѣйшая отечественная лѣтопись, и потому Ломоносовъ сперва считаетъ необходимымъ читателю «пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе» о племенахъ, вошедшихъ въ составъ нашего государства, преимущественно о Славянахъ нашихъ и Западныхъ или Варяжскихъ. Сказавъ, что «множество разныхъ земель Славянскаго племени есть *неложное доказательство величества и древности*» ⁽¹¹²⁾, Ломоносовъ исчисляетъ эти земли, показываетъ «не токмо по большей половинѣ Европы, но и по знатной части Азіи распространенныхъ Славянъ» ⁽¹¹³⁾; объясняетъ, что «такое множество и могущество Славянскаго народа уже во дни первыхъ князей Россійскихъ *извѣстно* изъ Нестора и изъ другихъ нашихъ и иностранныхъ писателей», и отъ времени *вполнѣ достовѣрныхъ* переходитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ о древности:

Сравнивъ *тогдашнее* состояніе могущества и величества Славенскаго съ *нынѣшнимъ*, едва чувствительное нахожу въ немъ приращеніе. Чрезъ покореніе Западныхъ и Южныхъ Славенъ въ подданство чужой власти и приведеніе въ Магометанство едва ли не послѣдовалъ бы *знатный уронъ сего племени* передъ прежнимъ, — если бы *приращенное могущество Россіи* съ другой стороны онаго умаленія съ избыткомъ не наполнило. Того ради безъ сомнѣнія заключить можно, что *величество Славенскихъ народовъ*, вообще считая, стоитъ *близъ тысячи лѣтъ почти на одной мѣрѣ*.

Но то же еще усматриваю *много далѣе въ древности*. Въ началѣ VI столѣтія по Христу, Славенское имя весьма прославилось, и могущество сего народа не токмо во Фракіи, въ Македоніи, въ Истріи и въ Далмаціи было страшно, но и къ разрушенію Римской Имперіи способствовало весьма много. Венды и Анты, соединяясь со сродными себѣ Славянами, умножили ихъ силу. Единоплеменство сихъ народовъ не токмо нынѣшне сходство въ языкахъ показываетъ, но и за тысячу двѣсти лѣтъ засвидѣтельствовало Гор-

⁽¹¹¹⁾ Древняя Росс. Исторія Ломоносова, стр. 5.

⁽¹¹²⁾ Тамъ же стр. 7.

⁽¹¹³⁾ Тамъ же, стр. 9.

пандъ ... Прежде Юрнанда Птоломей, во второмъ столѣтіи по Христѣ, оставилъ въ память, что Сармацію одержали превеликіе Вендскіе народы ⁽³⁾ ... и народъ Славено-Польскій по справедливости называетъ себя Сарматскимъ... Многочисленнаго Славянскаго народа доказываютъ тогдашнюю великость Болгаре, которыхъ единоплеменство по великому сходству языка, могущество и множество—изъ военныхъ дѣлъ неспоримо.... Въ сѣверныхъ Россійскихъ предѣлахъ Славянскіе жители умолчаны не столько за малолюдствомъ, сколько за незнаніемъ отъ вѣдшихъ писателей: старинныя развалины свидѣтельствуютъ...

Сіе разсуждалъ, не почитаю за легкомысленное любопытство, когда—примѣчая именованія мѣстъ у Птолемея, у Плинія и у другихъ—находимъ отъ Адриатическаго моря и Дуная до самыхъ береговъ Ледовитаго Океана многія знаменованія съ языка Славенскаго, что не за безсильное доказательство признавать должно, когда на вышеписанныхъ свидѣтельствахъ имѣетъ опору и основаніе ⁽¹¹⁴⁾.

Имя Славенское поздно достигло слуха вѣдшихъ писателей, и едва прежде царства Юстиніана Великаго; однако же *самъ народъ и языкъ* простирается въ глубокую древность. *Народы отъ имени не начинаются, но имена народовъ даются.* Иные отъ самихъ себя и отъ сосѣдовъ *единъмъ* называются; иные разумѣются у другихъ подъ *званіемъ* самому народу *не обыкновеннымъ*, или еще и *неизвѣстнымъ*; нерѣдко *новымъ* проименованіемъ старинное помрачается; или старинное, перешедъ домашніе предѣлы, за *новое* почитается у чужестранныхъ. Посему, имя Славенское, по вѣроятности, много давнѣе у самихъ народовъ употреблялось, нежели въ Грецію или въ Римъ достигло и вошло въ обычай. Но прежде докажемъ *древность*, потомъ поищемъ въ ней *имени*.

Во первыхъ о древности довольно и почти очевидное увѣреніе имѣемъ въ *величествѣ* и *могуществѣ* Славянскаго племени, которое больше полуторыхъ тысячъ лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ: и для того помыслить невозможно, чтобы оное въ первомъ послѣ Христа столѣтіи *вдругъ расплодилось* до толь великаго многолюдства, что *естественному* бытію человѣческаго *теченію* и *приливанію* возвращенія великихъ народовъ противно. *Сему разсужденію согласуютъ многія свидѣтельства великихъ древнихъ писателей ⁽¹¹⁵⁾.*...

И такъ вотъ на чемъ хотѣлъ основать свою историческую критику Ломоносовъ: *сравненіе тѣхъ временъ съ нынѣшними, естественное теченіе бытія человѣческаго, то есть естественность и логическая возможность собы-*

⁽¹¹⁴⁾ Древн. Рос. Ист. Ломоносова, стр. 10—11.

⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же. стр. 11—12.

тій, и наконецъ *прилипы* прошедшаго, послѣ чего и филологія составляетъ уже «не безсильное доказательство», но только тогда, когда опирается на *свидѣтельство* древнихъ, согласна съ истинными *основаніями*, извлекаемыми изъ разсмотрѣніа временъ уже чисто-историческихъ, вполнѣ *извѣстныхъ*. Какое безмѣрное разстояніе отъ Байера Миллера и самого Шлёцера!

Сообразивъ рассказы древнихъ и указанія лѣтописателей среднихъ вѣковъ, Ломоносовъ вывелъ, что Славяне, въ глубочайшей древности, переселялись въ Европу двумя путями: изъ Малой Азіи моремъ на Балканскій полуостровъ подъ именемъ Венетовъ, и сухимъ путемъ изъ Мидіи черезъ Кавказъ подъ именемъ Сарматовъ въ предѣлы Россіи и Польши; тѣснимые въ Иллиріи и вообще въ Дунайскихъ странахъ Римлянами, Славяне частію удалились къ намъ, своимъ сѣвернымъ братьямъ, и потомъ вмѣстѣ начали предпринимать походы на Римскую имперію (¹¹⁶). Въ походахъ Готовъ, Вандаловъ и Лангобардовъ «немалую часть воинствъ составляли Славяне и не токмо рядовые, но и главные предводители были Славянской породы» (¹¹⁷), почему въ этихъ войнахъ «великое сообщество и участіе геройскихъ дѣлъ приписывать должно Славянамъ» (¹¹⁸). Наша земля искони была Русью, хотя иноземцы въ среднихъ вѣкахъ и въ древности звали Россіянъ Роксанами (Россанами), Роксоланами, Аланорсами, Аорсами (¹¹⁹). Нѣкоторыя поколѣнія Славяно-Русскія отъ береговъ Волги двигались къ берегамъ Балтійскаго моря, разумѣется, «не въ одинъ разъ и не въ краткое время» (¹²⁰). Новые всельники «восточное плечо рѣки Нѣмени проименовали Руссою» (¹²¹), и распространились по Литвѣ, Жмуди, Подляхін, собственной Пруссіи и даже за островъ Рюгенъ, котораго жители назывались Россанами (¹²²). Наше имя, *Русь*, «широко по восточно-южнымъ берегамъ Варяжскаго моря простиралось отъ лѣтъ давнихъ» (¹²³); отсюда они «съ Готами въ Италію ходили и назывались отъ историковъ Аланами, Сциррами и

(¹¹⁶) Древн. Рос. Ист. Ломоносова, стр. 23—31.

(¹¹⁷) Стр. 11.

(¹¹⁸) Стр. 30; также, стр. 42 и 52.

(¹¹⁹) Стр. 48—49.

(¹²⁰) Стр. 50.

(¹²¹) Тамъ же.

(¹²²) Стр. 46—49.

(¹²³) Стр. 46.

Ругіянами» (124). Занимая Балтійское Поморье, эти Варяжскіе Славяно-Руссы «издревле къ купечеству прилежали», имѣли торговые города, какъ Винета, раззоренная Датчанами, но такъ же славились и наѣздничествомъ, плавая (по свидѣтельству Константина Порфирогенита) даже до Египта (125). Они были въ сношеніяхъ съ Новгородцами, которые наконецъ и призвали себѣ на княженіе единоплеменныхъ государей Варяго-Русскихъ (126).

Такимъ образомъ, признавъ разноплеменность Варяговъ, но приписавъ Славянство Варяжской Руси, населявшей нынѣшнее Прусское Королевство, Ломоносовъ *первый* далъ этому *древнему* нашему повѣрью «ученый систематическій видъ, изыскивая Славенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на прибалтійскомъ западѣ по *указаніямъ Гельмольда и другихъ западныхъ писателей*; дополнилъ это мнѣніе *древне-Русскимъ*, Несторовскимъ понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ, и *учено-иноземнымъ* мнѣніемъ среднихъ вѣковъ о тождествѣ Руси съ Роксоланами, и *отрпшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ*, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII-мъ и чetyредесятіе XVIII-го вѣка) потѣшалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о произхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*. Сего системою прекращается *первый*, длинный періодъ *Русской школы*, которая зачалась изъ живыхъ, своенародныхъ стихій историческихъ и вкоренилась еще на исходѣ XI вѣка, въ Кіевѣ, «Повѣстью» Несторовою, при вліяніи стихіи Византійской; потомъ — въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, при сумеркахъ Византійскаго свѣта и вѣяніи Западномъ — выросла въ родословное древо «Степенной книги,» покрывшееся широколиственною сѣнью «Никоновской лѣтописи;» во второй половинѣ XVII вѣка, въ Кіевѣ, явилась «Хроникою» Софоновича (1672) и умножилась Латино-Польскими прививками Гизелева «Синописа» (1674), почти цѣлое столѣтіе размножавшагося во всѣхъ Русскахъ школахъ. Ея полный разцвѣтъ, съ одной стороны, начался «Ядромъ Россійской Исторіи» Князя Хилкова (въ Шведскомъ засточеніи, въ Вестеросѣ, 1715); съ другой, въ Александрo-Невской семинаріи изобразился сот-

(124) Стра. 42 и 52.

(125) Стр. 19 и 52.

(126) Стр. 52—56.

нями родословныхъ круговъ въ стихотворномъ «Зерцалѣ Историческомъ» (1748). Наконецъ Русская школа завершилась (1754) плодомъ *ученыхъ занятій*, Исторіей Ломоносова, его *историческою системою*, — и ею обновленная и возрожденная, явилась въ свѣтъ въ началѣ Историческаго вѣка Великой Екатерины (1766), уже по смерти Ломоносова (1765).» Потому-то, справедливо Максимовичъ называлъ Историческое произведеніе Ломоносова *ученою представительницею старой-Русской школы* среди новыхъ школъ историческихъ, между которыми она — и какъ новая *система* XVIII вѣка — есть *старшая Русская школа историческая*» (127).

Разсматривая, безпристрастно и хладнокровно, эту старую Русскую систему, не лѣзя не удивляться проницательности ума Ломоносова, который—имѣя предшественниками только Байера съ Миллеромъ, игравшихъ созвучіями, и Татищева, чуждаго высшей исторической критикѣ, — силою собственнаго соображенія вознесся до такой высоты, что могъ построить такую замѣчательную теорію нашей и обще-Славянской Исторіи! Онъ еще не осмѣливался объявить восточныхъ Германовъ прямо-Славянами, но въ Готахъ, Лангобардахъ, Вандалахъ видѣлъ уже на-половину Славянъ; ошибался иногда въ этимологіи, но опираясь на здравую логику, все-таки выходилъ съ честію, если не съ окончательною побѣдою: ошибался въ производствѣ имени Прусовъ (128), но справедливо признавалъ ихъ предковъ Славянами, которые отъ смѣшенія съ чужеплеменниками (особенно съ Ливонскою и Эстонскою Чудью) измѣнилась въ народъ Литовскій (129);

(127) Откуда идетъ Русск. земл. (стр 26—127).

(128) Тогдашняя Берлинская Академія полагала, что имя *Пруссія* составлено изъ предлога *по* и имени *Русь*, и означаетъ страну сосѣдственную съ Россіею. Ломоносовъ справедливо былъ недоволенъ такимъ объясненіемъ: «по-сему равнымъ образомъ и прочіе древніе, Россійскіе сосѣды, какъ Ливонцы, Поляки и другіе, названы быть могли *Поруссами* или *Пруссалии*» (стр. 45). По мнѣнію Ломоносова, имя *Поруссы* или *Прусы* означаетъ, что они *по Руссахъ* остались, по удаленіи Руссовъ заняли ихъ земли (стр. 46), что также невѣроятно. Карамзинъ предложилъ догадку, что «имя *Пруссія* произошло отъ рѣки Руссы или Русны: такъ Поволжьемъ назывались окрестности Волги, поморьемъ окрестности моря» (Ист. Гос. Росс. томъ I, пр. 111). Шафарикъ же напротивъ утверждаетъ, что «имя Прусь, Прусья, Прусакъ есть имя непроизводное, простое» (Слав. Древн. кн. III, стр. 150, пр. 52).

(129) Мнѣніе Ломоносова замѣчательнымъ образомъ совпало съ мыслями зна-

не зная что островъ, называемый у Нѣмцевъ Rügen, у Славянъ всегда назывался Руяной (Rujana), а рьяные обитатели потому-то у сосѣдей всегда и слыли Рьянами (Rani, Рьяны) или, по другому діалекту, Руйными (Rujani-Rugiane-Ruiane) Ломоносовъ ошибся, думая, что имя Rani есть сокращеніе имени Руссиновъ (Rossani) съ береговъ Волги или Ра (Ra), но не ошибся въ томъ, что имъ, этимъ Рьянымъ или Руйнымъ островитянамъ, дѣйствительно принадлежало имя *Руси*, какъ племенное; ошибался, уже слишкомъ распространяя предѣлы міра Финнскаго, вслѣдъ за Байеромъ даже на Скифовъ, но правильно созналъ въ скифскихъ Роксоланахъ и Аланорсахъ нашъ народъ Славяно-Русскій; ошибался, причисляя Гунновъ къ племени Чудскому, но правильно объявилъ Болгаръ Славянами Волжскими, послѣ чего ему было уже легко со-временемъ найти ключъ къ тождеству Готовъ, Вандаловъ и Лангобардовъ съ Балтійскою Русью, Скифовъ съ Днѣпровскою Русью, Гунновъ съ Волжскою или Болгарскою Русью. Но мысль о *Старобытности Руси, нашей и Варяжской*, прямо и смѣло высказанная Ломоносовымъ, одна, сама по себѣ уже доказываетъ, какъ сильно было у него соображеніе и какъ глубоко проникалъ онъ въ сущность исторической критики, утверждая, что имя «Русь не должно производить и начинать отъ времени пришествія Рурикова къ Новгородцамъ» (130). Такимъ образомъ, будучи у насъ первымъ поэтомъ, первымъ наставникомъ краснорѣчія, первымъ химикомъ и однимъ изъ первыхъ Европейскихъ физиковъ своего вѣка, и въ Исторіи сдѣлался законодателемъ своихъ соотечественниковъ, «и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ похвалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства, не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго чело-

менитаго нашего современника, признаваемого первымъ знатокомъ Славянскихъ древностей. Шафарикъ именно утверждаетъ, что «между Литовцами и Славянами касательно *языка, свойствъ и нравовъ* замѣчается гораздо бѣльшее сродство, нежели между остальными племенами Европейскаго поколѣнія» (Слав. Древ. III, стр. 124); онъ почитаетъ народы Литовскій и Славянскій *двумя вѣтвями одного племени*, и отдѣленіе Литовскаго народа отъ Славянъ приписываетъ (какъ и Ломоносовъ) тому, что съ одной стороны «Литовцы не совершенно выгнали древнюю Чудь изъ ея жилищъ и смѣшались съ нею» а съ другой тому, что они весьма долго находились подъ властью Готовъ и прочихъ Нѣмцевъ» (III. стр. 127, 128).

(130) Древняя Рос. Ист. Ломоносова, стр. 46.

вѣка», по счастливому выраженію М. А. Максимовича ⁽¹³¹⁾.

Здравомысліе такъ свойственно Русскому человѣку, что надо лишь *показать* ему *истину* — и онъ тотчасъ признаетъ ее. Мысли зеніальнаго Ломоносова столько заключали въ себѣ истины, что онъ (по выраженію Шлёцера) сталъ *оракуломъ для своихъ единоземцевъ*; теорія Байеровой критики, разумѣется, предстала бы во всей своей нищетѣ, со всѣмъ противорѣчіемъ здравому смыслу, и потому, желая спасти ее—противники Ломоносова ополчились *встѣми* средствами. Они поступили такъ. Впервыхъ причислили самаго Ломоносова къ *неученымъ историкамъ* за то, что не согласился съ Байеровой гипотезой о произхожденіи Руси изъ Скандинавіи; — вовторыхъ, начали увѣрять, что онъ уже отсталъ отъ успѣховъ нѣмецко-русской исторической критики, и потому повторяетъ ужаснѣйшія нелѣпицы. Такое обвиненіе слѣдовало подкрѣпить доказательствомъ; но какъ *искомыхъ* нелѣпицъ у здравомыслящаго Ломоносова найти было невозможно, то за неимѣніемъ дѣйствительныхъ обвиненій, поднялись на слѣдующую штуку. Баронъ Герберштейнъ, въ началѣ XVI вѣка писалъ, что Русскіе при Василии Іоанновичѣ хвалятся съ произхожденіемъ своимъ князей отъ Римлянъ ⁽¹³²⁾; изъ Петрея же видимъ, что царь Іоаннъ Грозный производилъ родъ свой отъ Прусса, будто бы брата Римскому Императору Августу ⁽¹³³⁾, слѣдуя Степенной книгѣ, въ которую внесена была со всѣми подробностями эта сказка, принятая за чистую правду впослѣдствіи и Княземъ Хилковымъ въ «Ядро Россійской Исторіи», со множествомъ анекдотовъ о морскомъ путешествіи Его Римскаго Высочества, изъ Средиземнаго моря въ Балтійское. Ломоносовъ читалъ у Длугоша, Матвѣя Мѣховскаго и Кромера, что «нѣкоторое число Римлянъ, оставивъ Италію, на южныхъ берегахъ Варяжскихъ поселились и создали городъ Ромово» и такъ рѣшилъ дѣло о Прусь. Описавъ призваніе князей

(131) Откуда идетъ Русск. земл. (стр. 138) — Мнѣніе, высказанное Ломоносовымъ о сообществѣ Славянъ съ Готами и проч. послужила основаніемъ сочиненію «Россія въ историческомъ отношеніи»; мысль о крещеніи Оскольда принята Митрополитомъ Платономъ, П. Г. Бутковымъ и А. Д. Чертковымъ.

(132) Nosce fratres originem a Romanis traxisse glorianur Rutheni, a quibus etiam praesens Moscoviae princeps se genus duxisse suum asserit.

(133) Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkov (Лейпцигъ, 1620) стр. 141.

Варяжскихъ, и признавъ ихъ Славяно-Руссами изъ предѣловъ нынѣшняго Прусскаго Королевства, онъ говоритъ:

«Заключая сіе, мнѣ должно упомянуть о произхожденіи Рюриковъ отъ Августа Кесаря Римскаго, что въ нашихъ нѣкоторыхъ писателяхъ показано. Изъ вышеупомянутыхъ видно, что *многіе Римляне* переселились къ Руссамъ на Варяжскіе берега. Изъ нихъ по великой вѣроятности были сродники *кого-нибудь* Римскаго Кесаря, которые всѣ общимъ именемъ Августы, сирѣчь величественные или Самодержцы назывались. Такимъ образомъ, Рюрикъ могъ быть *кого-нибудь Августа*, сирѣчь *Римскаго Императора*, сродникъ. Вѣроятности отрещись не могу; *достоверности не вижу* (¹³⁴).

И такъ, Ломоносовъ только упоминаетъ объ этомъ, по его же словомъ, *недостоверно* родствъ Рюрика съ *какимъ-нибудь* изъ Римскихъ императоровъ. Шлёцеръ же, указавъ на эти слова Ломоносова, насильно ему навязываетъ разныя нелѣпицы и, торжествуя мнимую побѣду, въ полномъ удовольствіи отъ своей выдумки — восклицаетъ:

Миллеръ (въ Бюшинговомъ Magazin, XVI, стр. 341) смѣется надъ *сиими* Ломоносовскими словами! — У какого *ученаго историка* достанетъ терпѣнья разсматривать *всю нелѣпость этой родословной*; на примѣр: Рюрикъ, потомокъ Прусовъ въ 14 колѣнѣ, слѣдственно отъ 1—860 г. Сколь же стары должны быть всѣ прародители? и такъ далѣе. (¹³⁵)

Честно ли это?

Къ сожалѣнію, многіе, не читавъ Ломоносова — или читавъ невнимательно — на-слово повѣрили Шлёцеру, будто бы *эта нелѣпая родословная* въ самомъ дѣлѣ перенесена Ломоносовымъ изъ Степенной книги въ *ученую Исторію*! (¹³⁶). И такъ всѣ были запуганы грознымъ приговоромъ Шлёцера, что совсѣмъ перестали читать Ломоносова. Даже незабвенный исторіографъ нашъ, Н. М. Карамзинъ, со словъ Гёттингенскаго ученаго, обвинилъ по-напрасну Ломоносова: «въ *Степенной книгѣ* сказано, что Рюрикъ вышелъ изъ Пруссіи; посему Ломоносовъ утверждалъ, что *Варяги Русь* были *Пруссы*, то есть *Лотыши*» (¹³⁷). Отсюда ясно, что даже и Карамзинъ зналъ Исторію Ломоносова только по искаженію Шлёцера; ибо Ломоносовъ, гово-

(¹³⁴) Древняя Росс. Ист. Ломоносова, стр. 50 и 56.

(¹³⁵) Шлёцеръ «Несторъ», ч. I, стр. 287.

(¹³⁶) Тамъ же, стр. 372.

(¹³⁷) Ист. Гос. Росс. Карамзина, I, пр. 105.

ря о Варяго-Руссахъ, отыскиваетъ ихъ старобытность на берегахъ Балтики по указанію не Степенной книги, а западныхъ писателей; землю этихъ Варяговъ - Руссовъ простираетъ далеко за предѣлы *Пруссавъ-Латышей*, «широко повосточноюжнымъ берегамъ Варяжскаго моря», причисляетъ къ этимъ Варяго-Руссамъ «*Ругенскихъ Славянъ*» которые назывались Ранами и Россанами»; и, признавая *одноплеменность* Пруссавъ съ Варягами, строго *отдѣляетъ* однихъ отъ другихъ: «Варяго Россы были главный народъ и знатнѣе нежели Прусы» (¹³⁸); о произхожденіи жъ тѣхъ и другихъ пишетъ: «оба Славянскаго племени, и языкъ ихъ Славянскій же, токмо черезъ смѣшеніе съ другими не мало отдалился отъ своего корени» (¹³⁹), и потомъ объясняетъ, что какъ Вендское нарѣчіе (Поморское, Варяго-Русское) измѣнилось отъ сосѣдства съ Нѣмцами, также точно испортилось и Летское (Латышское, Литовское): прибытіе Римлянъ на Балтійскій берегъ вмѣшало въ древне-Прусскій языкъ много словъ Латинскихъ, сообщество съ Скандинавами привнесло довольно словъ Тевтонскихъ, а наконецъ Ливонскія (Чудскія), заимствованныя по сосѣдству, произвели отмѣну въ нынѣшнемъ нарѣчій въ собственной Пруссіи, Литвѣ, въ Курляндіи и на Жмуди (¹⁴⁰). Предполагая, что Ломоносовъ повелъ ту Варяжскую Русь отъ Пруссавъ-Латышей, единоплеменныхъ Славянамъ, конечно для того только, чтобы «Новгородъ безъ великаго стыда могъ требовать себѣ отъ нихъ владѣтелей», ибо «гораздо оскорбительнѣе повиноваться князьямъ иноплеменнымъ»,—Карамзинъ возражаетъ противъ этой мнимо-Ломоносовской гипотезы тѣмъ, что «если мы захотимъ Исторію соображать съ пользою народнаго тщеславія, то она утратитъ главное свое достоинство, истину, и будетъ скучнымъ романомъ»; что «Несторъ весьма ясно *отличаетъ* Варяговъ отъ Пруссавъ говоря: Прусъ и Чудъ присѣдять къ морю Варяжскому, по сему же морю сѣдять Варязи» (¹⁴¹) и далѣе говорить, что хроника Луки Давида (41, 45, 53, 55) доказываетъ, что «Россіяне прежде Рюриковыхъ временъ жили гдѣ нибудь въ *ближнемъ сосѣдствѣ съ Пруссави*» (¹⁴²). Но эти всѣ мнимыя возраженія служатъ лишь къ оправданію Ломо-

(¹³⁸) Древняя Рос. Ист. Ломоносова, стр. 44—45.

(¹³⁹) Тамъ же стр. 47.

(¹⁴⁰) Тамъ же, стр. 50—51.

(¹⁴¹) Тамъ же.

(¹⁴²) Тамъ же стр. 111.

носова, который самъ отличаетъ Варяговъ - Руссовъ отъ Пруссовъ, полагая однакожь ихъ единоплеменными-сосѣдами; ведетъ же Рюрика и его братьевъ изъ земли Рюгенскихъ Славянъ и прочаго Бальтійскаго Поморья, а не изъ Свейской земли, совсѣмъ не изъ пользы народнаго тщеславія, но потому, что и Несторъ говоритъ о призваніи не Свейскаго Конунга, но Варяго-Русскаго Князя, въ слѣдствіе чего правъ и Преторій, утверждавшій о Рюрикѣ и его братьяхъ, что «конечно они не изъ Даніи или изъ Швеціи были приняты, затѣмъ что языка, обычаевъ и обрядовъ различіе и мѣста разстояніе — сему не дозволяетъ вѣрить, но призваны изъ сосѣдовъ; думаю, изъ Пруссіи и съ ними сообщенныхъ народовъ» (143). Такимъ образомъ, думая опровергать Ломоносова, Карамзинъ подкрѣпилъ его мысли. Но такъ какъ и въ «Исторіи Государства Россійскаго» повторены слова Шлёцера, что съ Байеромъ относительно Скандинавскаго произхожденія Варяговъ «согласны всѣ ученые историки, кромѣ Татищева и Ломоносова» (144), то и М. П. Погодинъ уволить себя отъ чтенія трудовъ «неученаго историка», а въ своемъ Историко-Критическомъ разсужденіи «О произхожденіи Руси», въ 1825 году повторилъ Шлёцерову выдумку, будто-бы «Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ Пруссіи, положась на свидѣтельство *Степенной книги о Пруссѣ*». Даже Венелинъ въ 1836 году, печатавъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» свое разсужденіе о Скандинавоманіи, зналъ Исторію Ломоносова только по искаженнымъ толкамъ Шлёцера, почему и повторилъ — но съ большею умѣренностью, нежели Погодинъ — будто «Ломоносовъ подалъ свое мнѣніе о выходѣ Рюрика изъ Пруссіи, мнѣніе, которому покровительствовалъ уже Іоаннъ Грозный» (145), не зная, что первый опытъ истинно-ученой критики исторической представилъ намъ нашъ первый поэтъ, первый витія, первый физикъ, первый химикъ, во всемъ *первый*.

Наконецъ, уже въ 1837 году, двое благомыслящихъ изыскателей рѣшились замолвить доброе слово правды за невиннаго — здѣсь Н. И. Надеждинъ, въ Кіевѣ — М. А. Максимовичъ. Первый, говоря объ Историческихъ трудахъ въ

(143) Слѣтъ Готическій Преторія, кн. II, гл. 2; — Древняя Росс. Ист. Ломоносова, стр. 55 и 45.

(144) Ист. Гос. Росс. Карамзина, I, пр. 405.

(145) Скандинавоманія и ея поклонники или столѣтнія изысканія о Варягахъ Историко-Критическое изслѣдованіе Юрія Венелина, изданное (по кончинѣ его) въ 1842 году, стр. 52.

Россіи, изложивъ свое мнѣніе о Байерѣ, Миллерѣ, Татищевѣ, Эминѣ, Щербатовѣ, Тредьяковскомъ, такъ высказалъ свои мысли о Михаилѣ Васильевичѣ: «осторожнѣе и разсудительнѣе былъ Ломоносовъ. Натуралистъ по обязанности, литераторъ по призванію, онъ вышелъ на поле для него чуждое, но необыкновенная организація головы предохранила его и здѣсь отъ совершеннаго паденія: оба его историческіе опыта, изъ которыхъ одинъ (пространнѣйшій) только начатъ, отличаются по крайней мѣрѣ *воздержностью и здравомысліемъ сужденія*» (146). Максимовичъ же показавъ, что Ломоносову извѣстны были какъ Византійскіе такъ и Западные Латинскіе лѣтописцы, прибавилъ: «вотъ доказательство учености Ломоносова, — не выставленной имъ на показъ, какъ товаръ лицомъ, — вопреки Шлёцеру, который въ пылу своего неудовольствія за непризнаніе Байеровой системы, — отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ историкамъ въ *учености* и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазіи*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ патріотизма. Если Ломоносовъ и не нагромоздилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлёцеръ подъ сводомъ Нестора, — то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе*, и не *сводъ Лѣтописей*, но основанную на нихъ *Исторію Русскую*; притомъ же онъ писалъ за *полвѣка* до Шлёцера свода Нестора, когда не было еще для Русской Исторіи вѣка Екатерины Великой. Говорятъ: критика работаетъ для Историка; но много ли приготовили для Историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые критики: Татищевъ, Байеръ и Миллеръ? И для *учености* бываетъ разный талантъ: для иной — *свѣтлый лучъ мысли* изъ тмы свѣденій, хотя бы онъ казался *фантастическимъ*, какъ сѣверное сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой — *грозда свѣденій*, подъ которою умъ заходитъ за разумъ, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли!» (147) Относительно же самой системы Ломоносова и взгляда его на Русскія Древности, не лѣзя не согласиться съ Максимовичемъ, что «Славяно-Русская школа, обновленная въ системѣ Ломоносова, прямо заняла самое выгодное мѣсто посреди новыхъ системъ, и будучи плодомъ предшествовавшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною обоестороннею*. Это есть, такъ сказать, цѣльный компасъ, съ постоян-

(146) Библіотека для чтенія (1837), т. XX. Науки и худож. стр. 102.

(147) Откуда идетъ Рус. земля, стр. 130.

нымъ *наклоненіемъ* сѣвернаго конца и съ правильно-повременнымъ склоненіемъ обѣихъ къ западу и востоку: сѣвернаго отъ Одера къ Ильмену, южнаго отъ Волги. Новыя системы разломили этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на сѣверъ отъ Новгорода, другая совершенно наклонилась на югъ отъ Кіева. Потому Ломоносовская система способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, и сама отъ нихъ развиться въ историческую систему, болѣе другихъ полную и совершенную, между тѣмъ какъ другія, новыя системы, по необходимости должны отрицать открытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ—однѣ при объясненіи сѣверныхъ, другія при изъясненіи южныхъ событій древней Руси. Такой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы — Ломоносовское мнѣніе о Древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ только живой *зародышъ*, для развитія коего тогда не доставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ произхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлёцера и Эверса. Въ ученомъ мнѣніи Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Славянизмъ Руси, при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ *не такъ бы* конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума — мы судимъ не по совершенію и недостаткамъ, но по тому *чувству истины*, съ какимъ онъ прикасался къ ней, но по той *мысли* съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя бы принимался за нею и *между прочимъ*»⁽¹⁴⁸⁾ Ломоносовъ—скажу словами того же автора—«десятилѣтнимъ плодомъ ученыхъ своихъ занятій, Россійской Исторіей, имѣлъ ограниченное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской Исторіи вообще; однакоже она есть *первое* у насъ *явленіе*, первое *начало Исторіи Русской*: это былъ *новый годъ* ея, ровно черезъ IX вѣковъ послѣ того года, съ котораго нашъ *первый лѣтописецъ* ведетъ начало Русской земли⁽¹⁴⁹⁾, въ который началась историчекая жизнь Руси. Од-

⁽¹⁴⁸⁾ Тамъ же, стр. 136—137

⁽¹⁴⁹⁾ Максимовичъ намекаетъ тутъ на слова Нестора что у Греческихъ лѣтописцевъ «въ лѣто 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля». Годъ 6360 отъ сотворенія міра соотвѣствуетъ 852 году отъ Х. Р. слѣдственно, у Грековъ настоящее наше имя, *Русь*, съ 852 года вошло въ употребленіе (вмѣсто прежняго Scythia

нако онъ былъ отличнымъ систематикомъ въ искомой нами истинѣ; а своимъ дѣловымъ поборствомъ за Славянизмъ Руси, онъ — въ лицѣ Миллера, но не изъ частной личности къ нему — разрядилъ у насъ первую тучу Байеровой школы, обративъ ее на свое поле Русской Исторіи, которое — съ перворостками системы его, прозябавшими въ писаніяхъ Тредьяковскаго, обращеннаго Миллера, Князя Щербатова — было потоплено полноводнымъ разливомъ системы Татищевской и застужено сѣвернымъ вѣтромъ критики Шлёцеровской» (150).

Въ 1809 году явился на Русскомъ языкѣ Шлёцеровъ «Несторъ», переведенный Д. И. Языковымъ. Эта книга, имѣющая неотъемлемыя достоинства, какъ *первый опытъ ученаго изданія матеріаловъ* для Русской Исторіи, доставила автору обширное поле для распространенія любимыхъ мнѣній. Онъ такъ и сдѣлалъ. Прикрывшись именемъ Нестора, Шлёцеръ пустилъ въ ходъ всѣ Байеровы гипотезы, назвалъ *объясненіемъ* «Временника» свои *личныя* мнѣнія, діаметрально противоположныя Несторовскимъ, и началъ рѣшительно увѣрять, будто бы «Несторъ изображаетъ свою землю до Рюрика какъ пустыню, въ которой жили порознь небольшіе народы» (151) и будто бы «первый шагъ къ образованію, сдѣланный Новгородцами и сосѣдственною Чудью, состоялъ въ томъ, что тѣ и другіе, хотя и *противъ воли*, поставили у себя государя» (152), по неосторожности призвавъ жестокихъ грабителей (153) изъ Шведскихъ морскихъ разбойниковъ (154). Но такъ ловко, искусно и хитро поступилъ Шлёцеръ, такъ напугалъ всѣхъ своими рѣзкими, саркастическими приговорами, что всѣ безпрекословно согласились принять новыя мнѣнія, наперекоръ настоящему смыслу Нестора. Ломоносова совсѣмъ забыли, какъ *неученаго Историка*, и торжествовали, что уже не будутъ терпѣть укоровъ за *худо-понимаемую любовь къ отечеству*, которая будто бы «дѣлается смѣшною» если не вѣрить Шлёцеру, что родоначальникъ Русскихъ госу-

Sarmatia т. е. ровно за десять лѣтъ до призванія Рюрика въ Новгородъ; этимъ годомъ Несторъ и начинаетъ свою хронологію. Исторія же Ломоносова начата ровно чрезъ 900 лѣтъ, именно: 1751 года.

(150) Отк. идетъ Русс. земля (стр. 160).

(151) Шлёцеровъ Несторъ, Введеніе, *ид.*

(152) Тамъ же, *не.*

(153) Тамъ же, Вступленіе, гл. XVIII, стр. 305.

(154) Тамъ же: III Прибавленіе — общія слѣдствія, стр. 430.

дарей былъ морской разбойникъ, и не признаеть такихъ геніальныхъ открытій, ссылаясь на самихъ Новгородцевъ IX вѣка, говорившихъ Рюрику съ братьями: «*вся земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) въ ней нѣтъ — да поидете княжить и володѣти нами*»⁽¹⁵⁵⁾... Но голосъ защитниковъ правды терялся среди шумныхъ восклицаній Шлёцеріанъ, отважно порицавшихъ именемъ «неученой фантазіи» все несогласное съ ихъ ученіемъ. — Торжество Шлёцера казалось навсегда упроченнымъ. Въ радости забывали, что Карамзинъ, хотя и сталъ подъ знамена Шлёцера относительно Варяговъ, однакожь не отказалъ въ *вѣроятности* и противному мнѣнію⁽¹⁵⁶⁾; твердили только: «и Карамзинъ призналъ это справедливымъ»! наконецъ вышло въ 1825 году разсужденіе М. П. Погодина «*О произхожденіи Руси*» и шлёцеріане возгласили побѣду. Громче всѣхъ раздавались крики одного *ловкаго* Московскаго журналиста. Онъ увѣрялъ, что у Погодина «читатели найдутъ *изложеніе* всѣхъ мнѣній о томъ, кто были Варяги и *опроверженіе* ложныхъ мнѣній» (подобное изложенію и опроверженію мнѣній Ломоносова!), что послѣ такой драгоценной книжки, въ которой «*лучше всего* собраны подробности по сему отношенію», уже «безполезно опровергать мнѣнія тѣхъ, кои *не хотятъ* признаеть въ Варягахъ Скандинавовъ», ибо — сильное убѣжденіе — онъ, великій издатель «Московскаго Телеграфа» и сочинитель «Исторіи Русскаго народа» уже произнесъ окончательное свое рѣшеніе: «*полагаемъ сей вопросъ рѣшеннымъ*»⁽¹⁵⁷⁾; а профессоръ Погодинъ — о суета суетъ! — торжественно потомъ сознался, что его усердный хвалитель, «не учившись классически, имѣя особенное устройство умственнаго организма, *не знаетъ* и не можетъ сказать ничего въ порядкѣ, не можетъ передать даже чужихъ мыслей такъ, чтобы первая не ссорилась у него съ третьею, а вторая съ четвертою»⁽¹⁵⁸⁾... Диво ли, что *такому* знаменитому историку, показались Шлёцеровы толки о дикости Славянъ и о выходѣ Руссовъ изъ Сканди-

⁽¹⁵⁵⁾ Лаврентьев. списокъ, стр. 12.

⁽¹⁵⁶⁾ Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. I, пр. 50.

⁽¹⁵⁷⁾ Ист. Русс. Народа, т. I, стр. 57.

⁽¹⁵⁸⁾ «Московскій Вѣстникъ» (1830), № 2, разборъ «Исторіи Русскаго Народа», стр. 165 — 190, особенно стр. 165, 189, 190. — Еще подробнѣе и дѣльнѣе разобрана Ист. Русс. Нар. въ «Малкѣ» (1842, Октяб. № 10 т. V, гл. IV, стр. 55 — 155: критикъ, С. О. Бурачекъ, дошелъ до тѣхъ же выводовъ, какъ и М. П. Погодинъ.

навіи — верхомъ челоѣческой мудрости? Смѣтливый журналистъ, ради потѣхи почтеннѣйшей публики, особенно изъ недоучившихся купеческихъ сынковъ, придумалъ особое названіе *кваснаго патріотизма*, и подчивалъ имъ всѣхъ несогласныхъ съ Рейнскими идеями, перенесенными цѣликомъ въ Исторію Русскаго Народа, на первыхъ страницахъ которой красуются «толпы Скандинавскихъ завоевателей или, говоря точнѣе *морскихъ разбойниковъ*» (159), такихъ храбрыхъ, что «пріѣзжали иногда десятками и основывали *государства*» (160), между тѣмъ какъ Славяне были «народъ *дикій, варварскій*» (161), почему Скандинавскіе хищники начали собираться въ *притоны* Варяжскіе, *рѣшительно укрѣпились* около 862 года (162) и «наложили *иго* тяжкаго военнаго деспотизма» на туземцевъ, *безоружныхъ рабовъ, варваровъ* Славянскаго поколѣнія.» (163) — Теперь уже смѣшны всѣ эти выдумки, но въ двадцатыхъ годахъ онѣ выдавались въ посвященіи Нибуру (о ужасъ!) за «высокія помышленія, плоды философскихъ наблюденій, великія истины прошедшаго.» Теперь очень хорошо понятны всѣ эти порожденія исторической фантазіи, проникнутой идеями Шлѣцера, и облитыя соусомъ высшаго взгляда на Скандинавскую стихію, «*дѣлательное начало духа*», и Славянскую стихію, «*тяжелую вещественность*»; но въ двадцатыхъ годахъ все это выдавалось сочинителемъ или, говоря точнѣе, выдумщикомъ — за «*вѣрную и справедливую картину начала Русскаго государства*» за произведеніе, изъ котораго уже изгнана худо-понимаемая любовь къ отечеству, за великій плодъ философіи Исторіи, гдѣ уже нѣтъ «любви къ отечеству и уваженія къ славѣ предковъ, ложно смѣшиваемыхъ съ желаніемъ славы и счастья отечеству въ настоящее время» (164)...

Профессоръ Погодинъ называя эту книгу «безобразною компиляціей», писалъ въ 1830 году: «пожалѣемъ, что дѣльная наша историческая литература обезображивается такимъ чудовищемъ, какъ Исторія Русскаго Народа» (165). I

(159) Ист. Русс. Нар. I, стр. 59.

(160) Тамъ же, с. 69.

(161) Стр. 65.

(162) Стр. 55 и 82.

(163) Стр. 70, 73, 82, 97.

(164) Тамъ же, стр. 69, 81 и 82.

(165) Московскій Вѣстникъ (1830), № 2, стр. 165.

Байеро-Шлёцера система не могла породить ничего достойнаго и вѣрнѣе своимъ *основнымъ началамъ*, какъ «Исторія Русскаго Народа.» Разсудите безпристрастно: не то же ли проповѣдывалъ Шлёцеръ, въ разбивку, порознь, въ разныхъ главахъ своего «Нестора»? Н. А. Полевой собралъ всѣ эти драгоцѣнности въ одно — и явилась «Исторія Русскаго Народа»... Согласенъ, въ ней нѣтъ учености — ну, это уже личный недостатокъ автора; правда, великій Нибуръ скончался вскорѣ послѣ чтенія первой части «Исторіи Русскаго Народа»; но вѣдь его смерть послѣдовала не отъ одного ужаса, произведеннаго удивительнымъ здравомысліемъ преславнаго послѣдователя Гёттингенскимъ идеямъ, но и отъ многихъ другихъ причинъ; правда, въ ней весь первый томъ состоитъ изъ выдумокъ, но эти выдумки въ первый разъ высказаны, со всею рѣзкостію, въ Шлёцеровомъ «Несторѣ»; правда, у Н. А. Полеваго наброшена тѣнь обвиненія на свѣтлые характеры Владиміра Мономаха, Александра Невскаго, Дмитрія Донскаго, а прославляются Святополкъ-братоубійца, безсовѣстный Андрей Александровичъ или свирѣпый Василій Косой съ Шемякою, но вѣдь сочинитель думалъ по-шлёцеровски, что можетъ быть современники прославляли Мономаха, Невскаго, Донскаго, безъ сомнѣнія изъ худо-понимаемой любви къ отечеству (¹⁶⁶)... Словомъ, принявъ отъ чистаго сердца основные догматы Байеро-Шлёцеровскаго ученія, нельзя было *иначе* представить нашу древность, не возможно было не *противорѣчить истинѣ* и не *ломать фактовъ*, безъ всякой пощады. Обвиняя сочинителя «Исторіи Русскаго Народа», обвиняете и того, у кого онъ заимствовалъ взглядъ свой — Шлёцера.

Благоразумные люди съ самаго начала видѣли, до какихъ нелѣпостей окончательно должна довести Шлёцера система, и потому спѣшили придумать новыя гипотезы, помощію которыхъ надѣялись выйдти на путь истины, изъ Шлёцеровыхъ несообразностей —

І. Относительно Варяжской Руси.—Карамзинъ хотя и принялъ за истину Шлёцерово мнѣніе, будто Варяги-Русь были *Скандинавы*, именно Свей, жители Рослагена, однакожь почелъ необходимымъ сообщить «и *другое мнѣніе*»,

(¹⁶⁶) См. разборъ II и III томовъ «Исторіи Русскаго Народа» въ «Телескопѣ», основательно написанный М. П. Погодинымъ; отдѣльные разборы, написанные С. В. Руссовымъ; и мое сочиненіе «Димитрій Іоанновичъ Донской, Первоначальникъ Русской славы».

которому также не отказалъ въ *вѣроятности*: обратилъ вниманіе, что «Курскій заливъ издавна называли *Русною*, а сѣверный рукавъ Нѣмена *Руссою*, окрестности жъ ихъ *Порусьели*»; замѣтилъ также «свидѣтельство Равенскаго географа (VII вѣкѣ), что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него Висла, есть отечество *Роксоланъ*», и вывелъ отсюда, что это были «наши Россы, коихъ владѣніе могло прости- раться отъ Курскаго залива до устья Вислы»; но желая согласить это мнѣніе съ Байеро-Шлёцеровымъ, допустилъ предположеніе, что эти «Варяги-Русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самою Рослагена», что долго обита«въ между *Латышами*, они могли разумѣть языкъ *Славянской*, и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ *Славянъ Новгородскихъ*». Остановясь на такомъ предположеніи, Карамзинъ сказалъ: «*вѣроятность* остается *вѣроятностію* (¹⁶⁷), а въ примѣчаніи 111-мъ, изъ разсказа Луки Давида (Lucas Dav. Chr. 41, 45, 53, 55) о частыхъ войнахъ Россіянъ съ Пруссамъ въ VI-мъ столѣтіи, вывелъ между прочимъ, что «*Россіяне* прежде Рюриковыхъ вре- менъ жили гдѣ нибудь въ *ближнемъ сосѣдствѣ* съ *Прус- сами*». Карамзинъ не скрылъ возраженія, которое могутъ придумать шлёцеріане, и самъ же удачно устранилъ его: «Варяги-Русь, по словомъ Нестора, были *изъ-за моря*, а Пруссія съ Новгородскою и Чудскою землею на одной сторонѣ Балтійскаго; *сіе возраженіе не имѣетъ никакой силы*: что приходило моремъ, называлось всегда замор- скимъ; такъ о Любекскихъ и другихъ Нѣмецкихъ кора- бляхъ говорится въ Новогор. Лѣтоп. что они приходили къ намъ *изъ-за моря*.» Устранивъ это единственное возра- женіе шлёцеріанъ, Карамзинъ, — самъ не зная того, — сбли- зился съ мнѣніемъ Ломоносова, съ тѣмъ только разли- чіемъ, что Ломоносовъ распространилъ имя Русь далеко за Вислу, «широко по юго-восточнымъ берегамъ Балтики», даже за Рюгенъ, котораго жителей также называлъ Русью, Россанами, какъ въ самомъ дѣлѣ и было. Конечно, Исто- рическая Логика не можетъ согласиться, чтобы *Шведы*, поживъ между *Латышами*, могли выучиться *по-Славян- ски* и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ *Славянъ Новгородскихъ*; однакожь самое это предположеніе, воз- никшее изъ желанія Карамзина согласить свою гипотезу съ вѣрованіемъ Шлёцера, доказываетъ, что славный исто-

(¹⁶⁷) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. I, стр. 50.

ріографъ бытъ недоволенъ его ученіемъ, и гипотеза Карамзина во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ, нежели Шлёцера. Признавъ же бытіе Прибалтійской Руси, сосѣдственной съ Пруссамъ, Карамзинъ легко бы могъ правильно рѣшить вопросъ о Еленѣ, которую лѣтописцы среднихъ вѣковъ называютъ *regina Rugorum sive Russorum*. Шлёцеръ, объявивъ Русь племенемъ Скандинавскимъ, по неволѣ долженъ былъ ту Елену изъ Прибалтійской Руси перетащить въ нашу Кіевскую Русь, и увѣрять, что та Елена (просившая епископа у Нѣмецкаго Императора Оттона) была наша Святая Ольга, уже крестившаяся въ Царьградѣ и во святомъ крещеніи нареченная Еленою. Сдѣлавъ изъ *двухъ* лицъ *одно* (¹⁶⁸), Шлёцеръ хотѣлъ какъ нибудь свести концы, и сталъ увѣрять, что размышлять объ несообразностяхъ перехода нашей Св. Ольги въ католичество дѣло совсѣмъ лишнее, ибо «тутъ можно только *догадываться*»; согласился, что «тогда уже Греческая Церковь отличалась отъ Латинской и сдѣлался совершенный расколъ, при которомъ каждая сторона проклинала другую»; но думалъ, что, не смотря на такую религіозную вражду, все-таки Ольга *могла* перейти изъ Греческой Церкви въ Римскую, потому что «Патріархъ Теофилъ тогда уже умеръ, *вѣроятно* и старая Императрица Елена, а *можетъ* быть и Императоръ Константинъ; *слѣдственно*, въ Византіи не оставалось у нея ни одного изъ ея *прежнихъ знакомыхъ*» (¹⁶⁹)... Важная причина, основанная на «*можетъ быть*» и «*вѣроятно*»!... Карамзинъ, хотя и не зналъ, что Прибалтійскимъ Славянамъ, — преимущественно Руйнымъ островитянамъ, — принадлежало имя Руси, однакожь почелъ необходимымъ отдѣлить Прибалтійскую Елену отъ нашей, говоря: «*вѣроятно* ли, чтобы Ольга, принявъ вѣру Греческую, хотѣла имѣть духовныхъ пастырей Римской Церкви, уже несогласной съ первою? Раздѣленіе Церквей, западной и Восточной, произошло еще около 880 году». Слѣдственно, Карамзинъ, руководимый здравымъ смысломъ, рѣшилъ дѣло вѣрнѣе; чѣмъ Шлёцера *ученая фантазія*, опершаяся на *догадки*, основанныхъ на *можетъ быть* и *вѣроятно*, о желаніи Ольги перемѣнить вѣроисповѣданіе потому, что въ Византіи всѣ знакомые померли... Карамзинъ справедливо отнесъ путешествіе Адальберта, по-

(¹⁶⁸) Шлёцер. Несторъ, I, примѣчаніе подъ стр. 59.

(¹⁶⁹) Шлёцер. Несторъ, III, стр. 456, 457.

сланнаго Оттономъ во владѣнія Елены, къ событіямъ Исторіи Рюгенскихъ Славянъ, предположивъ, что Нѣмецкіе лѣтописцы *хотѣли назвать Елену Царицей Руговъ* (regina Rugorum), но *по ошибкѣ назвали царицей Руссовъ* (regina Russorum). (170) — Новѣйшія изысканія показали, что предпо-

(170) Ист. Гос. Рос. I, пр. 395. — Несторъ у Шлѣцера пишетъ: «Афетово же колыно и то: Варязи, Свен, Нурмани, Готь, Русь, Агляне, Галичане, (Ляхове) Волохи, Римляне, Нѣмцы, Корлязи, Венедицы, Фрягове и прочіи» (Шлѣцеръ, Несторъ I, стр. 37 и 104). Пунктуація здѣсь у Шлѣцера неправильна; изъ соображенія прочихъ мѣстъ видно, что Несторъ распространяетъ имя Варяговъ на всѣ племена Западной Европы, а имя Варяжскаго моря въ обширномъ смыслѣ и на Нѣмецкое и на Атлантическое и даже Средиземное, почему и возможно было по Варяжскому морю «идти до Рима, а отъ Рима придти по тому же морю къ Царю-городу, а отъ Царягорода придти въ Понть море... а Понетское море словеть Русское» (Лавр. 4); вотъ почему и Арабы, указывая на Балтійскихъ нашихъ единоплеменниковъ, говорятъ, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ» и что «Русское море соединяется съ моремъ Варенговъ» (Ibn-Foszlān, 192—193; Mem. de l'Acad. Imp. des Scien. de Petersb. VI ser. II, 355, 375, 398). Слѣдственно у Нестора это мѣсто должно быть читаемо такъ: «Афетово же колыно, — и то *Варязи*, — Свен, Нурмани, Готь, Русь, Агляне, Галичане, Ляхове, Волохе, Римляне, Нѣмцы, Корлязи, Венедицы, Фрягове и прочіи». Начавъ со Шведовъ (Свеевъ), Норвежцевъ (Нурманъ), Готландцевъ (а не Ютландцевъ-Датчанъ, какъ перевелъ Шлѣцеръ имя «Готь»), Несторъ переходитъ на материкъ Варяжскаго моря и начинаетъ исчислять Варяжскіе народы: *Русь* (Прибалтійская), рядомъ съ нею на Западъ *Агляне* или Шлезвигскіе Англо-Саксы, къ югу *Галичане*, а къ востоку *Ляхове*: ясно, что Русь Варяжская населяла Куть при-Балтійскій между Лабой и Одрой, землю Велетскихъ Сорабовъ, до истоковъ Вислы; восточныя земли, между Одрой и Вислой населены были частію Велетами, частію Поляками. Шлѣцеръ сознался на основаніи Эделверда (950)-г. что «главнымъ городомъ Англіи былъ Слезвикъ» (стр. 102); но перевелъ имя *Агляне* не именемъ Шлезвигскихъ Англо-Саксовъ, а именемъ *Англичанъ*, хотя у Нестора Англичане разумѣются подъ именемъ обитателей *Британній*; видя же *Русь* отдѣленною отъ Свеевъ, въ сосѣдствѣ съ Англичанами, воскликнулъ: «этого быть не можетъ: Руссы здѣсь также вставлены» (Шлѣц. Нест. I, 102). Точно таже боязнь увидать въ числѣ Варяжскихъ племенъ Славянскіе народы, заставила Шлѣцера исключить Галичанъ или Хорватскую Русь и Ляховъ или Поляковъ изъ Несторова текста: «Галичане во всѣхъ спискахъ; но тутъ разумѣются Галиціяне то есть *Испаницы*!» (с. 103) «Ляхамъ никакъ не мѣзя здѣсь быть» (стр. 104) — почему же? Разумѣется потому, что они Славяне! и вся бѣда свалена Шлѣцеромъ на переписчиковъ, которые *можетъ быть* «по сходству звуковъ: Ляхове и Волохи, *прибавили* первое имя *сами отъ себя*! Не зная, что подлѣ Галичанъ и Ляховъ донинѣ живутъ Чехо-Моравскіе *Влахи* или *Волохи*

лагать *ошибку*, въ титулъ той Елены совсѣмъ не нужно, ибо Руйные островитяне, Руяне (Rugi, Rugi, Rugiane) дѣйствительно имѣли племенное имя *Русь* (Russi, Rutheni); слѣдственно, та Елена дѣйствительно была Царица *Руссовъ*, regina Russorum, только Руссовъ Прибалтійскихъ, а не

также племя *Славянское*, Шлёцеръ думалъ, что у Нестора подъ именемъ Волохове разумѣются *Итальянцы*, потому что Нѣмецкіе простолюдины иногда называли Итальянцевъ Wälsch (Шлѣц. Нест. I, стр. 99); на бѣду такой ученой гёттингенской фантазіи, Итальянцы означены у Нестора далѣе, подъ именемъ *Римлянъ*, и составляютъ переходъ отъ Восточныхъ Варяговъ къ Западнымъ и Южнымъ Варягамъ. Начавъ Забалтійскими племенами: Свееми и Нурманами (Норвежцами), Несторъ указываетъ на Балтикѣ обитателей Готланда, потомъ переходитъ въ собственно-Варяжскую землю или Русь, указываетъ ея сосѣдей на западъ: Англанъ (Англо-Саксовъ), на югъ: Галичанъ, на востокъ: Ляховъ; затѣмъ показываетъ сосѣдей у Ляховъ и Галичанъ — именно Волоховъ Чехо-Моравскихъ, часть которыхъ удалилась на югъ, гдѣ и утвердила свое господство надъ Дунайскими Словенцами, бывшими подъ властію Римлянъ. Такимъ образомъ, Несторъ естественно перешелъ къ Итальянцамъ или *Римлянамъ*; на сѣверъ отъ нихъ показалъ по Рейну *Нѣмцевъ*, къ сѣверо-востоку *Краинцевъ* и *Венетянъ съ Венеціанами*, а къ сѣверо-западу *Французовъ* или *Фряговъ*. Исчисленіе оказывается географически-вѣрнымъ! Шлёцеръ не понималъ слова *Корлязе*, *Корлязи*, *Королязи* и откровенно объявилъ о томъ: «одно только это слово (?) во всемъ Несторъ для меня такъ непонятно, что я не дѣлаю объ немъ никакого заключенія» (Шлѣц. Нест. I, с. 105). Аббатъ Іосифъ Добровскій думалъ, что Несторовы Корлязи суть *Фріульскіе Словене*, и Шлёцеръ согласился съ нимъ (Нест. III, с. 680); Кругъ полагалъ, что подъ именемъ Корлязей, должно быть, разумѣлись у Нестора *Каролинги*, наследники *Карла Великаго*, потому что Нѣмцы звали ихъ Karlingen, Kerlingen, а Французское государство ихъ — terra Karolingorum, Karlensium, а изъ этого родительнаго падежа Нѣмецко-Латинскаго слова Несторъ и сдѣлалъ имя Корлязи, Королязи! (Собр. актовъ публич. засѣд. Академіи Наукъ, бывшаго 29 Дек. 1827 года). Но, во 1-хъ: Несторъ не зналъ по-латыни, и потому не могъ читать Нѣмецко-Латинскихъ лѣтописей, слѣдственно не могъ и узнать слова terra Karolingorum, Karlensium (земля Каролинговъ); во 2-хъ: Несторъ нигдѣ не называетъ землю именемъ Государей, и слѣдственно употребленіе, бывшее у Нѣмцевъ, ничего не доказываетъ относительно Россіи; въ 3-хъ: Франгузы упомянуты Несторомъ особо, слѣд. не-зачѣмъ было одинъ и тотъ же Французскій народъ упоминать подъ разными именами (Фряговъ и Корлязей), раздѣляя ихъ Венетами, и слѣдственно помѣщая однихъ у Италіи, другихъ же за Рейномъ; а что *Фряги* Несторовы суть дѣйствительно *Франгузы* (какъ утверждалъ и Шлёцеръ), доказывается Болгарскими и Русскими лѣтописными рассказами о сношеніяхъ Римскихъ Папъ съ Франками: такъ переводчикъ Манаассиной лѣтописи, рассуждая объ отторженіи Римскаго Папы Григорія II отъ единства съ Греческою

Кіевскихъ. Во всякомъ случаѣ, и тутъ Карамзинъ оказался гораздо проницательнѣе Геттингенскаго ученаго, равно какъ и —

II. Относительно нашей Руси, какъ Славянскаго племени, по Днѣпру и Волхову. — Шлёцеръ, повѣривъ Гаттереру, будто бы Славяне только въ VII вѣкѣ по Р. Х. населили Россію, бѣжавъ съ Дуная отъ угнѣтеній Кубрата Болгарскаго, началъ увѣрять, будто и Несторъ «полагаетъ Славянъ *поздними переселенцами*» (¹⁷⁰); Карамзинъ опровергъ Гаттерера (¹⁷¹), и, на основаніи яснаго разсказа Несторова о хожденіи Св. Андрея Первозваннаго къ Днѣпровскимъ и Ильменскимъ Славянамъ, правильно заключилъ, что «они, *по собственному Несторову снзанію*, жили въ Россіи уже въ *первомъ столѣтіи*, и *гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи*» (¹⁷²). Шлёцеръ старался увѣрить всѣхъ будто бы до пришествія Славянъ въ Россію въ VII вѣкѣ «старожилы ея были народы *двухъ* различныхъ *родовъ*: въверху *Финны*, въ низу *Летты*» (¹⁷³), и будто бы Несторъ «исчисляетъ здѣсь *одни только Финскія и Летскія племена*» (¹⁷⁴), почему «все, что до сихъ поръ Татищевъ, Ломоносовъ и Щербатовъ собрали вообще о *Славянахъ*, съ

Имперією и о дружбѣ его съ Франкскимъ Палатнымъ меромъ Карломъ Мартеломъ, говоритъ: «отвержеся Римъ къ *Фрягомъ* (Манас. лѣт. стр. 72 — 77), а наши лѣтописатели рассказываютъ, что Папа Левъ III «пріиде совѣтомъ ко *Фряжскому* князю ко Карулу» (Ник. V, 180) Этотъ Фряжскій князь Каруль есть Франкскій или Французскій Карль Великій; наконецъ въ 4-хъ: языкъ Русскаго нашего лѣтописателя надобно объяснять нашимъ же Русскимъ языкомъ, а у насъ на югъ даже въ XVII вѣкѣ было слово *крайлязь*, *королязь*, и фланговые *крайніе* войны назывались *крайлязи*, *королязи*; слѣдственно и у Нестора *Корлязи*, стоящіе рядомъ съ *Вендицами*, суть обитатели Украины Словенской, *Краинцы*, сосѣди Словенскихъ *Бенетлиъ* (Veneti) и Итальянцевъ *Венеціанъ*.

Такимъ образомъ Славянская Этнографія и знаніе стариннаго языка Русскаго даютъ ключъ къ правильному пониманію и объясненію лѣтописи пренодобнаго Нестора, котораго не понимали и обвиняли въ ошибкахъ и недостаткѣ послѣдовательности единственно по той причинѣ, что, вмѣсто Русскаго языка и Славянской Этнографіи искали объясненій въ Нѣмецкомъ языкѣ и въ Латино-Нѣмецкихъ лѣтописяхъ.

(¹⁷⁰) Шлецеръ Несторъ I, стр. 170.

(¹⁷¹) Ист. Гос. Рос. т. I, примѣч. 67.

(¹⁷²) Тамъ же, стр. 30 — 31; см. еще стр. 19 — 20.

(¹⁷³) Шлецеръ Несторъ I, 47 — 48.

(¹⁷⁴) Тамъ же, стр. 65.

прибавленіемъ Скивовъ, Сарматовъ и многихъ другихъ, совсѣмъ непринадлежащихъ къ нимъ народовъ, и поставили въ предисловіяхъ къ своимъ Русскимъ Исторіямъ, совершенно бесполезно для настоящаго Историка», и хотя Несторъ самъ говорилъ о Славянскихъ племенахъ и городахъ, что—бѣ множество ихъ, что они съдяху даже до Чернаго моря и звахусь отъ Грекъ Великая Скувъ, однакожь Шлёцеръ стоитъ на своемъ, объявляетъ причисленіе Скивовъ и Сарматовъ къ Славянамъ—величайшимъ преступленіемъ, и въ гнѣвѣ изрекаетъ ужасный приговоръ: «все трое отстали въ ученой исторіи цѣлыми 60 годами!»⁽¹⁷⁶⁾ Устрашаемый рѣзкими приговорами Шлёцера, Карамзинъ хотя объявилъ Скивовъ не-Славянами,—потому что шесть словечекъ, искаженныхъ Гердотомъ или (что вѣрнѣе) его переписчиками, такъ мало подходятъ къ Славянскому, что ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ»⁽¹⁷⁷⁾,—однакожь, руководимый чувствомъ истины, осмѣлился внести въ текстъ Исторіи слѣдующее: «можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. подъ именемъ Венедовъ извѣстные на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, Славяне въ то же время обитали и внутри Россіи; можетъ быть, Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ. Самые древніе жители Дакіи, Геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакіи, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣточисленіе отъ временъ сего мужественнаго Императора; замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что прародители ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Гетовъ»⁽¹⁷⁸⁾. Предположеніе Карамзина, какъ видите, не облечено въ ученую форму критическаго изслѣдованія; однакожь теперь,—послѣ разысканій Шафарика, Эйхвальда, Морошкина и моего историко-этнографическаго объясненія Тацитовой Германіи и вопроса о Нун'ахъ, —мнѣніе Карамзина оказывается гораздо вѣрнѣе, чѣмъ самодовольная ученая фантазія Шлёцера.

III. Относительно нашего народнаго имени,—Шлёцеръ также впалъ въ ужаснѣйшую ошибку, упустивъ изъ виду,

⁽¹⁷⁶⁾ Тамъ же, с. 119 — 120.

⁽¹⁷⁷⁾ Ист. Гос. Рос. I, прим. 32.

⁽¹⁷⁸⁾ Ист. Гос. Рос. I, стр. 31.

что нашъ народъ только въ книгахъ называется Славянами, а самъ себя вездѣ зоветъ Русью. Послѣ того, Шлёцеръ не могъ или не хотѣлъ понять настоящаго смысла древнѣйшей нашей лѣтописи. Несторъ утверждаетъ, что начиная отъ Понта (Чернаго моря) до полуночной страны или до глубокаго сѣвера и до Волги, которая идетъ на востокъ въ часть Силову, издревле сѣдитъ Русь: Шлёцеръ соглашается, что «Несторъ исчисляетъ здѣсь древнѣйшіе народы, начальныхъ жителей Россіи» (¹⁷⁹); но такъ какъ отсюда слѣдовало бѣ заключить, что древнѣйшими, начальными жителями Россіи были Русскіе же, то Шлёцеръ и отдѣляется отъ Несторова свидѣтельства о старобытности Руси въ предѣлахъ Россіи — предположеніемъ, что это мѣсто (НВ. находящееся во вѣсѣхъ спискахъ Несторовой лѣтописи) «вставлено сюда переписчикомъ» (¹⁸⁰). Сваливъ такимъ образомъ свою бѣду на переписчика, — Шлёцеръ успокоиваетъ себя увѣреніемъ: «не лѣзя оспорить того, что Руссы пришли въ Россію гораздо позже» (¹⁸¹). Несторъ далѣе говоритъ, что въ царствованіе Михаила, съ 852 года (за десять лѣтъ до призванія Рюрика), послѣ нападенія Руси на Царьградъ, наша земля стала называться у Греческихъ лѣтописцевъ уже не Скиѣей, а своимъ настоящимъ именемъ, Русью: «въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченшию Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдохомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ» (¹⁸²). Точно также и сѣверная наша Русь Новгородская, извѣстная Варягамъ подъ именемъ единоплеменниковъ, говорящихъ однимъ словомъ (языкомъ) съ ними, то есть подъ именемъ Словенъ, послѣ призванія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ, стала у Варяговъ называться также Русью: «отъ нихъ прозвася Русская земля Новугородци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣни» (¹⁸³). Однакожь, —

(¹⁷⁹) Шлец. Несторъ, 1, стр. 63.

(¹⁸⁰) Тамъ же, с. 62.

(¹⁸¹) Тамъ же, стр. 63.

(¹⁸²) Лаврент. списокъ, стр. 11.

(¹⁸³) Тамъ же, стр. 12. — Карамзинъ (т. I, пр. 278), на основаніи харатейнаго сокращенія Несторовой лѣтописи (XIII вѣка) и многихъ доводовъ историческихъ очень хорошо доказалъ, что Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ, а не въ Ладогу. Извѣстіе Радзивиловскаго и Ипатьевскаго списковъ, что по смерти братьевъ «прія всю власть Рюрикъ одинъ и при-

замѣчаетъ ученый Баронъ Розенкампфъ, — Русская земля и до сего происшествія не была безъ имени, и называлась *Россією*, ибо Руссы уже прежде находились въ семь краѣ, и подъ симъ названіемъ были извѣстны другимъ народамъ; сіе явствуетъ изъ самыхъ Византійцевъ и изъ прочихъ свидѣтельствъ» (184). Но Шлёцеръ, отнявъ у Великороссіянь народное наше прозваніе *Русь*, и подаривъ это имя Шведскимъ морскимъ разбойникамъ, началъ увѣрять, будто бы «только со времени пришествія ихъ тамошняя страна прозвалась Русью» (185); а чтобъ намъ не было завидно, отнялъ Русское имя также и у Малороссовъ, сдѣлавъ изъ нашего имени особый народъ — только не Русскій (Славянскій, — и началъ увѣрять, будто бы Rhos, нападавшіе на Византію въ 866 году, были не наши Днѣпровскіе и Донскіе Россы, но «особенный народъ, неизвѣстная орда варваровъ; вѣроятно народъ прибрежный, показавшійся на западъ и исчезшій; шедшій съ востока, или неизвѣстно откуда точно; названный въ Константинополѣ Россами неизвѣстно почему; прогнанный опять въ свои пустыни (?) не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но случаемъ, только неизвѣстно куда; не появлявшійся никогда послѣ въ Исторіи, по крайней мѣрѣ подъ именемъ Россовъ» (186). Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что Византійцы, — тѣ же самые, — описывая нашествіе Игоря изъ Кіева, его Русь точно также называютъ Rhos, почему и призналъ Rhos 866 года Днѣпровскою Русью Ас-

шедъ ко Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ и прозва Новгородъ и сѣде ту» ознаетъ только то, что Рюрикъ въ Новгородѣ построилъ новую крѣпость, или перенесъ прежнюю на новое мѣсто (какъ догадывался Баронъ Розенкампфъ), ибо срубить городъ значило въ старину: построить укрѣпленія при городѣ, уже давно существовавшемъ. Такъ о построеніи крѣпостей въ Суздаль, въ Русь, въ Твери, въ Нижнемъ, — въ городахъ давнымъ давно существовавшихъ, — Воскресенской лѣтописецъ (II, 117, 150) говоритъ: «въ лѣто 6699 (1191) заложилъ князь великій Всеволодъ Суздаль; того же лѣта и срубленъ»; въ 1201 году, также рассказываютъ, «и Русу срубилъ»; Никоновскій (IV, 23, 34, 38) подъ годомъ 6877 (1569) «того же лѣта градъ Тверь срубили древянъ и глиною помазали», а подъ годомъ 6880 (1572): «того жъ лѣта князь Дмитрей Константиновичъ Суздальскій и Новгорода Нижнего заложилъ Новъ-городъ Нижній камень»; или (IV, 38): «князь Володимеръ Овдрѣевичъ (двоюродный братъ Донскаго) заложилъ градъ Серпуховъ дубовъ во своей отчинѣ».

(184) Трубы Общества Ист. и Древн. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 159—141.

(185) Шлёцер. Несторъ, I, стр. 344.

(186) Шлёцеръ, Несторъ, II, стр. 109, 110.

кольда, говоря «гдѣ истина сама собою представляется глазамъ Историка, тамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ страннымъ гипотезамъ, и выдумывать еще *другихъ* Россовъ Народы не падаютъ съ неба, и не скрываются въ землю какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія» (¹⁸⁷). Отсюда неизбѣжно произтекли величайшія заблужденія. Положивъ ложное основаніе, Шлецеръ вынужденъ былъ составить ложное понятіе

IV. Относительно характера всей нашей древности.— Утверждая все авторитетомъ Нестора, «которому противорѣчить въ лице, есть то же, что признавать ложную Іоакимовскую лѣтопись за истинную» (¹⁸⁸), Шлецеръ вознамѣрился, подъ видомъ объясненія Нестора, *дать ходъ любимымъ гипотезамъ*: въ основаніе всѣхъ трудовъ своихъ положилъ патріотическую мысль о превосходствѣ своихъ родичей передъ всѣми народами въ мірѣ, и *правду* принесъ въ жертву *похвалѣ своему народу*. Какъ человекъ и умный и ученый, онъ видѣлъ свѣтъ, даже указывалъ на него, но не хотѣлъ самъ идти къ нему, дабы не придти въ необходимость отказаться отъ любимыхъ идей. Утвердительно объявилъ, что «*восточная часть Германіи* давнѣйшихъ временъ, то есть сколько намъ извѣстно изъ Исторіи, была населена *Славянами*»; что «въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и проч. *никогда не было Нѣмцевъ* прежде Ободритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ»; и что «они суть *старожилы* своихъ земель въ разсудительномъ значеніи» (¹⁸⁹): но вмѣсто того, чтобъ вывести отсюда неизбѣжное слѣдствіе, что *Восточные Германы* были *Славянскіе старожилы* тѣхъ земель, и что имя Германовъ означало Нѣмцевъ только тогда, когда говорилось о Германахъ Западныхъ, Шлецеръ вездѣ подразумеваетъ—наперекоръ истинѣ и самому себѣ—только однихъ Нѣмцевъ. Благородно сознался онъ въ нелѣпости гипотезъ, придуманныхъ его соотечественниками о Славянскомъ народонаселеніи Германіи, и передъ цѣлымъ ученымъ міромъ провозгласилъ, что «великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славянскія Исторіи, *скоро совсѣмъ истребятъ* старинное всеобщее мнѣніе, *будто бы* сіи Германскіе Славяне пришли тогда, когда вышли настоящіе Нѣмцы, буд-

(¹⁸⁷) Ист. Гос. Рос. I, прим. 283.

(¹⁸⁸) Шлец. Нест. ч. I, Предувѣдомленіе, стр. XXVIII.

(¹⁸⁹) Шлец. Нест. II, стр. 423.

то бы жившіе до-того въ ихъ земляхъ» (190); но между тѣмъ нигдѣ не рѣшился отдать въ Исторіи принадлежащее Германскимъ Славянамъ ихъ латинское прозвище *Герман'овъ*. Сознался въ своей «Сѣверной Исторіи», что Франконія съ VIII вѣка извѣстна какъ страна Славянская; но между тѣмъ взялъ у Франконскихъ Славянъ ихъ народное имя (*Franki*), и отдалъ на поддержаніе (до VIII вѣка) своимъ родичамъ, дабы назвать покорителей Галліи Нѣмцами! (191) Признаніемъ истины *истиною* отдавъ долгъ *исторической правды*, Шлёцеръ очистилъ свою ученую совесть; но думая, что тѣмъ дѣло и должно все ограничиться — смѣло провозгласилъ, что при-Рейнскіе Нѣмцы «назначены были судьбою разсѣять въ обширномъ сѣверо-западномъ мірѣ *первыя стѣмена просвѣщенія*»; что «они исполнили это предопредѣленіе, держа въ одной рукѣ *Франкскую военную стѣкиру*, а въ другой Евангеліе»; и что «самые даже Скандинавы, къ которымъ не заходилъ ни одинъ Нѣмецкій завоеватель, съ помощію ихъ начали мало по малу дѣлаться *людьми*» (192). Конечно, тутъ самый фактъ говоритъ противъ Шлёцера, ибо Рейнскіе Нѣмцы или Саксонцы насильно обращены въ Христіанство мечемъ Франко-Гальскихъ завоевателей послѣ 30-лѣтней рѣзни въ исходѣ VIII-го вѣка и въ началѣ IX-го (772—802), и если самъ же Шлёцеръ сознался, что Франконія уже съ VIII вѣка является и по лѣтописямъ и по грамматамъ страной чисто-Славянскою, то ясно, что Франконская военная стѣкира Карла Великаго и его дѣтей обращалась въ рукахъ олатиненнаго потомства Франконскихъ Славянъ, покорившихъ нѣкогда Галлію, и слѣдственно *первыя стѣмена просвѣщенія среди Нѣмцевъ* были разсѣяны *олатинившимися потомками Франконскихъ Славянъ*, распространившими истинную Вѣру между Саксонами; но Шлёцеръ преловко рѣшилъ дѣло въ пользу своихъ родичей, искусно покрививъ на свою сторону вѣсы историческаго правосудія, и даже Скандинавамъ позволилъ *сдѣлаться людьми* только съ помощію при-Рейнскихъ чистыхъ Нѣмцевъ. Въ восторгѣ отъ ловкости, съ какою его предки помогли

(190) Тамъ же.

(191) См. далѣе въ моей книгѣ, стр. 79 (прим. 17), также всю главу «Древняя *Vindelicia*, отчизна Франконскихъ Славянъ» (стр. 140 — 159), а въ Объясненіи Тацитовой Германіи стр. 196—197 и примѣчаніе 47-ое.

(192) Шлёц. Несторъ, II, стр. 178.

Скандинавамъ превратиться въ людей, Геттингенскій учёный вообразилъ, будто бы до половины IX вѣка «большая треть нашей земли», то есть (сказать по-проще) наша матушка Россія находилась въ такомъ положеніи, что вообразить страхъ: «эти страны, *кажется*, до тѣхъ поръ были забыты отъ Отца человечества» (193)—почему же такъ кажется вашей премудрости? Потому что «въ суровый сѣверо-восточный сѣверъ, по сію сторону Балтійскаго моря до Ледовитаго и до Урала, за величайшею отдаленностью, не приходилъ еще ни одинъ Нѣмецъ» (194).» Вотъ что! Теперь понимаемъ, почему Шлёцерово человеколюбивое сердце такъ заботится о насъ, будто бы забытыхъ Отцемъ человечества, и такъ сострадательно посылаетъ къ намъ Скандинавскихъ морскихъ разбойниковъ, которые сдѣлались уже людьми при помощи Рейнскихъ Нѣмцевъ... До пришествія въ Россію шведскихъ жестокихъ грабителей (195), по увѣренію Шлёцера «люди тутъ были, можетъ быть уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ, но очень въ маломъ числѣ; они жили разсѣяннo, на безмѣрномъ пространствѣ земли, безъ всякаго сношенія между собою. Кто знаетъ, сколь долго пробыли бы они еще въ этомъ состояніи, въ этой блаженной для получеловѣка безчувственности» (ого!), «ежели бы не были возбуждены.. Они страдали отъ нападенія дерзкой шайки разбойниковъ, ворвавшихся въ ихъ мирное жилище; и тутъ они стали разсуждать» (196). Вотъ что значать Шведскіе разбойники: правда, они жестоко ограбятъ, но за то страданіемъ тотчасъ и возбудятъ въ безчувственныхъ животныхъ или (учтивѣе) полу-человѣкахъ способность мыслить, разсуждать! Теперь послушайте Шлёцера о томъ, что послѣдовало послѣ того, какъ мы по неосторожности призывали къ себѣ изъ жестокихъ грабителей трехъ морскихъ разбойниковъ: «люди, до того разсѣянные по-одиночкѣ (!), теперь соединились вмѣстѣ, и изъ полудикихъ сдѣлались нѣсколько похожими на людей.» (197). До половины IX вѣка, эти, непохожія на людей, Русскія племена «жили между собою безъ связи, каждая орда отдѣльно отъ другой» (198),

(193) Шлёц. Несторъ, ч. II, стр. 178.

(194) тамъ же, II, 178—179.

(195) тамъ же, I, стр. 303.

(196) тамъ же, II, стр. 180.

(197) тамъ же, III, стр. 349.

(198) тамъ же, II, стр. 168.

но такъ какъ *страданіями* въ нихъ уже была возбуждена способность *размышлять*, то они, какъ люди умные, уже разсуждающіе, поняли какое счастье имѣть Государями «дерзкую шайку разбойниковъ», и потому рѣшились призвать «*дикихъ* Норманновъ»; и вотъ, атаманы грабителей провозглашены *Ландманами* или *старшинами* ⁽¹⁹⁹⁾. Хотя все это рѣшительно противорѣчитъ Несторову разсказу о призваніи Варяго-Русскихъ князей на столъ Новгородскій, но Гёттингенскому профессору лѣтопись не указъ: изъ Гёттингена онъ подсмотрѣлъ, своею особою лично, что «по новымъ обстоятельствамъ, избранный Ландманъ (Рюрикъ) принуждается соединить союзъ крѣпче, и демократическое правленіе превращается въ чистую монархію» ⁽²⁰⁰⁾; а это произошло такъ: «трехъ братьевъ призвали *только для того*, чтобы быть *предводителями*; грубые Славяне и Чудь вѣрно не помышляли о общественномъ условіи (*pacta conventa*); *дикие* Норманны очень скоро начали брать на себя *видъ повелителей*. Это удивило Новгородцевъ» ⁽²⁰¹⁾, а за удивленіемъ «даже дошло до *вторичнаго* возмущенія», но «три брата привели съ собою столько людей, что могли все преодолѣть». Этотъ небольшой историческій романъ, сочиненный Шлёцеромъ въ подражаніе Миллеру, заключается слѣдующими торжественными словами (то же на-половину Миллеровскими): «такимъ образомъ началось Русское царство, Русская монархія, какъ и многія другія, *насиліемъ* и *кровопролитіемъ*; такимъ образомъ Рюрикъ наложилъ *узы* на свободную державу: онъ призванъ былъ для защищенія свободы, и онъ же *истребилъ* ее» ⁽²⁰²⁾. По смерти братьевъ, «Рюрикъ *укрѣпилъ* свою власть тѣмъ, что *перенесъ столицу* (изъ Ладоги) въ Новгородъ и *ввелъ* родъ феодальнаго правленія» ⁽²⁰³⁾. Видите-ль, какія умныя средства придумалъ шлёцеръ для того, чтобы вывести изъ безчувственнаго, полу-человѣческаго состоянія Русскій народъ, забытый Отцемъ человѣчества.... Можетъ быть спросить: да гдѣ же у насъ феодалы? гдѣ бароны? гдѣ слѣды феодальныхъ учрежденій? Ихъ нѣтъ — слѣдственно, и феодальнаго пра-

⁽¹⁹⁹⁾ Шлёцеровъ Несторъ, ч. II, стр. 180.

⁽²⁰⁰⁾ тамъ же.

⁽²⁰¹⁾ тамъ же, ч. I, стр. 357.

⁽²⁰²⁾ та же страница.

⁽²⁰³⁾ тамъ же.

вленія также не было. Но у Шлёцера на все есть отговорка; вы думаете, что его уличили, а онъ вывернется и сочинить вамъ причину, почему не видно даже и малѣйшихъ слѣдовъ феодальнаго правленія: «оно здѣсь введено при *такихъ же обстоятельствахъ* и по *такой же необходимости*, какъ и во всей прочей Европѣ; только въ Россіи оно *отдѣлано* было не такъ хорошо и искусно, какъ въ другихъ земляхъ, почему скоро и поглотилось *пучиною монархическаго деспотизма*. Ярославъ *хитрыми образамъ истребилъ* его совсѣмъ» (204). И такъ, видите, первое средство, придуманное Шлёцеромъ для просвѣщенія забытыхъ Отцемъ человѣчества, не удалось отъ *хитрости* Ярослава: будь Рюриковъ потомокъ немного простоватѣе, и «пучина монархическаго деспотизма» не поглотила бы феодальной системы, которая очень способна *полу-человѣковъ дѣлать людьми*, разумѣется все же не безъ помощи чистыхъ при-Рейнскихъ Нѣмцевъ... Правда,—и нашъ чисто-Нѣмецкій ученый самъ же сознался,—феодальное «*кулачное* право содержало Германію долгое время въ варварствѣ» (205), между тѣмъ какъ подъ правленіемъ Владиміра Святаго «*Русское царство съ 1000 годовъ возшло на такую степень просвѣщенія, на которой очень немногіе изъ другихъ южныхъ и сѣверныхъ Европейскихъ народовъ въ то время находились*» (206) и «имѣло несчастіе упасть» именно оттого, что «*кулачное* право ворвалось также и въ Русскую землю, междоусобіями удѣльныхъ князей, и бѣдствіе еще болѣе увеличено въ Монгольскій періодъ» (207); по Шлёцеру что за дѣло до фактовъ, хотя бы имъ же самимъ провозглашенныхъ? Ему надобно только доказать, что «дерзкая шайка разбойниковъ и жестокихъ грабителей», которые сами «сдѣлались людьми» только съ пособіемъ по-Рейнскихъ родичей, были нашими истинными благодѣтелями, и «разсѣяли въ суровомъ сѣверѣ первыя сѣмена *просвѣщенія*». Правда,—и Шлёцеръ опять въ томъ согласенъ, — «*просвѣщеніе, занесенное въ сѣи пустыни Норманнами, было не лучше того, которое лѣтъ со 120 тому назадъ Европейскіе казаки принесли Камчадаламъ*» (208), и хотя «люди сѣи уже избрали Ландмана», который уже

(204) Шлёц. Несторъ, II, стр. 7.

(205) тамъ же, ч. I, Введеніе, стр. 22.

(206) тамъ же.

(207) тамъ же.

(208) тамъ же, ч. II, стр. 180—181.

«началъ Русское царство, насиліемъ и кровопролитіемъ, наложилъ узы на свободную державу и призванный для защищенія свободы, самъ же истребилъ ее», однакожь «люди сіи, все еще отдѣленные отъ просвѣщенныхъ (южныхъ) народовъ, могли долго еще оставаться въ *глубокомъ невѣжествѣ*»⁽²⁰⁹⁾. Но Шлѣцеръ тотчасъ же спохватился, и народу «забытому отъ Отца человѣчества» далъ средство — поскорѣ выйдти изъ «Скандинавскаго просвѣщенія» или что то же «глубокаго невѣжества»: любвеобильное сердце профессора сжалилось подъ нами и внушило Олегу мысль «*подвинуться къ пріятному югу; тутъ сильныя побужденія возникли отъ Царьграда, и сильнѣйшее было введеніе Христіанской Вѣры*»⁽²¹⁰⁾...

Ученый и благоразумный Деліусъ, разсуждая объ источникахъ историческихъ заблужденій, говоритъ, что никакая Исторія не можетъ представить такого *брѣда ученой фантазіи*, какъ Шведская⁽²¹¹⁾; со временъ Байера, Миллера и Шлѣцера, эти слова какъ не лзя лучше примѣняются и къ Русской древней Исторіи. Ученая фантазія Байера породила *Новгородцевъ съ Кабардинцами*, и заставила перебраться съ береговъ Ильменя на Кавказскія горы, а *Малороссійскихъ Бужанъ* перетасила въ *Татарскую орду Буджакскую*; ученая фантазія Миллера переселила къ намъ Скандинавскаго бога *Одина* и его сына *Бауса*, единственно по той уважительной причинѣ, что у насъ есть сказка о *Бовѣ* королевичѣ, а глупыя мамушки, иногда разговаривая съ дѣтьми о пустякахъ, и переливая изъ пустого въ порожнее, смѣясь говорятъ, что Царь *Дадонъ* наклалъ (добра) на ладонь... Наконецъ «превосходительная ученостію» Рейнская фантазія Шлѣцера, обвинивъ прежнихъ писателей въ томъ, что «составили цѣлую ложную систему о началѣ Русскаго государства»⁽²¹²⁾, воздвигла намъ цѣлое зданіе, населенное *призраками* полу-человѣковъ, забытыхъ Отцемъ человѣчества, которыхъ вывела изъ безчувственности и научила размышлять одна шайка дерзкихъ разбойниковъ жестокихъ Шведскихъ грабителей, превращенныхъ изъ звѣрей въ люди Рейнскими Нѣмцами... Кончивъ же такое, утѣшительное для насъ, построеніе Русскихъ древностей, ученая фантазія Шлѣцера, прикрывавшаяся

(209) Шлѣц. Несторъ, ч. II, стр. 180.

(210) тамъ же, с. 181.

(211) Allg. Litt. Anz. 1801, № 124 — 127; Шлѣцеровъ Нест. I, стр. 429.

(212) Шлѣц. Несторъ, ч. I: Общія предварительныя напоминанія, стр. 5.

дотого именемъ Нестора, уже безъ церемоніи отстраняетъ всѣ историческія свидѣтельства, Русскія и чужеземныя, которыми легко могла бы теперь быть изобличена во лжи, самопроизвольно даетъ себѣ громкое названіе *высшей критики* или *критики дѣлъ*, и напрямки утверждаетъ, что Преподобному Нестору «теперь можно сказать: ты обманываешься, ты слишкомъ простъ, ты рассказываешь сказку» (213)...

Человѣкъ, не лишенный здраваго смысла, не можетъ скрыть отъ самого себя умышленное надувательство: нѣтъ-нѣтъ, да и проговорится. Такъ и Шлѣцеръ, занимаясь постройкою учено-фантастическаго зданія, вдругъ было остановился, готовый образумиться. Онъ уже объявилъ: «пять народовъ, или лучше народцевъ (Чудь, Славяне, Меря, Вѣсь, Кривичи), разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ земли, и различающихся одинъ отъ другаго даже языкомъ, каждый добровольно, правда, понуждаясь необходимостію и опасностію, однакоже не какимъ нибудь Нимвродомъ, вступаютъ между собою въ союзъ», но «четыре изъ нихъ *какъ будто* поглотились пятымъ, и имя ихъ истребилось изъ чреды собственныхъ народовъ» (214). Если бы Шлѣцеръ вникъ въ дѣло, какъ Ходаковскій, то легко заключилъ бы, что Вѣсь и Мерю не лзя причислять

(213) Шлѣцеровъ Несторъ, часть I, см. во второмъ прибавленіи: Критическое изданіе Нестора, стр. 387. — Очень жаль, что эти важныя мѣста, въ которыхъ такъ ясно выразился Рейнскій патріотизмъ Шлѣцера, не обратили на себя вниманія почтеннаго автора книги «Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта спектиковъ». Онъ сказалъ, что перомъ Шлѣцера управляло *предубѣжденіе* (см. выше, стр. XXXVIII); но тутъ слѣдовало взглянуть глубже: необходимо было, принявъ на себя защиту безсмертнаго труда, совершеннаго Преподобнымъ Несторомъ, развить во всей подробности, что Шлѣцеръ употребилъ имя Нестора только для того, чтобъ дать ходъ своимъ идеямъ, и не объяснялъ по противорѣчіямъ ясному смыслу «Временника» *затемненіемъ* нашего лѣтописца. Между тѣмъ, очень многіе не рѣшаются отстать отъ авторитета Шлѣцера потому только, что увѣрены, будто бы *такъ* рассказываетъ нашъ собственный древнѣйшій бытописатель. Какъ вредно подобное увлеченіе авторитетомъ, какъ оно препятствуетъ правильному объясненію нашихъ древностей, понятно для каждаго здравомыслящаго человѣка, и потому-то, ревнуя успѣхамъ отечественной Исторіи, и желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать ея развитію, я счелъ необходимымъ разоблачить и Рейнскій патріотизмъ Шлѣцера и противорѣчіе его мнимыхъ *объясненій* прямому смыслу Временника Преподобнаго Нестора.

(214) Тамъ же, II, стр. 160, 167 и 171.

къ Финскому племени, а Кривичей къ Литовскому, какъ вздумалось Гёттингенскому профессору, наперекоръ Нестору, который *отдѣляетъ* Мерю и Весь отъ Чуди, а Кривичей отъ Литвы, хотя и не опредѣляетъ, *какого* же они племени. Нестору, какъ южанину, извинительно и не имѣть обо всемъ *точныхъ* свѣдѣній, когда ученые XIX вѣка, имѣя всѣ средства подъ руками, не хотятъ вникнуть въ дѣло. Дѣйствительно, въ землѣ Мери и Веси исторія не представляетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ финнизма, а филологическое изслѣдованіе нарѣчій Русскаго языка, которымъ занимался Ходаковскій, убѣждаетъ что Новгородскіе Славяне составляютъ сами часть Кривичей, и слѣдственно — Кривичи суть родъ (genus), Новгородскіе же Славяне ихъ видъ (species) ⁽²¹⁵⁾; а потому и не лзя говорить, будто бы Кривичи, Весь и Меря *поглощены* Новгородскими Славянами—вышли только изъ употребленія мѣстныхъ областныхъ имена, и все тутъ! Чудь Эстонская остается донынѣ Чудью, попрежнему слыветъ у насъ у Русскихъ Чухнами или Чухонцами—слѣдственно и о Чуди нельзя сказать, будто бы она *поглощена*, когда чрезъ 1000 лѣтъ послѣ призванія Рюрика она удерживаетъ и языкъ и нравы и обычаи своихъ предковъ. Но Шлёцеръ, не принявъ къ соображенію этихъ обстоятельствъ, дозволилъ быть Славянами только Новгородскимъ Славенамъ, а прочимъ ихъ единоплеменникамъ приказалъ на время выдать себя за Финновъ (*Чудь*) и Литву, послѣ чего вдругъ и самъ изумился: «ничѣмъ не превышающіе четырехъ прочихъ, сіи самые Славене будутъ главнымъ народомъ Новаго Государства и *поглотятъ* не токмо четыре прочіе народа, но даже и своихъ побѣдителей—*все сдѣлается Славянскимъ!*» явленіе, котораго и теперь еще совершенно объяснить не лзя» ⁽²¹⁶⁾... Вольно же самому себѣ запутывать вопросы и жаловаться послѣ на то, что *совершенно объяснить не лзя!*... «Весь, Меря и Кривичи—исчезаютъ» ⁽²¹⁷⁾: совсѣмъ нѣтъ—живутъ до сихъ поръ; исчезли не народы, а областныя названія... «И даже отъ самихъ Варяговъ не осталось ни малѣйшаго слѣда Скандинавскаго» ⁽²¹⁸⁾: да какъ же и оста-

⁽²¹⁵⁾ См. статьи Ходаковского въ Журналъ Мин. Нар. Просв. (Дек. 1838) и въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ».

⁽²¹⁶⁾ Шлёц. Нест. II, стр. 171.

⁽²¹⁷⁾ Тамъ же.

⁽²¹⁸⁾ Тамъ же.

ваться отъ *Варяговъ* слѣдамъ *Скандинавскимъ*, когда самито Варяги были Славяне изъ Славянъ, по выраженію Арабовъ? «Славянскій языкъ *ни мало не повреждается Норманскимъ*» ⁽²¹⁹⁾. Опять по той же причинѣ: Славянскій нашъ Русскій языкъ, естественно, *и не могъ* повредиться отъ Славянскаго жъ языка Варяжскихъ Руссовъ Шлёцеръ надѣется однако жъ выпутаться примѣромъ Болгаръ, которыхъ Тунману и Энгелю угодно было пожаловать въ Татаръ: «въ Болгаріи Славянскіе жители *принудили* новыхъ своихъ *повелителей* совершенно *забыть* принесенный ими съ Волги языкъ» ⁽²²⁰⁾; но Болгаре, какъ жители Волги, были Русскіе Славяне—какъ именно свидѣлствуютъ Арабы ⁽²²¹⁾: вотъ почему языкъ Болгарскій не испортилъ татаризмомъ языка Иллирійскимъ или Балканскихъ Славянъ—иначе, будь Болгаре племенемъ Татарскимъ, побѣжденные Славяне Балканскіе, никакъ бы не могли принудить ихъ забыть свой отечественный языкъ. Самъ Шлёцеръ почти согласенъ, видя изъ живыхъ примѣровъ невозможность предполагаемаго событія: «Изнѣженные Китайцы не довели до этого своихъ Манджуровъ» ⁽²²²⁾: такъ точно не довели бы до этаго и Балканскіе Славяне Болгаръ, если бы тѣ не были также Славянскимъ же народомъ, именно Волжскою Русью.

Незабвенный Карамзинъ, хотя и не *сознавалъ* основной *причины* заблужденій Шлёцера, однакожъ, слѣдуя врожденному *чувству истины*, не обезчестилъ своего славнаго творенія усвоеніемъ *худесныхъ* идей Рейнскаго патриотизма. Въ угодность тогдашнему большинству, Карамзинъ объявилъ Варяговъ Скандинавами, но тѣмъ все и ограничилось—рядомъ со Шлёцеровою гипотезой выставлено *и другое* мнѣніе, которому также не отказано въ *вѣроятности*; изъ Прусскихъ хроникъ выведено важное слѣдствіе, что Руссы жили въ *сосѣдствѣ* съ Пруссамі; отвергнута нелѣпая гипотеза Миллеро-Шлёцорова объ основаніи Русскаго Царства насиліемъ шайки дерзкихъ разбойниковъ, которые, сами сдѣлавшись людьми только съ помощію Рейнскихъ Нѣмцевъ, въ свою очередь занесли въ наши пу-

⁽²¹⁹⁾ Шлёцер. Несторъ, II, стр. 172.

⁽²²⁰⁾ Тамъ же.

⁽²²¹⁾ См. послѣднее отдѣленіе моей книги.

⁽²²²⁾ Шлёц. Нест. II, 172.

стыни просвѣщеніе, да такое славное, что вѣкъ бы намъ оставался «въ глубочайшемъ невѣжествѣ» если бы не Византія да не Христіанство . . . Правда, не утвердившись на одномъ постоянномъ вѣрованіи, Карамзинъ не могъ придать своему произведенію *твердости основанія и единства мнѣній*; но важна уже смѣлость, съ которою Карамзинъ *откровенно* объявилъ (хотя въ примѣчаніяхъ), что «Байеръ *излишне* уважалъ *сходство именъ*, недостойное замѣчанія, если оно не утверждено другими историческими доводами» что Байеръ «*худо зналъ Географію*, обративъ нашъ *Витигевъ*, стоявшій на берегу Днѣпра, ниже Кіева и Триполя, въ *Витебскъ*»; посмѣялся надъ Миллеромъ за то, что «онъ въ своей академической рѣчи съ важностію повторилъ сказки Датчанина о Россіи»; и далъ краткій, но глубоко-вѣрный урокъ Шлёцеру, что «народы не падаютъ съ неба и не скрываются въ землю, какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія» (225).

(225) Ист. Гос. Рос. I, пр. 71 и 513, 96, 283.—Съ этими примѣчаніями необходимо сравнить мысли исторіографа о Варяжской Руси, о Славянскихъ обитателяхъ нашей страны и вообще относительно всей нашей древности (см. выше, LXXXVI и слѣд 1): тогда только раскроется *настоящій образъ мыслей* Карамзина о *степени* заслугъ Байера, Миллера и Шлёцера, — Къ сожалѣнію, эти мысли разсыяны по *разнымъ* мѣстамъ «Исторіи Государства Россійскаго,» и потому донинѣ ускользали отъ вниманія людей не углубившихся въ *изученіе* славнаго труда Русскаго Историка. Не должно впрочемъ упускать изъ виду, что Карамзинъ даже *не могъ*, при самомъ *началѣ* своего историческаго поприща, явно и рѣзко отступить отъ мнѣній Шлёцера: если въ *наше время* ужасаются мысли—противорѣчить идеямъ Шлёцера; если въ 1840 году почтенный оборонитель Нестора едва осмѣлился только всколъзъ замѣтить «предубѣжденіе» Шлёцера: то какіе же крики произвело бы въ ученомъ свѣтѣ возстаніе противу Геттенгенскаго изыскателя, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ самъ былъ живъ, когда слѣпые поклонники его изъ имени «Шлёцеръ» сотворили себѣ кумиръ и рабски поклонились ему! Припомнимъ наконецъ и *крикливость* раздражительнаго прфессора, который готовъ былъ всякаго провозгласить *неученымъ* историкомъ, какъ скоро не видѣлъ въ немъ ученика Байерова; а голосъ Шлёцера много значилъ, особенно въ то время, въ ученой Европѣ. . . . Мало *истинныхъ* знатоковъ Русскихъ древностей, подобныхъ Канцлеру Румянцеву, который часто говаривалъ Карамзину: «право, Николай Михайловичъ, я всегда сожалѣлъ, что вы принуждены были, изъ уваженія къ Шлёцеру, посылать къ нему для разсмотрѣнія текстъ вашего перваго тома. Свободные отъ Байеро-Шлёцеровскихъ предубѣжденій, вы сами, одни, лучше бы рѣшили дѣло: Байеръ да Шлёцеръ васъ по рукамъ связали. Согласенъ, Шлёцеръ оказалъ намъ безсмертную услугу сличеніемъ Несторовой лѣтописи и ученымъ ея изданіемъ; но онъ или

И если Карамзинъ успѣлъ столько совершить для нашей Исторіи, послѣ предварительныхъ *искаженій* Байера съ компанією; если и тутъ онъ умѣлъ невредимо пройти сквозь лабиринтъ несправедливыхъ гипотезъ, объяснить столько происшествій: то какое же твореніе оставилъ бы онъ Россіи, не бывъ принужденнымъ *очищать* наши древности, а идя по стезѣ, проложенной вѣрною критикою, аналогически дополняя и разъясняя наши древности исторією нашихъ Славянскихъ единоплеменниковъ! какими удивительными страницами наслаждались бы Русскіе при чтеніи событій съ III-го вѣка до половины IX-го, когда бы этотъ героическій періодъ бытія Русскаго народа воскресъ въ полной, величественно-краснорѣчивой, карамзинской картинѣ, озаренный Русскою здравомыслящею критикою, а не сокрылся бы въ туманѣ призраковъ много-исчезнувшихъ народовъ, порожденныхъ ученою фантазією Рейнскаго патріотизма, признававшего иногда, въ минуты *здравомыслія*, что нарочно поретъ дичь вопреки здравому смыслу: «чтобы тѣ многочисленные народы *совсѣмъ пропали съ лица земли*, это кажется и безъ доказательства *очень невѣроятнымъ*» (2 2 4) ... Этого героическаго вѣка мы не видимъ въ «Исторіи Государства Россійскаго», но все-таки мы обязаны — воздать должную дань хвалы уму нашего Русскаго историка, за то что не обольстился Геттингенскими софизмами о Нѣмцахъ и Скандинавахъ. Варяжскому періоду въ «Исторіи Государства Россійскаго» приданъ характеръ *Славянской*: Скандинавщины у Карамзина — видѣмъ не видать, слыхѣмъ не слыхать! И за то честь и слава природному здравомыслію исторіографа! хотя за это-именно и подвергся онъ порицаніямъ байеріанъ, миллеріанъ, шлѣцеріанъ, вообще—историческихъ аріанъ, отступниковъ отъ нашего Древне-Русскаго, православнаго, Несторовскаго ученія о старобытности Славянской Руси въ предѣлахъ нашего отечества и на

не понималъ или не хотѣлъ понимать нашей древности — онъ смѣшалъ съ грязью предковъ нашихъ, и какихъ то выдуманныхъ имъ въ Геттингенѣ уродовъ, полу-человѣковъ погрязшихъ въ скотской безчувственности велить признавать Русскими Славянами! Благодарны за честь!...

Что бы ни говорили, а Шлѣцеръ не понимаетъ насъ, не отдавалъ справедливости добрымъ нашимъ праотцамъ! .. (Сообщено мнѣ почтеннымъ редакторомъ Археографической Коммиссіи, Отцемъ Протоіереемъ Іоанномъ Іоанновичемъ Григоровичемъ).

(2 2 4) Шлѣц. Нест. ч. II, стр. 398.

южномъ Балтійскомъ поморьѣ на западъ отъ Ляховъ и Пруссовъ, до земли Англанской въ низовьѣ Лабы, а на югъ до земли Чехо-Моравскихъ Волоховъ при истокахъ Лабы и Вислы. Изъ всѣхъ этихъ противниковъ Карамзина, одинъ только О. И. Сенковскій возвысился до настоящаго понятія о степени гражданственности нашихъ предковъ, утверждая, что «Славяне, имѣли два великіе торговые города, Новгородъ и Кіевъ, извѣстные уже въ Азіи своимъ богатствомъ, и находились безъ сомнѣнія ни гораздо высшей степени гражданской образованности, чѣмъ хищные воины Скандинавіи, которые не знали другой торговли, кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышленности, кромѣ непрерывной войны въ сей жизни и въ будущей»⁽²²⁵⁾; что «письменные доказательства всѣ вообще служатъ въ пользу гражданственности Славянъ»⁽²²⁶⁾. Прочіе же остались при Шлёцero-Миллеровскихъ понятіяхъ, но всѣ отважно пустились ломать Несторовское зданіе Русской Исторіи и уничтожать Карамзина, истощая свои силы въ противорѣчіяхъ другъ другу, въ противорѣчіяхъ самому себѣ, въ противорѣчіяхъ фактамъ, въ нещадной ломкѣ созвучій при построеніи фантастическаго зданія Русской Исторіи наперекоръ всѣмъ условіямъ здоровой филологіи и основательной критики.

Разсмотримъ же труды защитниковъ Скандинавскаго происхожденія Руси, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

I. *Противорѣчія другъ другу* неизбежно проистекли изъ *ложности основанія*. Если бы система Скандиновоманіи заключила въ себѣ *истину*, то защитники ея должны бы во всемъ быть согласны, между ними должно бы явиться *единство*; ибо истина всегда едина и отличительный характеръ истины—единство мнѣній. Гдѣ же оно? Находимъ ли его у байеріанъ, миллеріанъ и шлёцеріанъ? Отчего же это? Полагая въ основаніе своихъ построеній ложное и превратное толкованіе лѣтописей, каждый принимаетъ за дѣйствительность *мечту*, созданіе своей фантазіи; а такъ какъ извѣстно, что у каждаго барона *своя* фантазія, то разумѣется ни одинъ и не хочетъ согласиться съ другимъ. Историческая Логика спрашиваетъ: какому народу принадлежит имя *Русь*? «Должно быть *Шведамъ*,» отвѣчаетъ Кругъ, вторя Шлёцеру.—«Нѣтъ,» восклицаетъ П. Г.

(225) Библ. для чтенія (1834) т. I, отд. Наук. и Худож. с. 24.

(226) Тамъ же, стр. 25.

Бутковъ: «кажется Ботническимъ Финскимъ Скандинавцамъ»—«Нѣтъ,» кричитъ Гольманъ, «должно быть Фрисландцамъ, потому что у нихъ было герцогство Hiustri, позднѣйшій Rustringen.»—«Совсѣмъ нѣтъ,» замѣчаетъ Нейманъ, «имя Руси принадлежало Черноморцамъ, которые конечно были Одиновы Свеоны.»—«Нѣтъ, господа,» утверждаетъ Ѳ. В. Булгаринъ, «Руссы кажется были Прусскіе Нѣмцанскіе Готы - Скандинавы, между которыми была, вѣроятно одна фамилія, называвшаяся Лошадкиной или Коневской, а Конь по Нѣмецки Ross; это имя распространилось, въ слѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, на весь кланъ, на все колено, понравилось и всѣ захотѣли такъ называться» (227)—«Нѣтъ, а по-моему, такъ имя Руси принадлежитъ Ютландіи, гдѣ есть Розовая волость, Rosengau,» провозглашаетъ ученый Крузе, «а если не Ютландіи, такъ Норвегіи, гдѣ жилъ Вермеландскій Королекъ Гогни, котораго имя похоже на Русскихъ Кагановъ.»—«Нѣтъ,» объявляетъ Баронъ Брамбеусъ, «имя Руссъ было кажется, общимъ названіемъ всѣхъ Нордмановъ» (228), но «оно не было коренное, а выдуманное, поэтическое, увѣнчанное, дорогое всѣмъ отраслямъ народа» (229) и конечно «Рюриковы подвижники не имѣли права называться никакимъ частнымъ именемъ» (230)—«Надо сознаться,» возглашаетъ Полевой, «ни имени Варяговъ ни имени Руси не находилось въ Скандинавіи, и мы не знаемъ во всей Скандинавіи страны, гдѣ была бы область Варяжская или Русская» (Замѣтивъ общее изумленіе Скандинавомановъ, сочинитель «Исторіи Русскаго народа,» даетъ другой оборотъ рѣчи:) впрочемъ «безполезно будетъ опровергать мнѣніе тѣхъ, кои не хотятъ признать въ Варягахъ Скандинавовъ» (231). Историческая логика требуетъ отвѣта на вопросъ: гдѣ же была Русь? Историческій романистъ, смѣшавшись, отвѣчаетъ: «Скандинавскіе завоеватели дикихъ Славянъ называли себя Русь — именемъ не означавшимъ ни страны ни народа» (232) ... Историческая Логика опять спрашиваетъ: чтожь это за имя, которое не означаетъ ни страны ни

(227) Россія въ историческомъ отношеніи ч. III, стр. 24.

(228) Библіотека для чтенія (1838) т. XXIX, Наук. и Худож. стр. 46.

(229) Тамъ же, стр. 52.

(230) Тамъ же, стр. 53.

(231) Ист. Руск. Нар. I, стр. 57.

(232) Тамъ же, с. 59 и 60.

народа? Сочинитель отдѣливается, по среди суматохи, догадкою:) «можетъ быть, оно означало ихъ званіе: морскіе воины» — «Такъ, но не совсѣмъ», раздается новый голосъ: «Славянскія племена по грубости неспособны къ порядку, и слѣдственно *Русскій духъ порядка* уже показываетъ, что Русскіе суть не Русскіе Славяне, а *Шведскаго духа сыны*»... Вдругъ со всѣхъ сторонъ крики: «такъ по вашему Руссы были Шведы?» — «Нѣтъ Фрисландцы» — «Нѣтъ Ютландцы» — «Нѣтъ, Прусскіе Готы» — «Такъ нѣтъ же, Вермеландскіе Норвежцы» — «Нѣтъ Ботнійцы» — «Нѣтъ, Одиновскіе Черноморцы»... Во время этихъ споровъ, съ Французской кафедры знаменитаго Гизо раздаются поражающія Скандинавоманію слова: «Le caractère essentiel de la vérité, Messieurs, c'est l'unité. *La vérité est une*, c'est pourquoi les hommes qui l'ont reconnue et acceptée sont unis; union qui n'a rien d'accidental ni d'arbitraire, car la vérité ne dépend ni des accidens des choses, ni de l'incertitude des hommes.... Comme la vérité, *l'unité* sera donc *le caractère essentiel* de la société qui n'aura que de la vérité pour objet» (255).

II. *Противорѣчіе самому себѣ и фактамъ* есть неминуемое слѣдствіе ложности основанія. Когда полъ дрожитъ подъ ногами, устоишь ли прямо? во время землетрясенія можно-ль не качаться со стороны на другую? Такъ точно и тутъ: гдѣ все поддерживается софизмами, тамъ не лъзя даже избѣгнуть противорѣчій. Подобными противорѣчіями особенную пріобрѣли извѣстность: сочинитель «Исторіи Русскаго Народа» и авторъ изслѣдованій о Рюрикѣ и его Руссахъ, перемѣщаемыхъ изъ Рослагена то въ Ютландскую Розовую волость, то въ Норвежскую Вермеландію. Истинная цѣна «Исторіи Русскаго Народа» показана давно, въ прекрасныхъ разборахъ, написанныхъ Академикомъ С. В. Руссовымъ, Профессоромъ М. П. Погодинымъ (въ «Московскомъ Вѣстникѣ» и «Телескопѣ»), наконецъ всѣхъ подробнѣе и очевиднѣе издателемъ «Маяка» С. О. Бурачкомъ; и потому, здѣсь буду говорить только объ изысканіяхъ почтеннаго Юрьевскаго (Дерптскаго) Профессора, и притомъ изъ многого-множества представлю только нѣсколько примѣровъ его проницательности. Въ 1836 году г. Крузе старался увѣрить насъ, будто бы «*Норманны, ходя по Двинѣ или Невѣ, а потомъ по Днѣпру въ Царьградъ, основали Новгородъ*, подъ именемъ Гардари-

(255) Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'empire Romain jusqu'en 1789, par Guizot. XII-ème leçon.

ка» (²³⁴); въ 1838 году, напротивъ, писалъ, что «въ южной Россіи была безъ сомнѣнія (?) Великая Свеонія, по которой протекалъ Донъ и которая была родиною Одина» (²³⁵), что идя изъ этой Свеоніи «Одиновъ сынъ Сигурламъ основалъ Holmgard или Gardariki, то есть Новгородъ» (²³⁶); но вдругъ «Скандинавскія владѣнія были заняты Славянами, вытѣсненными съ Дуная и сдѣлались республиками» (²³⁷); а черезъ восемь страницъ, населяетъ Новгородъ уже не Дунайскими, но Сальскими Славянами, слѣдовательно Германно-Сорабскими: «Славянскіе народы, которые въ концѣ VIII столѣтія перешли отъ Салы за Новгородъ или древній Скандинавскій Gardarike, кажется въ VII-мъ столѣтіи» (то есть, когда они еще не перешли) «и въ VIII-мъ, также въ первой половинѣ IX-го, удерживали верхъ надъ Скандинавскими и Готскими правителями» (²³⁸); а потомъ, еще черезъ четыре страницы, опять рѣшаетъ дѣло въ пользу при-Дунайскихъ Славянъ, и даже назначаетъ имъ время, когда удобнѣе овладѣть Новгородомъ, именно 640—641: такой добрый, тридцать одинъ годъ—срокъ очень таки препорядочный, можно «распространиться по сѣверу» (²³⁹). Но въ слѣдующемъ году, профессоръ, какъ видно, сжалился надъ позднимъ появленіемъ Славянъ въ Новгородѣ, и объявилъ, что время основанія Новгорода неизвѣстно, а Скандинавы только занимаютъ его: «Датчане являются въ Исторіи между V и VI столѣтіемъ, въ южной Россіи, гдѣ находилась Большая Свеонія, Magna Sujonia, отечество Одина», который, «предпринявъ походъ, занялъ на дорогѣ Gardariki и слѣдуя далѣе сухимъ путемъ, покорилъ Саксонцевъ, а послѣ уже основалъ Королевство Датское въ Одензе и Шведское въ Упсалѣ» (²⁴⁰); а черезъ нѣсколько страницъ, рассказавъ о Царѣ Анундѣ, жившемъ въ половинѣ IX вѣка, пишетъ: «можетъ быть Руссы, сблизившись съ Шведскимъ Царемъ Анундомъ (852), заняли Упландскіе берега, которые отъ нихъ и получили названіе Рослагена; впослѣдствіи, по основаніи Новгорода и Кіева, эти берега были потеряны» (²⁴¹). Спрашивается: кто же

(²³⁴) Жур. Мин. Нар. Просв. (1836), ч. IX, Науки, стр. 48.

(²³⁵) Тамъ же (1838), ч. XVII, Науки, стр. 517—518.

(²³⁶) Тамъ же, стр. 519.

(²³⁷) Тамъ же.

(²³⁸) Тамъ же, стр. 526.

(²³⁹) Жур. Мин. Народн. Просвѣщ. 1838, ч. XVII, стр. 530.

(²⁴⁰) 1839, ч. XXI, Наук. стр. 24.

(²⁴¹) 1838, ч. XXI, Наук. стр. 58—59.

въ самомъ дѣлѣ построилъ Новгородъ? Норманны, вхавшіе по Двинѣ либо Невѣ въ Царьградъ? или Одиновъ сынокъ, Сигурламъ? или же Датчане съ самимъ Однимъ только заняли Новгородъ? или наконецъ онъ основанъ Ютландскими жителями Розовой Волости послѣ 852 года? . . . — Далѣе: въ Мартѣ 1838 года, почтенный профессоръ объявилъ нашихъ Славянъ пришельцами изъ *Германіи, отъ береговъ Салы*, въ Іюль же 1833 года провозглашаетъ Славянъ туземцами Россіи, которымъ будто бы «Нѣмцы уступили свое мѣсто въ восточной Германіи при переселеніи народовъ»; а потомъ, чрезъ нѣскольکو страницъ объявляетъ, что Славяне уже не добровольною уступкою Нѣмцевъ, но силою оружія пріобрѣли восточную Германію: «когда сѣверъ Германіи былъ завоеванъ Свевами и Готами, вторглись Славянскія и Вендскія племена и завладѣли въ Германіи всею землею до Эльбы и Салы» (²⁴²).—Въ 1836 году рассказываютъ намъ, что «предводитель Норманновъ 845 года, проникъ до Парижа, принудилъ Короля бѣжать въ Сен-Дени, раззорилъ Парижъ», что «возникшая въ его войскѣ болѣзнь, удержала его отъ дальнѣйшихъ опустошеній», и наконецъ «самъ онъ умеръ отъ заразы», и что герой этотъ былъ *Рагнаръ* (²⁴³); въ 1839 году, этотъ же самый Французскій походъ приписывается уже не Рагнару, а *Рюрику*: «въ 845 году видимъ, что *Царь* (!) Рюрикъ предводительствуетъ языческою арміею, опустошавшею Францію, и что при появленіи моровой язвы, вспомнивъ, что онъ Христіанинъ, онъ постился въ теченіи четырнадцати дней, съ цѣлымъ войскомъ» (²⁴⁴). Слава этого Французскаго похода такъ прельстила воображеніе нашего мирнаго профессора, что ему казалось необходимо, нужнымъ вторично рассказать все это, на слѣдующій мѣсяцъ, изъ опасенія, чтобы читатели не забыли Русскаго *Царя* подъ стѣнами Парижа въ 845 году (²⁴⁵). Вѣримъ почтенному профессору; но такъ какъ за три года мы слышали отъ него же, что предводитель Норманновъ сперва умеръ отъ заразы, то и должны заключить, что онъ уже съ того свѣта пожаловалъ въ Новгородъ «княжить и владѣть». Одно только тутъ возникаетъ затрудненіе: сами-ль Новгородцы послали за море звать Царя

(²⁴²) Жур. Мин. Нар. Просв. 1843, ч. XXXIX, Наук. стр. 54—56.

(²⁴³) 1836, ч. IX, Наук. стр. 62.

(²⁴⁴) 1839, т. XXI, Наук. стр. 47.

(²⁴⁵) тамъ же стр. 164.

(умершаго отъ заразы) къ себѣ на княженіе, или этотъ Царь-мертвецъ силою покорилъ ихъ? и въ которомъ году это было? вопросы чрезвычайно любопытные, на которые гнъ Крузе даетъ также, смотря по обстоятельствамъ, различные отвѣты: не замѣтивъ, что у Нѣмецкихъ писателей среднихъ вѣковъ наша Россія никогда не называлась землею Славянъ, но всегда слыла Россіей, землею людей рослыхъ, по-Нѣмецки Нун'овъ (Nunigard), равно какъ и подъ Греческими старыми прозвищами Скиѳіи (Scythia) и Сарматіи (Sarmatia); не замѣтивъ, что у Эгингарда и прочихъ писателей, подъ именемъ Славянскихъ краевъ (fines Slavonum) постоянно разумѣются только Прибалтійскіе Славяне, или по-Нѣмецки Winden, Wenden, обитатели Велето-Сербскаго Кута (между Лабой и Одрой) и отчасти жители Польши (отъ Одры къ Вислѣ); не замѣтивъ, что на этихъ-то Прибалтійскихъ Славянъ напали Датскіе союзники Анунда, послѣ неудачнаго съ нимъ похода противу Бирки желавшіе хоть чѣмъ нибудь поживиться, и потому разорившіе какой-то городокъ Славянскій, по свидѣтельству Лангебека въ 850 году, по Мессенію въ 840 году, а по Далину въ 837 году; не принявъ ничего этаго въ расчетъ, но желая помириться съ Несторомъ, свидѣтельствующимъ, что 852 года (за 10 лѣтъ до призванія Рюрика) «приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстемъ»,—почтенный профессоръ увѣряетъ, будто бы «подъ 852 годомъ упоминается въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ *первое вторженіе* сихъ Норманновъ въ Россію» (²⁴⁶). Хотя у Ремберта, на котораго угодно ссылаться автору, нѣтъ ни полслова о вторженіи Рюрика и его Руссовъ въ Новгородъ, однакожь Крузе вѣроятно рассуждалъ такъ: если Датчане раззорили *какой-то* городъ въ 850 году или 840, или даже 837, то *могли* въ 852 году раззорить и Новгородъ; на это и мы также вправѣ отвѣчать: можетъ быть *могли* а можетъ и *не могли*... Да и почемужь предполагать, что они въ 852 году раззорили Новгородъ, когда объ этомъ никто въ цѣломъ-таки мірѣ не зналъ?... Но гнъ Крузе увѣренный, что ему всѣ повѣрятъ на-слово, когда сошлется на Франкскія лѣтописи (NB. въ которыхъ ничего о томъ не говорится), черезъ полгода съ торжествомъ воскликнулъ: «съ помощію Франкскихъ источниковъ я доказалъ (?!?!), что Норманны, къ коимъ

(²⁴⁶) Жур. Мин. Просв. 1836, ч. IX, Наук. стр. 63.

относится имя Рюрика, въ 852 году сдѣлали *первое* вторженіе въ землю Новгородскихъ Славянъ»⁽²⁴⁷⁾, и не понявъ Несторова свидѣтельства, что у Греческихъ лѣтописцевъ вмѣсто прежнихъ названій Scythia или Sarmatia съ 852 г. начало понемногу входить въ употребленіе настоящее наше народное имя, Rhos, «начася прозывати Руска земля», почтенный изыскатель *сочиняетъ* еще происшествіе, также никому въ мірѣ неизвѣстное: «*кажется*, что по разореніи (*какого-то*) Славянскаго города, вторгнувшіеся Руссы не всѣ возвратились назадъ, но одна часть ихъ тогда же отправилась къ Константинополю»⁽²⁴⁸⁾; и мечтая, что уже порѣшилъ дѣло, съ радостью восклицаетъ: «такимъ образомъ *объясняется* теперь темное мѣсто Нестора, въ которомъ онъ упоминаетъ подъ 852 годомъ о произхожденіи имени *Русская земля*, не показывая, какимъ образомъ произошло это названіе, тогда какъ онъ излагаетъ десятию годами позже основанія Рюрикомъ Великаго Княжества Русскаго»⁽²⁴⁹⁾. Да, при помощи все-сильнаго *кажется* можно такія чудеса творить, что, пожалуй, соблазнишь всѣхъ будущихъ историковъ ХХІХ вѣка. А что если, разманенному примѣромъ, вздумается какому нибудь Мексиканскому изыскателю 2836 года, рассуждая по-крузевски, объявить во всеуслышаніе ученаго міра: «Наполеонъ былъ величайшій полководецъ ХІХ вѣка; разгромивъ почти всю Европу, онъ 1812 году воевалъ съ Русскими; извѣстно, что прежде онъ предпринималъ высадку въ Египетъ: почему же не *могъ* въ 1814 году воевать и съ Мексикой, по окончаніи Русской войны?» и въ подтвержденіе сошлется на сочиненія Генераль-Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго; а когда почтенному изыскателю откровенно скажутъ: «да въ Описаніяхъ войнъ 1812 года, 1813-го и 1814-го, нѣтъ ни пол-слова объ экспедиціи Наполеона въ Мексику», премудрый изыскатель 2836 года замолчитъ, а черезъ полгода объявить: «съ помощью *Русскихъ* источниковъ я доказалъ, что Французы, по разореніи Смоленска въ 1812 году, сдѣлали первое вторженіе въ Мексику; въ 1813-мъ же, или въ 1814 году, *кажется*, по истребленіи большой Наполеоновой арміи, не всѣ Фран-

⁽²⁴⁷⁾ Тамъ же, ч. X, Наук. стр. 514.

⁽²⁴⁸⁾ Тамъ же.

⁽²⁴⁹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. (1836) т. X, стр. 515.—Въ 1839 году (ч. ХХІ, Науки, стр. 57), почтенный профессоръ повторилъ это *повѣствованіе* уже безъ «кажется», какъ будто бы *фактъ* историческій.

цузы возвратились назадъ, но *одна часть ихъ тогда же* отправилась въ *Мексику*, и съ торжествомъ воскликнетъ «такимъ образомъ *объясняется* одно темное мѣсто въ Мексиканскихъ лѣтописяхъ, которыхъ я понять не могу»... Но какъ вы думаете: неужели Французскіе писатели ХХІХ вѣка согласятся включить въ исторію Наполеона Мексиканскій походъ 1813 или 1814 года, основанный только на словѣ «кажется»? Конечно, Французская учтивость заставитъ ихъ только поблагодарить ученаго Мексиканца и — улыбнуться его ученой фантазіи. Такъ точно и мы: поблагодаримъ нашего Нѣмецко-Русскаго профессора за то, что привелъ Русскаго *Царя* Рюрика въ 845 году подъ стѣны Парижа, но — помня, что предводитель Норманновъ тогда *умеръ отъ заразы* — будемъ наслаждаться *ученою фантазіею* нашего любезнаго профессора не какъ историческимъ произведеніемъ, а какъ *балладою* Жуковскаго, въ которой появляются мертвецы изъ гробовъ. Послѣ того намъ уже не будетъ казаться удивительнымъ, что г. Крузе намѣренъ повелѣть нашему *Царю* воскреснуть и изъподъ стѣнъ Парижа летѣть къ намъ, но не съ оливою, не съ вѣтвію мира, не для того, чтобъ водворить порядокъ и творить судъ правый по призыву Новгородцевъ (какъ повѣствуетъ Несторъ), а съ мечемъ въ рукѣ, по-Скандинавски: какъ истый герой волшебныхъ сказокъ, *Царь* встанетъ изъ гроба (въ которомъ году, изъ сочиненій профессора не видно) и «852 года, Норманны изъ южной Готландіи, подъ предводительствомъ Рюрика *предпринимаютъ экспедицію* въ Россію, и съ этого времени названіе Россія дѣлается извѣстнымъ у *Византійцевъ*»⁽²⁵⁰⁾, тогда какъ самъ же Крузе разсказывалъ (*десятью страницами выше*) «о борьбѣ Русскихъ съ Византійцами въ 774 году», и ту свою статью назвалъ изслѣдованіемъ о *древнѣйшемъ существованіи Русскихъ въ Россіи* ⁽²⁵¹⁾. Далѣе онъ пишетъ: «862 года, по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, Варяго-Руссы вновь *призываются*, подъ предводительствомъ Рюрика, Синеуса и Трувора» ⁽²⁵²⁾; но въ слѣдующемъ году, сочинитель исторической баллады сообразилъ, что Царю-мертвецу, вставшему изъ гроба, неприлично бы явиться къ намъ въ Новгородъ мирнымъ гостемъ, и потому снова пускаетъ его на рыцарскіе подвиги: «могущественный владѣтель, от-

⁽²⁵⁰⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. (1838), ч. ХVІІ, Наукн, стр. 531.

⁽²⁵¹⁾ Тамъ же, стр. 521.

⁽²⁵²⁾ Стр. 532.

крывъ свободный входъ въ Остзейское море, вскорѣ началъ *вторгаться* въ приморскія владѣнія Россіи; *первое вторженіе* послѣдовало ранѣе 859; *другое, болѣе значительное вторженіе* учинено въ 862 году; тогда самъ Рюрикъ съ братьями пошелъ въ Новгородъ, Изборскъ и Бѣлоозеръ, взявъ съ собою всѣхъ Руссовъ для водворенія ихъ и атѣхъ земляхъ» ⁽²⁵³⁾. Черезъ мѣсяць любезный профессоръ опять уже иначе рассказываетъ дѣло про Царя-мертвеца: «въ 862 году, онъ *призванъ* многими племенами нынѣшней Россіи, *кажется*, преимущественно для *защиты* отъ оборонительной или мирной платы, *юсагіо*, то есть *повинностей, состоящихъ въ разныхъ жизненныхъ припасахъ*»: кто наложилъ эту подать жизненными припасами, когда наложилъ, и какъ Рюрикъ отъ ней избавилъ Новгородцевъ, почтенный профессоръ ничего не говоритъ; но, проникая въ душу и сердце Рюрика, сообщаетъ намъ (по-секрету) самые тайные помыслы Царя-мертвеца, скончавшагося подъ стѣнами Парижа и потомъ сѣвшаго на престолъ Новгородскій: мы вдругъ узнаемъ, что «онъ *не имѣлъ намеренія* укрѣпить тамъ навсегда мѣста своего жительства» ⁽²⁵⁴⁾. Оно и естественно: разъ побывалъ въ Парижѣ—хотѣлось и въ другой разъ полюбезничать съ Французами... Французы народъ веселый, Францужанки то же знатныя.... Ну, молодца-то, знаете, и разманило.... Къ тому же у него въ это время супруга забеременила сыномъ-удальцомъ; и потомъ, кто самого Рюрика воскресилъ изъ умершихъ, конечно сообщилъ ему (хоть и подъ великой тайной), что сынокъ-то будетъ весь въ батюшку, и пожалуй еще удалѣе—ну такъ папилькѣ и захотѣлось, чтобъ сынокъ-то увидѣлъ свѣтъ Божій при блескѣ оружія, въ военномъ станѣ, при пылающемъ заревѣ непріятельскихъ городовъ.... Посудите жъ сами: усидится ль тутъ на мѣстѣ, когда почтенные люди сообщаютъ за вѣрное, что будущій сынокъ двухъ-лѣтнимъ дитятей уже будетъ водить свои полки къ побѣдамъ? А неужели ничего этого напередъ не сообщилъ всевѣдущій гнѣ Крузе *Царю* Рюрику, котораго такъ нѣжно любилъ, котораго воскресилъ изъ умершихъ, которому продлилъ жизнь слишкомъ на 30 лѣтъ и позволилъ жить до 879 года, когда намъ—совсѣмъ таки чужимъ—почтенный Юрьевскій профессоръ сообщилъ извѣстіе неизвѣстное никому въ

⁽²⁵³⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1859, ч. XXI, Науки, стр. 49.

⁽²⁵⁴⁾ Тамъ же, стр. 166.

міръ (и потому, конечно, полученное имъ прямо съ того свѣта), что «Игорь родился въ 864 году» (²⁵⁵) и другое открытіе, что «въ 866 году, при описаніи экспедиціи Норманновъ въ Англію, упоминаемый *Царь* Hingar былъ *вѣроятно* сынъ Рюрика *Игорь*» (²⁵⁶), тогда какъ Несторъ даетъ намъ знать только то, что Рюрикъ при смерти (въ 879 году) поручилъ своему родственнику Олегу Княженіе и передалъ ему *на руцѣ* сына Игоря: «бысть бо *дѣтескъ* *вельми*» (²⁵⁷). Какъ же это Игорь, бывшій въ 873 году *дѣтескъ вельми*, начальствовалъ экспедиціею противъ Англіи въ 866 года?

Теперь спрашивается: откуда возникли такіа многочисленно-страшныя противорѣчія самому себѣ, такіа ужасно-разительныя противорѣчія фактамъ? Конечно оттого, — какъ уже замѣчено П. Г. Бутковымъ, — что нашъ профессоръ вздумалъ соединить *нѣсколькихъ* современниковъ въ одно лице (²⁵⁸), а это произошло оттого, что въ основаніи своихъ построеній клалъ одно только сходство звуковъ, не обращая вниманія ни на Историческую Логикѣ ни на достовѣрность источниковъ. Это —

III. *Смѣшеніе настоящихъ историческихъ источниковъ съ богатырскими сказками* и возникшее отсюда желаніе помирить ихъ, наперекоръ фактамъ, единственно посредствомъ *насильственного сближенія случайныхъ созвучій*, — собственно говоря, — явилось господствующимъ среди приверженцевъ Скандинавоманіи только съ 1834-го года. Шлёцеръ очень хорошо понималъ это, совѣтовалъ

(²⁵⁵) Журн. Мин. Нар. Просв. (1836), ч. IX, Науки, стр. 71.

(²⁵⁶) Тамъ же, (1839), ч. XXI, Науки, стр. 49.

(²⁵⁷) Лаврент. списокъ, стр. 14.

(²⁵⁸) Въ одномъ лицѣ Датско-Ютландскаго Рюрика Гальфдановича профессоръ Крузе вознамѣрился было соединить дѣйствія *нѣсколькихъ* современныхъ ему Рюриковъ, которыхъ въ половинѣ IX вѣка было довольно много въ Европѣ. «Къ признанію нашимъ Рюрикомъ Рюрика Гальфдановича», основательно замѣчаетъ П. Г. Буткова, «содействовало то обстоятельство, что лѣтописцы называли сего Датскаго Принца Hages, Egic, Rogus, Roguch, Rogigus, и что они же бывшихъ тогда двухъ Королей Датскихъ Ориковъ или Эриковъ писали Horige, Orig, Orich, Rogic, Ruogus, Hrogic, Rhogic, а потому авторъ нашъ, стараясь сближать дѣянія своего героя къ словамъ Несторовымъ (какъ понималъ тексты сего лѣтописца), показываетъ намъ въ лицѣ Рюрика — иногда Рюрика Гальфдановича, иногда Короля Датскаго Рорика, иногда же одного изъ прочихъ, существовавшихъ тогда Рюриковъ Норманскихъ; уклоняется толь-

«отказаться отъ Исландскихъ сказокъ» (²⁵⁹) и, въ предупрежденіе своихъ послѣдователей отъ лѣвной напасти, писалъ имъ отеческое наставленіе: «сходство въ именахъ, страсть къ словопроизводству — двѣ плодovitѣйшія матери *догадокъ, системъ и глупостей*. Это относится ко всѣмъ лѣтописателямъ Греческимъ и Римскимъ, начиная съ древнѣйшаго; потомъ, въ особенности этимъ отличалось XIII столѣтіе, и этимъ же до сего еще дня *отмѣнно наполнена сѣверная Исторія*. На Днѣпрѣ находятъ слово *нѣсколько* похожее на другое, употребляющееся въ Аравіи: вдругъ составляютъ оба вмѣстѣ, объясняютъ одно другимъ и выводятъ *дѣла, какихъ нѣтъ* ни въ одной современной книгѣ» (²⁶⁰). Какъ человѣкъ умный и знатокъ Исторіи, Шлѣцеръ считалъ необходимымъ предостеречь своихъ приверженцевъ отъ *плодовитѣйшей матери догадокъ, системъ и глупостей*, какъ будто предчувствуя, что нашими древностями займутся люди съ такою *ученою фантазією*, что даже слово *отчій* произведутъ отъ *огага* Шлѣцеръ надѣялся, что «бредни и сѣумасбродство Исландскихъ или Скандинавскихъ сказокъ (сагъ) *должны* когда нибудь *прекратиться* въ Германіи и Россіи» (²⁶¹); но мало ли что *должно бы дѣлаться*, да не дѣлается? Второй томъ Шлѣцера «Нестора» (съ отеческомъ предостороженіемъ отъ страсти къ словопроизводству) и первый (съ отеческимъ наставленіемъ объ удаленіи отъ бредней Исландскихъ старушекъ) — вышли въ Русскомъ переводѣ Д. И. Языкова въ 1809 году, и 25 лѣтъ послѣ того крѣпились Скандинавоманы, хотя, разумѣется, эти розказы достопочтенныхъ Исландскихъ старушекъ приходились крѣпко по душѣ байеріанъ и

ко отъ Рюрика, упоминаемаго въ Голландіи въ томъ самомъ 862 году, въ которомъ Рюрикъ Русскій прибылъ въ наше государство . . . Рюрикъ Датскій не былъ Руссъ, не имѣлъ братьевъ Синеуса и Трувора, и представлялъ собою въ западной Европѣ не *Князя Гардарика* и *Острогарда*, но *викинга*, вассала государей Франкскихъ, плохо охранявшаго отъ Норманскихъ грабежей и пожалованныя ему волости; притомъ, еслибъ подлинно Рюрикъ Гальфдановичъ былъ Державецъ Новгородскій, нельзя чтобъ о томъ *никого не знали соотечественники* его: современникъ, Рембертъ архіепископъ Гамбургскій (868 — 888), Король Датскій Свенъ († 1074) сообщавшій Адаму Бременскому извѣстія о Дании, Саксо Грамматикъ († 1204) и Датскій Король Эрикъ VI († 1319)!»
Оборона лѣтописи Русской, стр. 378 и 379.

(²⁵⁹) Шлѣцеровъ Несторъ, ч. I, стр. 426.

(²⁶⁰) Тамъ же, ч. II, стр. 114; какъ мучили *несходныя* слова см. выше.

(²⁶¹) Шлѣцеровъ Несторъ, ч. I, общія предварительныя напоминанія, стр. 6

миллеріантъ, открывая самый широкій путь ученой фантазіи, которой сильно хотѣлось разгуляться у отступниковъ Несторовскаго православнаго ученія о старобытномъ Славянствѣ Руси, какъ нашей, такъ и Варяжской.

Какъ не удерживалъ Шлёцеръ своихъ учениковъ отъ ловли созвучій и отъ «бредней Исландскихъ», однакожь сѣвши на ледяную гору Скандинавоманіи, шлёцеріане уже никакъ не могли удержаться на половинѣ пути: вѣрованіемъ въ Байерову гипотезу получивъ отъ самаго Шлёцере сильнѣйшій толчекъ, они должны были неудержимо катиться внизъ, въ пропасть созвучій и словопроизводства, «двухъ плодovitѣйшихъ матерей догадокъ, системъ и глупостей». Совѣты были уже напрасны — шлёцеріане, безсознательно повторяютъ за умнымъ своимъ учителемъ, что «произхожденіе языка должно быть рѣшаемо не созвучіями, но грамматикою» ⁽²⁶²⁾ и что «древніе миѡы и сказки соединенные съ неумѣстнымъ желаніемъ умнижать» надобно представить «историкамъ прошедшаго вѣка» ⁽²⁶³⁾; а сами такъ и глядятъ на-сторону, прельщаясь красотою «плодovitѣйшей матери»... Впрочемъ, Шлёцеръ самъ виноватъ: не онъ ли увѣрялъ ихъ, что «между всѣми Русскими нѣтъ не одного ученаго историка», что «ни одинъ ученый историкъ уже не сомнѣвается» въ Скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, доказанномъ у Байера такъ что «никто, *могуцій* понять *ученое историческое доказательство* не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться» ⁽²⁶⁴⁾? Шлёцеріане и пошли къ Байеру испить живой водицы его *учености* и наострится у него *учеными доказательствами*. Пришли, взглянули и ахнули отъ удивленія, когда Байеръ показалъ имъ цвѣтущее поле восхитительнѣйшихъ догадокъ, и позволилъ *превращать одно племя въ другое*, переселять Новгородцевъ въ Кабарду на Кавказъ, обитателей Буга въ Татарскую орду Буджаковъ, Французовъ изъ Бретани въ Англію или Британнію, а отсюда въ Скандинавію... Чудо! прелесть! восхищеніе!... Можно ль имъ было, послѣ того, хранить вѣрность суровому Шлёцеру, который старался держать въ уздѣ фантазію (тамъ, гдѣ этого не требовали извѣстныя Геттингенскія идеи)? Къ тому же, вѣдь не всякаго одарилъ Господь Богъ такимъ твердымъ разсуд-

⁽²⁶²⁾ Ист. Рус. Нар. стр. 78, прим. 56.

⁽²⁶³⁾ Тамъ же, предисловіе, стр. XXXII.

⁽²⁶⁴⁾ Шлёцеръ Несторъ, I, стр. 325, примѣчаніе второе.

комъ, какъ Шлѣцера; не всякій пріобрѣлъ и такія свѣденія въ Исторіи, какъ Шлѣцерь; а наконецъ и пылкость воображенія умѣряется у одного благоразуміемъ, у другаго же получаетъ неограниченную свободу и первенствуетъ надъ всѣми способностями души. Такіе люди, занявшись Исторіею, всегда увлекаются за предѣлы здраваго мысла: видится имъ одно—а мерещется другое, и «плодовитѣйшая мать» является тотчасъ на помощь, съ толпою «кажется», «вѣроятно», «можетъ быть» и проч. У Шлѣцера они читаютъ: «Славянскій языкъ ни мало не повреждается Норманскимъ»⁽²⁶⁵⁾, а сами говорятъ: «полагаемъ, что множество двойныхъ словъ въ Русскомъ языкѣ, особливо на выраженіе одного предмета, введено было Варягами-Скандинавами», и въ примѣръ представляютъ три пары словъ: *лобъ* и *чело*, *топоръ* и *сѣкира*, *хребетъ* и *спина* ⁽²⁶⁶⁾, давая, намекъ, что которыя нибудь изъ нихъ вѣроятно должны быть Скандинавскія, хотъ ихъ и нѣтъ у Скандинавовъ. У Шлѣцера читаютъ: «имя *Святославъ* есть чистое *Славянское*»⁽²⁶⁷⁾, а сами говорятъ: «слишкомъ рано являютъ у насъ Святославы; не было ль это *испорченное* и *составное* *Сфендъ-Олафъ*? вѣроятно же всего, что Славяне переводили имена, и въ такомъ случаѣ окончаніе «славъ» могло замѣнить Скандинавскія *wig* и *rik*»⁽²⁶⁸⁾. Такимъ образомъ переходя отъ одной догадки къ другой, насъ увѣряютъ, что «разность Скандинавскаго языка могла исчезнуть среди Славянъ, какъ и религіозныя идеи Скандинавовъ»⁽²⁶⁹⁾, и подъ наговоръ «плодовитѣйшей матери» рождаютъ умную догадку что *можетъ быть*, «многіе города носили вмѣстѣ Славянское и Скандинавское имя», и хотя въ Исторіи не встрѣчается не только *многихъ*, но просто-таки *ни одного Русскаго города* съ Скандинавскимъ и Славянскимъ названіемъ, однакожь они этотъ *сочиненный* фактъ — подтверждаютъ примѣромъ: «также какъ и нынѣ въ Славянскихъ земляхъ, подвластныхъ Германскимъ народамъ, города именуются двойкою: по-Нѣмецки и по-Славянски»⁽²⁷⁰⁾; а что религіозныя идеи и языкъ Скандинавовъ дѣйствительно были принесены къ намъ, это намъ доказываетъ уже то,

⁽²⁶⁵⁾ Тамъ же, II, 172.

⁽²⁶⁶⁾ Ист. Рус. Нар. I, стр. 79.

⁽²⁶⁷⁾ Шлец. Нест. III, стр. 476.

⁽²⁶⁸⁾ Ист. Рус. Нар. I, стр. 77, прим. 55.

⁽²⁶⁹⁾ Тамъ же, I, стр. 76.

⁽²⁷⁰⁾ Тамъ же, I, 76 и прим. 55.

что «не виделись слѣдовъ Скандинавской религіи въ немногихъ преданіяхъ о Мнѳологіи Руссовъ», слѣдственно Скандинавская религія у насъ была, но вѣроятно «Варяги утратили свои народныя отличительныя черты: религію, языкъ и обычаи»⁽²⁷¹⁾, такъ точно какъ и Кавказскіе Кабардины въ Новгородѣ, а Татарскіе Буджаки на Бугѣ. . . Ясно, что шлѳцеріане зашли уже слишкомъ далеко, переправились черезъ Рубиконъ здраваго смысла, и хотъ съ притворною застѣнчивостію повторяли съ голосу Шлѳцера: «Скандинавскія лѳтописи исполнены бредней касательно Руси»⁽²⁷²⁾, но въ душѣ носили уже измѣну и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ отложиться отъ своего учителя и начать историко-филологическую вакханалію. Случай этотъ какъ разъ подвернулся.

На радость — или (смотря съ другой точки зрѣнія) на бѣду — шлѳцеріанъ, желавшихъ перейти къ байеріанству и миллеріанству, въ 1834-мъ году, въ «Библіотекѣ для Чтенія», выступилъ на историческое поприще извѣстный своимъ остроуміемъ, авторъ «Фантастическихъ Путешествій Барона Брамбеуса», О. И. Сенковскій. Саркастически осмѣявъ Шамполіона и Кювье въ «Фантастическихъ Путешествіяхъ», любезный Баронъ захотѣлъ также посмѣяться надъ шлѳцеріанами и увлечь ихъ на самое дно Скандинавоманіи, незамѣтно для нихъ самихъ⁽²⁷³⁾. Это намѣреніе онъ исполнилъ чрезвычайно ловко: притворно взялъ сторону защитниковъ всѣхъ нелѣпицъ о Скандинавскомъ происхожденіи Руси, и, на смѣхъ этимъ героямъ нашего вре-

(271) Тамъ же, I, стр. 75.

(272) Ист. Рус. Нар. I, стр. 240, прим. 179.

(273) Можно быть увѣрену, что статья «Скандинавскія Саги» написана Барономъ единственно для испытанія: *крѣпка ли голова у шлѳцеріанъ? и можно ли се свернуть у нихъ въ другую сторону ловкими парадоксами?* Баронъ Брамбеусъ не достигъ бы своей цѣли, осмѣять шлѳцеріанъ, еслибъ открыто сознался, что шутитъ; по этой причинѣ, онъ и сталъ говорить о Скандинавскихъ сагахъ съ приличною важностію; а О. В. Булгаринъ, шутя, объявилъ въ Сѣверной Пчелѣ (1833, № 300), что «статья О. И. Сенковскаго должна произвести переворотъ въ Исторіи Русской и въ Исторической критикѣ», на которую «онъ смотритъ съ высокой точки зрѣнія, низпровергая историческія повѣрья», почему «эта статья всемірная будетъ переведена на всѣ языки: все въ ней пово, оригинально, умно, ясно, все связано логикой и извлечено изъ логики», и что «если О. И. Сенковскій пойдетъ путемъ исторической критики, то займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, это безспорно!» — Такой отзывъ

мени, написалъ статью «Скандинавскія Саги», въ которой началъ увѣрять благосклонныхъ слушателей, что *истота фак-*

совсѣмъ сбилъ съ толку шлѣцеріанъ, и они съ восторгомъ спѣшили привѣтствовать въ Баронѣ Брамбеусѣ своего защитника, не подозревая, что Брамбеусъ ихъ мистифируетъ, за носъ водить, заставляетъ проигрывать въ *улиственныя шахматы*, заводитъ въ лѣсъ противорѣчій и несообразностей, въ намѣреніи — одурачить передъ всѣми, бросить, предавъ на жертву достойному посмѣянію слабоуміе людей величающихъ себя послѣдователями Шлѣцера, законодателями исторической критики... А что Баронъ дѣйствительно только шутилъ, или (употребляя его выраженіе) только «изволилъ тѣшиться», такъ это каждому будетъ ясно, какъ скоро сообразить слѣдующія обстоятельства:

I. Любезный Баронъ самъ измѣнилъ себѣ въ одномъ мѣстѣ, именно на страницѣ 7-й: разсуждая о прошедшемъ столѣтіи, Баронъ проговорился, что оно «создало теорію исторической критики, которую не назовемъ мы *ложною*, напротивъ она столь же *полезна* какъ и *благородна*». Такъ о чемъ же и хлопотать? ... Если *полезна* и *благородно* заниматься изысканіемъ чистой истины и отдѣленіемъ *фактовъ* отъ *бредней*, (какъ величалъ Шлѣцеръ саги), такъ и конецъ дѣлу: споръ весь этимъ уничтожается.

II. Баронъ человекъ ученый, гораздо выше прочихъ защитниковъ Скандинавизма Руси, которые въ лицѣ Н. А. Полеваго, съ укоризною восклицали, въ укоризну Карамзину зачѣмъ не написалъ онъ, что «Исторія Русская начинается прибытіемъ *грозныхъ морскихъ разбойниковъ* къ племенамъ *полудикихъ Славянъ* и Финновъ; пришельцы-разбойники, страшные Норманны (Скандинавы) — *порабощаютъ* Славянъ и Финновъ: сѣи два элемента борются, *измѣняются* въ Руссовъ. Свѣчка съ *деспотизмомъ* Азій и Греціи, *патріархальное правленіе* покоренныхъ Славянъ и открывшійся для Варяжскихъ искателей приключеній *путь въ Царьградъ* — истребляютъ обыкновенный Норманнскій *Феодализмъ*, являя *Феодализмъ* совершенно особенный, *Удѣльную систему*» (Моск. Телеграфъ, 1829, ч. XXVII, стр. 488). — Баронъ же, напротивъ, писалъ, что «*письменные доказательства* всѣ вообще служатъ въ *пользу Славянъ*», и что «*гражданственности* у нихъ было *несравненно больше*, чѣмъ у Норманновъ» (Библ. для Чт. I, Науки, ст. 25); что «феодальной системы не было въ Россіи: даже это понятіе никогда не проникало до нашего стараго сѣвера» (стр. 32); что «эти двѣ системы *различествуютъ* между собою не только своею цѣлію, но даже своимъ произхожденіемъ: удѣльная имѣетъ свое начало въ *родительской власти* Государя или *семейныхъ соображеніяхъ* его потомства; вторая можетъ быть *совершенно нуждою узамъ крови*» (стр. 33). — Понимая такъ хорошо нашу древность, могъ ли бѣ онъ не въ шутку писать, будто бы «*правственное и политическое состояніе* Россіи въ первой эпохѣ ея Исторіи было безъ всякаго сомнѣнія *полнымъ и яркимъ отраженіемъ* Скандинавіи?» будто «по прошествіи цѣлаго столѣтія отъ Рюрика, Норманскія (Скандинавскія) *воспоминанія* и *пристрастіе* Руссовъ къ законамъ *роман-*

товъ, и слѣдственно *истина*, вещь совсѣмъ лишняя въ Исторіи, ибо «историческая истина или достовѣрность не ведетъ насъ равно ни къ чему, и мы не будемъ ни умнѣе, ни опытнѣе, ни счастливѣе, зная однимъ древнимъ событіемъ менѣе» (²⁷⁴), что «Исторія въ полномъ смыслѣ слова процвѣтаетъ только тогда, когда находится въ періодъ *Сагъ* (сказокъ) и живетъ у класса гусяровъ, скальдовъ, рапсодовъ, которые взялись *торговать поэзією*» (²⁷⁵);

тической ихъ родины одерживали еще верхъ надъ истинными потребностями государства» (31)?

III. Баронъ человекъ здравомыслящій — такъ неужели бѣ онъ сталъ, не шутя, насъ увѣрять: «*единодержавіе* добродѣльно было *разбиваемо* Владиміромъ на части, *чтобъ слѣдовать Забалтійскимъ обыкновеніямъ*» (стр. 32)? Римскій Императоръ Константъ Великій, (какъ и нашъ Владиміръ Великій) раздѣлилъ государство между сыновьями въ началѣ IV вѣка: ясно, что Римляне (какъ Русскіе) суть Скандинавы, что Римская Имперія (какъ Россія) была раздѣлена потому, что Скандинавскія воспоминанія и пристрастіе Римлянъ (какъ и Русскихъ) къ законамъ романтической родины одерживали верхъ надъ истинными потребностями государства, и единодержавіе у Римлянъ (какъ и у насъ) было уничтожено раздробленіемъ на нѣсколько государствъ единственно изъ подражанія Скандинаво-Забалтійскимъ обыкновеніямъ; слѣдственно, и древній Римъ также былъ полнымъ и яркимъ отраженіемъ Скандинавіи... Могъ ли ученый Баронъ не въ шутку писать: «Княжескіе съѣзды и совѣты были то же Скандинавскимъ обыкновеніемъ» (см. 32)? неужели вы думаете, что ему неизвѣстно подобное обыкновеніе у Финикіянъ, рѣшавшихъ всѣ дѣла на общемъ союзномъ съѣздѣ, гдѣ первенствовало владѣтель Тирскій (какъ у насъ Кіевскій)? неужели, отсюда можно заключить, что и Финикіянѣ вѣроятно были Скандинавы?... Наконецъ, могъ ли не въ шутку онъ увѣрять, что «языкъ *Руссовъ* сохранился въ Исландіи» (с. 41)? а для доказательства присутствія *Скандинавской* стихіи въ Русскомъ языкѣ, неужели не въ шутку привелъ *десять* словъ, изъ которыхъ (какъ увидимъ) *девять* словъ *Славянскихъ*; а десятое слово, хотя и Нѣмецкаго корня, однакожь усвоено многими Славянскими народами? Неужели и тутъ онъ не шутитъ, онъ, знающій (по увѣренію Сѣверной Пчелы) всѣ языки Славянскаго корня?...

Сообразивъ же все это,—собственное признаніе автора статьи «Скандинавскія Саги», его ученость и здравомысліе,—легко убѣдиться, что веселый и остроумный Баронъ Брамбеусъ нарочно, съ умысломъ утверждаетъ подобныя несообразности, или (выражаясь его же словами) ставитъ *умственные шахматы*, и, какъ *ловкій діалектикъ*, принуждаетъ слабоумныхъ Скандинавомановъ *проигрывать и платить* ему, за всякій шахъ и матъ, *наличными доверіемъ*... Вотъ и все!

(²⁷⁴) Библ. для Чтенія, 1834, т. I, Науки и Худож. стр. 3 и 75.

(²⁷⁵) Тамъ же, стр. 4 и 5.

что «перо и письмо убиваютъ Исторію», какъ скоро исчезаетъ классъ рассказчиковъ, гуслировъ, ибо тогда «люди безъ энтузіазма собираются на похороны исторіи и, составивъ для ней надгробную надпись подъ именемъ первой лѣтописи, навсегда погребаютъ ее во тьмѣ забвенія» ⁽²⁷⁶⁾; что «книга основанная на лѣтописяхъ (а не на сагахъ) можетъ имѣть безчисленныя достоинства, только она не Исторія: это трупъ Исторіи; трупъ, почти истлѣвшій, вырытый изъ могилы, изрѣзанный тупымъ ножомъ критики при столь же трудномъ, какъ и бесполезномъ вскрытіи» ⁽²⁷⁷⁾; что «прошедшее столѣтіе сообщило исторической критикѣ совершенное ложное направленіе», ибо «всѣ тогда стали доискиваться въ Исторіи истины, достовѣрности, чистоты фактовъ, не думая о томъ, что родъ человѣческій, что его польза и умственное наслажденіе скорѣе требуютъ картины общественнаго человѣка» т. е. романа ⁽²⁷⁸⁾; что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ уже нѣчего бояться «обременить свою совѣсть грѣхомъ легковѣрности» ⁽²⁷⁹⁾; ибо «неукротимые охотники до чистоты фактовъ, каллигулы на басни, суть грабители невинныхъ потѣхъ рода человѣческаго» ⁽²⁸⁰⁾; что «недовѣрчивость Нибура къ баснямъ уже опоздала цѣлою четвертью столѣтія, и въ наше время была вопіющими анахронизмомъ, котораго не могли прикрыть ни великій талантъ писателя ни безконечная ученость» ⁽²⁸¹⁾; что «вкусъ къ чистымъ, безспорнымъ фактамъ кончился, оставивъ послѣ себя незавидную пословицу: *c'est bête comme un fait!*» ⁽²⁸²⁾, ибо нынѣшняя образованность со смѣхомъ отвергла въ Исторіи «холодный скептицизмъ и большіе торговые вѣсы, на которыхъ читатель долженъ былъ цѣлый день взвѣшивать съ авторомъ событія, чтобъ узнать, на фунты и золотники, сколько въ каждомъ изъ нихъ истины и басни» ⁽²⁸³⁾; наконецъ что «истина для древней Исторіи не нужна: для нея довольно правдоподобія» ⁽²⁸⁴⁾, ибо «Исторія или Историческая

⁽²⁷⁶⁾ Библ. для Чт. (1834), т. I, Науки и Худож. стр. 5.

⁽²⁷⁷⁾ Тамъ же, стр. 7.

⁽²⁷⁸⁾ Тамъ же.

⁽²⁷⁹⁾ Тамъ же.

⁽²⁸⁰⁾ Тамъ же, стр. 8. —

⁽²⁸¹⁾ Тамъ же.

⁽²⁸²⁾ Тамъ же. —

⁽²⁸³⁾ Стр. 9.

⁽²⁸⁴⁾ Стр. 75.

критика суть, такъ сказать, *умственные шахматы* въ которой *проигрывающіе*, то есть читатели, за всякій сдѣланный имъ *ловкою діалектикою* шахъ и матъ, должны платить *наличнымъ довѣріемъ*» (²⁸⁵). Послѣ того, любезный Баронъ разставилъ шахматы исторической критики и, разумѣется, какъ ловкій діалектикъ, началъ обѣигрывать довѣрчивыхъ читателей, которые впрочемъ уже и не боялись обременить свою историческую совѣсть грѣхомъ легковѣрности...

Ловкій Баронъ умѣлъ найти слабую струну шлѣцеріанъ: онъ заговорилъ такъ, какъ имъ хотѣлось, успокоилъ ихъ совѣсть увѣреніемъ, что *истина* равно-таки *ни къ чему не ведетъ*, а въ древней исторіи даже совсѣмъ *не нужна* и можетъ быть замѣнена *правдоподобіемъ*, лишь были бѣ тутъ *картины общественнаго челоѣка*; настроилъ на свой ладъ пылкое воображеніе Скандинавомановъ, и послѣ того перешелъ къ Исландскимъ или Скандинавскимъ сагамъ (сказкамъ). Но такъ какъ шлѣцеріане, страшно запуганные своимъ строгимъ учителемъ, все еще совѣстились приступить къ историческимъ *бреднямъ*, то сметливый Баронъ и ободрилъ перѣшительныхъ, увѣривъ ихъ, что въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, нѣкоторые ученые, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ (а въ какихъ — знать не нужно) «взяли подъ новый разборъ обезславленные критиками прошедшаго столѣтія Скандинавскія Саги», и показали въ сагахъ удивленному Барону, во время его фантастическаго путешествія, «неоспоримую умственную связь сѣвернаго челоѣка среднихъ вѣковъ съ челоѣкомъ первоначальнаго классическаго міра» (²⁸⁶). Шлѣцеріане, привыкши къ ясной рѣчи, сперва было задумались надъ *смысломъ* Бароновой апологіи сагамъ; но потомъ стали увѣрять себя, что *вѣроятно* тутъ скрывается бездна ума, когда и *они* ужъ этого не понимаютъ... Ободренный ихъ догадливостью, веселый Баронъ пошелъ далѣе: «въ сагахъ открыли цѣлый міръ незнакомыхъ понятій, цѣлый рядъ *подлинныхъ картинъ* давно исчезнувшаго общественнаго быта» (²⁸⁷), и даже Несторова лѣтопись «*имѣетъ сродство* съ сагами» (²⁸⁸). — Нѣкоторые изъ шлѣцеріанъ помор-

(²⁸⁵) Библ. для чт. (1834), т. I, Науки и Худож. стр. 75.

(²⁸⁶) Стр. 10.

(²⁸⁷) Тамъ же.

(²⁸⁸) Тамъ же, стр. 17.

щились-было, вспоминая отзывъ своего учителя, что «изъ безумныхъ Исландскихъ сказокъ нѣтъ ни одной старѣе самаго Саксона, жившаго сто лѣтъ спустя послѣ Нестора⁽²⁸⁹⁾; и что «Несторъ въ сравненіи съ позднѣйшими Исландцами такъ превосходенъ, какъ *разсудокъ* иногда затмѣвающийся, въ сравненіи съ *безпрестанною глупостію*»⁽²⁹⁰⁾. Но Баронъ, какъ будто не замѣчая ихъ удивленія, приступаетъ къ разсказу своего фантастическаго путешествія въ область Русской Исторіи: взявъ за образецъ Гофмановы сказки, но стараясь по возможности сохранить важный видъ знатока, проглотившаго всю премудрость, веселый шутникъ начинаетъ разсказъ: «вмѣстѣ съ Скандинавами воинами переселилась къ намъ изъ *Норвегіи*, часть *священной касты*, Алфвовъ (Alfve), съ ихъ сѣвѣрною *Илиадою* и *Норманскимъ* такъ сказать *Апокалипсисомъ*»⁽²⁹¹⁾; и наши «Славянскіе волхвы суть Норвежскіе *Алфвы*, производившіе родъ свой отъ боговъ»⁽²⁹²⁾. Шлѣцеріане тутъ уже разинули ротъ отъ удивленія, а Баронъ, стараясь удержаться отъ смѣха, продолжаетъ увѣрять съ подобающею важностію, что «вся нравственная, политическая и гражданская *Скандинавія* со всѣми своими учрежденіями, правами и преданіями, *поселилась на нашей землѣ*»⁽²⁹³⁾; что послѣ перехода Олега въ Кіевъ, мы Славяне «неминуемо *долженствовали утратить свою народность* и, вмѣстѣ съ пріятіемъ имени Руссовъ, сдѣлаться *Скандинавами* въ образѣ *мыслей, нравахъ и даже занятіяхъ*»⁽²⁹⁴⁾; что «настоящій характеръ Варяжской эпохи былъ *Скандинавскій, а не Славянскій*»⁽²⁹⁵⁾; что «Скандинавскія *Саги* переходятъ вмѣстѣ съ *Одиновою вѣрою*, и духомъ побѣдителей на новую Русскую землю»⁽²⁹⁶⁾; что «князья хранятъ въ своихъ семействахъ *Скандинавскій языкъ*», и самъ Несторъ «какъ изъ всего видно (!), составилъ значительную часть своей книги изъ *Сагъ*»⁽²⁹⁷⁾.—Зная слабую струну шлѣцеріанъ, Баронъ старался только распалить ихъ ученую фантазію

(289) Шлѣц. Несторъ, I, Введеніе, страница *и*е.

(290) Тамъ же, *и*в.

(291) Библ. для Чт. I, Науки и Худож. стр. 18.

(292) Тамъ же; сравните Шлѣцеровы слова (выше, стр. СХVІ и ХVІІІ).

(293) Библ. для чт. I, Науки: стр. 18.

(294) Тамъ же стр. 22.

(295) Стр. 27.

(296) Стр. 28.

(297) Стр. 30.

«романтическими картинами», и потому ничего не *доказывалъ*: во первыхъ потому, что наличныхъ доказательствъ по справкѣ не оказывалось; да и быть не могло; во вторыхъ потому, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ уже стыдно «взвѣшивать *истину* не фунты и золотники»; въ третьихъ потому, что «истина ровно ни къ чему не ведетъ», и въ четвертыхъ, потому что для древней Исторіи довольно и правдоподобія . . . Шлёцеріане и успокоились, увѣряя себя, что рассказъ Барона *кажется* можно назвать *правдоподобнымъ*, а Баронъ рѣшился пустить имъ и пыль въ глаза *ученымъ* *доказательствомъ*, что Русскій языкъ въ древности былъ не Русскимъ, а Скандинавскимъ: для этого онъ выбралъ девять *Славянскихъ* словъ да одно *Нѣмецкое* усвоенное *многими Славянами* и, безъ дальнихъ околичностей, называлъ эти слова происшедшими изъ Скандинавскихъ (²⁹⁸).

(²⁹⁸) Эти минно-Скандинавскія слова суть слѣдующія: I. *градъ, городъ*, передѣланный будто бы нами изъ Скандинавскаго *gard*; но и кромѣ насъ еще находящійся у нашихъ единоплеменниковъ: у Болгаръ *градъ*, у Поляковъ *grod*, у Чеховъ *hrad*, у Словаковъ *hrad*, у Словенцевъ *grád*, у Краинцевъ *grad*, у Кроатовъ *grad*, у Далматовъ *grad*, у Дубровницкихъ и Боснійскихъ Сербовъ *grad*; у Сорабовъ въ Нижней Лузаціи *grod*, въ Верхней *god*; — II. *молотъ* (будто бы изъ Скандинавскаго *melt*), по Литовско-русски *молоць, малоць*; по Сербски *млети*, въ Дубровникѣ *mljetti*; у Словенцевъ въ Краинѣ *mleti*; у Поляковъ *mlec*; у Сорабовъ въ Верхней Лузаціи *mljesz*, у Словаковъ *mlec*; у Чеховъ *mljti, mleti* у Словенцевъ въ Славоніи *mliti*; у Босняковъ *mlitti*; — III. *краль, король*,—передѣланный будто бы изъ имени Карла Великаго, сперва Скандинавами (*karl*), а отъ нихъ перенятый нами,—существуетъ кромѣ насъ у Поляковъ, Сорабовъ, Чеховъ, Словаковъ, Словенцевъ и Сербовъ, какъ показано выше, въ прим. 90;—IV. *борода, брада*, (будто бы изъ Скандинавскаго *bard*), у Болгаръ и Сербовъ *брѣда*, въ Босніи и Дубровникѣ *brada*, у Словенцевъ въ Славоніи, въ Краинѣ и у Кроатовъ *brada*; у Чеховъ и Словаковъ *brada*; у Сорабовъ въ Верхней и Нижней Лузаціи *broda*; у Поляковъ *broda*; — V. *князь* измѣненъ былъ нами изъ Скандинавскаго слова *konung* (конюнгъ), которое будто бы «сперва превратилось въ устахъ въ *кнюнгъ* или *кнингъ*, потомъ, смотря по духу нарѣчій (!), потеряло или удержало носовой звукъ» и превратилось изъ *кнингъ* въ *княнгъ, княгъ* и *князь*! Если бы веселый Баронъ не шутилъ, то неужели бѣ могъ онъ утверждать все это, слывя знатомъ филологіи? Слово *konung* (конюнгъ) не имѣетъ корня въ языкахъ Тевтоно-Скандинавскихъ; между тѣмъ наше слово *князь* находится у всѣхъ Славянскихъ народовъ, и произходя отъ корня *кон*, означало законодателя, защитника и начальника городовъ (концевъ городскихъ), какъ объяснено выше, въ прим. 90. Славный аббатъ Добровскій раньше всѣхъ филологовъ указалъ (*Slovanka*, 219), что Славянское наше

Шлёцеріане повѣрили, и торжествующей Баронъ за то наградилъ ихъ ученую фантазію слѣдующимъ глубокомысленнымъ выводомъ: «ежели Россійскимъ языкомъ сдѣлалось *вновь образовавшееся* Славянское нарѣчіе, это весьма пріятное для насъ событіе, *быть можетъ*, должны мы приписать случаю; если бы князья избрали себѣ столицу въ Финскомъ городѣ, посреди Финскаго племени, *Русскимъ* языкомъ *вѣроятно* назывался бы теперь какой нибудь *Чухонскій діалектъ*, который также на большомъ странствѣ земель *поглотилъ бы* (?) языкъ Славянскаго корня». Шлёцеріане пришли въ восхищеніе этою 37-ю

слово *князь* происходитъ отъ слова *конъ* (въ смыслѣ *начала*), какъ и у Грековъ *αρχων* отъ *αρχη*; — VI. *Пенязь*, плата за купленную вещь и окупъ за судебную пеню или денежный штрафъ, передѣлано будто бы нами изъ Скандинавскаго *rēpning*; но слово пенязь не у насъ однихъ, а у всѣхъ народовъ Славянскихъ, въ томъ числѣ у такихъ, которые не имѣли сношеній ни съ Нѣмцами ни съ Скандинавами, напр. у Сербовъ въ Дубровникѣ *rjenez*, *rinez*, въ Босніи *rjenez*, въ Далматин *rinez*, у Кроатовъ *rēnez*; напротивъ, это слово не находится у Словенцевъ, среди которыхъ образовано Эрц-герцогство Австрійское; въ прочихъ же Славянскихъ языкахъ: въ Чешскомъ *repījz*, *repiz*, въ Словацкомъ *repiz*, въ Сорабскомъ-Лузацкомъ *repesckk*, въ Польскомъ *rienadz*; VII. *шелязь*, взятое будто бы нами отъ Скандинавскаго *schelling*, находится въ Польскомъ языкѣ *szeląg*, въ Словенскомъ (Виндскомъ) *shileng*, *shkiln*, почему гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что слово это заимствовано намъ отъ Поляковъ, ими же чрезъ посредство Словаковъ отъ единоплеменныхъ Словенцевъ (Виндовъ), которые дѣйствительно могли заимствовать *shileng*, *shkiln* изъ Нѣмецкаго *shilling*; — VIII. *мосяжь* будто бы передѣланный нами изъ Скандинавскаго *messing*, находится въ Польскомъ языкѣ *mosiadz*, въ Сорабско-Лузацкомъ *mosazcz*, *misznik*, въ Чешскомъ *mosaz*, въ Словацкомъ *mosazd*, *mosaz*; — XI. *витязь*, передѣланный нами будто бы изъ Скандинавскаго *wicking*, существуетъ во всѣхъ Славянскихъ языкахъ: по-Польски *vitez*, по-Чешски *witez*; по-Словенски въ Славоніи *vites*, *vitesh* (витежь), въ Крайшъ *wytez*; по-Кроатски *vitez*; по-Сербски въ Далматин *vitez*, въ Дубровникѣ *vitez*; отсюда понятно, что и *витязество* не передѣлано у насъ изъ Скандинавскаго *wickingum*, но есть также Славянское, и донинѣ употребляется Дубровницкими Сербами (*vitesctvo*) въ смыслѣ Польскаго *gycerstivo*. — X. слово *влязь*, будто бы передѣланное изъ Скандинавскаго *wink*, существуетъ и у другихъ Славянъ: въ Польскомъ языкѣ *więz*, у Сорабовъ Люнебургскихъ *wunze*, *wunzeise*, въ Чешскомъ *uz*, *usek*, въ Кроатскомъ *vuza*, въ Сербскомъ по Дубровницкому нарѣчію *uza*, *vez*, по Боснійскому *usge*; всѣ эти слова относятся къ корню *уз* или *юз*, отъ котораго произошли: 1) *узы*, 2) *влязь*, 3) *гузь*, 4) *узда*, 5) *узкій*, 6) *обуза*. — Шимкевичъ справедливо обличилъ ошибку Рейфа, который *гузь* и *обузу* отнесъ къ словами ино-

страницею «Библіотеки для Чтенія» и повторяли: «да, все случай! случай!» дивились одному только, какъ это при Петръ Великомъ, который новую Русскую столицу построилъ на Чухонскихъ болотищахъ, Русскимъ языкомъ не сталъ называться какой-нибудь Чухонскій діалектъ?...

Но пока они не могли образумиться отъ удивленія *случайному* обстоятельству: отчего же языкъ того Чухонскаго племени, среди котораго поставлена Петромъ наша столица, не *поглотилъ* на большомъ пространствѣ языка Славянскаго корня? Баронъ уже перешелъ къ главной своей задачѣ и началъ рассказывать, что «историческія саги состоятъ изъ любопытныхъ біографій знаменитыхъ людей, или заключаютъ въ себѣ описаніе отдѣльныхъ событій, изображенныхъ слогомъ простымъ, яснымъ, повѣствовательнымъ, безъ всякихъ украшеній и *опасныхъ* для истины успѣній воображенія» (²⁹⁹). Баронъ остановился, боясь, чтобы шлѣцеріане не образумились; но тѣ уже преспокойно дремали, въ просонкахъ восхищаясь достоинствами сагъ, и повторяли, что Баронъ слишкомъ скромничаетъ, что съ ними теперь можетъ говорить уже откровенно, какъ съ людьми просвѣщенными, постигшими новый взглядъ на сказки, и въ слѣдствіе того понимающими, что истина для древней Исторіи не нужна, слѣдственно — нечего и опасаться имъ — усилій воображенія въ сагахъ; довольно, если они встрѣтятъ правдоподобіе... Замѣтивъ, что любезнѣйшіе слушатели все «люди книжные, зѣломудрые и смысленные», ловкій Баронъ повелъ рѣчь о не-

язычнымъ, *взять* сдѣлалъ особымъ корнемъ, а *узкій* отнесъ къ корню *уголѣ*. «средство глагола *взять*, по значенію, съ корнемъ *уза* такъ очевидно, что нѣтъ надобности въ доказательствахъ; но которое изъ этихъ словъ имѣетъ право на званіе первоначальнаго корня? Это право зависитъ отъ того, что мы признаемъ въ нихъ измѣненнымъ, букву ли *у* на слогъ *ва*, или наоборотъ. Взаимная смѣна буквъ *у* и *в* допущена въ Санскритскомъ языкѣ, и знаменитый Боппъ въ одномъ случаѣ отдаетъ преимущество буквѣ *в*, а въ другомъ не лишаетъ онаго и букву *у* (Kritische Gram. der Sanskr. Sprache, § 414 и 577, см. 242 и 342); но въ Славянскомъ языкѣ буква *у* имѣетъ преимущество передъ слогомъ *ва*, это видно изъ того, что нѣкоторые нарѣчія въ началѣ словъ прибавляютъ букву *в* къ буквамъ *о* и *у*... Слово же *узкій* находится въ близкомъ отношеніи къ корню *уза*: что *узко*, то смѣняетъ или *вяжетъ* насъ! — Вотъ какъ разсуждаютъ благоразумные и опытные филологи, знатоки Славянства: Шимкевичъ въ «Корнесловъ Русскаго языка» и Линде въ «Словникъ языка Польскаго».

(²⁹⁹) Библ. для Чтенія, т. I, Науки и Худож. стр. 44.

изчислимыхъ достоинствахъ сагъ (сказокъ): «всѣ они *чрезвычайно важны*, ибо всѣ *вѣрно изображаютъ* общественнаго человѣка, нося на себѣ *неподдѣльный отпечатокъ перзобытной Истории*» (³⁰⁰). Тутъ Баронъ чуть было не измѣнилъ себѣ, сказавъ, что «саги описываютъ похождения героевъ, *не заботясь о лѣтосчисленіи*» (³⁰¹); въ счастію Барона, превращеніе Шлѣцеріанъ въ Байеріанъ и Миллеріанъ уже совершилось — они ровно уже ничего не понимали, и, очарованные, безмолвно слушали краснорѣчиваго странника, возвратившагося изъ фантастическаго путешествія: «Эймундова сага, столь любопытная во всѣхъ своихъ частяхъ, *новыми и прекрасными свѣтами* (!) озаряетъ нашъ ХІ вѣкъ», и замѣчательна «по историческому ея достоинству, простотѣ и ясности слога, и неподражаемому чистосердечію *сочинителей*» (³⁰²)... Тутъ совѣсть опять-было зазрѣла у Барона, и онъ едва опять не измѣнилъ себѣ. Передѣлавъ Историю Ярослава на свой ладъ для возможнаго соглашенія съ Эймундовой сказкою, Баронъ вдругъ чуть было во всемъ не признался: «весь этотъ періодъ долженъ быть *снова разсмотрѣнъ* и, подъ перомъ критика *искуснѣе и проницательнѣе насъ*, онъ можетъ принять *совѣсть другую наружность*», но тотчасъ поправился: «Эймундова сага есть памятникъ *чрезвычайно важный для Истории той эпохи*, и достоинъ вниманія любителей отечественной старины: *мы не побожился*, что все сказанное въ ней есть *несомнѣнная истина*; но истина для древней Истории *не нужна* — для нея довольно *правдоподобія*, и оно столько же (!) приноситъ пользы человѣчеству» (³⁰³). Тутъ-только сказалъ хитрый Баронъ, что игралъ съ шлѣцеріанами въ *умственные шахматы*, что они *проиграли* и за всякій сдѣланный имъ *ловкою діалектикою* шахъ и матъ *должны заплатить ему наличными доверіемъ*... Разумѣется, дѣлать нечего — проиграли такъ и расплачивайся; плати да плачь, плачь да слушай, слушай да ушами хлопывай, какъ станутъ пѣть: «драгоценный обломокъ Якимовой лѣтописи заключаетъ въ себѣ *всѣ условія и признаки подлинности и глубокой древности*» (³⁰⁴), — конеч-

(³⁰⁰) Библи. для Чит. I, Науки: стр. 45.

(³⁰¹) Тамъ же, стр. 45.

(³⁰²) Стр. 48 и 49.

(³⁰³) Стр. 74 и 75.

(³⁰⁴) Стр. 36, прим. 10.

но потому, что никому въ мірѣ не былъ извѣстенъ до XVIII столѣтія;—или: «достойное поклоненія (по мнѣнію Шлёцерову) Несторово произведеніе *искони* было *извѣстно* у насъ какъ *неосновательное*, ибо отрывокъ Якимовой лѣтописи начинается словами: о князяхъ Русскихъ старобытныхъ Несторъ монахъ недобрѣ вѣдомъ бѣ» (3°5),—конечно потому, что современникъ Владиміровъ, епископъ Іоакимъ въ X вѣкѣ *именно такъ* и долженъ былъ начать свою лѣтопись: осужденіемъ Нестора, который жилъ въ XI-мъ вѣкѣ, и осужденіемъ его «Повѣсти временныхъ лѣтъ», которая въ X вѣкѣ еще не была написана! — или: «Эймундова Сага пріобрѣтаетъ *еще болѣшую* для насъ *важность* когда вспомнимъ, что она *послѣ Якимова Хронографа* есть *первый* доселѣ извѣстный *письменный памятникъ Русской Исторіи*, древность котораго восходитъ по крайней мѣрѣ за 50 лѣтъ до Несторовой лѣтописи» (3°6), конечно потому, что Несторъ писалъ свою лѣтопись въ XI-мъ вѣкѣ, а «древнѣйшій списокъ Эймундовой саги», по свидѣтельству пламеннаго ея приверженца, — «относится къ XIII столѣтію» (3°7);—или: «Несторова лѣтопись, которую должно принимать за *домашнюю сагу*, имѣетъ *сродство съ сагами*» (3°8), конечно потому, что Несторъ пишетъ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, а саги знаютъ ихъ не знаютъ; Несторъ пишетъ о походахъ Олега, Игоря и Святослава, а саги не говорятъ объ нихъ; Несторъ пишетъ о крещеніи Ольги, а саги и вѣдать о томъ не вѣдаютъ; Несторъ пишетъ, что Владиміръ крестился въ Херсонѣ и женился на *Аннѣ*, сестрѣ Греческихъ Императоровъ, а саги увѣряють, будто бы Владиміра обратилъ въ христіанство, при помощи супруги *Арлогіи*, Скандинавскій витязь *Олофъ*; Несторъ знаетъ у своего государя, Ярослава, *только сыновей*, саги знаютъ дочку, *Елизавету*, которая (будучи только двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ) умѣла вскружить голову Норвежскому герою Гаральду Храброму, такъ что онъ съ-горя пустился искать приключеній по бѣлому свѣту, и въ Царьградѣ выкололъ глазки Императору Константину Мономаху, который до конца жизни не былъ слѣпъ: точно, удивительное *сродство съ сагами* — или: «*позволительно думать*, что упоминаемый Несторомъ Якунъ Варяжскій

(3°5) Библ. для Чт. (1834), т. I, Науки: стр. 58, прим. 22.

(3°6) Тамъ же, стр. 75.

(3°7) Стр. 48.

(3°8) Стр. 17.

и есть Эймундъ Норвежскій; ибо въ этомъ словѣ буква *л* ошибочно превращена въ *к*, и вмѣсто *Якунъ* слѣдуетъ читать *Ямунъ*, *Ямундъ*, то есть *Эймундъ*» (3°9),—конечно по тому разительному сходству дѣяній, которое тотчасъ бросается въ глаза каждому, а именно: Якунъ Варяжскій прозванный Слѣпымъ, страдалъ глазами, едва могъ видѣть и носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ повязку, а Норвежскій витязь Эймундъ былъ совершенно зрячъ, видѣлъ чудесно; Якунъ изгналъ изъ Варяжской земли своего племянника, князя Симона, великодушно принятаго Ярославомъ, а Эймундъ самъ былъ вытѣсненъ изъ Норвегіи Гаральдомъ Прекрасноволосымъ; Якунъ, любя войну, явился на помощь Ярославу уже послѣ 1023 года, а Эймундъ, лишенный своей земельки, пришелъ въ Россію искать приключеній, тотчасъ по смерти Владиміра, въ 1015 году; Якунъ сражался съ Мстиславомъ, какъ союзникъ Кіевского князя Ярослава, и побѣжденъ храбрымъ Тмутораканскимъ княземъ, а Эймундъ сражался съ Бурислейфомъ; но съ 1021 года былъ уже врагомъ Ярослава и дрался противъ него за Брячислава Полоцкаго; Якунъ «иде за море» и умеръ на родинѣ, а Эймундъ въ Россіи... Не правда ли, какое удивительное *сходство*! какъ *позволительно* сдѣлать маленькую перетасовочку звуковъ, и Якуна превратить въ Ямуна, а потомъ Ямуна въ Эймунда!...

Такимъ-то образомъ *проигравшіе* въ *умственные шахматы* ловкому Барону, шлёцеріане должны были заплатить *наличными доверіемъ*. Баронъ увѣрилъ ихъ, будто въ наше просвѣщенное время, «истинныя знатоки Исторіи уже ищутъ въ ней не мнимой *несомнѣнности* событій, которой никогда доказать невозможно, но ихъ духа» (какъ будто духъ вѣка познается изъ событій не-истинныхъ или сомнительныхъ), «но ихъ связи съ общественнымъ человекомъ (!), и самага человека (!), во всѣхъ его современныхъ

(3°9) Тамъ же, стр. 77.—Но замѣчанія О. И. Сенковского относительно Байеровой гипотезы касательно Якуна заслуживаютъ полнаго вниманія «Имени *Якунъ* нѣтъ въ Скандинавскихъ сказаніяхъ» (разумѣется потому, что Якунъ былъ не Скандинавъ, а единоплеменникъ нашъ, Славянинъ прибалтійскій) «и Байеръ напрасно потерялъ время, ища въ *нихъ* этого Якуна, и находя его въ Шведскомъ Королевичѣ Яковѣ, который, по несчастію для ученаго академика, не имѣлъ никакой нужды быть искателемъ приключеній, и не видно, *чтобы* когда либо бывалъ въ Россіи. Сверхъ того, имя *Яковъ* было уже *слишкомъ* извѣстно Русскимъ христіанамъ, *чтобы* могло въ ихъ устахъ превратиться въ *Якунъ*».

видахъ и оттѣнкахъ; Эймундова сага» для подобныхъ судей «еще важнѣе: они *конечно* не усомнятся отдать *внутреннему ея достоинству* предпочтеніе предъ достоинствомъ сочиненія Славянскаго витія (Нестора) и *признаться по совѣсти*, что если бъ у насъ было двадцать такихъ сагъ, мы имѣли бы *гораздо точнѣйшее понятіе* о дѣяніяхъ, духѣ и обществѣ того времени, чѣмъ обладая десятию лѣтописями, подобными Несторовой» (310). Проигравшіеся шлецѣріане заплатили Барону *личнымъ довѣріемъ*, приняли Эймундову сагу съ прочими ея товарками въ число историческихъ источниковъ, и волей-неволей, одинъ за другимъ, стали перебираться за Рубиконъ здраваго смысла, терзая Логикѣ непрерывными противорѣчіями новыхъ разысканій предшествующимъ. Унія шлецѣріанъ съ байеріанами и миллеріанами совершилась; жесточайшій фанатизмъ овладѣлъ уніатами; на сагахъ, — какъ на Скандинавскомъ Апокалипсисѣ, — поклялись они не оставить ни одного факта безъ искаженія, ни одной статьи своей безъ противорѣчія здравой логикѣ. Тогда-то открылось ужаснѣйшее гоненіе на Русскую Исторію: незнаніе истинныхъ историческихъ источниковъ породило —

IV. *Желаніе сблизить саги съ лѣтописью*, сказки съ быльею, а это *неминуемо увлекло изыскателей въ міръ догадокъ*, ничѣмъ не доказанныхъ, и заставило нещадно ломать звуки на этимологической дыбѣ. Но какъ начать вакханалію филологіи, когда на пути надобно было встрѣтить исполинскій трудъ Карамзина? Исторіографъ хорошо понималъ, что за звѣрь *сага*, и яснымъ разсудкомъ могъ вѣрно опредѣлить сколько въ ней здраваго смысла — это видно изъ слѣдующаго. Разсуждая о дѣтяхъ Владиміра, Карамзикъ пишетъ: «Стурлезонъ рассказываетъ, что какой-то Висивальдъ, князь Русскій, сватался за прекрасную вдовствующую королеву Шведскую, Сигриду Сторраду, которая велѣла умертвить его вмѣстѣ съ другимъ женихомъ своимъ, королемъ Вестфольдскимъ. Далинъ считаетъ сего князя Всеволодомъ, сыномъ Владиміра, изгнаннымъ изъ Россіи войною междоусобною, и безъ всякаго хронологическаго соображенія пишетъ, что жестокая Сигрида не хотѣла ни въ чемъ уступить славной Ольгѣ, которая управляла тогда Россіею. Ежели Сигрида въ 981 году вышла за-мужъ, какъ онъ говоритъ, то по смерти,

(310) Библ. для Чт. т. I, Науки, стр. 75.

Владиміровою, — то есть когда Всеволодъ могъ прѣхать въ Швецію, — сей *красавицѣ* было по крайней мѣрѣ *лѣтъ пятьдесятъ*» ⁽³¹¹⁾. Карамзинъ также зналъ изъ Торфея Эймундову сагу, и на полстраничкѣ разсказалъ его похождения, «достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти и баснословныя*» ⁽³¹²⁾. По этому-то Баронъ, какъ ловкій диалектикъ, и внушилъ историческимъ уніатамъ ту мысль, что имъ, какъ людямъ просвѣщеннымъ, надобно бросить «холодный скептицизмъ и большіе торговые вѣсы, на которыхъ цѣлый день взвѣшивали событія, чтобъ узнать, сколько въ каждомъ изъ нихъ *истины и басни*», что «недовѣрчивость къ баснямъ уже опоздала», что «вкусъ къ чистымъ, безспорнымъ фактамъ кончился», что «истина для древней Исторіи и не нужна», что «истинные знатоки Исторіи не усомнятся предпочесть Несторовой лѣтописи Эймундову сагу», которая даетъ «гораздо точнѣйшее понятіе о томъ времени» нежели Несторова лѣтопись, имѣющая впрочемъ «сродство съ сагами». Шлѣцеріане и байеріане, въ простотѣ души, не поняли, что Баронъ только «изволить тѣшиться», приняли его *шутку* за правду и съ торжествомъ закричали: пора приняться за *дѣло* и дополнить *лѣтописныя* извѣстія *сагами*!

Возможно ли это, поясню современнымъ примѣромъ. Извѣстна жестокая судьба постигшая Наполеона: герой Маренгои Аустерлица не только осужденъ былъ на заточеніе въ пустыннымъ островѣ подъ знойнымъ небомъ Африка; но и по смерти долженъ еще нести страданіе, отданный въ вѣчную крѣпостную собственность знаменитому автору «Леонида», помыкающему Императоромъ Франціи чуть не въ каждомъ романѣ, чуть не въ каждой повѣсти. Что же, если бы кто вздумалъ Наполеоновскую *Исторію* Жомини, Норвеня и Тьера—дополнить *сагами* Рафаила Михайловича Зотова? . . . Разница между разсказомъ французскихъ Историковъ и повѣстью чужестраннаго романиста о Наполеонѣ была бы отнюдь не болѣе, какъ и между разсказомъ древнѣйшаго Русскаго лѣтописца и повѣстью Норвежскихъ воиновъ о Владимірѣ и Ярославѣ:

Конунгъ Вальдамаръ, — раз- Бѣ у Владиміра, говори въ лѣ-
сказываютъ Норвежцы, — раздѣ- тописи преподобный Несторъ,—
лилъ владѣніе свое между *тремя* сыновъ *двѣнадцать*: 1) Выше-
внѣшьями, едва ли поровну: *Бу-* славъ, 2) Изяславъ, 3) Ярославъ,

⁽³¹¹⁾ Ист. Гос. Росс. т. II, прим. 32.

⁽³¹²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 20.

рислейфъ, получилъ Кенугардъ (Ки- 4) Святополкъ, 5) Всеволодъ, 6) евъ), Ярославъ Гольмардъ (Нов- 7) Мстиславъ, 8) Бо- городъ); а третій Вартилафъ 9) Глѣбъ, 10) Станиславъ, 11) Палтескъ (Полоцкъ (³¹³).

Позвиздъ, 12) Судиславъ. И поса- ди Вышеслава въ Новѣгородъ, а Изяслава Полотъскъ, а Свято- полка Туровъ, а Ярослава Росто- вѣ; умершу же старѣйшему Выше- славу Новѣгородъ, посадиша Яро- слава Новѣгородъ, а Бориса Ро- стовъ, а Глѣба Муромъ, Свято- слава Деревѣхъ (Древлянской зем- лѣ), Всеволода Володимери, Мсти- слава Тмудоракани (³¹⁴).

Тѣснимыѣ конунгомъ Олафомъ изъ Норвегіи, Эймундъ и его друзья предпочли покинуть роди- ну, нежели оставаться и тер- пѣть послѣднюю бѣду отъ конун- га и своихъ враговъ; слыша, что наслѣдники Вальдамара живутъ въ несогласіи за свои владѣнія, при- были на востокъ Эймундовцы и вступили въ службу къ Ярислей- фу (³¹⁵).

Въ лѣто 6522 отъ сотворенія міра (1014 г. отъ Р. Х.) Новго- родъ отказался платить Владиміру дань; въ слѣдующемъ году, 1015, хотящу Володимеру идти на Яро- слава, Ярославъ, пославъ за море приведе Варягы, бояся отца сво- его. Но Богъ не вдастъ дьяволу радости: Володимеру разболѣв- шюся, умре на Берестовѣ... (³¹⁵)

Эймундъ и его 600 товари- щей сказали Ярислейфу: «мы на- мѣрены помогать тому изъ васъ, троихъ родныхъ, кто болѣе всѣхъ доставить намъ уваженія и поче- стей». Условились: пожаловать Норвежцамъ домъ, не отказывать ни въ какомъ добрѣ изъ луч- шихъ запасовъ, каждому воину давать по унціи серебра, а на- чальникамъ еще по пол-унціи,— или же платить имъ бобрами и

Призванные самимъ Яросла- вомъ, Варязи бяху. мнози.

(³¹⁵) Библ. для Чтенія, т. II, Науки: Эймунова Сага, гл. 2.

(³¹⁴) Лаврент. лѣтопись, стр. 85.

(³¹⁵) Лаврент. стр. 92 и 101.

(³¹⁶) Эймунова сага, гл. 2 и 3.

соболями...

Всякій день они проводили съ конунгомъ Ярислейфомъ и господыней, его супругой Ингигердой, въ большой радости и потѣхъ...

Вдругъ конунгъ Бурислейфъ писменно потребовалъ у Ярислейфа нѣсколькихъ деревень и торговъ, прилегающихъ къ его владѣнію, изъясняя, что они удобны ему для сбора доходовъ. По совету Эймунда, Ярислейфъ отвѣчалъ посламъ, что «не хотѣть дѣлиться съ братомъ ни малѣйшею частью своего владѣнія и готовъ бороться, если тотъ прійдетъ въ его удѣлъ», велѣлъ возить стрѣлу по всему своему владѣнію, и оба Конунга созвали своихъ людей (317).

Служившіе у Ярослава Варяги насилье творяху Новгородцемъ и женами ихъ; вставше Новгородцы избиша Варягы.

Когда узнали о кончинѣ Владиміра, дружина его предложила Ростовскому князю Борису, на ходившемуся на югъ для отраженія Печенѣговъ, сѣсть на престолъ отца; Борисъ отказался, говоря: «не буди мнѣ взяти (поднять) руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ (сей) ми буди въ отца мѣсто». Святополкъ, узнавъ объ этомъ, подослалъ къ нему убійцъ; потомъ, зная дружбу Бориса съ Глѣбомъ, подослалъ убійцъ и къ Муромскому князю; а наконецъ и къ Святославу Древлянскому. Сестра ихъ, Передслава изъ Кіева отправила гонцевъ къ Ярославу: «отецъ ти умеръ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевъ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; блюдеся его по велику»... И собравъ Ярославъ Варягъ тысячу, а прочихъ вой 40,000; онъ выступилъ на Святополка, говоря: «не я почахъ избивати братью, по онъ; да будетъ отмѣстникъ Богъ крове братья моего, зане безъ вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведную» (318).

Конунгъ Бурислейфъ выступилъ изъ своего владѣнія, противъ брата; а тамъ, гдѣ они встрѣтились, былъ большой мѣсъ съ онѣхъ ни они сихъ пачати и

Въ лѣто 6524 (1016) приде Ярославъ, и стаха противу оба полъ Днѣпра, и не смѣху нисити ихъ ни они сихъ пачати и

(317) Эймундова. сага, гл. 4 и 5.

(318) Лаврентьевскій спис. 94-101.

рѣкою; ставки они расположили стояша *мѣсяць три* противу со-
такъ, что посреди протекала рѣ- бѣ. Воевода *Святополковъ*, ѣздя
ка ... Простояли они *четыре но-* берегомъ, *началъ укорять Новго-*
ти, не отдавая приказа къ сра- *родцевъ*: «что придосте съ *хромь-*
женію ... *По совѣту Эймуна*, *цель снмъ* (Ярославомъ), о вы,
возвысили знамена, распредѣли- *плотницы* суще! а поставимъ вы
ли рать къ войнѣ. *Норвежцы* за- *хоромомъ* рубити нашимъ!» *Оскор-*
или съ тылу: направили на Ко- *бленные* Новгородцы, не смот-
вунга Бурислейфа сильный ударъ, *ря* на заморозъ, рѣшились на
напавъ на него по ту сторону щи- *другой же* день сразиться: пере-
товъ; Бурислейфъ потерпѣлъ со- *правились* на тотъ берегъ и от-
вершенное поражение (³¹⁹); раз- *толкнули* ладьи отъ берега. Вой-
битый, онъ *бѣжалъ въ Бярмію*.

ско Святополка было расположе-
но *между двумя озерами*: Пече-
нѣги отдѣленные озеромъ, не мог-
ли дать помощи Кіевлянамъ; Нов-
городцы же — *притиснуша* Свя-
тополка съ *дружиною* къ озеру,
и вступиша на ледъ, и обломися съ
ними ледъ, и одалати (одолевать) нача
Ярославъ; Святополкъ же бѣжа въ
Ляхы (³²⁰).

Конунгъ Бурислейфъ вошелъ Тестъ Святополка, Король Боле-
съ *Бярмійцами* въ Гардарикъ и славъ (1018) *приде съ Ляхы*; Яро-
устремился къ тому *городу*, гдѣ славъ, совокупивъ Русь (южную)
находился Ярислейфъ съ Эймун- и Варягы и Словене (Новгород-
домъ. Эймундъ приказалъ напу- цы), поиде противу Болеславу и
ститъ воды въ городской ровъ и Святополку, приде Волюню и ста-
настлатъ поверхъ бревнами, чтобъ *ша оба полъ рѣки Буга*. Одишь
ничего не было видно; а горо- изъ воеводъ Ярослава сталъ на-
жанкамъ стать, въ дорогахъ у- смѣхаться надъ толщиною Поль-
бранствахъ, на стѣнѣ. Жадные скаго Короля: бѣ Болеславъ ве-
Бярмійцы кинулись къ нимъ и, ликъ и тяжекъ, яко и на кони не
не разглядѣвъ, попали въ ровъ. могый сѣдѣти, но бѣше смыс-
Въ городскихъ воротахъ, конунгъ лень. Пылкій Болеславъ бросилъ
Ярислейфъ тяжело раненъ въ но- ся въ рѣку, Поляки за нимъ и
су; но Эймундъ поддержалъ его. напали на Ярослава, когда тотъ
Бярмійцы обратились въ бѣгъ- и не ожидалъ; и побѣди Боле-

(³¹⁹) Эмундова Сага, главы 5 и 6.

(³²⁰) Лаврент. списокъ, стр. 101 и 102.

ство; Бурислейфъ бѣжалъ къ славѣ Ярослава, Ярославъ же у-
Туркани и *Бѣло-кумани* (³²¹). бѣжа съ четырьми мужи *Ново-*
городу. Онъ хотѣлъ было удалитъ-
 ся въ Варяжскую землю; Новго-
 родцы изрубили его ладни, на-
 чали сами готовиться къ новому
 походу, собрали деньги и приве-
 доша *Варяги*; какъ же скоро, по
 тайному повелѣнію Святополка, на-
 чали по городамъ избивать Поля-
 ковъ, и Болеславъ поспѣшилъ оста-
 вить Кіевъ, — поиде Ярославъ на
 Святополка и бѣжа Святополкъ въ
Печеньги (³²²)

Бурислейфъ провелъ зиму въ *Въ* лѣто 6527 (1019) приде
Туркландіи; набралъ *Турковъ*, *Святополкъ* съ *Печеньги* въ силѣ
Бѣло-Кумановъ и многихъ дру- тяжцѣ, и Ярославъ собра множь-
 ихъ злыхъ народовъ; Эймундъ ство вой, и взыде противу ему
 слышалъ и считалъ очень вѣроят- на *Лѣто* (рѣку Альту, Полтавской
 нымъ, что конунгъ Бурислейфъ губерніи). Ярославъ ста на мѣстѣ,
 намѣренъ отступить отъ Христіан- идѣ жѣ убиша Бориса, вздѣвъ
 ской вѣры и подѣлиться Гардари- руцѣ на небо, рече: «кровь брата
 комъ съ тѣми злыми пародами. моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко!
 Съ огромною ратию, въ богатой мѣстѣ отъ крове праведнаго сего!
 колесницѣ, прибылъ Бурислейфъ положивъ на Каниѣ стѣпанье и
 въ одинъ лѣсъ; вокругъ его палат- трясенье, тако положи и на семъ!»
 ки расположилась вся рать. Эй- Помолився и рекъ: «брата мол!
 мундъ нарядился нищимъ, подвя- аще еста и тѣломъ (отшли) от-
 залъ себѣ бороду изъ козьихъ сюда, но молитвою помозѣта ми
 волосъ и пошелъ на двухъ косты- на противнаго сего убійцю и
 ляхъ въ станъ Бурислейфа, осмот- гордаго... Бѣ же пятокъ тогда;
 рѣлъ все, замѣтилъ мѣсто гдѣ ко- всходящую солнцу, и ступишася
 нунгъ спитъ въ своей палаткѣ, обон: бысть *стѣла* зла, *якаже не*
отрубилъ ему голову и пустился *была въ Руси*, и за руки емлюче
 бѣжать съ нею въ лѣсъ.

сѣцахуся, и сступишася триж-
 ды, яко по удовольемъ крови тещи;
 къ вечеру же одолѣ Ярославъ, а
 Святополкъ бѣжа.

(³²¹) Эймундова Сага, гл. 7 и 8.

(³²²) Это и прочее до кончины Святополка въ Лавр. 102-105.

Отрубленную голову Бурислейфа Эймундъ принесъ Ярислейфу, бѣсъ, и *разслабѣша кости* его: который велѣлъ имъ озаботиться *не можаше сдѣлать, и несяхуть* погребеніемъ братнива тѣла. Возвратясь на прежнее мѣста, Эймундъ Берестью, бѣгающе съ нимъ; онъ увидѣлъ, что Турки всѣ разошлись, же глаголаше: «побѣгите со мно-перессорившись; отыскалъ трупъ ю, женуть по насъ!» Отроки же Бурислейфа, и привезъ домой (въ его всылаху противу: «еда кто же Кіевъ»). Тогда сдѣлалось погребеніе нетъ по насъ?» И не бѣ никого же его *известными многими лицами*, въ слѣдъ гонящаго и бѣжаху съ и весь народъ присягнулъ Ярислейфу (323).

всхопихся, глаголаше: «о се женуть, побѣгите!» Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и *пробѣжа* Лядскую землю (Польшу), гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, *испроверже злъ животъ свой* Посланая пагубная рана въ смерть немилостивно вѣгна Есть же *могила* его въ пустыни и до сего дне, исходитъ же отъ нея смрадъ золь. . . . Ярославъ же сѣде Кыевъ, утеръ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

Теперь спрашивается: почему же этотъ сказочный Бурислейфъ долженъ быть Святополкъ? Бурислейфъ начинаетъ войну съ Ярислейфомъ за нѣсколько деревень и городовъ, удобныхъ для сбора податей, а Святополкъ принужденъ былъ самъ защищаться отъ Ярослава, отмщавшаго убійство братьевъ; Бурислейфъ стоитъ четыре ночи, а Святополкъ три мѣсяца; Бурислейфъ разбитъ Норвежцами въ одномъ лѣсу близъ рѣки, а Святополкъ въ распахъ заститутъ Новгородцами близъ Днѣпра, у двухъ озеръ; Бурислейфъ бѣжалъ въ Бярмію (Пермь), а Святополкъ въ Ляхи (въ Польшу); Бурислейфъ съ Бярмійцами осаждаетъ Ярислейфа въ Кіевѣ, а Святополкъ съ тестемъ своимъ Болеславомъ Польскимъ, встрѣчаютъ Ярослава на Бугѣ; Бурислейфъ разбитъ у Кіева Эймундомъ, а Святополкъ съ Болеславомъ разбили Ярослава на Бугѣ; Бурислейфъ бѣжитъ въ Туркландію, а Святополкъ въ Печенѣги; Бури-

(323) Эймундова Сага, глава 8 и 9.

слейфъ навелъ на Ярислейфа Турковъ и Бѣло-Кумановъ, а Святополкъ Печенѣговъ; Бурислейфу отрубилъ въ лѣсу Эймундъ голову, а Святополкъ разбитъ Новгородцами на рѣкѣ Альтѣ, орошенной кровію святаго Бориса; Бурислейфа погребаютъ въ Кіевѣ и погребеніе его дѣлается извѣстно многимъ, а Святополкъ, не смѣя остановиться въ Польшѣ у раздраженнаго тестя, кончаетъ жизнь въ пустынѣ между Польскою землею и Чешскою. Что же тутъ сходнаго?

Не обративъ никакого вниманія на такое *разительное несходство* жизни и дѣйствій мнимаго Бурислейфа и нашего Святополка, защитники Эймундовой саги тотчасъ пускаются въ *догадки*: «извѣстно» (*кому же?*), «что Варяжскіе князья имѣли по *нѣскольку* именъ, изъ которыхъ одними назывались они *дома*, другими въ *народѣ*, третьими въ *войскѣ*, и такъ далѣе, чтобъ *скрыть настоящее свое имя* и тѣмъ *предохранить себя отъ испорченія колдовствомъ*»^(3 2 4). Исторія говоритъ совсѣмъ не то: родоначальникъ Варяжскаго Дома, Рюрикъ, назывался Рюрикомъ и дома и въ народѣ и въ войскѣ; братъ Рюриковъ Синеусъ также носилъ одно имя; Труворъ также одно; родственникъ ихъ Олегъ также, Игорь Рюриковичъ также одно, Святославъ Игоревичъ также; дѣти Святослава: Ярополкъ съ Олегомъ и Владиміромъ (до принятія крещенія) имѣли также по одному имени; въ 988 году Владиміръ получилъ другое имя, Греческое, *Василій*, потому что принялъ въ Херсонѣ святое крещеніе по обряду Восточной Православной церкви Греческаго исповѣданія, а совсѣмъ не потому, будто бы хотѣлъ «предохранить себя отъ испорченія колдовствомъ», и съ того времени Русскіе князья носили по два имени: одно, *Христіанское, Греческое*, въ память каковаго либо Святаго, чтимаго Церковію и признаваемого молитвенникомъ крещаемого, а другое, *старинное Славяно-Русское*, въ честь кого либо изъ предковъ, *именно какъ болѣе извѣстное въ народѣ и войскѣ*. Вотъ причина двухъ именъ, съ 988 года! «*Быть можетъ, что въ Новгородѣ это имя (Буриславъ) было даваемо Святополку въ порицаніе, ибо Буриславъ значитъ то же что разрушитель*»^(3 2 5), и недовольные одного догадкою, придумываютъ еще новую: «*многія Польскія княжны носили*

^(3 2 4) Библ. для Чит. (1834) т. I, Науки. стр. 61, прим. 24.

^(3 2 5) Тамъ же.

имя Буриславы; ежели супруга Святополка называлась Буриславою, то соперникъ Ярославъ могъ принять это имя въ *угодность женѣ или своему тѣстю*»⁽³²⁶⁾. Но какъ же таки до 1834 года, до появленія въ свѣтъ Б. для Ч., это обстоятельство никому въ мірѣ не было извѣстно? отчего же никто изъ Русскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ лѣтописателей не знаетъ, что была на свѣтъ Польская княжна *Бурислава* Болеславовна, выданная за Святополка, который въ *угодность* супругѣ, ккккъ нѣжный рыцарь, могъ переимѣнить свое имя и назваться Буриславомъ? отчего же въ Польшѣ никто таки не прозналъ, что родственникъ Польскаго короля, какъ дамскій угодникъ, назвалъ самъ себя Буриславомъ? отчего и въ Германіи звали тестя Болеславова не Буриславомъ, а Святополкомъ или Свентепулкомъ?⁽³²⁷⁾ Отчего же все это?...

Точно такихъ же несообразностей исполненъ рассказъ о дальнѣйшихъ похожденияхъ Эймунда, сравнительно съ Несторомъ, слышавшимъ обо всемъ отъ девяносто-лѣтняго старца Яна, современника Владимірова, Святополкова и Ярославова:

Норманны Эймундовы, не по- Въ Полоцкѣ княжилъ, при Яро-лучая исправно жалованья, гро- славѣ, его родной племянникъ, Бря-зять Ярислейфу уѣхать къ бра- тиславъ *Изяславичъ*, внукъ Рог-ту его, *Полоцкому Конунгу Вар-* тиславы и Владиміра Равноапосто-тилафу; супруга Ярислейфа Ин- наго⁽³²⁹⁾. гигерда звала Эймунда на пере-говоры, въ намѣреніи — его у-бить: Эймундъ замѣтилъ услов-ный знакъ и спасся; по прибы-тіи въ Полоцкѣ, они были въ большой чести и почитаніи у Ко-нунга Вартилафа⁽³²⁸⁾.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ Полоцкѣ Причиною войны былъ пле-прибыли послы отъ Конунга Яри- мянникъ Ярославъ, Брячиславъ:слейфа требовать *весей и городовъ*, сей юноша хотѣлъ *сильными под-* лежащихъ *поблизости его владѣ-* вигомъ утвердить свою независи-нія, отъ Конунга Вартилафа; *мостъ*, взялъ *Новгородъ* (1021), о-

⁽³²⁶⁾ Библи. для Чт. I, Науки: стр. 61, пр. 24.

⁽³²⁷⁾ Дитмара Мерзебургскаго Chron. VII;—Ист. Гос. Росс. II, прим. 1.

⁽³²⁸⁾ Эймундова Сага, гл. 10

⁽³²⁹⁾ Ист. Гос. Росс. II, стр. 19.

по совѣту Эймунда, *Вартилафъ* грабилъ жителей и множество *Новотказалъ* и *назначилъ* брату *мѣ-* городцевъ повелъ въ плѣнъ (331). *сто*, гдѣ можно сойтись для сраженія (330).

Объ рати сошлись въ опредѣленномъ мѣстѣ, на границѣ той страны, и такъ *простояли семь* губерніи Порховскаго уѣзда) *Яроногей*; а между тѣмъ Эймундъ узналъ, что Господыня Ингигерда ѣдетъ въ станъ къ мужу, ночью засѣлъ съ Рагноромъ въ лѣсу на одной дорожкѣ; *Ингигерда* ѣхала только съ двумя всадниками, и была *похищена* удалцомъ Норвежскимъ (332).

Эймундъ привелъ *Ингигерду* въ *Полоцкій станъ* и самъ *Вартилафъ* сторожилъ ее; тогда, при посредничествѣ Норвежскаго храбреца, она изъявила желаніе примирить *братъевъ*: собрали людей и *Господыня* начала *творить миръ* (334).

Она сказала Конунгу *Ярислейфу*, что ему держать впередъ самую важную часть Гардарика, то есть *Гольмгардъ* (Новгородъ), а *Вартилафу* владѣть *Кунигардомъ* (Кіевомъ), другою лучшею частию всѣхъ владѣній, съ тѣми и сборами, *оттого отъ* будетъ *имѣть вдвое болѣе владѣній*, нежели какъ имѣлъ прежде; *Палтескъ* (Полоцкъ) и область, лежащую подлѣ, имѣть Конунгу *Эймунду* и быть ему тамъ *Конун-*

И пришедшу ему (Брячиславу) къ Судомиръ рѣцѣ (Псковской губерніи Порховскаго уѣзда) *Ярославъ* (выйде) изъ *Кысва* и въ седьмой день (обратнаго похода Брячиславова) *постиже ѿ тутъ* (333).

Брячиславъ на Судомѣ потерпѣлъ пораженіе: *плыники* *Новгородскіе* освобождены *Ярославомъ*, а племянникъ его ушелъ въ Полоцкъ (335).

Желая прекратить вражду съ племянникомъ, *Великій князь Кіевскій* Ярославъ Владиміровичъ, призва его и вда ему *два града*: *Свячь* (Усвятъ, Суражскаго уѣзда) и *Вибдескъ* (Витебскъ), и рече ему: «буди же со мною одинъ», то

(330) Эймундова Сага, гл. 11

(331) Ист. Государства Россійскаго, т. II, стр. 19.

(332) Эймундова Сага, гл. 11.

(333) Ист. Гос. Рос. т. II, прим. 21.

(334) Эймундова Сага, гл. 11.

(335) Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи, т. I, кн. II, стр. 15.

еомъ, пользуясь всѣми земскими есть: будемъ жить ладно, едино-сборами, какія тамъ положены ⁽³³⁶⁾. душно! ⁽³³⁷⁾.

Конунгъ Вартилафъ жилъ въ Племянникъ Великаго Князя Кіевъ не болѣе трехъ зимъ: тогда Кіевского, Брячиславъ Изяславичъ захворалъ онъ и умеръ; послѣ не- Полоцкій, прожилъ еще 23 года го, Кіевское владѣніе взялъ Кон- и скончался въ своихъ родовыхъ унгъ Ярислейфъ. Но Эймундъ вла- земляхъ въ 1044 году ⁽³³⁸⁾.

дѣлъ своего Полоцкою областью, и умеръ не старъ; онъ скончался безъ наследниковъ отъ тяжелой болѣзни: смерть его была весьма прискорбна вслѣдствіе жителей тѣхъ странъ ибо изъ иностранцевъ никого не было умнѣе Конунга Эймунда въ Гардарикъ ⁽³³⁹⁾

Будучи больнымъ, Эймундъ Передъ смертію, Брячиславъ передалъ свою Полоцкую область передалъ свое родовое Полоцкое совоспитаннику своему, Рагнару, княжество, сыну своему Всесла- считая его достойнѣйшимъ вос- ву, который и вступилъ въ 1044 пользоваться его: это состоялось году на Полоцкій престолъ неза- по соизволенію Конунга Ярислей- висимо отъ дѣда, Великаго Князя фа и Господины Ингигерды ⁽³⁴⁰⁾. Кіевского ⁽³⁴¹⁾.

Что же нашли сходнаго между Скандинавскою сагою и рассказомъ современниковъ Ярослава, сохраненнымъ въ лѣтописи Преподобнаго Нестора? Почему же небывалый братъ Конунга Ярислейфа Вартилафъ долженъ быть признаваемъ за племянника Ярославова, Брячислава? Неужели и тутъ несчастное сходство звуковъ должно быть принято за верховное судилище истины, не смотря на разительное несходство дѣйствій того и другаго лица, сказочнаго Вартилафа и дѣйствительно-бывшаго Брячислава? Какимъ образомъ допустить княженіе Эймунда и его наследника Рагнара въ Полоцкъ, когда извѣстно, что Полоцкое княжество не выходило изъ подѣ-владѣнія династїи Св. Владиміра? И какъ же это: герой, превосходявшій всѣхъ иностранцевъ умомъ, надѣлавшій столько чу-

⁽³³⁶⁾ Эймундова Сага, Гл. 11.

⁽³³⁷⁾ Ист. Гос. Росс. II, прим. 21.

⁽³³⁸⁾ Арцыб. II, стр. 21.

⁽³³⁹⁾ Эймундова Сага, гл. 11.

⁽³⁴⁰⁾ Тамъ же.

⁽³⁴¹⁾ Карамзинъ и Арцыбышевъ.

десѣ въ Россіи, оплаканный всѣми жителями ея,— по увѣренію Исландцевъ, или даже хотѣ бы и самихъ Норвежцевъ,—неизвѣстенъ никому-таки изъ Русскихъ? Тутъ, право, позадумаешься . . .

Но защитники сагъ въ то время охотники до *романическихъ* *оказій*; а въ Эймундовой сагѣ ихъ прельстило похищеніе Ингигерды (никому въ мірѣ неизвѣстное) и слѣдующее обстоятельство, которымъ достойно заключается эта сказка: «*Олафъ Свѣтой Гаральдовичъ* былъ въ гостяхъ въ Гардарикѣ; всѣ знатные мужи весьма уважали Ковунга Олафа во время пребыванія его въ томъ краю, но болѣе всѣхъ ярль Ронгвальдъ и Господыня Ингигерда, которая даже имѣла съ нимъ *тайную любовную связь*» ⁽³⁴²⁾ Любители романическихъ похожденій *героевъ* *нашего* *времени* обрадовались этому *сказочному* эпизоду Эймундовой сказки и въ душевномъ восторгѣ пустились въ такіа размышленія: «Сага сохранила, для потѣхи *безпристрастнаго* потомства, нѣсколько *придворныхъ* *силетней* той глубокой древности, и мы находимъ въ ней даже *соблазнительную лѣтопись* Великаго Новагорода. Господа Исландцы намекають, что *прекрасная Ингигерда*, кромѣ мужа, ношла въ своей жизни еще другаго *чувствительнаго друга*, Норвежскаго Короля Олафа, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Шведскимъ Королемъ Олафомъ (ея отцемъ), и который, посѣтивъ супруга ея въ Новѣгородѣ, *пріобрѣлъ* было *особенное ея благорасположеніе*, но *очень тайно и съ соблюденіемъ должныхъ приличій*» ⁽³⁴³⁾. Накинувъ, такимъ образомъ тѣнь подозрѣнія на супругу Ярослава, любители сагъ разсуждаютъ: «мы не совѣтуемъ никому вносить это въ Исторію. Почему знать, какъ это было?» но потомъ, какъ-бы опомнившись, продолжаютъ: «правда, что Ярославъ былъ скупъ, хромъ, нерѣшителенъ, слабъ до крайности . . .» ⁽³⁴⁴⁾ и тѣмъ опять даютъ намекъ, что—молъ—у такого мужа позволительно женѣ и разрѣшить себѣ «изволить тѣшиться», т. е. «слѣдуя Забалтійскимъ Скандинавскимъ обыкновеніямъ», завести себѣ «кромѣ мужа, еще другаго *чувствительнаго друга*», только «очень тайно и съ соблюденіемъ должныхъ приличій». Если принять за истину, что *истина* для Исторіи *не нужна*, осо-

⁽³⁴²⁾ Библ. для чт. (1836) т. II, Науки, стр. 46.

⁽³⁴³⁾ Тамъ же т. I, Науки, стр. 71—72.

⁽³⁴⁴⁾ Тамъ же, стр. 72.

бенно для древней, и что съ нея довольно *правдоподобія*, то пожалуй можно себѣ позволить тѣшиться размышленіями о любовной связи Ярославовой супруги съ Олафомъ Святѣмъ; но если припомнить мудрое изрѣченіе Цицерона (^{3 4 5}), доказывающее, что и язычники ставили первымъ условіемъ Исторіи *истину*, то невольно придетъ на мысль: имѣемъли мы право, основываясь на *Исландской* сказкѣ, которая на каждомъ шагу противорѣчитъ исторической истинѣ, набрасывать тѣнь подозрѣнія на память *Русской* Великой Княгини, заслужившей почтеніе всѣхъ *Русскихъ* благочестивою безукоризненною жизнію, и за Христіанскія добродѣтели причтенной по смерти къ лику Святыхъ (^{3 4 6})? Неужели развратницу, которая заводитъ себѣ хахалей или (выражаясь языкомъ Сагофиловъ) «находитъ себѣ чувствительныхъ друзей», Церковь причла бы къ лику Святыхъ? . . . Обратите-ко ваше вниманіе на это обстоятельство, господа скандинавоманы и сагофилы! обсудите-ко дѣло-то безпристрастно и хладнокровно, такъ и сознаетесь, что Шлёцеръ былъ правъ, называя саги бред-

(^{3 4 5}) Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae et nuntia vetustatis.

(^{3 4 6}) Память супруги Ярославовой, Анны, празднуется въ Софійскомъ Новгородскомъ Соборѣ 10-го Февраля и еще 4-го Октября, вмѣстѣ съ памятью сына ея, Владиміра Ярославича; второе празднество установлено въ началѣ XV столѣтія, какъ утверждаетъ Софійская лѣтопись подъ годомъ 6947 (1439)-мъ: «Архіепископъ Евфимій позлати гробъ Князя Владимера, внука Великаго Владимера и *подписа*; такожде и матери его Анны гробъ *подписа*, и покровы положи, и *память или* уставн творити Октоврія въ 4-й день». — Гробъ Святой супруги Ярослава стоитъ внутри Новгородской Софійской церкви, на южной сторонѣ, съ надписью: «Святая Благовѣрная Княгиня Анна, мать Святаго Благовѣрнаго Князя Владиміра Ярославича, Королевна Шведская, Олафа перваго Шведскаго Короля дочь, называлася въ своей земли Ингегерда, которая прежде была невеста Олафа, Короля Норвежскаго, потомъ супруга Ярослава Владиміровича Новгородскаго и Кіевскаго, преставилася въ лѣто отъ С. М. 6559, отъ Р. Х. 1051; положены мощи ея въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ». — По лѣтописямъ же, она скончалась 6558 (1050) года. — Татищевъ думалъ, что Ингигерда называлась, по принятіи Православія, Ириною, ибо Ярославъ (во Св. крещеніи Георгій или Юрій), построилъ вмѣстѣ съ монастыремъ Св. Георгія и монастырь Св. Ирины; однакожь на древнихъ ея иконахъ, которыя хранятся въ Новгородскомъ Архіерейскомъ домѣ изображено имя Анны; въ письменномъ Софійскомъ Уставѣ, она также называется *Анною* подъ 5-мъ числомъ Сентября и 4-мъ Октября.

нями, глупостью, сказками Исландских старух, сумасбродством, отъ котораго надобно отказаться изыскателямъ Русскихъ древностей.

А что Шлёцеръ былъ правъ, доказываютъ всѣ творенія шлёцеріанъ уніатовъ, соединившихъ его ученіе съ Байеровымъ и Миллеровымъ. Почтенный Юрьевскій профессоръ, гнъ Крузе принялъ шутку Барона Брамбеуса за правду и объявилъ, что теперь уже сами Русскіе писатели отдаютъ сагамъ (сказкамъ) преимущество передъ лѣтописью Нестора: «саги нынѣ болѣе и болѣе получаютъ вѣроятія, и часто самими Русскими писателями *предпочитаются Нестору* въ отношеніи первобытнаго времени» ⁽³⁴⁷⁾; Московскій профессоръ, М. П. Погодинъ помѣстилъ также въ число *Источниковъ Русской Исторіи* Скандинавскія лѣтописи, увѣряя, будто бы Эймунова Сага издана для образца ⁽³⁴⁸⁾. На помощь почтеннымъ профессорамъ, Юрьевскому и Московскому, явился гнъ Сабининъ, и тогда началось истинно-уніатское

V. *Наижесточайшее злоупотребленіе филологіи.* Увлечшись восхищеніемъ отъ филологической пытки, посредствомъ который изъ *Якуна Варлжскаго*, сражавшаго за Ярослава съ Мстиславомъ, сдѣланъ былъ *Эймундъ Норвежскій*, сражавшійся за Ярослава съ небывалымъ Бурислейфомъ, а потомъ противъ Ярослава за небывалаго брата его Вартилафа, — шлёцеріане, байеріане и миллеріане рѣшились выступить на защиту Скандинавоманіи противу здраваго смысла. Одаренные пылкимъ воображеніемъ, они во всемъ начали видѣть Скандинавщину. Ученому автору статей о происхожденіи наименованія Бояринъ, о Волосѣ и Купалѣ, природному Русскому, показалось даже, что еще въ деревнѣ, гдѣ всѣ говорили только по-русски, онъ уже умѣлъ правильно объясняться по-Исландски: «помню», пишетъ гнъ Сабининъ, «что въ дѣтствѣ моемъ, я, живши въ деревнѣ, спрягалъ глаголы болѣе по *Исландскимъ спряженіямъ* нежели по Гречевой *Русской* грамматикѣ» ⁽³⁴⁹⁾. Объявивъ себя урожденнымъ Исландцемъ, нашъ ученый сталъ утверждать, что наша Церковно-Славянская азбука (заимствованная, какъ извѣстно, отъ Грековъ) *вѣроятно* взята отъ Скандинавовъ, хотя форма и наименованіе Сла-

⁽³⁴⁷⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. (1835), ч. IX, Науки, стр. 49.

⁽³⁴⁸⁾ Начертаніе Русской Исторіи, соч. профессора Погодина, стр. 392.

⁽³⁴⁹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), ч. XVI, Науки: стр. 65.

вянскихъ буквъ совсѣмъ другія, нежели Скандинавскихъ рунъ; но это — разсуждалъ гнѣ Сабининъ — произошло такимъ образомъ: Славяне, любя изящество, измѣнили форму Скандинавскихъ рунъ для благообразія; а имѣя нѣжный слухъ, дали всему другое названіе — для благозвучія: «въ названіи буквъ нашего алфавита обнаруживаются частію имена рунъ, частію имена Скандинавскія, и если замѣтно въ нихъ преобразование, то оно сдѣлано кажется только для благозвучія» (³⁵⁰). Господинъ Сабининъ признаетъ уже за истину, что съ незапамятной древности «нынѣшняя Россія была населяема Руссами» (³⁵¹), но думаетъ, что эти Руссы были не Русскіе (Славяне), а Скандинавы. Это, по мнѣнію гна Сабинина, и доказать не трудно. Во первыхъ, сходствомъ личныхъ именъ: у Русскихъ въ Полоцкѣ былъ *Рогволодъ*, а у Скандинавовъ *Röngvaldr*; у Русскихъ былъ *Игорь*, а у Скандинавовъ *Jvar*; у Русскихъ *Олегъ*, а у Скандинавовъ *Oro* (³⁵²): не правда ли, какъ сходны? особенно послѣднее имя: у насъ начинается буквою о, и у Скандинавовъ также? такъ чего же болѣе! кричите же съ торжествомъ: ergo, Руссы были Скандинавы! и выслушайте второе доказательство, основанное на сходствѣ именъ городовъ, въ подтвержденіе чего указываютъ намъ только одно имя, но за то удивительно сходное: «настанетъ время и произведетъ то, что *Кіевъ* мы назовемъ *Скандинавскимъ* именемъ *Каур* (Кѣипъ), то есть мѣстамъ торговли» (³⁵³): И такъ, мы должны, по мнѣнію автора ожидать, что настанетъ время торжества Скандинавоманіи надъ здравымъ смысломъ? Если это сбудется, тогда конечно Русскій народъ согласится переуродовать нашъ родной Славянскій Кіевъ (³⁵⁴) въ Скандинавскій Каур; но такъ,

(³⁵⁰) Журн. Мин. Нар. Просв. (1837). т. XVI, стр. 71.

(³⁵¹) Тамъ же, стр. 75.

(³⁵²) Журн. Мин. Нар. Просв. (1841), ч. XXXI, Науки: стр. 21.

(³⁵³) Журн. Мин. Нар. Пр. 1837, ч. XVI, стр. 75.

(³⁵⁴) Кромѣ нашего Кіева, извѣстны еще: въ при-Балтійской Руси *Кіева-Долина*, Kuow's Thal, деревня въ Помераніи въ $\frac{1}{4}$ мили отъ города Дамма при Одерѣ, въ округѣ Укермюндскомъ (Geograph. Fabri, t. II, B. 4, стр. 404); — *Кіево*, Kiewe, въ Мекленбургѣ (Erdbeschreibung von Gaspari, I Abtheil. 2 Bd. стр. 594); — *Кіевель*, Kiewel, при рѣчкѣ Обрѣ, въ Познанской области (Gaspari, t. 3, стр. 616); — *Кіѣвъ*, Kigow (читай Kijow, ибо у Чеховъ $g = j$) въ Моравіи, тамъ же, ч. 5, стр. 616; — *Кіевы поля*, τὰ Κίε πεδία орошаемая въ древней Панноніи (нынѣшней Венгріи) рѣкою Дравою, упоминаются историкомъ Зосимою (кн. 2,

какъ — слава Богу — еще нѣтъ печальной надежды, чтобы Господь Богъ лишилъ Русскихъ здраваго смысла, то и едва ли настанетъ вождельнное для Скандинавомановъ время, какъ бы ни хлопотали они, выискивая *самыя* ученые доказательства тожества Руссовъ и Скандинавовъ... Это, третье доказательство, по мнѣнію гна Сабинина, заключается въ словахъ *боляринъ* и *бояринъ*. Забывъ, что самыя тѣ высшіе сановники, которые у Нестора названы Боярами, въ Сборникъ Святослава (1073) два раза именуются Болярами (^{3 5 5}), чѣмъ и доказывается древняя тождественность обоихъ названій, — забывъ, что санъ бояръ былъ почетнѣйшимъ въ Россіи, означая не только главныхъ начальниковъ въ бою, но и въ мирное время важнѣйшихъ особъ, которые окружали Государя и потому были *болѣе* всѣхъ, — нашъ Скандинаволюбецъ утверждаетъ что *боляринъ* и *бояринъ* слова совершенно различныя, хотя оба происходятъ *впрямую* отъ Скандинавскаго или Исландскаго; сознается, что «въ Исландскомъ языкѣ *нѣтъ* этой формы» (^{3 5 6}), но все-таки думаетъ, что оба эти слова непременно заимствованы отъ Скандинавовъ. Для доказательства жъ такого различія и такого произхожденія, ученый авторъ беретъ въ пытку наше обще-Славянское слово *поле* (^{5 5 7}), объявляетъ его иностраннымъ, которое *можетъ быть* произносилась *боле*, и потому есть дитя языка Скандинавскаго: «въ Исландскомъ языкѣ есть слова *bol*, откуда *конечно* (!) произошло наше Русское слово *поле*, означающее (!?) *praedium, villa, помѣстье въ деревнѣ*» (^{3 5 8}). Такимъ образомъ, ученый толкователь превратилъ *болярина* въ простаго *помѣщика*, забывъ, что *не всѣ* помѣщики были у насъ въ древности болярами или боярами, но только высшіе, бѣльшіе всѣхъ остальныхъ сановниковъ; что въ словѣ *поле* коренной слогъ *пол* находится во *всѣхъ* языкахъ Славянскихъ, у *всѣхъ* народовъ Славянскихъ, и

гл. 46; — *Кіевецъ* по увѣренію Целларія (Древняя географія т. I, стр. 468), донынѣ существующій подъ тѣмъ же названіемъ; иностранцы называютъ его *Cius*.

(^{3 5 5}) Ист. Гос. Рос. I, прим. 167.

(^{3 5 6}) Журн. Мин. Нар. Просв. (1837), ч. XVI, Науки: стр. 73.

(^{5 5 7}) У Русскихъ и Болгаръ *поле*; у Поляковъ *role*; у Сорабовъ въ Верхней Лузаци *roljo*, въ Нижней *rohlo*; у Чеховъ и Словаковъ *role*; у Словенцевъ въ Славоніи и Краинѣ, *rolje*; у Кроатовъ *rolue*; у Сербовъ въ Сербіи *полъе*, въ Босніи *roglje*, въ Далматин *rolue*.

(^{3 5 8}) Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), XVI, стр. 74.

потому не можетъ почитаться за передѣланнѣй нами Русскими Скандинавскій корень *bol*; наконецъ, что ни въ одномъ Славянскомъ языкѣ слово *поле* не означаетъ *полюстья* (³⁵⁹). Превративъ же «боярина» въ Скандинава-помѣщика, гнѣ Сабининъ призываетъ на филологическую расправу *боярина* и объявляетъ, что, онъ не болѣе какъ городской обыватель либо придворной слуга: «*бояринъ*, по моему убѣжденію, есть слово Скандинавское, или что то же Исландское *Baejarmen* или *Baejarmen*, что значитъ *cives urban* (граждане) и *domestici* (служащіе при какомъ либо дворѣ)», забывъ опять, что не всякій горожанинъ былъ бояринъ, даже не всякій придворный сановникъ (не только служитель) имѣлъ право называться бояриномъ (³⁶⁰). Нисведя такимъ образомъ Русскаго боярина въ званіе мѣщанина или городского обывателя и придворнаго слуги, гнѣ Сабининъ представляетъ четвертое ученое доказательство, что Русскіе были не Русскіе, а Скандинавы: «Религія въ древней Россіи была *Скандинавская*, а не *Славянская*» (³⁶¹), а это видно изъ того, что Русскимъ были извѣстны боги Скандинавовъ: Бальдюръ и Одинъ. Правда, что Русская Мифологія знать не знаетъ Бальдюра; но гнѣ Сабининъ сей часъ докажетъ, что нашъ Славянскій *Купало* и есть Скандинавскій *Бальдюръ*. Саги толкуютъ, что Бальдюръ, бывъ сожженъ на корабль, упалъ въ воду—ну, такъ, знаете, и по неволѣ, искупался въ морской соленой водицѣ; а просолившись порядкомъ въ морской купальнѣ, Скандинавъ-Бальдюръ и вышелъ изъ моря уже Славяниномъ-Купалой (³⁶²). Скандинавскія нимфы *Валькири*, «сестры войны и дѣвы съчъ, посылаемыя Однимъ раздѣлять побѣду и смерть между сражающимися», также были извѣстны Русскимъ: «сравните», пишетъ г. Сабининъ, «Пѣсню о Во-

(³⁵⁹) Слово *поле* имѣетъ 9 значеній: 1) равнина въ селеніи, которая поросла травою и не занята лѣсомъ; 2) пашня, нива; 3) мѣсто, на которомъ войско становится станомъ; 4) главный цвѣтъ, который на платкахъ, ситцахъ и т. п. составляетъ основу для узоровъ или полосъ разноцвѣтныхъ; 5) края чего, напр. шляпы; 6) бѣлая закраина на страницѣ писанной или печатной; 7) часть столпа между архитравомъ и карнизомъ; 8) стар: мѣсто, судебного поединка, рѣшавшаго тяжбу; 9) случай, предметъ, напр. для размышленія. — Корнесловъ Шимкевича, II, стр. 21.

(³⁶⁰) Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), XVI, стр. 44, 74;—сравните выше, у меня, прим. 89.

(³⁶¹) Тамъ же, т. XVI, стр. 79.

(³⁶²) Тамъ же, 1841, ч. XXXI, стр. 21.

люндѣ, находящуюся въ старшей Эддѣ, съ сказкою Жуковскаго о Царѣ Берендѣѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кащея безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кащеевой дочери, — и вы увидите въ *тридцати дочеряхъ Кащея* сходство съ *Валкиріями* Сѣверной Мифологіи: онѣ *летаютъ*; оставляютъ на берегу *неосторожно* свои *платья*, какъ Валкиріи; одна изъ нихъ *помогаетъ* Ивану Царевичу *продолѣть* злость отца своего Кащея; Иванъ Царевичъ, подобно Волюнду, *женится* на ней» (363). Воспользовавшись такъ удачною сказкою, написанною поэтомъ XIX вѣка, и употребивъ ее для *ученаго* доказательства, будто бы у насъ въ *древности* была религія не Славянская, а Скандинавская, гнѣ Сабининъ отдаетъ подъ судъ нашего Волоса и уличаетъ его, что онъ не Славянскій *Волосъ*, а Скандинавскій *Одинъ*: «имена ихъ *различны* (!) по звуку, а въ *сущности* своей (?) —одно и то же имя» (364). По мнѣнію гна Сабинина, «такъ какъ въ мірѣ существуютъ многіе діалекты языковъ, то *всѣ народы* считали *необходимыми* для себя—измѣнивъ имя Одина, примѣнить его къ собственному нарѣчію, для должнаго поклоненія ему и для принесенія ему *обѣтовъ* о своемъ спасеніи; вотъ отчего изъ Водина или Воольда *могъ* сдѣлаться Волосъ: Одинъ, Водинъ, Водъ, Вольдъ Воольдъ, Володъ, Волоть, Волосъ» (365). Заставивъ такимъ образомъ Славянскаго *Волоса* признать себя Скандинавомъ *Одиномъ*, гнѣ Сабининъ ведетъ его опять въ этимологическую пытку, для доказательства, что и самъ *Одинъ* то же плутъ и только прикидывается Скандинавомъ, но въ самомъ дѣлѣ не Скандинавъ, а Индіецъ *Будда* либо Китаецъ *Фо*, словомъ, что все это «Будда, который перешелъ за границы Индіи, *можетъ быть*, вмѣстѣ съ народами вышедшими оттуда» (366), распространился почти по всей Азіи и Европѣ, даже перешагнулъ въ Мексику» (367). Одно только затрудненіе встрѣтилъ нашъ ученый: Русскій

(363) Жур. Мин. Нар. Пр. 1843, ч. XL, Науки, стр. 32.

(364) тамъ же стр. 47.

(365) Стр. 49.

(366) Ученый авторъ статьи о Волосѣ повѣрилъ въ всемъ этомъ Финну Магнусу, не зная, какъ справедливо осмѣяна эта Индоманія *благоразумными* Русскими оріенталистами; см. мнѣніе О. И. Сенковского, приведенное въ моей книгѣ, подъ стр. 70 — 73, въ прим. 7.

(367) Жур. Мин. Нар. Просв. (1843), XL, стр. 49.

Волось, — известный и прочимъ Слѣвянамъ (³⁶⁸), — былъ *скотій богъ*, то есть богъ скота, «Одинъ же въ сагахъ, называется богомъ не скота или домашнихъ животныхъ, а денегъ, и богатствъ скрытыхъ въ землѣ, въ горахъ и камняхъ» (³⁶⁹); желая уничтожить это *маленькое* различіе, гнъ Сабининъ допускаетъ догадку Арцыбышева, что *скоть* означать не *скоть* а деньги, и передѣлано Русскими изъ Шведскаго skatt, слѣдственно «Волось, скотій богъ, есть просто богъ богатства вообще, а не домашнихъ животныхъ или скота, котораго у нашихъ предковъ почти совсѣмъ не было; но они закупаали его у Печенеговъ» (³⁷⁰); такая остроумная догадка, — какъ нельзя болѣе сообразная съ мѣстностью нашей Русской земли, — очень понравилась ученому автору, и онъ два раза повторяетъ ее въ концѣ статьи: «слово *скотій богъ*, выражающее свойство Волоса, должно истолковать такъ, а *отнюдь не иначе*, то есть: назвать его вообще богомъ богатства и сокровищъ, и *можетъ быть* богомъ скота или домашнихъ животныхъ, если только *скоть* былъ въ первобытной Россіи» (³⁷¹); а въ примѣчаніи говорить: «не знаю, *былъ ли* *скоть* въ первобытной Россіи, или *нѣтъ*» (³⁷²)... Разумѣется это сомнѣніе изъявлено только для того, чтобы имѣть случай объявить *скоть*, Шведскимъ словомъ skatt; но Историческая Логика навѣрное скажетъ псчтенному изыскателю: «ахъ, милостивый государь! какъ вы ошибаетесь: оглянитесь вокругъ себя и скажите безпристрастно: переводились ли скоты у насъ? посмотрите, какъ много въ Россіи всякихъ животныхъ: отъ Чернаго моря и до Бѣлаго сколько пасется скотинокъ! И всѣхъ таки кормить наша матушка Россія!... Если же у насъ и теперь изобильно животныхъ, почему жъ въ первобытной Россіи не могло быть рогатаго скота? Загляните въ «Исторію Государства Россійскаго», т. I, пр. 477: тамъ вы можете видѣть, что ученая догадка Арцыбышева, была уже давнымъ-давно пред-

(³⁶⁸) Чехамъ, которые по свидѣтельству Вацерада, чтли Велеса; Сербамъ, у которыхъ въ Босніи есть гора Велесова; Болгарамъ, построившимъ въ Греціи городъ Велесъ; у насъ также произносилась это имя двоякимъ образомъ, *Волось* и *Велесъ*, какъ видно изъ Слова о Полку Игоревѣ «Бояне, Велесовъ внуче».

(³⁶⁹) Жур. Мин. Нар. Просв. (1845), т. XL, стр. 50 и 30.

(³⁷⁰) Тамъ же, стр. 26, прим.

(³⁷¹) Тамъ же, стр. 52.

(³⁷²) Тамъ же, прим.—

ложена и давнымъ-давно опровергнута. Арцыбышевъ только возобновилъ догадку Болтина, которому очень справедливо отвѣтствовалъ Карамзинъ: «когда Латинское слово *rescopia* (деньги, имѣніе, богатство) происходитъ отъ *rescus* (скоть), то и древнее Русское имя *скотница*, въ смыслѣ казны, не можетъ ли имѣть такого же произхожденія? Домашній скоть былъ первымъ богатствомъ людей»... Притомъ же, милостивый государь, увѣряя, будто бы скоть не скоть а Шведскія деньги, какъ вы поймете выраженія, подобныя слѣдующему: «изомре все: и кони и *скоти* и овцы» (373).

Увѣренный, что этими *учеными* доказательствами порѣшилъ дѣло, г-нъ Сабининъ оставляетъ въ покоѣ умъ читателя и хочетъ дѣйствовать на сердце, какъ повелѣваетъ Риторика; восклицаетъ: «*признаемъ* Руссовъ, разумѣется кому угодно, выходцами изъ Скандинавіи» (374); а такъ какъ читатели ему отвѣчаютъ: «рады бы радостью, да Историческая Логика не позволяетъ,» то ученый защитникъ Скандивоманіи начинаетъ стращать ихъ тѣмъ, что отцать предковъ въ рабство или по крайней мѣрѣ поставить въ подчиненность Скандинавамъ, и велить называться *Славянами* отъ Скандинавскаго *slav, Slaf*, мн. *Slaverne*, что значитъ *слабые, подчиненные, подручники* (375)... Но, видя, что угроза не оказываетъ ожидаемаго дѣйствія, смягчается и хочетъ испытать кроткія средства, изобрѣтя немедленно другую гипотезу. Позволивъ Славянамъ называться отъ *славы*, онъ останавливается, говоря, что это имя «слишкомъ учено»; однакожь, слѣдуя врожденной снисходительности своего сердца, приказываетъ Скандинавамъ *перевести* это *слишкомъ ученое* имя: «*Рось* или *Русь* не есть ли только переводъ имени *слава* на Скандинавскіе діалекты, ибо *Ros* значитъ въ нихъ *слава*? Славяне и Русь не значать ли въ такомъ случаѣ одно и то же? И не передано ль имя *Рось* или *Русь* Скандинавами при ихъ *торговыхъ* сношеніяхъ съ Востокомъ, жителямъ Востока» (376)? Такимъ образомъ Скандинавскіе хищники, — которые, по словамъ О. И. Сенковского, «не знали другой торговли кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышленности, кромѣ непрерывной войны въ сей жизни и въ

(373) Ист. Гос. Рос. IV, прим. 175.

(374) Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), т. XVI, Науки, стр. 84.

(375) тамъ же, стр. 77.

(376) тамъ же, стр. 79.

будущей,»—вдругъ измѣнились, по словамъ г-на Сабинина, выучились восточнымъ языкамъ и пустились торговать съ востокомъ; послѣ того, какъ люди ученые, перевели имя «Славяне» словомъ Ros, и стали называть насъ передъ жителями Востока именемъ Ros; мы подслушали этотъ переводъ и усвоили его себѣ, вмѣсто собственнаго имени... Не правда, ли какую честь автору приносить эта филологическая работца, и какъ она сообразна съ Историческою Логикою!

Блистательный примѣръ такой *ученой и удачной* операціи надъ Русскими словами побудилъ выйти на поприще славы и того знаменитаго ученаго, который прославился не столько собственными произведеніями, сколько умѣньемъ—хранить «надменное безмолвіе,» почему и слылъ знатокомъ Русскихъ древностей. Принявъ твердое намѣреніе идти по слѣдамъ г-на Сабинина, почтенный изыскатель придумалъ новую гипотезу о происхожденіи имени *Русь*: по его мнѣнію, Греки *могли* называть Шведовъ *ἑθνος πυρροῦ* (племя свѣтло-желтое) по цвѣту волосъ; имя *свѣтложелтый* въ мужескомъ родѣ *πυρρος* (pyrsos) или *πυρρὸς* (pyrrhos); Шведы привыкли къ этому прозвищу въ Царьградѣ; но, *можетъ быть*, имъ *всѣмъ* слышалось *только одно окончаніе* этого слова *ρος* (rhos), и вотъ всѣ они стали себя называть *кончикомъ* Греческаго словечка; на возвратномъ же пути изъ Греціи въ свое отечество чрезъ наши земли, эти Свейскіе витязи *можетъ быть* не только захотѣли, по какой-то неизвѣстной причинѣ, забыть свое настоящее имя (Свен), но сами себя называли и всѣхъ просили называть ихъ уже не Свееми, но кончикомъ Греческаго слова; Славяне согласились, и такимъ образомъ произошло наше имя Русь (³⁷⁷): доказательно, ясно, остроумно, а пуще всего—учено! Какъ же не согласиться послѣ того съ біографомъ этого ученаго, что выдумка одной этой гипотезы «показываетъ твердое, безстрастное сужденіе, силу мышленія основательнаго и глубокаго, и проницательность, которыми одаренъ былъ». Сочинивъ такую славную гипотезу, онъ уже имѣлъ право погрузиться опять на нѣсколько лѣтъ въ надменное молчаніе и опочить на заслуженныхъ лаврахъ съ титуломъ *знаменитаго историка*, который хотя и не написалъ никакой исторіи, но которому всѣ должны удивляться.

(³⁷⁷) Bulletin Scientifique, t. IV, N 9 et 10, p. 141—142.

Но, между тѣмъ какъ всѣ удивлялись такимъ остроумнымъ походамъ нашихъ ученыхъ въ область Скандинавманіи, возсталъ на защиту ея извѣстный Московскій профессоръ, М. П. Погодинъ и смѣлою рукою произвелъ —

V. *Фантастическо-ученое построение древней Русской Исторіи, наперекоръ Несторовой лѣтописи.* Нѣкогда, въ «Московскомъ Вѣстникѣ», г-нъ Погодинъ писалъ объ Исторіи Государства Россійскаго: «Карамзинъ великъ какъ художникъ-живописецъ, хотя его картины часто похожи на картины того славнаго Итальянца, который *героевъ встѣхъ временъ* одѣвалъ въ платье *своего времени*; хотя въ его Олегахъ и Святославахъ мы видимъ часто Ахиллесовъ и Агамемноновъ Расиновскихъ. Какъ критикъ, Карамзинъ только что могъ воспользоваться тѣмъ, что до него было сдѣлано, особенно въ древнѣйшей Исторіи» (578): вотъ ужъ, право, излишняя снисходительность! Слѣдовало сказать: Карамзинъ не умѣлъ воспользоваться открытіями Байера, что Новгородцы суть Кабардинцы, а Бужане—Татарскіе Буджаки, или что Витичевъ на Днѣпрѣ есть Витебскъ (на Двинѣ); не умѣлъ воспользоваться и тѣмъ, что сдѣлано для древнѣйшей Исторіи Миллеромъ, особенно касательно превращенія Царя Дадона въ скандинавскаго бога Одина, а Бовы королевича въ Бауса Оденовича; не умѣлъ воспользоваться и открытіями Струбе, что Перунъ славянскій именно есть скандинавскій Торъ; не умѣлъ воспользоваться и гипотезою Шлѣцера, что у насъ на югѣ былъ особый Азіятскій народъ, Rhos, неизвѣстная орда варваровъ, которые показались на западѣ и исчезли; шли съ востока, но неизвѣстно откуда; названы Россами, но неизвѣстно почему; прогнаны опять въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но случаемъ, только неизвѣстно куда; не умѣлъ воспользоваться геніальною мыслью Рейнскаго патриотизма о внутреннемъ бытѣ Славянъ и значеніи Русскаго Славянскаго племени, забытаго до IX вѣка Отцемъ человечества; не умѣлъ воспользоваться удивительно-высокою мыслию объ основаніи Русскаго Царства шайкою дерзкихъ разбойниковъ, жестокихъ Шведскихъ грабителей, призванныхъ по неосторожности грубыми Славянами въ ландманы; не умѣлъ воспользоваться превосходными соображеніями о томъ, какъ Елена перешла въ католичество потому, что въ Царьградѣ

(578) Московскій Вѣстникъ, ч. XII, стр. 188—189.

всѣ знакомые померли; наконецъ, слѣдовало сказать: Карамзинъ не только не *умѣлъ* воспользоваться ни одною изъ этихъ *ученыхъ* идей, но даже осмѣлился замѣтить, что Байеръ уважалъ сходство именъ недостойное замѣчаніе, и худо зналъ географію; что Миллеръ повторялъ Датскія сказки, и что у Шлёцера народы падаютъ съ неба и скрываются въ землю какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія⁽³⁷⁹⁾. . . . Въ самомъ дѣлѣ, какой же ограниченный человѣкъ былъ Карамзинъ, не постигавшій величія Байера, Миллера и Шлёцера! . . . Но послушаемъ Михаила Петровича: «Какъ философъ, онъ имѣетъ еще меньше достоинствъ, и ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтятъ ни изъ его Исторіи. Апофегмы Карамзина въ Исторіи суть большею частію общія мѣста. Взглядъ его на *Исторію*, какъ науку, невѣрный, и это ясно видно изъ Предисловія»⁽³⁸⁰⁾. Въ чемъ состоитъ невѣрность взгляда Карамзина, несправедливость общихъ мѣстъ его Исторіи, и какіе философскіе вопросы занимали умъ почтеннаго профессора — любители Исторіи не узнали, потому что и донынѣ еще не увидѣла свѣтъ Божій—обѣщанная профессоромъ (1829) книга «Карамзинъ, собраніе статей, относящихся до Исторіи»⁽³⁸¹⁾. вмѣсто ее, Михайль Петровичъ началъ упражняться въ стихахъ и прозѣ: отъ профессора Исторіи, такъ строго осудившаго славное твореніе исторіографа, всѣ Русскіе ждали *доказательствъ*; но вмѣсто разбора Карамзина—въ 1830 году явилась «*Марса, Посадница Новгородская*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ». Почтенный профессоръ хотѣлъ испытать свои силы въ *историческомъ* родѣ, а именно: когда безсмертная Екатерина ввела при Дворѣ Русскій языкъ, то за каждое иностранное слово, употребленное въ разговорѣ, опредѣлялось въ видѣ наказанія — выучить 100 стиховъ изъ Тилемахиды; въ наше время, при славномъ Внукѣ Екатерины Великой, Русская народность опять воскресаетъ; но если бы, для введенія въ общество Русскаго языка, введено было подобное же наказаніе, то гдѣ современная

⁽³⁷⁹⁾ Сравните у меня выше, стр. LXXXVI—CVI.

⁽³⁸⁰⁾ Моск. Вѣстн. XII, 188—189.

⁽³⁸¹⁾ Въ этой книгѣ М. П. Погодинъ обѣщалъ помѣстить слѣдующія статьи: о системѣ сказокъ, которыми обезображенъ первый періодъ Россійской Исторіи; взглядъ на первый періодъ Росс. Исторіи; разборъ первой главы въ Ист. Гос. Россійскаго; за Святополка, и проч.—Объявленіе помѣщено въ Моск. Вѣст. 1829, ч. 3, стр. 203.

Тилемахида? Почтенный профессор Исторіи чувствовалъ этотъ важный недостатокъ и — удачно восполнилъ его знаменитою «Мареою Посадницею», написанною такими стихами, какіе уже не показывались со временъ Тилемахиды Василья Кирилловича. — Въ 1832 году, вышли «*Повѣсти Михаила Погодина*» (въ 3 частяхъ) написанныя почтеннымъ авторомъ въ *дидактическомъ* родѣ: ловкій и остроумный профессор Исторіи хотѣлъ представить *очевидное* доказательство, что у кого нѣтъ ни слога, ни воображенія, ни глубины мысли, тому не должно писать *повѣсти*. Убѣдивъ себя и читателей въ этой великой истинѣ, онъ рѣшился опять испытать свои силы стихахъ à-la-Trédiakowsky, и съ этою цѣлю написалъ драму *Петръ Великій*, которая донынѣ остается ненапечатанною, хотя отрывки и явились было къ Русскимъ читателямъ: почтенный профессор Исторіи убѣдился наконецъ на опытѣ, что пародія на стихи и на шекспировское созданіе изъ жизни безсмертнаго Императора была бы только оскорбленіемъ памяти Великаго человѣка, и потому, какъ Русскій патріотъ, обрекъ свою драму на вѣчное забвеніе. Въ благодарность за это, Русскіе почитатели г. Погодина уже терпѣливо стали ждать появленія давно обѣщаннаго историческаго творенія. Въ 1835 году, они съ радостью прочли объявленіе, что вышла «*Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ*», сочиненіе М. Погодина; но почтенный профессор Исторіи на этотъ разъ вздумалъ пошутить: подъ именемъ «Исторіи въ лицахъ» онъ поподчивалъ своихъ читателей опять драмой, только въ прозѣ. Это сочиненіе, кажется, написано авторомъ съ благою цѣлю — рѣшительно и окончательно убѣдить всѣхъ своихъ друзей и почитателей въ совершенной неспособности писать драму, даже въ прозѣ. Успѣшно достигнувъ этой цѣли, почтенный авторъ принялся *отдѣлывать* Исторію, какъ философъ.

Пока издавался «Московскій Вѣстникъ», М. П. Погодинъ умѣлъ пріобрѣсть себѣ хорошую извѣстность, какъ знатокъ Русской и Всеобщей Исторіи, нѣсколькими умными и дѣльными критическими замѣтками на разныя историческія сочиненія; участіе, которое принималъ въ изданіи журнала Юрій Ивановичъ Венелинъ, оказалось въ самыхъ благотворныхъ слѣдствіяхъ относительно развитія мыслительности у Михайла Петровича. Но, по мѣрѣ ослабленія этаго вліянія, Скандинавоманія пріобрѣтала большую и большую силу надъ почтеннымъ авто-

ромъ «Марѣи» и «Исторіи въ лицахъ», наконецъ возобладала имъ совершенно, и чѣмъ далѣе шель онъ, тѣмъ глубже погружался въ тинистое болото дикихъ мыслей и странныхъ выраженій. Въ 1835 году онъ писалъ уже: «Исторія усматриваетъ Славянъ въ Европейской Россіи въ половинѣ IX вѣка» (382);—«сіи племена стояли на низкой степени общественнаго образованія, но жили уже въ постоянныхъ жилищахъ и воздѣлывали землю» (383); «они смирны — это ихъ отличительное свойство» (384); «Новгородцы въ 862-мъ году призываютъ предводителя одного Варяжскаго племени, Рюрика, княжити и владѣти ими: вотъ начало Русской Исторіи» (385). Въ этихъ фразахъ видѣнъ ученикъ Шлёцера, старающійся благообразіемъ смягчить жесткія выраженія своего наставника; но далѣе, онъ уже переходитъ за границу естественной, благообразной умѣренности: «потомки Рюрика мечутся во всѣ стороны, плаваютъ по всѣмъ рѣкамъ, переправляются чрезъ всѣ моря, пристають ко всѣмъ берегамъ и берутъ дань съ жителей» (386); и наперекоръ Несторову свидѣтельству, что Рюрикъ обладалъ тѣми всѣми племенами Сѣверной Руси, утверждаетъ, будто бы долго они сами не знаютъ за собою никакой поземельной собственности: одинъ (Рюрикъ) живетъ въ Новгородѣ, другой (Олегъ) идетъ наудачу въ Кіевъ, третій хочетъ остаться въ Дунайскомъ Переяславцѣ» (387); что «Кіевъ, бывъ только кладовою добычи, утвердился мѣстомъ пребыванія предводителей» (388); что «Владиміръ разослалъ сыновей съ дружинами на житіе по разнымъ племенамъ—вотъ удѣльные княжества» (389); что въ удѣльный періодъ «кажется всѣ князья перерѣжутся, какъ вдругъ изъ середины Азіи вырываются Монголы» (390); что «Монголы посадили насъ на оброкъ: князья сдѣлались ихъ прикащиками» (391), что «Калита сдѣлавшись главнымъ управителемъ Ханскимъ,

(382) Моск. Наблюдатель, 1855, ч. I, стр. 89.

(383) Тамъ же.

(384) Тамъ же.

(385) Ст. 90.

(386) Тамъ же.

(387) Тамъ же.

(388) Тамъ же.

(389) Стр. 91.

(390) Стр. 92.

(391) Стр. 93.

разбогатѣлъ и накупилъ себѣ много селъ и городовъ у мелкопомѣстныхъ князей ⁽³⁹²⁾; что послѣ «удачнаго опыта на Куликовомъ полѣ» ⁽³⁹³⁾ и до Іоанна III-го «Москва беретъ все себѣ, *искупаетъ*, наслѣдуетъ, *отплываетъ въ казну*» ⁽³⁹⁴⁾... Вотъ образецъ философіи и критики! вотъ какъ бы долженъ писать Карамзинъ, дабы выйдти оправданнымъ на грозномъ судилищѣ ученаго профессора.

Прошло семь лѣтъ. Скандиновоманія усиливалась; на защиту ея ревностно ополчились историческіе уніаты шлѣцеріанства съ байеріанствомъ; розысканія о Рюрикѣ, о Волосѣ, о Купалѣ, о Бояринѣ, о Греческомъ происхожденіи имени Русь, и проч., крайне понравились Московскому профессору-стихотворцу, и онъ рѣшился вступить въ состязаніе съ Юрьевскимъ профессоромъ, если не относительно противорѣчій самому себѣ (въ этомъ гнѣ Крузе не имѣетъ себѣ соперниковъ), то по крайней мѣрѣ относительно противорѣчій Нестору, равно какъ и *самыхъ ученыхъ* мнѣній, касательно фактовъ уже вполне достовѣрныхъ. Прежде всего онъ объявляетъ какихъ трудовъ и сколько времени стоило—дойти до высокихъ идей, какія онъ расскажетъ читателямъ: «долго, долго, въ *сильное увеличительное стекло* надо смотрѣть на безобразную, разнородную *кучу* земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ *человѣческій хаосъ*, чтобъ наконецъ поймать въ немъ *трепещущую точку*, *punctum saliens*, поймать, *вонзиться* *взорамъ*, и уже не выпускать потомъ ни на минуту изъ виду, съ *напряженнымъ вниманіемъ* подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ чрезъ много, много лѣтъ *точка* эта обозначится, *забьется* *жизнію*, установится на своемъ мѣстѣ, *приметъ* *лице*, *одѣнется* *плотію*, *укрѣпится* *костями* и *начнетъ дѣйствовать*» ⁽³⁹⁵⁾. Чувствуете-ль дыханіе философіи и критики, которыхъ не доставало Карамзину! Почтенный профессоръ *вонзился* *взоромъ* въ *трепещущую точку* Русской Исторіи и покажетъ намъ, какъ эта *точка* *забьется* *жизнію* еще не имѣя тѣла, и сперва *приметъ* *лице*, а потомъ уже *одѣнется* *плотію*, *укрѣпится* *костями* и *начнетъ дѣйствовать*.

⁽³⁹²⁾ Москв. Наблюд. 1835, т. I стр. 94.

⁽³⁹³⁾ Тамъ же, стр. 95.

⁽³⁹⁴⁾ стр. 97.

⁽³⁹⁵⁾ Москвитянинъ, 1842, № I, стр. 200.

Въ 1835 году, онъ увѣрялъ въ «Наблюдателѣ», что призваніе Рюрика есть *«начало Русской Исторіи»*; теперь, подражая почтенному Юрьевскому-профессору, Московскій профессоръ пишетъ: «это происшествіе принадлежитъ *одному Новгороду* и то *ненадолго*» и увѣряетъ, будто бы «оно *оторвалось* отъ послѣдующей Исторіи», будто бы послѣ Рюрика «Новгородцы стали *платить дань* *заморскими* Варягамъ», будто бы «Новгородъ не соединенъ уже былъ съ *текущею рѣкою* Русской Исторіи», будто бы «въ Новгородѣ мы усматриваемъ *только новое гражданское*, то есть Норманское *начало* (!?) при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, блеснуло и угасло, и слѣдовательно, такое отдѣльное происшествіе *никакъ нельзя назвать началомъ* *Русскаго Государства*: это только *временный военный постой* *Нормановъ* въ одномъ городѣ» (396). Послѣ того профессоръ ищетъ «какого *нибудь* *перешейка* *либо моста* между этимъ островомъ и твердою землею» (397); этотъ перешеекъ или мостъ заключается въ томъ, что «*началось* *преемство*, стало за *кѣмъ* слѣдовать, хотя еще въ *пустомъ* *пространствѣ*: вотъ *почему* это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи» (398), и почему должно «воздать честь Новгороду, *старшему* сыну *Россіи*, *рожденному* *впрочеми* *прежде матери*» (399). Какой глубокій философскій взглядъ, достойный Байера, Миллера и Струбе, а изъ новыхъ — Круга, Крузе и Сабинина! Есть ли что *нибудь* подобное у Карамзина?...

Но послѣдуемъ далѣе за трепещущею точкою, перешейкомъ или мостомъ. «Младенецъ Рюриковъ Игорь съ его дружиною есть *единственный результатъ* Норманскаго призванія въ Новгородъ, *единственный ингредиентъ* въ *составленіи* *государства*, тонкая *нить*, которою оно соединяется съ послѣдующими происшествіями; все прочее *прешло, не оставивъ* слѣда» (400), хотя чрезъ 8 страницъ пишетъ, что «духъ Норманскій, духъ движенія стихнулъ только черезъ 120 лѣтъ, уже въ 4-мъ колѣнѣ» (401).

(396) Москвитянинъ, 1842, № 1, стр. 200—201.

(397) Стр. 201.

(398) Тамъ же.

(399) Тамъ же.

(400) Стр. 202.

(401) Стр. 209—210.

Но возвратимся къ младенцу Игорю, или единственному ингредиенту, или же тонкой нить: «такимъ неприлигательнымъ атомамъ, относительно къ формаци, началось государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображений; это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука» (4°2). Будемъ же наслаждаться «безсмысленнымъ корнемъ» разсужденія о произхожденіи Русскаго государства: «Олегъ, удалый Норманнъ, соскучился въ Новгородъ, или принужденъ былъ оставить его; пошелъ съ младенцемъ Игоремъ куда глаза глядятъ» (4°3). Последнее выраженіе очень понравилось почтенному философу историку: онъ сталъ доказывать свою мысль только повтореніемъ прежде-сказаннаго: «случай, прихоть, нужда! Олегъ пошелъ точно куда глаза глядятъ» (4°4)—и, довольный такою философіею, ученый профессоръ начинаетъ опять смотреть въ историческій микроскопъ и вонзается взорами въ трепещущую точку: «оставляя Новгородъ, Олегъ двался странствующимъ рыцаремъ съ своей дружиной, лишился мѣста; въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду заглавленное государство. Минута неизвѣстности! съмѣя предано произволу вѣтровъ» (4°5); а черезъ три же строчки говорить: «успокоимся! Благопромыслительной Десницею» (т. е. Провидѣніемъ, Богомъ) «несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ государству поставлена цѣль. Мнимой прихотью Олега выражается воля Провидѣнія» (4°6). Успокоивъ читателя касательно «произвола вѣтровъ», профессоръ пускается въ философско-математическое размышленіе: «Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? полъ-экватора, треть меридіана» (4°7), забывъ, что изъ полъ-экватора долготы и трети меридіана широты выходитъ площадь, а не линія, въ слѣдствіе чего необъятая площадь древней, еще до-Рюриковской Руси и показалаась ему точкою, ничтожною точкою (4°8). «Олегу

(4°2) Москвитянинъ, 1842, № 1, Стр. 202.

(4°3) Тамъ же.

(4°4) Тамъ же.

(4°5) Стр. 203.

(4°6) Тамъ же.

(4°7) Стр. 204.

(4°8) См. Письма А. В. Алексанрова къ издателю «Малка» (1845, № 2 и 3), отдѣльно напечатанныя; конецъ письма 2-го, стр. 92.

посчастливилось овладеть Кіевомъ; онъ *остановился* здѣсь, и потомъ *рѣшился* (!) кажется, *остаться*, по крайней мѣрѣ съ своей стороны, въ этомъ городѣ, гдѣ такъ хорошо было его товарищамъ Аскольду и Диру; впрочемъ», говорить гнѣ Погодинъ, «гдѣ *нибудь* надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла *перемѣнить* (!) его *наимѣреніе*» (409). Какая бездна философіи!

Сказавъ, что «Олегъ *умертвилъ* Князей Кіевскихъ», а черезъ 9 строчекъ написавъ: «поселеніе Олега въ Кіевѣ было также *мирно*, какъ и Рюриково въ Новгородѣ» (410), почтенный профессоръ восклицаетъ: «Кіевъ съ выраженіемъ Олега: се буди мати градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ, вотъ состояніе *зародыша, форма* государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика» (411). Игорь, по мнѣнію профессора, былъ *лѣнивъ* (412), какъ будто недостатокъ свѣдѣній о какомъ-либо государѣ означаетъ непременно его лѣнь: объ Рюрикѣ Несторъ говоритъ еще менѣе; слѣдственно и Новгородскій «военный постоялецъ» былъ также лѣнивъ (по силлогизму гна Погодина)? Но послушаемъ далѣе: при Игорѣ «*привычка* къ осѣлости и *какому-то* порядку вещей—*укоренялась*. Таково было *пріобрѣтеніе* почти *невещественное*, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя *не развилось*, но нѣсколько *укрѣпилось*, приготовилось для *развитія*; подъ конецъ своей жизни, Игорь захотѣлъ было *притѣснить* сосѣднихъ Древлянъ, и *погибъ* за то отъ руки ихъ. Новая опасность, *по крайнѣй мѣрѣ* опасность Рюрикову роду» (413). Сказавъ, что «Ольга имѣла характеръ мужескій и привела *Древлянскую* землю въ *большую зависимость*» (414), профессоръ переходитъ къ ея сыну: «Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, *взялъ*, и стѣдовательно—*сталъ* братъ, дань съ *новыхъ* племенъ и смирилъ *прежнія*, которыя *бсзпрестанно* пытались откладывать (?!). Но все онъ владѣлъ собственно *однимъ* Кіевомъ. Такъ и думалъ, *если о чемъ нибудь* думалъ. (!?). Еще болѣе: самый Кіевъ онъ считалъ *постоемъ*, и рѣшился оставить его, *перепхать* на другую квартиру, переселиться къ

(409) Москвитянинъ, 1842, № 1, стр. 204.

(410) Тамъ же.

(411) Тамъ же.

(412) Стр. 205.

(413) Стр. 263.

(414) Тамъ же.

другому Славянскому племени и *перенести съмя въ другую почву!*» ⁽⁴¹⁵⁾ И все это потому, что, удалясь на Дунай, Святославъ *оставилъ на Руси* умную мать свою, бывшую правительницу и троихъ дѣтей! Какое же *съмя* переносилъ Святославъ въ Болгарію? . . . Но выслушаемъ это философствованіе о сѣмени: «оно *такъ слабо* привязано было нѣ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда *оторвать* его. Зародышъ выкинуть! Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлаться Русью, *Нормандіей* (!?). Наша почва оставалась для *другаго* сѣмени, и всего прежняго *какъ будто не бывало!* Ясное ли доказательство, что *понятіе объ оспѣлости*, наследственности, поземельной собственности было *никтожно!* и одной *черты* въ Норманскомъ характерѣ достаточно было, *чтобъ* уничтожить, *изгладить* слабые плоды *ста лѣтъ*. Святославъ пошелъ, и сѣмя опять предано произволу вѣтровъ» ⁽⁴¹⁶⁾. Какой дивный микроскопъ историческихъ ссображеній! . . .

Могутъ спросить: а что же значать слова Несторовой лѣтописи, что Святославъ передъ вторымъ Болгарскимъ походомъ *посади* Ярополка на княженъе въ Кіевѣ, Олега на княженъе Древлянское, а Новгородцы *придоша* къ Святославу *просяще* Князя себѣ изъ старшихъ сыновей его, а когда Ярополкъ отказался, и Олегъ также, тогда *рѣшиа* *Новгородцы* *Святославу*: *вдай ны* *Володимира* ⁽⁴¹⁷⁾? Что же значить этотъ раздѣлъ Руси между тремя сыновьями, если Святославъ намѣревался перенести сѣмя свое въ другую почву? Да такъ, просто, ничего: «Святославъ *не* раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія; но другаго сына (Олега) послалъ въ *дикое поле*, а третьяго сына, Владиміра, *вытребовали* себѣ сами Новгородцы, почти *противъ воли Святослава*» ⁽⁴¹⁸⁾. Объяснивъ такимъ образомъ раздѣлъ Руси между правнуками Рюрика и отправивъ самого Святослава на *новую квартиру*, почтенный профессоръ опять пускается въ размышленія о томъ, *гдѣмъ* владѣлъ Святославъ. Для этого стоило только развернуть Несторову лѣтопись, въ которой сказано очень ясно, что въ малолѣтство Святослава Ольга, смиливъ Древлянъ, ходила «по *Деревстѣй* землѣ

⁽⁴¹⁵⁾ Москвитянинъ, 1842, 1, № Стр. 206.

⁽⁴¹⁶⁾ Тамъ же.

⁽⁴¹⁷⁾ Лаврентьевскій списокъ стр. 39.

⁽⁴¹⁸⁾ Москв. 1842, № 1, стр. 207.

съ сыномъ и съ дружиною, уставляюще уставы и уроки», потомъ ходила къ *Новугороду* и уставы по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани», ходила на родину и вообще, по свидѣтельству Нестора, оставила по себѣ слѣды по всей земли Русской: въ *Плесковѣ* (Псковѣ), и по *Днѣпру* и по *Деснѣ*» (⁴¹⁹): и такъ, вотъ чѣмъ владѣлъ Святославъ еще въ малолѣтствѣ. Возмужавъ, иде на *Оку* и на *Волгу*, спустился оттуда въ *Донскую землю* и «одоле Козаромъ», потомъ двинулся на *погорье Кавказское*: «Ясы побѣди и Касогы» то есть Ясовъ или Осетинцевъ по-Донскихъ (обитавшихъ тамъ до нашествія Монголовъ), а на *Кубани* Абазанцевъ Алты-Казоковъ, и основалъ такимъ образомъ Русское Тматораканское княжество на мѣстѣ древняго царства Воспорскаго (Босфорскаго),—почему Левъ Калойскій и называетъ Воспоръ Киммерійскій областію Святослава (⁴²⁰). Слѣдственно, Святославъ владѣлъ, по свидѣтельству Нестора и Византійцевъ: почти всею Европейскою Россіею и частію нашихъ Кавказскихъ земель. Но авторъ «Марѣы Посадницы», «Исторіи въ лицахъ» и «Повѣстей», — думая, конечно, что пишетъ новую *повѣсть*, только историческую,—воскликаетъ: «Святославъ владѣлъ *однимъ Кіевомъ*, гдѣ жилъ, гдѣ жилъ и отецъ его; Святославъ не владѣлъ Древланами, которые платили ему только дань; тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ

(⁴¹⁹) Лаврент. списокъ, стр. 34.

(⁴²⁰) Тамъ же стр. 35;—Левъ Калойскій, стр. 63, 65;—Оборона лѣтописи, с. 45 и прим. 106.—Несторовы *Касоги*, *Касаги* Багрянороднаго, не Черкесы, какъ обыкновенно думали, но Алты-Казоки, или шестиродные Абазинцы; они составляютъ часть того народа, который самъ себя называетъ *Апсашвы*, занимаетъ берега Чернаго моря въ сосѣдствѣ Мингреліи и Черкесовъ Абезиховъ (Абазихейцевъ), и у Византійцевъ съ Арабами извѣстенъ подъ именемъ *Апхасовъ*, *Абхазовъ*, *Абказовъ* и *Кошаковъ* а у нашихъ лѣтописцевъ подъ именемъ *Обезовъ* и *Касоговъ*.—Козарская столица *Бѣлая вѣжа*, по мнѣнію П. Г. Буткова, есть Баладжаръ или Итиль; а *Саркелъ* стоялъ при слияніи Дона съ Дономъ, у нынѣшней Раздорской станицы; названіе его объясняется Осетинскими словами *саръ* (глава) и *калаки* (городъ); имя же *Тматораканскаго* княжества произошло отъ искаженнаго Русскими названія Таманскаго города *Таматарха* или *Толи-тархани*, который мы передѣляли на свой ладъ въ *Тматораканъ*. — Сравните еще замѣтки П. Г. Буткова (въ Ноябрьской книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ, 1844, стр. 252—253) о мѣрѣ поперечника Босфорскаго пролива на Тматораканскомъ камнѣ.—Желательно, чтобы почтенный авторъ «Обороны» подробно развилъ, въ отдѣльной статьѣ, свои заключенія о мѣстоположеніи и предѣлахъ Тматораканскаго княжества.

дальнихъ племенахъ и всего стѣнѣ и тогнѣ о *Новгородиахъ*. Но если бѣ даже и владѣль, все только *Кіевоми* и ближнею *Волынью!*» (4²¹) Не правда ли, какой смѣлый оборотъ мысли: если бѣ даже и владѣль, то не владѣль! А дальше еще лучше: «Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его могли слѣдовать за нимъ туда же — по его смерти, въ помощь (?!), для участія въ его походахъ и предпріятіяхъ» (на томъ свѣтъ?.. Видно по всему, что правнучи Норманскаго царя-мертвеца, скончавшагося подѣ стѣнами Парижа 845 года и пришедшаго, также по смерти, княжить въ Новгородъ, 862 года...) «а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Нормановъ богатый Константинополь и Малая Азія! и между Славянскими племенами возникли бѣ опять прежнія отношенія и надлежало бѣ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ государей для *готовыхъ элементовъ* государства! какъ все *зыбко!*» (4²²)—Вотъ ужъ подлинно образецъ *зыбкой* философіи! Куда Карамзину до автора новой «Марѣи» и «Исторіи въ лицахъ»!

Но философъ-историкъ продолжаетъ размышлять о трепещущей точкѣ Русской Исторіи: «*служился же въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимисхій; онъ принудилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову съ остальными своими мужами...* Сѣмя *переслано* опять къ намъ, или лучше, *укрѣпилось*, глубже *опустилось* въ нашей землѣ» (4²³). Странное дѣло: если сѣмя заключалось въ лицѣ Святослава; то мгновеніе, когда онъ сложилъ свою буйную голову, было эпохою гибели сѣмени: слѣдственно, оно не переслано къ намъ, и потому не укрѣпилось, не опустилось поглубже въ нашей землѣ. Если же сѣмя заключалось въ дѣтяхъ Святослава, то не должно забывать, что они и не удалялись изъ своихъ удѣловъ при жизни Святослава!

Почтенный сочинитель «повѣстей» пишетъ, что «дани между братьями *едва ли* были раздѣлены» и думаетъ, что «*вѣроятно*, сначала каждому предоставлялось ходить въ свою сторону, какъ далеко *сможетъ*» (4²⁴); объясняетъ меж-

(4²¹) Москвитянинъ, 1842. № 1, стр. 207.

(4²²) тамъ же.

(4²³) тамъ же стр. 208.

(4²⁴) тамъ же.

доусобія Святославичей тѣмъ, что «Ярополкъ, какъ прежде Рюрикъ (?!), схватился такъ сказать за оставшіяся концы»⁽⁴²⁵⁾, а торжество Владиміра тѣмъ что «время имѣеть свою силу, особую отъ происшествій (?) и лицъ»⁽⁴²⁶⁾, почему Владиміръ и «сдѣлался первый Княземъ-Государемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя еще слабо, то есть только Владѣтелемъ»⁽⁴²⁷⁾. Слабость видна изъ слѣдующихъ же за тѣмъ словъ сочинителя: «ему не была уже нужна помощь чуждая, и онъ спровадилъ отъ себя главную ватагу: такъ былъ онъ силенъ своими собственными домашними силами»⁽⁴²⁸⁾. На слѣдующей страницѣ, г. Погодинъ пишетъ: «первый Христіанскій князь (Владиміръ) былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-Владѣтелемъ чуть ли и не Правителемъ»⁽⁴²⁹⁾; указываетъ «слѣды письменнаго законодательства, вѣроятно по примѣру Церкви, сперва разумѣется (?!) по Норманскимъ обычаямъ (?!) для дружины, а потомъ и для народа»⁽⁴³⁰⁾; говоритъ, что Владиміръ «разослалъ все сыновей по племенамъ»⁽⁴³¹⁾; что «каждый сынъ жилъ въ своемъ городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ»⁽⁴³²⁾; что сыновья и отецъ должны были считать города уже своею собственностію и даже какъ средствами для прокормленія»⁽⁴³³⁾; что «Ярославу принадлежали: Кіевъ, Волынь, Подолія, Галиція, Литва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверская страна»⁽⁴³⁴⁾, и что «границами его владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга, Заволочье»⁽⁴³⁵⁾. Почтенный профессоръ пишетъ: «всѣ сіи страны принадлежали тогнѣ, ибо города мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ отчины; и на оборотъ, при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны, потому что всѣ дѣйствія ихъ извѣстны намъ по лѣтописямъ»

⁽⁴²⁵⁾ Москвитянинъ, 1842, № I, стр. 209.

⁽⁴²⁶⁾ тамъ же.

⁽⁴²⁷⁾ тамъ же.

⁽⁴²⁸⁾ тамъ же.

⁽⁴²⁹⁾ стр. 210.

⁽⁴³⁰⁾ тамъ же.

⁽⁴³¹⁾ тамъ же.

⁽⁴³²⁾ стр. 211

⁽⁴³³⁾ тамъ же.

⁽⁴³⁴⁾ тамъ же.

⁽⁴³⁵⁾ стр. 212.

(⁴³⁶). Исключите же отсюда немногія пріобрѣтенія самого Ярослава — остальное будетъ *отчина* Владиміра Святославича, который въ самомъ дѣлѣ видно былъ *очень слабъ*, получивъ отъ *отца*, Святослава, столько земель! который спокойно разсылалъ дѣтей своихъ ко *всѣмъ племенамъ Русскимъ*, считая ихъ своею собственностію! который оставилъ даже слѣды *письменнаго законодательства*! Слабъ, очень слабъ! Люди, не постигающіе красотъ Скандинавоманіи, называютъ подобныя вѣщанія исторической философіи *противорѣчіемъ самому себѣ*; но за то, кто уже окунулся въ Скандинавоманію, тотъ не въ состояніи оторваться отъ подобныхъ афоризмовъ, отъ которыхъ такъ и вѣетъ духомъ «Марѣи Посадницы» и «Повѣстей»... И такъ понюхаемъ этого духа еще: «Владиміръ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ, — такъ сказать *водворился, установился*; а духъ Норманскій, *духъ движенія*, черезъ 120 лѣтъ, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси, стихнулъ и самъ по себѣ» (⁴³⁷)! Послѣ того разсуждаетъ, какъ «супруга Владиміра, Анна, съ коею вступивъ въ супружество онъ принялъ Христіанскую вѣру» (то есть, наоборотъ, сперва принялъ Христіанскую вѣру, а потомъ вступилъ въ супружество: за язычника Анну не выдавали) «содѣйствовала мысли о *постоянномъ мѣсто-пробываніи*, сохраненіи владѣнія и оставленіи въ наследство дѣтямъ» (⁴³⁸). Въ заключеніе представлень удивительный образецъ *высокаго*, примѣръ философскаго краснорѣчія (а не общихъ мѣстъ карамзинскихъ): «такъ удалые Норманны, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ *раскинули планъ* будущаго государства, *наполнили* его предѣлы, *напѣзали* ему земли безъ циркуля, безъ астролябіи, съ плеча, *куда хватила размашистая рука*... словомъ, это было государство въ *нѣкоторомъ смыслѣ*, цѣлое, хотя и *сметанное на живую нитку*» (⁴³⁹).

(⁴³⁶) Москвитянинъ, 1842, № I, тамъ же.

(⁴³⁷) стр. 209—210.

(⁴³⁸) стр. 210.

(⁴³⁹) стр. 212. — Впрочемъ, утверждая, что М. П. Погодинъ не можетъ имѣть диктаторскаго голоса въ области древней Русской Исторіи, я не уничтожаю другихъ его заслугъ, какъ *переводчика* Эверсовыхъ Исслѣдованій и Добровскаго Славянской Грамматики, какъ *издателя* двухъ очень хорошихъ журналовъ: «Московского Вѣстника» и «Москвитянина», а болѣе всего, какъ издателя разысканій Венелина о Болгарахъ. Но, — не представивъ никакихъ замѣчательныхъ *своихъ* трудовъ относительно собственно-

Вотъ до чего довели Русскихъ писателей *Скандинавскія Саги*, или, по выраженію умнаго Шлёцера, «бредни Исландскихъ старухъ», наполненныя «нестерпимыми глупостями и съумасбродствомъ», не видными только для людей, обдѣленныхъ отъ природы здравымъ смысломъ!... Какъ ни спорьте, какъ ни горячитесь, а наконецъ придется повторить за Шлёцеромъ: «надобно отказаться отъ бредней (сагъ) и отъ словопроизводства слишкомъ презрительнаго для нашихъ ясныхъ историческихъ дней! надобно отказаться отъ бреда и ученой и неученой фантазіи!» (⁴⁴⁰) потому что истина всегда останется истиною, а бредъ бредомъ.

Умныя рѣчи человѣка здравомыслящаго всегда понятны только людямъ умнымъ; для людей не такъ умныхъ, онѣ понятны только въ половину; прочіе, обдѣланные здравымъ смысломъ, почти ничего изъ нихъ не понимаютъ, а если иногда неумышленно повторяютъ одно умное слово, то вслѣдъ же за тѣмъ и заплатятъ жидовскіе проценты «плодовитѣйшей матери». Такимъ образомъ олицетворяется на дѣлѣ Русская сказка о трехъ сыновьяхъ одного отца: «старшій — умный былъ дѣтина, средній — былъ и такъ и сякъ, младшій — вовсе былъ дуракъ». Къ несчастію, ученые системы иногда собою оправдываютъ разумное оказаніе Русскаго умнаго народа.

Изъ всѣхъ учениковъ Байера наиболѣе замѣчательный умомъ и ученостію были, конечно, Шлёцеръ и Карамзинъ. Они составляютъ первое, *старшее* поколѣніе, порожденное системою Байера, хотя оба — какъ люди здравомыслящіе — отступили во многомъ (особенно Карамзинъ) отъ мнѣній своего наставника. Славный исторіографъ справедливо далъ періоду Варяжскому (отъ Рюрика до Ярослава) *характеръ чисто-Славянской*; Шлёцеръ же явился ревностнымъ защитникомъ *истины исторической* и гонителемъ сагъ или сказокъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видна проницательность и добросо-

Русской Исторіи, кромѣ небольшой книжки о Несторѣ, которая хотя имѣетъ свои достоинства, однакожъ много уступаетъ «Оборонѣ», — М. П. Погодинъ много трудился для Всеобщей Исторіи: напечаталъ хорошо составленныя «Лекціи по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ Древняго міра» (въ 2 книжкахъ) и могъ бы издать, съ честію для себя, I періодъ Новой Исторіи Европы (отъ открытія Америки до конца Тридцатилѣтней войны), которымъ успѣшно занимался, читавъ его долгое время въ Московскомъ университетѣ.

(⁴⁴⁰) Шлёцеровъ Несторъ, ч. I, третье прибавленіе, стр. 426—429.

вѣстность, хотя какъ ученый, и онъ платилъ дань слабости человѣческой, какъ скоро приходилось говорить о Ломоносовѣ, или разсуждать о Русскихъ Славянахъ до половины IX вѣка: въ первомъ случаѣ онъ мстилъ за «скотину» всѣми дозволенными и недозволенными средствами; во второмъ онъ считалъ обязанностью, какъ обитатель при-Рейнской Германіи, выставлать своихъ родичей первымъ народомъ въ цѣломъ мірѣ, хотя бы и съ нарушеніемъ истины при явномъ противорѣчій Нестору. Но тамъ, гдѣ Шлёцеру не приходилось касаться этихъ коньковъ своего *личнаго и народнаго* самолюбія, онъ обнаружилъ себя человекомъ весьма здравомыслящимъ: какъ умно судить онъ о событіяхъ съ половины IX столѣтія! «Въ IX вѣкѣ по нашему лѣтосчисленію, на сѣверѣ возникаютъ вдругъ, и вскорѣ одна за другою, совершенно *поразливыми* причинами, четыре *настоящія* правильныя державы: Польша при Пястѣ около 860 года, *Россія* при Рюрикѣ послѣ 860 года, Данія при Гормѣ Старомъ около 860 года, Норвегія при Гаральдѣ Пригожеволосомъ, 875 года. *Великія, важныя* произшествія для *всего* нашего Европейскаго міра!» (441) Назначая предѣломъ перваго періода кончину Ярослава, то есть половину XI вѣка, Шлёцеръ пишетъ: «Въ первомъ періодѣ Русской Исторіи являются *четыре* человека, имѣвшіе на участь Русскаго народа *важнѣйшее и благотворительнѣйшее* вліяніе: Рюрикъ, Олегъ, Ольга и Владиміръ» (442), и начиная писать «исторію сихъ четырехъ славныхъ людей», называетъ ихъ *Великими*, а Ольгу «уваженія достойною» (443) и жалуется, что у всѣхъ писателей «*великіе* ихъ завалено множествомъ мелочей, постороннихъ вставокъ, неосновательныхъ разсужденій, явныхъ натяжекъ, даже глупыхъ народныхъ сказокъ» (444) . . . Все это умно и основательно: то ли пишутъ и такъ ли пишутъ наши господа ученые разсуждатели о Варяжскомъ періодѣ, называющіе Шлецера своимъ учителемъ?

Но Шлёцеръ былъ *первый* истинно-ученый *историческій критикъ* нашихъ лѣтописей, какъ Ломоносовъ *первый* нашъ ученый *историкъ*, хотя оба имѣли предшественниковъ: Шлёцеръ—Байера, Ломоносовъ—Татищева. Выступивъ первый на поприще ученой исторической крити-

(441) Шлёцеровъ Несторъ, ч. III, стр. 252 и 253.

(442) Тамъ же, ч. II, стр. 143.

(443) Тамъ же, Ч. II, стр. 146 и ч. III, стр. 349.

(444) Тамъ же, Ч. II, стр. 137—138.

ки, Шлёцеръ оказалъ намъ очень много услугъ, тамъ, гдѣ не увлекался желаніямъ только противорѣчить Ломоносову и унижать древнихъ Славянъ до признанія по неосторожности Шведскихъ морскихъ разбойниковъ иъ жестокихъ грабителей, въ ландманы или старшины, дабы съ ихъ помощью сдѣлаться нѣсколько похожими на людей... Но и кромѣ ошибокъ, неизбѣжныхъ при Нѣмецко-Рейнскомъ патріотизмѣ, у Шлёцера, какъ *перваго*, разумѣется должно было вкрасться много неосновательнаго. Онъ самъ въ томъ признавался: «иное можетъ быть я объяснилъ *не такъ*,—что очень легко станется,—и я не стыжусь признаться въ этомъ: всякій, *кто кладетъ* въ какомъ бы то ни было дѣлѣ *первое начало*, или (по-просту) пролагаетъ путь, имѣетъ неоспоримое право ошибаться, то есть: ни одинъ здравомыслящій чловѣкъ *не поставитъ* ему этого въ большую вину, но *поблагодаритъ* за то, что онъ выдастъ *настояще-полезнаго*». Какъ истинно ученый, которому дорога истина, Шлёцеръ самъ вызывалъ критику: «одно содержаніе сея книги показываетъ уже, сколь много на семъ пути открылось *новыхъ* видовъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ... но я не забываю, что *новое* не всегда бываетъ *справедливымъ*. Пусть критика исполняетъ и надо мнѣ почтенную свою должность; я облегчилъ ее въ этомъ. Ни одного положенія не дѣлаю я безъ доказательства; я привожу слова часто, однако точно; показанія мои вѣрны и надежны: но *вѣрны ли* всѣ заключенія, выводимыя мною изъ разныхъ происшествій? можетъ ли *выдержать опытъ* то, что я выдаю только предположительно? пусть читатель смотритъ *самъ*, пусть дѣлать опытъ всякій, кто имѣетъ способность, время и охоту къ испытанію. Въ царствѣ *истины* ни на чье увѣреніе *полагаться* не должно!»⁽⁴⁴⁵⁾ Какъ чловѣкъ, которому не чуждо благородное чувство признательности, Шлёцеръ, даже выѣхавъ изъ Россіи, посвятилъ намъ 40 лѣтъ ученой дѣятельности и представилъ передъ всѣми гигантскій плодъ неутомимаго трудолюбія и критической провѣдательности, по крайней мѣрѣ болѣею частію,— не такъ какъ тѣ корыстолюбцы, которые шага не дѣлаютъ безъ копѣйки, и получивъ отъ Россіи въ-сотеро болѣе, чѣмъ Шлёцеръ, дѣлаютъ въ-сотеро менѣе, оправдывая свою лѣнь тѣмъ, что еще *не намѣрены* прервать свое надменное

⁽⁴⁴⁵⁾ Шлёцеровъ Нест. II, стр. 136—138

безмолвіе, тщательно избѣгая всего, того, что могло бы возбудить досаду, испортить кровь, во время неизбежной ученой полемики. Сознавая свои достоинства и не стыдясь признаться въ ошибкахъ, Шлёцеръ всего себя отдалъ на пропатіе критикъ, напечатавъ исполинскій памятникъ своей учености и своихъ критическихъ способностей, посвященный Нестору и нашей древней Исторіи: «я много долженъ Россіи, такъ много, что и потомкамъ моимъ останется за меня выплачивать—неважное сочиненіе мое да приметъ она благосклонно нѣкоторою уплатою» (446). И мы, Русскіе, помня завѣтъ предковъ «не поминать зла лихомъ», уважая чувство признательности и благодарности къ Россіи, усердіе къ пользѣ Русской Исторіи, неутомимость и безкорыстное трудолюбіе, сами съ равною признательностію вспоминаемъ Шлёцеровы великія заслуги и—уничтоживъ ложное направленіе, сообщенное нашей Исторіи Рейнскимъ патріотизмомъ, уничтоживъ противорѣчуцій Нестору Рейнскій взглядъ на древности Руси—не ставимъ Нѣмецкому профессору въ большую вину его Нѣмецко-Рейнскій патріотизмъ, предаемъ забвенію оскорбительныя для насъ Рейнскія идеи о мнимой дикости нашихъ предковъ, по примѣру отцевъ нашихъ великодушно извиняемъ все чужеземцу, за любовь его къ Россіи, и любовью покрывая заблужденія, говоримъ отъ Русскаго чувства: «прощаемъ и разрѣшаемъ—Богъ тебя проститъ!»

Второе поколѣніе систематиковъ, отчасти современниковъ отчасти преемниковъ Шлёцера, преимущественно стало разрабатывать внѣшніе источники нашей древней Исторіи, болѣе или менѣе успѣшно. Кругъ выступилъ съ объясненіемъ Византійской Хронологіи, и хотя не удовлетворилъ ожиданіямъ Шлёцера, относительно разработанія собственно-Русской Исторіи (447), однакожь, устремивъ

(446) Шлёц. Несг. ч. II, стр. 139—140.

(447) Шлёцеръ указалъ Кругу на Византійскую Хронологію, желая видѣть оправданными или опровергнутыми свои сомнѣнія, относительно этого предмета, и до изданія трудовъ его былъ весьма высокаго мнѣнія о критическихъ способностяхъ и проицательности нашего ученаго. Когда же появились въ свѣтъ разысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ (zur Münzkunde Russlands), Шлёцеръ высказалъ настоящее мнѣніе въ сравненіи Круга съ Щербатовымъ, Стриггеромъ, Елагинымъ и Чеботаревымъ, котораго выборки изъ лѣтописей послужили основою для «Записокъ касательно Россійской Исторіи», Екатерины Великой. Въ этомъ сравненіи Шлёцеръ безпристрастно отдалъ преимущество Елагину

полное вниманіе на Византійцевъ, по отношенію къ нимъ, старался опредѣлить лѣтосчисленіе нѣкоторыхъ событій, принадлежащихъ равно объѣмъ народамъ, Греческому и Русскому; Лербергъ и Шегренъ точнѣе обозначили и объяснили мѣръ Финскій или Чудскій; Френъ открылъ важныя Арабскія извѣстія о древней Руси и сношеніяхъ Руссовъ съ Восточными народами, а тѣмъ возбудилъ къ дѣятельности Эрдмана и Шармуа. Въ то же время благо-разумный Эверсъ замѣтилъ парадоксы Байера и Шлёцера относительно мнимаго скандинавизма Руси, открывъ, что и въ древности на Волгѣ, на Дону и на Днѣпрѣ была Русь; но не зная, что имя Славянъ или Словенъ приписывается намъ только въ книгахъ, впалъ въ прежнюю

и Чеботареву. — Вотъ собственныя слова Шлёцера. Посмѣявшись надъ Щербатовымъ, который «заставляетъ Ольгу смотрѣть въ окошко» какъ Древлянскихъ пословъ несутъ въ лодкѣ, бросаютъ въ яму и убиваютъ, Шлёцеръ переходитъ къ Елагину:

«Елагинъ пишетъ (249): «если не вымышленное сказаніе сіе, то вту-
«не именуютъ писатели княгиню Ольгу *премудрою*; премудрость бо не
«вселяетъ ни въ кого таковыя жестокости, ниже терпитъ страданіе челове-
«ческое, паче мѣръ и самыхъ варварскихъ правовъ превосходящее. Такое
«мщеніе есть мерзость любомудрію, и славу блаженныя Ольги затмѣваетъ;
«потому сомнѣваюсь я въ истинѣ сего сказанія, и лучше почитаю его лож-
«нымъ дѣписателями вѣщаніемъ, и дерзаю приписать его ихъ невѣжеству
«или собственному чувству. Часто бываетъ, что писатель удѣляетъ природ-
«ный свой характеръ лицу, въ повѣствованіи его дѣйствующему, особливо
«когда недостатокъ прямыхъ свѣдѣній хочетъ иногда своимъ наполнить
«умствованіемъ». — *Ничего нѣтъ благоразумнѣе!* Въ «Запискахъ» (69)
сомнѣваются даже и о сватовствѣ по *основательной* причинѣ, что тогда
Ольгѣ было уже 60 лѣтъ отъ роду; а о ямѣ и засыпаніи землею не
говорится ни слова. Но Стриттеръ всю эту *глупую сказку* рассказы-
ваетъ за Исторію! — Представьте, какъ все это *слышно*: 20 взрос-
лыхъ человекъ, усѣвшихъ въ лодкѣ, несутъ люди, — на головахъ, пле-
чахъ или рукахъ, въ этомъ господа толкователи несогласны — на пра-
вый, очень крутой берегъ Днѣпра. — Кругъ въ Критическихъ разыска-
ніяхъ о древнихъ Русскихъ монетахъ (с. 107) *защищаетъ* и Олеговы
суда и «тѣ лодки» (но во всѣхъ спискахъ говорится *только объ одной*)
«въ коихъ принесли къ Ольгѣ Древлянскихъ пословъ». При этомъ за-
мѣчаетъ онъ, что въ 1497-мъ году одинъ Русскій князь употреблялъ пе-
чать, на которой изображены два человека, несущіе на головѣ лодку,
въ которой *кажется* сидятъ люди, а изъ этого и заключаетъ что *сія*
мысль (сказка?) была, по крайней мѣрѣ тогда, *не совсѣмъ странна* (то
есть *уже выдуманна*).»

Это мѣсто Шлёперова «Нестора» (ч. III, стр. 304—306), особенно курьезныя слова, даютъ настоящее понятіе, какъ вѣрно постигалъ и цѣ-
нилъ людей умный и разсудительный Шлёцеръ.

ошибку, отдѣливъ Русь отъ Славянъ; справедливо указали на тожество Козаръ съ Донскими и Днѣпровскими Руссамъ, но раздѣливъ Славяно-Руссовъ на два народа, неизбежно увлеченъ былъ въ дальнѣйшую ошибку и, не зная, что *Запорожскіе и прочіе Малороссійскіе козаки* до XVIII вѣка сами себя называли Козарами ⁽⁴⁴⁸⁾, началъ отыскивать ихъ происхожденіе въ *Азіятскомъ* племени Каджаровъ, и такимъ образомъ, переходя отъ одного заблужденія къ другому, превратилъ Русь въ Турковъ. Эта мысль впрочемъ была уже не новая. Московскій профессоръ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, — котораго Шлёцеръ называлъ своимъ *руководителемъ Русской Исторіи*, человекъ ученый, извлекавшій изъ летописи матеріалы для Екатерининскихъ «Записокъ, касательно Россійской Исторіи», и оставшій по себѣ память, какъ основатель Московскаго Историческаго Общества, — давно уже пришелъ къ убѣжденію, что у насъ на Днѣпрѣ и на Дону была Русь; но, подобно Эверсу, раздѣливъ два имени одного народа на два народа, впалъ (какъ и тотъ,) въ одинаковую ошибку, и сталъ смотрѣть на *Руссовъ* какъ на отдѣльный отъ *Славянъ*, особый, вѣроятно *Азіятскій* народъ. Мнѣніе Чеботарева, котораго Русская Исторія осталась не напечатанною, явилась въ Шлёцеровомъ Несторѣ, съ тѣмъ различіемъ, что Шлёцеръ предполагалъ, будто эти мнимоАзіятскіе Россы, жившіе на югѣ, *исчезли* при появленіи мнимо-Скандинавскихъ Руссовъ ⁽⁴⁴⁹⁾, тогда какъ Чеботаревъ полагалъ, что при походѣ Аскольда, эти Руссы *соединились* съ Славянами и Варягами, а Эверсъ началъ доказывать, что и Рюрикъ призванъ съ юга. Нейманъ хотѣлъ помирить Байеровскія мнѣнія и Эверсовы, новою догадкой, что была Русь на югѣ, какъ думалъ Эверсъ, но не Азіятскаго, а *Скандинавскаго* племени, какъ предполагалъ о ней Байеръ... Такъ строилась гипотеза на гипотезѣ, предположеніе на предположеніи, и догадки неосновательныя смѣнялись другими еще болѣе неосновательными... Но, сознавая ошибочность направленія и неизбежныя послѣ того ошибки, мы должны также признавать и полезную сторону этихъ системъ. Шлёцеръ правду говорилъ: «можно всегда по-

(449) См. Изустныя преданія о Новороссійскомъ краѣ, А. А. Скальковскаго, въ Журн. Мин. Народ. Просв. (1838), т. XVIII, стр. 492.

(450) Шлёцеръ главнѣе всего упирался, что одно имя пишется чрезъ о, другое чрезъ у, въ слѣдствіе чего и утверждалъ, что *Русь* и *Рось* два на-

честь за услугу, если основательно докажется, что *давно и вѣдѣли вообще принятое число невярно*, даже и тогда, когда отбрасываемое показаніе не лѣзя замѣнить вѣрнымъ» (45°). Тѣмъ большую благодарность заслуживаетъ изыскатель, когда разсуждаетъ не о хронологическихъ бездѣлкахъ, но о цѣлой системѣ, обезображивающей Исторію: смотря съ этой точки зрѣнія, не лѣзя отказать въ искреннемъ уваженіи Эверсу, который такъ ясно сознавалъ всю ложность Байеро-Шлёцеровскихъ гипотезъ о началѣ Руси, и справедливо указывалъ бытіе южной Руси, хотя самъ и не нашелъ прямого пути къ вѣрному рѣшенію предположенной задачи.

Тогда выступили на историческое поприще Баронъ Розенкампфъ и Юрій Ивановичъ Венелинъ: одинъ юристъ, другой медикъ.

Странная участь Русской Исторіи: движеніе ея всегда совершалась помощію людей постороннихъ, а совсѣмъ не тѣхъ, которымъ должно бы двигать Науку. Что сдѣлали для нашей древности Байеръ, Миллеръ и Струбе? Ничего: они забавлялись ловлею созвучій! Много ли удалось объяснить нашу древнюю Исторію тѣмъ лицамъ, которые, казалось бы, призваны на то, обеспеченные во всѣхъ нуждахъ матеріальной жизни щедрымъ Правительствомъ? Сколько у насъ профессорскихъ кафедръ въ университетахъ—кажется, древняя Исторія должна бы уже давнымъ давно быть освѣщена критикою, а между тѣмъ, за исключеніемъ одного Эверса (оказавшагося больше отрицательную услугу, опроверженіемъ системы Скандинавскаго произхожденія Руси), Наука Исторіи не находитъ своихъ ревнителей между тѣми, которые величаютъ себя официальными жрецами Науки Первый архитектурной о-

рода различные: первыя должно быть Шведы, а вторыя Азіятцы О звуки, звуки! даже и великій Шлецеръ не спасся отъ васъ: ему неизвѣстно было, что въ *Славянскихъ языкахъ* эти буквы взаимно мѣняются. Такъ Хорваты иногда употребляютъ *и* вмѣсто *о*, и говорятъ *kuliko, tuliko*; Поляки: *gura, skura*; Верхне-Лужичане: *dvur, pul*; Древѣнскіе Сербы при-Балтійскіе: *godust* (радость) и проч. См. «Славянское народописаніе» Шафарика, стр. 61, 76, 98, 103.— Какъ одни Славянскія племена произносятъ *Богъ*, а другіе *Бугъ*, одни говорятъ *ножъ*, а другіе *нужъ*, также точно и наше собственное имя, сообразно кореннымъ законамъ Славянской философіи, у однихъ образовалось въ *Русь*, между тѣмъ какъ у другихъ въ *Рось*.

(45°) Шлёц. Нест. ч. II, стр. 156.

пытъ учено-систематическаго взгляда на древнѣйшую Русскую Исторію въ связи съ обще-Славянскою представилъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, *профессоръ Химіи*, «сжалившійся надъ Отечественною Исторіею» (по выраженію славнаго его противника)! Первый опытъ критическаго ученаго изданія лѣтописей, далъ намъ Августъ Людвигъ Шлёцеръ, *Геттингенскій ученый*, или по собственному его выраженію «екс-профессоръ Рускія Исторіи, потерявшій все терпѣніе, съ которымъ смотрѣлъ издали на этотъ нелечевный упадокъ»! ⁽⁴⁵¹⁾ Первый опытъ ученаго и краснорѣчиваго изложенія нашей Исторіи съ половины IX вѣка до 1611 года представилъ Николай Михайловичъ Карамзинъ, *литераторъ*, издатель Московскаго Журнала и Вѣстника Европы, нашедшій подпору и ободреніе своей любви къ Исторіи среди Августѣйшаго семейства своихъ Внценосцевъ! Первый опытъ ученаго изданія своихъ и чужеземныхъ актовъ, представилъ намъ *Протоіерей Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка*, Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ, напечатавшій переписку Папъ и Бѣлорусскій Архивъ. Первый опытъ истинно-ученой критики, основанной на законахъ исторической логики, представили намъ—въ области Древняго Права Церковнаго: Баронъ Розенкампфъ, *чиновникъ* II-го Отделенія Собственной Канцеляріи Его Величества, ученымъ и умнымъ объясненіемъ Кормчей Книги и нѣкоторыхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи, и въ одно съ нимъ время, въ области собственно политической Исторіи Славянистъ-*медикъ*, Юрій Ивановичъ Венелинъ, раскрытіемъ древности Болгаръ по отношенію къ судьбамъ Русскаго народа и разборомъ Байеровой диссертациі о Варягахъ. Вопросъ объ источникахъ Несторовой лѣтописи, неразрѣшенный Шлёцеромъ, разрѣшенъ юношею, только что оставившимъ университетъ и обратившимъ на себя вниманіе Карамзина, который могъ понять важность открытія Павла Михайловича Строева, нашедшаго въ 1819 году Болгарскій періодъ «Времянника Георгія грѣшнаго монаха», и справедливо указалъ на юнаго археографа Канцлеру Румянцову. Да и въ настоящее время кто наиболѣе содѣйствовалъ защитѣ Нестора и его лѣтописи противу скептиковъ? Авторъ «Обороны лѣтописи Русской», Петръ Григорьевичъ Бутковъ, *Членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. Кто создалъ ученую

⁽⁴⁵¹⁾ Шлёц. Нест. ч. I, Введеніе, отд. V, рое.

Русскую Нумизматику? Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, *Московскій Предводитель Дворянства*. Кто первый коснулся историко-юридическаго объясненія Русскихъ пословицъ и различныхъ обрядовъ? Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, бывшій *Профессоръ Латинскаго языка* въ Московскомъ Университетѣ. Кто занялся семейною и частною жизнію нашихъ предковъ, собралъ путешествія Русскихъ людей и напечаталъ уже два тома гигантскихъ «Сказаній Русскаго народа?» Иванъ Петровичъ Сахаровъ, *Лекарь Почтоваго вѣдомства*. Кто намъ объяснилъ одежды и вооруженія доблестныхъ нашихъ предковъ? Александръ Васильевичъ Висковатовъ, *Старшій Адъютантъ Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба Его Величества*. Кто истинно-ученымъ образомъ взялся за Литву и объясняетъ наши къ ней отношенія? Иванъ Петровичъ Боричевскій, *Столоначальникъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій*. Кто намъ доказалъ несомнѣнность ярлыковъ, полученныхъ Русскимъ духовенствомъ отъ Хановъ? Василій Васильевичъ Григорьевъ, экс-профессоръ Восточныхъ языковъ при Одесскомъ Лицеѣ, *чиновникъ Редакціи Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*? Кто раскрываетъ древность нашихъ торговыхъ сношеній съ Азіею? оріенталистъ Павелъ Степановичъ Савельевъ, *Секретарь Комитета Иностранной Цензуры*. Не упоминая уже объ извѣстныхъ трудахъ археографахъ нашихъ: Я. И. Бередникова, П. И. Иванова, и критическихъ изыскателей: Дмитрія Павловича Голохвастова, (автора изслѣдованій объ осадѣ Троицкой Лавры), Александра Ѳомича Вельтмана, Ѳедора Лукича Морошкинъ, Михаила Николаевича Макарова, Филимона Никитича Святнаго, Николая Васильевича Елагина, наконецъ и автора этой книги, посвятившаго восемь лѣтъ лучшей поры жизни разработыванію Русскихъ древностей въ связи съ обще-Славянскими, довольно сказать: всѣ эти особы не принадлежатъ къ почтенному сословію профессоровъ Русской Исторіи въ нашихъ университетахъ. Изъ лицъ, для которыхъ Исторія нашего отечества была занятіемъ ex officio, кромѣ Эверса, можно упомянуть развѣ только о Кругѣ, который пріобрѣлъ извѣстность объясненіемъ, болѣе или менѣе удачнымъ, Византійской Хронологіи (^{4 5 2}); о Николаѣ

(^{4 5 2}) Проницательный Шлёцеръ сравнивалъ Круга съ Щербатовымъ, Стриттеромъ, Чеботаревымъ и Елагинымъ, отдавая преимущество двумъ послѣднимъ (см. Шлёцер. Нест. ч. III, стр. 304—306). Важнѣйшія его произведенія: *Zur Münzkunde Russlands* и *Chronologie der Byzantier*

Герасимовичъ Устряловъ, который принесъ столько пользы изданіемъ разныхъ переводовъ (своего брата и другихъ лицъ), что изъ уваженія къ его полезной дѣятельности какъ издателя, справедливость требуетъ — покрыть снисходительнымъ молчаніемъ его собственныя произведенія (^{4 4 3}); и наконецъ о Михайлѣ Петровичѣ Погодинѣ, который также хотя не ознаменовалъ своего историческаго поприща никакимъ собственнымъ трудомъ, важнымъ и обширнымъ (^{4 5 4}), однакожь всегда останется памятенъ въ нашей

послужили исторіографу матеріаломъ для *семи* примѣчаній къ I тому Исторіи Государства Россійскаго (310, 317, 322, 348, 350, 379, 381), или, пожалуй, для *деяти*, если причислить сюда примѣчаніе 308-ое, въ которомъ исторіографъ хотя и отдалъ *кажущееся* предпочтеніе мнѣнію Круга, но выставилъ сперва *свое* объясненіе, гораздо вѣроятнѣйшее, и во II-мъ томѣ примѣчаніе 84-ое, въ которомъ счелъ необходимымъ откровенно выказать настоящую степень свѣденій Круга въ Русскомъ языкѣ и Русскихъ древностяхъ... Но вспоминая объ этихъ семи или, пожалуй, деяти примѣчаніяхъ, не должно упускать изъ виду, что всѣхъ примѣчаній у Карамзина, въ XII томахъ, 6547; слѣдственно, за исключеніемъ семи или деяти (неполныхъ), на долю Карамзина все-таки останется 6540 или, пожалуй, 6538 ученыхъ примѣчаній: трудъ истинно гигантскій, въ сравненіи съ подвигомъ иныхъ ученыхъ... Что же касается до открытія, которое академикъ Кругъ сообщилъ Академіи въ 1827 году, — что первоначальнымъ источникомъ лѣтописи Преподобнаго Нестора былъ Греческій неизданный Временникъ Георгія Амартола (грѣшнаго), — то не должно забывать, что П. М. Строевъ открылъ въ 1819 году Славянскій (Болгарскій) переводъ рукописи одного Византійца, которая называлась *Временникомъ Георгія грѣшнаго монаха*, и въ 1822 году напечаталъ семь мѣстъ буквально сходныхъ съ Несторомъ (Труды Москов. Общества Истор. и Древ. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 169—174.)

(^{4 5 5}) См. въ *Письмахъ А. В. Александрова къ издателю Маяка*, — изданныхъ (1843) и отдѣльно подъ названіемъ: «Современныя Историческія Труды въ Россіи», — начало втораго вѣсьма, стр. 2—4.

(^{4 5 4}) *Amicus Plato, sed magis amica veritas*, «друженъ съ Платономъ, но болѣе — съ истиной», и потому выражусь откровенно: собственныя произведенія Михаила Петровича по Русской Исторіи и обширны и неважны; языкъ у него и слогъ не завидные, а мысли — какъ бы сказать — очень афористичны и слѣдуютъ одна за другою безъ всякой послѣдовательности; есть идеи вѣрныя, но какъ скоро приходится разсуждать о Варагахъ, всѣ выраженія облекаются въ какую-то натянутость, вычурность, и часъ отъ часу становятся страннѣе. А между тѣмъ прекрасные разборы нѣкоторыхъ историческихъ книгъ доказываютъ, что М. П. Погодинъ могъ бы очень придать гораздо высшую цѣнность историческимъ своимъ статейкамъ о древностяхъ Руси, если бъ рѣшился бросить Скандинаво-манію: какъ хорошо и вѣрно

исторической литературѣ, какъ переводчикъ Эверса и — еще болѣе — какъ издатель перваго тома книги Венелина «Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ» (1829 года, 256 и VIII страницъ въ 8-ю долю листа).

Подобно Венелину, Баронъ Розенкамповъ утверждалъ, что «названіе *Руси* и *Руссовъ*, обитающихъ въ нынѣшней *Россіи*, Грекамъ извѣстны были еще до Царя Михаила, до Рюрика и до завладѣнія Варяговъ Новгородомъ и Кіевомъ» ⁽⁴⁵⁵⁾; что съ 852 года «Русская земля и Русскій народъ начали быть извѣстнымъ Грекамъ (писателямъ), а Новгородъ Варягамъ, отъ которыхъ онъ построенъ былъ вновь на мѣстѣ стараго, или токмо названъ симъ именемъ: однакожь», — заключалъ Баронъ, — «Русская земля и до сего происшествія не была безъ имени и называлась *Россією*, ибо Руссы уже прежде находились въ семъ краѣ» ⁽⁴⁵⁶⁾. Привыкши опираться на Логику, на здравый смыслъ, нашъ благоразумный ученый справедливо замѣтилъ, что «сіе обстоятельство не зависитъ единственно отъ свидетельства *Нестора*» ⁽⁴⁵⁷⁾, и такимъ образомъ уклонилъ всякій произволъ въ *перетолкованіи* этаго мѣста лѣтописи, которое выворачиваютъ наизнанку приверженцы Шлѣцера. Но вступая въ борьбу съ ними, Розенкамповъ дѣйствовалъ уклончиво, и приступая къ опроверженію его мнѣрій объ Рослагенѣ и объ Чухонскомъ прозвищѣ Шведовъ *Ruotsi*, смягчаетъ рѣзкій тонъ и пишетъ: «не хочу спорить противъ мнѣнія, принятаго важными писателями; впрочемъ не могу также не замѣтить, что слова *Roslagen* и *Rodhsi*, *Ruotsi*, по видимому не доказываютъ ни происхожденія ни отечества Руссовъ» ⁽⁴⁵⁸⁾. Опровергнувъ Шлѣцера, онъ заключилъ: 1.) изъ соображенія всѣхъ историческихъ данныхъ «не слѣдуетъ, что вооруженные Упландскіе гребцы (*godsi*) сообщили свое имя Россіи»; 2.) «свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей не представляетъ полного историческаго доказательства о происхож-

оцѣнилъ онъ Полеваго и Венелина! какъ понялъ онъ ложность основной мысли профессора Устрялова объ именитыхъ людяхъ Строгоиновыхъ!

⁽⁴⁵⁵⁾ Труды Общ. Ист. и Др. Росс. (ч. IV, кн. I. стр. 166).

⁽⁴⁵⁶⁾ Тамъ же, стр. 140—141.

⁽⁴⁵⁷⁾ Стр. 142.

⁽⁴⁵⁸⁾ Стр. 143—145.

деніи Руссовъ изъ Швеціи»;—3.) «сходство древнихъ Русскихъ законовъ съ Скандинавскими проистекаетъ изъ разныхъ причинъ, требующихъ изслѣдованія особаго»;—4.) «изъ сего сходства не лзя заключить, что Руссы пришли съ Упландскихъ Шведскихъ береговъ, изъ Рослагена», ⁽⁴⁵⁹⁾ и 5.) «мы въ правъ ожидать обѣщанныхъ объясненій Круга (*Chronologie der Byzantiner*, 218) о томъ, что Rhos при Михаилѣ не были народъ *sui generis* (своего племени), но настоящіе Норманны» ⁽⁴⁶⁰⁾. Баронъ Розенкампфъ справедливо требовалъ отъ Круга *доказательствъ*, а не голословнаго авторитета, и просилъ *объяснить*: «въ какомъ краѣ сіи Rhos-Норманны имѣли свои первобытныя жилища? когда и изъ какихъ мѣстъ они пришли въ Россію? ибо безъ того мы опять нашлись бы принужденными отыскивать ихъ по *разнымъ предположеніямъ* въ *разныхъ сѣверныхъ* странахъ, обитаемыхъ *Nordmann*'ами начиная съ береговъ Шведскихъ до Прусскихъ и отъ оныхъ далѣе до областей Датскихъ» ⁽⁴⁶¹⁾.

Баронъ Розенкампфъ писалъ довольно уклончиво, опасаясь накликать на себя гоненія отъ тогдашнихъ знаменитостей или, точнѣе и справедливѣе, знаменитыхъ ничтожностей; Венелинъ пошелъ открыто на проломъ и — палъ въ борьбѣ оъ завистниками, которые даже и въ гробѣ не хотятъ дать успокоиться праху мученика Истицы, страдальца изъ любви къ Наукѣ, увѣнчаннаго признательностью Болгарскаго народа, въ лицѣ благородно-мыслящихъ Болгаръ Одесскихъ ⁽⁴⁶²⁾.

⁽⁴⁵⁹⁾ Труды Общ. Ист. и Древн. IV. кн. I Стр. 153—154.

⁽⁴⁶⁰⁾ Сте. 164.

⁽⁴⁶¹⁾ Тамъ же.

⁽⁴⁶²⁾ Одесскіе Болгаре, собравъ подписку на сооруженіе памятника Юрія Ивановичу Венелину, обратились ко мнѣ съ просьбою: написать надгробіе этому незабвенному ученому. Памятникъ, заказанный въ Италіи, присланъ изъ Одессы въ Москву и поставленъ на могилѣ Венелина, въ Даниловскомъ монастырѣ. «Пусть хотя хладный мраморъ послужитъ выраженіемъ пламенной признательности ихъ къ покойнику, и докательствомъ, что Болгаре умѣютъ цѣнить услуги, оказанныя имъ отечеству,» — пишетъ благородный представитель ихъ, В. Е. Априловъ. Изящная простота и строгая соразмѣрность частей памятника обличаютъ художественную землю, гдѣ онъ былъ изваянъ; мраморная, легкая и стройная колонна, осыпанная крестомъ, возносится къ небу, а на красивомъ пьедесталѣ слѣдующая надпись золотыми буквами:

На первой сторонѣ:

Когда не стало Венелина, одинъ почтенный Москвичъ, коротко знавшій этого славнаго Карпато-Росса, между прочимъ писалъ объ немъ: «онъ пришелъ къ намъ отъ нашихъ Русскихъ западныхъ братій, одинъ, на чужую для себя сторону, не какъ иноземецъ ищущій хлѣба, но какъ безкорыстный дѣятель на поприщѣ Русской науки; пришелъ, полный своей Славянской родной жизни, и воспоминанія о ней никогда его не оставляли Въ Москву пріѣхалъ Венелинъ для вступленія въ нашъ университетъ, уже окончивъ курсъ въ университетѣ Львовскомъ. Когда онъ прибылъ сюда, у него было только 5 рублей въ карманѣ. Онъ отнесся къ Лодеру и былъ принятъ въ Медицинскій факультетъ. Въ этотъ факультетъ вступилъ онъ болѣе по желанію дяди, извѣстнаго врача Орлая; самому же ему хотѣлось идти по филологическому факультету, ибо онъ принесъ уже съ собою *хорошее знаніе Греческаго языка и отличныя свѣденія въ Латинскомъ*; онъ былъ у насъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Лагинской словесности. Вообще свѣденія его въ языкахъ были *очень замѣчательны*: кромѣ *Французскаго* и *Нѣмецкаго*, понималъ онъ хорошо *Англійскій*, *Италіянскій* и *Испанскій* языки; о знаніи *всѣхъ безъ исключенія Славянскихъ нарѣчій* говорить нечего: это всѣмъ извѣстно. Кромѣ того, говорилъ онъ *по-Мадярски* (Венгерски), *по-Волоски*, понималъ *по-Турецки* и зналъ грамматическое строеніе сего языка: что бы могъ сдѣлать Венелинъ для

Юрію Ивановичу Венелину

Одесскіе Болгаре.

1841.

На другой сторонѣ:

Родился 1802, скончался 1839 года.

На третьей:

Напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ, могущественномъ племени Болгаръ, и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе.

На четвертой:

Боже Всемогущій! Услыши молитву раба твоего!

Въ Академическихъ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1842 (22 Февраля, № 35) исчислены имена почтенныхъ Одесскихъ Болгаръ, которые участвовали въ подпискѣ для сооруженія памятника Ю. И. Венелину. Открытіе памятника происходило 20 Декабря 1842 года. Трогательно высказалъ свои чувства одинъ изъ присутствовавшихъ (Маякъ, 1843, Май, смѣсь, стр. 56—58.) Да, не безплодна мысль ученаго, проникнутая любовію къ Славянству, когда могла пробудить народное чувство въ сердцахъ потомковъ благородной Болгаріи!

Филологіи, въ которой былъ онъ не менѣе опытенъ, какъ и въ исторической критикѣ? И можно ли послѣ *такого* познанія его въ языкахъ, нападать на его словопроизводства? . . . Кромѣ языковъ, *зналъ* Венелинъ *Древнюю и Новую Географію*, какъ мало знаютъ, и Статистику вполне. Всѣмъ извѣстно, что въ своихъ изслѣдованіяхъ о Русскомъ народѣ онъ приходилъ въ соприкосновеніе со *всею* Исторіею, и у него много было блестящихъ мыслей относительно Общей Исторіи. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ есть мысль о Реформаціи, начало которой онъ выводилъ отъ секты Богумилистовъ. Другая знаменитая мысль его о значеніи Карла Великаго, Юлія Цезаря и Атилы въ Исторіи Человѣчества: «первые два приводятъ всю Исторію къ Риму—Цезарь окончательнымъ покореніемъ Древняго міра, Карлъ Великій распространеніемъ Латинской образованности во всей Исторіи міра Новаго; имъ противоборствуетъ Атила, дѣйствующій въ лицѣ міра Русскаго Гетманъ Богданъ Хмельницкій повернулъ великую машину, дѣйствовавшую на западъ, къ Россіи—тѣмъ, что покорился Алексѣю Михайловичу; это дало новое направленіе дѣламъ всего Славянскаго міра, и даже всей Европы» Но возвратясь изъ путешествія по Болгаріи—съ обильнымъ запасомъ для дѣятельности, Венелинъ не имѣлъ большой возможности дѣйствовать: онъ не могъ получить каѳедры въ Московскомъ университетѣ, на которую надеялся. Нуждаясь, давалъ онъ уроки и все ждалъ какого-либо постояннаго мѣста, для продолженія своего многообразнаго труда—оно не открывалось. Въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ не могъ онъ издавать ничего большаго. Въ это время, люди еще недовольные первыми его изысканіями—ждали *новыхъ* подтвержденій; многіе насмѣхались надъ нимъ, иные подрывали даже его положенія, еще *вполовину* для свѣта доказанныя. Такое недовѣріе было для него слишкомъ невыгодно; оно довело до того, что бессознательно стали всѣ уже въ немъ сомнѣваться. И это сильно на него подѣйствовало, даже доводило его до унынія . . . Но Венелинъ былъ слишкомъ твердъ для того, чтобы предаваться бездѣйствію даже и въ *такихъ* обстоятельствахъ. До сихъ поръ еще помнятъ Троицкіе монахи того труженика, который по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ сидѣлъ въ ихъ библіотекѣ, дѣлая выписки изъ книгъ. Не имѣя возможности издавать отдѣльными частями цѣлые труды, издавалъ онъ отдѣльными бро-

шюрками свои мелкія сочиненія, назначенныя для помѣщенія въ журналы; тутъ хотѣлось ему сообщить читателю всѣ свои любимыя мысли, которыя не имѣлъ онъ возможности отдѣльно обработать: оттого и печаталъ онъ эти сочиненія съ оригинальною надписью «набросано». Еще болѣе возстали на него послѣ сихъ изданій за безпорядочность въ сочиненіяхъ его, не подозрѣвая мысли, его руководившей... Во все это время живалъ онъ какъ семьянинъ у людей, которыхъ считалъ себѣ по сердцу близкими, почти потерявъ изъ виду публичную дѣятельность. Кто зналъ Венелина въ этой жизни, тотъ *никогда не забудетъ его!* Въ своей семьѣ всякій любилъ его, всякій ему сочувствовалъ, и вмѣстѣ съ нимъ сочувствовалъ и его мысли, которые передавалъ онъ то повѣстью, то разсказомъ, даже пѣснею... Его постигла смерть 25 Марта 1839, въ самую почти въ заутреню праздника Воскресенія Христова». (463) Почтенный Москвичъ-біографъ изъясняетъ надежду, что люди которые взялись разобрать бумаги Венелина, «не замедлятъ *вѣроятно* извѣстить публику объ томъ, что осталось отъ нашего знаменитаго ученаго, которымъ можетъ истинно гордиться Русская народная Исторія, какъ въ наше время, такъ и во всякое время, когда будетъ существовать Русскій народъ и Русское народное чувство».

Ожиданія не исполнились: третій томъ изслѣдованій о Болгарахъ еще не изданъ, Болгарская Грамматика (результатъ путешествія, совершеннаго по Болгаріи на счетъ бывшей Россійской Академіи) еще не издана; вообще говоря, *въ шесть лѣтъ* почтенные благопріятели знаменитаго Русскаго ученаго не только не напечатали ничего, даже не сообщили публикѣ *списка* оставшихся послѣ покойнаго рукописей (464). Между тѣмъ литературное гоненіе не кончилось, зависть шипитъ на память славнаго человека, и Тредьяковскіе девятнадцатаго вѣка выдумками и тупыми остротами стараются удержать юное поколѣніе на пути къ истинѣ исторической.

Бездарность всегда завистлива къ талантамъ, и нисколько не измѣнилась со *временъ оныхъ*, только въ наше время

(463) Московскія Вѣдомости 1839 года, стр. 271.—А. В. Александровъ сообщилъ мнѣ слышанное имъ прошлою осенью въ Московскомъ университетѣ, что біографія эта написана С. П. Шевыревымъ.

(464) Объ участи бумагъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ слѣдую-

приняла видъ поблагообразнѣе. Прежде ее кормили плюхами и добродушно всѣмъ она то рассказывала, въ надеждѣ выместить все на человѣкѣ талантливомъ, и въ его лицѣ наругаться надъ дарованіемъ, низпосланнымъ свыше. «Нѣкоторый Секретарь» (по выраженію Бирона), переводчикъ Рол-

щихъ словъ почтеннаго В. Е. Априлова, въ «Дополненіи» къ «Деницѣ Ново-Болгарскаго образованія» (С П Б, 1842) на стр. 22—25:

«Какъ жаль, что бумаги Ю. И. Венелина, оставшіяся послѣ его кончины, до сего времени (1842) еще не напечатаны. Вотъ уже четвертый годъ наступилъ, а между тѣмъ *еще ничего* не издано! Юрій Ивановичъ передъ смертію началъ печатать второй томъ «Древнихъ и нынѣшнихъ Болгаръ» и разсужденіе о «Скандинавоманіи или столѣтнихъ изысканіяхъ о Варягахъ;» перваго сочиненія онъ успѣлъ напечатать 15 листовъ, а втораго 7 листовъ—только и выпущено въ теченіе *трехъ лѣтъ*: изъ бумагъ же, оставшихся послѣ его смерти, не напечатано не одной. Что причиною тому?.... Почтенный господинъ Докторъ Медицины, *Иванъ Ивановичъ Молнаръ*, у котораго скончался Юрій Ивановичъ Венелинъ, и у котораго теперь находятся бумаги его, хотѣлъ было въ 1839 году *передать всѣ труды своего двоюроднаго брата Н. В. Савельеву-Ростиславицу*, для изданія въ свѣтъ. Хотя покойный Юрій Ивановичъ самъ говорилъ, что «изъ всѣхъ нынѣшнихъ изыскателей, одинъ только Н. В. Савельевъ можетъ продолжать начатое имъ преобразование Исторіи»; хотя и господинъ Савельевъ съ удовольствіемъ принималъ на себя изданіе трудовъ своего друга: однакожь, неизвѣстно почему, *бумаги Ю. И. Венелина, не присланы къ нему въ Петербургъ*, какъ первоначально *объщано было ему господиномъ Молнаромъ*. Прошелъ еще годъ. Выпуская изъ типографіи недокоинчанную вторую часть изслѣдованій о Болгарахъ, господинъ профессоръ М. П. Погодинъ (отъ имени И. И. Молнара) писалъ въ предисловіи: «Матеріалы для продолженія *пошлются* къ достойнымъ ревнителямъ славы Болгарской, господамъ Априлову, Мутьеву и Палаузову, которые не пощадятъ ни трудовъ, ни издержекъ, гдѣ идетъ дѣло о пользѣ соотечественниковъ.» Это печатное обѣщаніе М. П. Погодина (отъ имени И. И. Молнара) *переслать бумаги покойнаго въ Одессу*, дано 1841 года 28 Марта, но по сіе время, (1842) также не приведено въ исполненіе. Между тѣмъ, по видимому, оно связало господина Молнара, который отвѣчалъ Н. В. Савельеву, что не могъ исполнить даннаго ему обѣщанія по причинѣ неизвѣстности: *согласны ли Одесскіе Болгаре на эту передачу?* Для разрѣшенія этой неизвѣстности отправлено (черезъ г-на Савельева) слѣдующее письмо къ почтеннѣйшему родственнику Ю. И. Венелина, гну Молнару: «Милостивый государь, «Иванъ Ивановичъ!.... Я напоминалъ Вамъ о бумагахъ покойнаго. Василій Васильевичъ Григорьевъ, пріѣхавъ обратно въ Одессу, тоже обѣдажилъ меня, что бумаги будутъ намъ доставлены; но, по сей день, это не исполнилось. Николай Васильевичъ Савельевъ, которому Юрій Ивановичъ завѣщалъ свои бумаги, берется трудиться въ пользу Болгаръ. «Покойному лучше всѣхъ могли быть извѣстны дарованія и способно-

леневой Исторіи, краснаго слога борзый писецъ, профессоръ Элоквенціи, придворный пѣнта, авторъ Тилемахиды, Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, однажды пришелъ жаловаться на Сумарокова Шувалову: «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.»—«Какъ же братецъ?» отвѣчалъ ему Шуваловъ, «у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую.» — «Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ,» отвѣчалъ секретарь и перенесъ руку на другую сторону ⁽⁴⁶⁵⁾. Въ другой разъ ода не была готова у придворнаго пѣнты: «почему жъ ты ее не изготовилъ?» закричалъ пылкій Артемій Петровичъ Волинскій и тростью наказалъ оплошнаго стихотворца ⁽⁴⁶⁶⁾. Профессоръ Элоквенціи все терпѣлъ отъ Сумарокова — «понеже Александръ Петровичъ зѣло дерзокъ на-руку, и паки не преминетъ заушить, буде въ гнѣвъ придетъ»; отъ Волинскаго — «понеже сильный человекъ,

«сти того и другаго, касательно продолженія нашей Исторіи. Сколько я могу судить, то Николай Васильевичъ исполнить исправно препорученное ему его другомъ и вполне удовлетворить желанію Болгаръ. «Посему если данное Вами намъ обѣщаніе—прислать намъ въ Одессу «бумаги покойнаго—можетъ служить препятствіемъ къ отдачѣ ихъ, по «завѣщанію покойника, Николаю Васильевичу Савельеву, то симъ по-«корно Васъ прошу, Милостивый Государь, нимало въ томъ не колебать-«ся и поручить ихъ господину Савельеву. Это есть желаніе Болгаръ, «которые не только не будутъ за то въ претензіи, но даже останутся «Вамъ благодарными, что Вы, исполняя завѣщаніе покойнаго, содѣй-«ствуете имъ издать въ свѣтъ труды Вашего брата, чтобы кромѣ об-«щей пользы, увѣковѣчить его память.

«Въ увѣреніи на Ваше расположеніе, имѣю честь быть Вашъ, Ми-«лостивый Государь, покорный слуга Василій Априловъ.»

«Это письмо къ почтенному И. И. Молнару отправлено 20 Мая 1842 года изъ Одессы сперва въ Петербургъ, Н. В. Савельеву, который и отослалъ оное въ Москву при собственномъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы *нѣтъшительность* господина Молнара кончилась, а бумаги И. Ю. Венелина не были бѣ обречены на забвеніе, и не погибли-бѣ, подобно мно-гимъ и очень многимъ трудамъ. Все зависитъ единственно отъ господи-на Молнара, который исполненіемъ *нашей просьбы*, а вмѣстѣ и *соб-«ственного обѣщанія* (нѣсколько разъ имъ повтореннаго Н. В. Савельеву-можетъ содѣйствовать распространенію не только полезныхъ для науки открытій, но и славы своего незабвеннаго брата.»

Это было писано В. Е. Априловымъ въ 1842 году; по сѣ тѣхъ поръ дѣло все еще не подвинулось ни на шагъ.

⁽⁴⁶⁵⁾ Сѣверные цвѣты на 1828 годъ, стр. 212.

⁽⁴⁶⁶⁾ тамъ же.

также предъ весьма дерзостный, и по вся дни готовый глазъ подбить и ухо оглушить, при всѣхъ публично біа по щекамъ въ три или четыре пріема». Но за то, съ какою любовію отыскивалъ «нѣкоторый Секретарь» случай гдѣ можно бы хотъ чѣмъ нибудь напакостить Ломоносову! прямодушно сознался передъ потомствомъ, что рѣчь Миллерова «найдена всѣми членами Академіи исполненною не-правости въ разумѣ»: однакожь — въ намѣреніи чѣмъ нибудь уколотъ Ломоносова—подалъ мнѣніе, что «оная диссертация есть вѣроятная»; и на позоръ подлаго человѣка позорившаго Русское имя—низкимъ угодничествомъ передъ чужестранцами, благородные иноземцы сами тогда присоединились къ Русскимъ.... Въ наше *учтивое* время, нашихъ Тредьяковскихъ уже не «ругаютъ побоями», и — смѣло хвалятся бездарные тунеядцы небывалымъ уваженіемъ Шлёцера, самозванствуютъ именемъ составителей ученыхъ примѣчаній къ Исторіи Карамзина, присвоиваютъ себѣ честь мнимаго открытія Временника Амартолова; или же — напечатавъ подъ именемъ Исторіи кучу фактовъ несправедливыхъ, сужденій неосновательныхъ и противорѣчій самому себѣ, восклицаютъ своимъ слушателямъ: «намъ-де съ товарищемъ и Карамзинъ въ подметки не годится». .. Конечно, терпѣніе слушателей не безъ границъ же — можетъ и лопнуть, и за оскорбленіе памяти исторіографа — какой нибудь «дней новѣйшихъ Тредьяковскій» (по выраженію Пушкина) или (выражаясь историческимъ слогомъ) Тредьяковскій II легко можетъ подвергнуться участи Тредьяковского I-го; но пока оставимъ нашихъ Тредьяковскихъ и обратимся къ Венелину и его противникамъ.

Они поступили съ Венелинымъ какъ истинные *герои нашего времени*, хуже чѣмъ Шлёцеръ съ Ломоносовымъ. По крайней мѣрѣ Шлёцеръ былъ личный врагъ Ломоносову, и личная непримиримая вражда, ослѣпившая умъ Шлёцера, въ соединеніи съ Рейнскимъ патріотизмомъ, нѣсколько извиняетъ низкій поступокъ Гёттингенскаго профессора; а наши-то славные Тредьяковскіе развѣ имѣли какой нибудь поводъ враждовать противъ знаменитаго ученаго? Повода у нихъ конечно не было и нѣтъ; а зависть-то? а собственное литературное ничтожество? а личная бездарность, которой ненавистенъ каждый малѣйшій успѣхъ другаго? Мало развѣ такихъ *уважительныхъ* причинъ клеветать на умершаго? И вотъ ему выдумываютъ

небывалое родословіе ⁽⁴⁶⁷⁾, и приписываютъ такія нелѣпости, что уши вянуть. Рецензентъ «Москвитянина», наперекоръ истинѣ, увѣряетъ будтобы Венелинъ превратилъ имя *Ονηρισος* (Онегисіосъ) въ *Πιγμεя*, — тогда какъ Венелинъ только разложилъ это слово на членъ *ο* и имя *Νηρισος*, утверждая, что послѣднее (*Nigisos, Negisius*) есть чистое Болгарское *Нигишъ*, или наше *Нѣгишъ*;—авторъ книжки *Die Berufung* ссылается на мнѣніе добросовѣстнаго рецензента ⁽⁴⁶⁸⁾ и съ удовольствіемъ провозглашаетъ: *Wenelin baute sein angebliches System auf die Künsten, den Grundgesetzen jeder Grammatik Hohn sprechenden Etymologien. Ausser wissenschaftlichen Sprachkenntnissen entging ihm auch die nöthige Kenntniss der allgemeinen slavischen und europäischen Geschichte*—слѣдственно, по мнѣнію этого господина, Венелинъ не болѣе какъ безумный Этимологъ, основавшій все на безразсудномъ словопроизводствѣ, и не изучившій ни Славянской ни обще-Европейской Исторіи. Но кто же самъ-то онъ знатокъ Славянской Исторіи? Ни болѣе ни менѣе какъ сочинитель филологическаго софизма о Чухонскомъ происхожденіи имени *Русь*; тотъ самый изслѣдователь, который всю книжечку свою выбралъ изъ Шлёцера, Тунмана и прочихъ скандинавомаговъ; тотъ самый ученый, который ужаснулся даже мысли, какъ не признаютъ ни заслугъ Байера, превратившаго Новгородцевъ въ Кабардинцовъ, Малороссовъ-Бужанъ въ Татаръ Буджакскихъ, Днѣпровскій Витичевъ въ подвинскій Витебскъ; ни геніальныхъ открытій Миллера, что царь Дадонъ есть Скандинавскій богъ Одинъ, а Бова Королевичъ сынъ Одиновъ Баусъ. Разумѣется, что для такого знатока Славянской и обще-Европейской Исторіи Венелинъ долженъ былъ показаться *неученымъ историкомъ*, лишеннымъ *ученой фантазіи* и *ученаго запаса* филологическо-историческихъ гипотезъ.... Такъ какъ онъ рѣшилъ участь самаго Шлёцера непогрѣшительнымъ авторитетомъ Михаила Петровича Погодина, изрекашаго въ Москвитянинѣ «нашъ славный учитель», то и зловѣщему приговору о безуміи Венелина можно бы противупоставить слѣдующее признаніе того же самаго непогрѣшительнаго М. П. Погодина:

Кто прочелъ хоть одну лѣтиспись среднихъ вѣковъ, хоть даже только первую главу Исторіи Карамзина, тожъ вѣрно удивлялся множе-

⁽⁴⁶⁷⁾ *Die Berufung*, стр. VII.

⁽⁴⁶⁸⁾ стран. VIII.

ству народовъ, которые безпрестанно пождались и вымирали въ среднія времена. Что за фантазмагорія?

Кому также казалось *понятнымъ* внезапное расселеніе въ VI вѣкѣ Славянскихъ племенъ, о коихъ прежде и не слышно было по всей средней и восточной Европѣ, отъ Адріатическаго моря до Балтійскаго. Откуда взялось ихъ вдругъ такое множество?

Наконецъ, при первомъ взглядѣ на *Статистическую таблицу*, по прочтеніи Дюпеня, не лѣзя быть не быть поражену числомъ Славянъ въ *сравненіи* съ числомъ всѣхъ прочихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Убѣдительное доказательство ихъ относительной древности!

Сии три замѣчанія вѣроятно занимали многихъ; но никто, воспитанный въ строгомъ правилѣ Шлѣцеровой критики—не думать о народѣ до появленія его въ лѣтописи, не смѣлъ отъ VI вѣка оглядываться назадъ и искать Славянъ ранѣе.

Венелинъ предлагаетъ мысль, новую и смѣлую, что Славяне прежде VI-го вѣка жили подъ *другими именами*, и, руководимый *свидѣтельствами*, старается снять съ нихъ оныя.

Хорошо, если бъ онъ могъ примѣнить къ себѣ слова Шлѣцера: «первый, кто изгналъ изъ Французскія Исторіи — Пріама, изъ Британскія — Брута, изъ Нѣмецкія—Ашкеназа Саксо и Франка, «вѣрно отъ современниковъ своихъ былъ почтенъ за невѣрующаго, «и даже нажилъ враговъ; второе поколѣніе само уже начало сомнѣваться; а третье совершенно примирилось съ первымъ невѣрующимъ, и даже сдѣлались ему благодарнымъ.» (Нест. I, стр. XXXII.)

Пусть *ученые* произнесутъ ему судъ, и если *даже они* утвердятъ, что молодой авторъ слишкомъ иногда увлекается своею мыслию, то по крайней мѣрѣ не откажутъ ему въ *разнообразныхъ познаніяхъ, отличныхъ способностяхъ, діалектическомъ искусствѣ, многихъ открытіяхъ*. Смѣяться очень легко надъ подобнымъ новымъ историческимъ мнѣніемъ, особливо *безъ доказательствъ*, но такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь⁽⁴⁶⁹⁾.

Можно бы напомнить *оному знатоку* еще статью о Венелинѣ, написанную тѣмъ же непогрѣшительнымъ М. П. Погодинымъ, который въ подробномъ критическомъ обзорѣ книги Венелина, между прочимъ пишетъ:

Во II главѣ у автора находится много любопытныхъ и дѣльных замѣчаній вообще о собственныхъ именахъ у Европейскихъ народовъ, и преимущественно у Славянскихъ⁽⁴⁷⁰⁾.

Доказательства Тунмана и Энгеля о *Татаризмѣ* Болгаръ *очень*

⁽⁴⁶⁹⁾ Московскій Вѣстникъ (1829), ч. IV, стр. 165—167.

⁽⁴⁷⁰⁾ Тамъ же, ч. VI, стр. 132—133.

слабы и могли быть приняты въ ученѣмъ свѣтѣ развѣ только на первый разъ⁽⁴⁷¹⁾.

Въ IV главѣ находится *очень много* частныхъ любопытныхъ замѣчаній, на пр. объ именахъ Савроматовъ (ящероглазыхъ), Меланхленовъ (черпориццовъ), Дромитовъ (скороходовъ),—о разныхъ именахъ, подъ коими и нынѣ одинъ народъ извѣстенъ у разныхъ сосѣдей и проч.⁽⁴⁷²⁾

Въ VI и IX главѣ описано царствованіе Атилы, о которомъ вообще у насъ было очень мало извѣстно; *тѣмъ болѣе* признательность заслуживаетъ авторъ даже и отъ тѣхъ, которые не примутъ его мнѣнія о происхожденіи знаменитаго исполина среднихъ вѣковъ. Смотри на многообразныя *Наполеоновскія* дѣйствія Атилы на *всѣхъ концахъ Европы*, съ Восточною и Западною Имперіями, съ Вандалами въ Африкѣ, на его союзы, переговоры, сношенія,—исвольно отвращается отъ мысли, будто онъ былъ вождемъ какого-то кочеваго Азіятскаго племени, какъ историки утверждаютъ обыкновенно, описывая намъ только его кровопролитныя войны языкомъ пристрастныхъ лѣтописателей среднихъ временъ: такія политическія соображенія не получаютъ вдохновеніемъ, а бывають только плодомъ долговѣчной гражданской жизни. Вспомнимъ, что Атила имѣлъ дѣло съ образованными Греками и Римлянами, а не съ ордами, какъ Чингисханъ, и между тѣмъ побѣждалъ ихъ не только силою оружія, но и дипломатическими ударами⁽⁴⁷³⁾.

Знакомясь еще короче (въ VII главѣ) съ домашнею и гражданскою жизнію Гунновъ, *удостоверяемся*, что многія обычаи ихъ ни какъ неприличны народу кочевому, Татарскому⁽⁴⁷⁴⁾.

Въ прибавленіяхъ къ сей главѣ *убѣдительно опровергается* неосновательное мнѣніе, будто Гунны пришли въ Европу: объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека ни у Византійцевъ ни у Китайцевъ, и только Дегинъ,—приведенный въ забвеніе сходствомъ именъ и ложными толкованіями Венгерцевъ,—пустилъ въ оборотъ эту странную мысль, которая всеми историками принята безъ разсмотрѣнія. Могли ли слабые бѣглецы покорить себѣ почти всю Европу?⁽⁴⁷⁵⁾

⁽⁴⁷¹⁾ Моск. Вѣст. 1829, ч. VI, стр. 136.

⁽⁴⁷²⁾ тамъ же, стр. 139.

⁽⁴⁷³⁾ стр. 140—141. Тутъ же, въ примѣчаніи гнъ Погодинъ выписываетъ замѣчательныя слова историка Швейцарин, Миллера, изъ письма его къ Бонстеттену. Занимаясь пространнѣйшими извлеченіями изъ лѣтописателей среднихъ вѣковъ, Миллеръ говоритъ: *Jordanes de rebus Gothorum ist vollendet. Attilae grab ist auch vortrefflich. Ueberhaupt erkennt man an Attila die Politik der heutigen Könige.*

⁽⁴⁷⁴⁾ стр. 142.

⁽⁴⁷⁵⁾ стр. 143.

Вообще Славяне столь же древни въ Европѣ, какъ Греки и Римляне: это *доказывается* древнею земледѣльческою ихъ жизнію, чертами лица, устройствомъ и цвѣтомъ глазъ, цвѣтомъ волосъ, видомъ бороды, одеждою, народочисленіемъ, Византійскими писателями, кототорые не переставали употреблять имена Скиѳовъ, Сарматовъ и проч. до позднѣйшихъ временъ, когда собственное имя народа *Русь* записалось уже въ Исторіи⁽⁴⁷⁶⁾.

Венелинъ принесъ ужъ *незабвенную услугу Исторіи* даже и тѣмъ только, что обратилъ вниманіе на смѣшеніе народовъ, которе понять не легче древняго Вавилонскаго; что указалъ новый путь, разставилъ по немъ вѣхи, далъ собственную нить для изслѣдователей, и самъ самъ сдѣлалъ опытъ—пройти съ нею по всему лабиринту. Не говорю уже о частныхъ, *дѣльныхъ и важныхъ*, его замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ по всему сочиненію⁽⁴⁷⁷⁾.

И такъ, авторитето-любивый знатокъ Славянской и общей Европейской Исторіи, рѣшившій участь Шлѣцера приговоромъ Московскаго Профессора, *dessen Verdienste um die russische Geschichte beneidet, aber nicht vergessen gemacht werden können*, вотъ вамъ и непогрѣшительный авторитетъ того же самаго Московскаго Профессора М. П. Погодина, назвавшаго Шлѣцера славнымъ учителемъ! Теперь, конечно, для васъ уже все кончено—«Михаилъ Петровичъ рече сіе», *αὐτός ἔφη*, восклицается вы, привыкши убѣждаться не самою *истиною*, а чужими словами, завѣреніемъ другаго лица... Но для меня, признаюсь, *истина* важнѣе всякаго *авторитета* («даже и Погодинскаго?» даже и его!); самый авторитетъ, по-моему, тогда только пріобрѣтаетъ убѣждающую силу, когда опирается на истину: каждый писатель не чужимъ завѣреніемъ, а собственными произведеніями—«отъ дѣлъ и словъ своихъ»—оправдится или осудится! И потому, судъ о Венелинѣ долженъ быть произнесенъ не съ голосу М. П. Погодина (хотя отзывъ его совершенно справедливъ); не съ голосу рецензента-*пигмея*, заратившагося въ «Москвитянинѣ»; не съ голосу и *онаго знатока*, опершагося въ сужденіи о Шлѣцерѣ—на авторитетъ М. П. Погодина, а въ сужденіи о Венелинѣ—на авторитетъ толико-добросовѣстной пигмейной статейки: значеніе Венелина въ Русской исторической литературѣ должно быть опредѣлено *внутреннею цѣлнностью* его идей объ исторической критикѣ во-

⁽⁴⁷⁶⁾ Моск. Вѣстникъ 1829, т. VI, стр. 144.

⁽⁴⁷⁷⁾ Тамъ же стр. 143,—146,

обще и взглядомъ на древность Руси въ частности: *степень истины*, заключающейся въ его мысляхъ, опредѣлить его *мѣсто* въ ряду историческихъ писателей.

Русская Историческая критика началась въ первой половинѣ XVIII вѣка твореніями Байера, не знавшаго по-Русски и потому-то «съ толикою славою» *объяснявшаго* Русскія лѣтописи. Байеръ первый бросилъ *высшій взглядъ* на историческую критику, какъ на *ловлю созвучій*: для доказательства такой *высокости* взгляда, онъ превратилъ Новгородцевъ въ Кабардинцевъ, Бужанъ-Малороссовъ въ Татаръ Буджакскихъ, Днѣпровскій Витичевъ въ по-Двинскій Витебскъ, Франгузовъ-Бретонцевъ въ Англичанъ-Британцевъ, которыхъ объявилъ Скандинавами, а Скандинавскимъ (Свейскимъ и Датскимъ) дворянчикамъ за храбрые подвиги (въ Снорровыхъ сказкахъ) пожаловалъ имя Варяго-Руссовъ; Миллеръ удержалъ такую *высокость*, и царя Дадона превратилъ въ Одина, а Бову Королевича въ Бауса Одиновича; Струбе также плѣнился этою *высокостью*, и нашего Перуна превратилъ въ Скандинавскаго Тора. Въ противоположность этому *высокому* взгляду на историческую критику образовался-было *Русскій* взглядъ, простой, здравомыслящій: Ломоносовъ потребовалъ *сравненія* древнихъ временъ съ нынѣшними, разсужденія о *естественномъ теченіи бытія человеческого*, т. е. о естественности и логической возможности, и наконецъ *примѣровъ прошедшаго*, послѣ чего призывалъ уже и *филологію*, которую признавалъ *не безсильнымъ* доказательствомъ тогда только, когда опирается на *свидѣтельство древнихъ* и согласна съ результатами, извлекаемыми изъ разсмотрѣнія временъ чисто-историческихъ, вполне *извѣстныхъ*. Но такъ какъ эти основанія исторической критики изгоняли произволь писателя и на мѣсто *ученой фантазіи* вводили *математическую послѣдовательность выводовъ*,—а къ тому же Ломоносовъ называлъ «скотиною» автора ученой Грамматики, производившей Русскихъ бояръ отъ барановъ (въ смыслѣ глупцовъ), Русскихъ князей отъ Нѣмецкихъ холоповъ (knecht'овъ), Славянскихъ Королей отъ Нѣмецкихъ мужиковъ (kerl'евъ), Славянскую дѣву отъ Нижне-Саксонской суки (tiffe),—то, въ отмщеніе за имя «скотинъ», Шлёцеръ называлъ Ломоносова *неученымъ историкомъ*, приписалъ ему мнѣніе Степенной книги, и первый истинно-ученый Русскій историкъ прослылъ за неученаго, по милости благородной штуки Рейнскаго патріотизма. И

такъ всѣ были увѣрены въ честности Шлёцера, что ни кому изъ Русскихъ и въ голову не приходило заглянуть въ Ломоносова и повѣрить на дѣлѣ: правду ли говорить объ своемъ соперникѣ пылкій авторъ опыта Русской Грамматики? Съ голосу Шлёцера, всѣ воображали и увѣряли другъ друга, что Ломоносовъ слѣдуетъ Степенней книгѣ и ведетъ Варяго-Руссовъ отъ Пруссавъ; слѣдственно, такого неученаго историка и читать уже нечего. . . Цѣль Шлёцера была достигнута: Ломоносовъ, всѣми оставленный, даже и Карамзину,—безпорно уже; начитанныйшему изъ Русскихъ писателей,—былъ извѣстенъ только по выпискамъ Шлёцера; Венелину также. Но Русское врожденное здравомысліе вывело его на путь *истины*, и онъ положилъ въ основаніе, своей исторической критикѣ слѣдующія положенія:

Начало Исторіи всякаго народа болѣе или менѣе темно; тому доказательствомъ служатъ разныя историческія изслѣдованія ученыхъ. . .

Но взоръ изыскателя-критика обыкновенно простирается почти только до перваго лѣтописателя. . . Свѣдѣнія лѣтописца, касательно давнопрошедшихъ до него временъ, суть бѣльшею частію *предполага- тельныя*, которыхъ отнюдь не лзя принимать за *истину*, не *повѣривъ* прежде *критикой*. Посему, всякъ согласится, что и взоръ первыхъ лѣтописателей былъ ограниченъ, и могъ простираться *только на из- вѣстное пространство*, почему: 1) отвергаются отклики тѣхъ, кои, по своей легковѣрности, или игривости воображенія, говорятъ о тѣхъ временахъ, до коихъ они не могли проникнуть; 2) отдаленнѣйшую точку, до коей проникало зрѣніе перваго правдолюбиваго *лѣтописателя*, нельзя признавать за первую эпоху *бытія какаго- либо народа*, на примѣръ, Русскаго, съ 862 года.—Вообще, въ объясненіи начала Исторіи того или другаго народа, надлежитъ поступать съ отнѣсною строгостію и осмотрительностію не только къ источникамъ, но и къ самому себѣ: ибо *ошибки лѣтописцевъ*, не- правильное или *педантическое толкованіе* ихъ изреченій, *недоу- мленіе между ими и нами*, весьма легко могутъ подать поводъ къ заблужденіямъ. Главное правило: ни я, ни ты, ни онъ—не смѣй выдавать себя за пробирную палатку, въ коей должна быть признаваема истина, или опредѣляемы степени вѣроятностей; эта честь принадлежитъ *здравому разсудку и естественности*⁽⁴⁷⁸⁾.

Такимъ образомъ верховный судъ отданъ Венелинымъ Исторической Логикѣ, о которой до него и помину сов-

(478) Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I, стр. 18—19.

сѣмъ не было (исключая Ломоносова, уже забытаго помилости Шлёцера); а великіе «оные знатоки» увѣряютъ, будто бы Венелинъ основывалъ все только на созвучіяхъ! то есть: приписываютъ ему, врагу байеровщины, изобрѣтеніе ловли созвучій... Вотъ ужъ, по Русской пословицѣ: съ больной головы да на здоровую! Впрочемъ, вѣдь недаромъ же говорить другая пословица: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить...

Какъ пользовался Венелинъ филологіею, лучше всего показываетъ разборъ слова *конъ*. Это уже совсѣмъ не то, что филологической розыскъ о чухонствѣ слово *Русь*! Выслушай те и судите безпристрастно:

Въ грамматѣ *Млада*, Князя Бассарабскаго, отъ 1472 года, говорится: „и господству ми дадоше *конъ* добръ“ т. е. и господству моему представили о томъ *доброе* свидѣтельство: посему, *конъ* здѣсь означаетъ подлинный, вѣрный или законный актъ или документъ о сдѣлкѣ. Замѣчательно здѣсь употребленіе сего Славянскаго слова, которое, по мнѣнію лучшихъ Славянскихъ языковѣдовъ, значить *начало*. Это справедливо: ибо тоже показываютъ и производныя отъ него слова. Такъ и въ текстѣ древне-Болгарскаго нарѣчія: «изъ-*кони* бѣ Слово» и проч. Уменьшительное *конецъ* противоположно своему корню. Впрочемъ все равно, и то и другое въ понятіи человѣческомъ равно означаетъ *крайность* (*край*), и едвали кто изъ смертныхъ возмется доказывать, который изъ краевъ нитки должно называть *началомъ* и которой *концомъ*; оба они концы и оба начала; Славяне имѣютъ нѣсколько словъ для изображенія сего понятія: *межа*, *предѣлъ*, *край*, *грань* (граница); и производное отъ *гнѣ* т. е. рядъ и порядокъ—(*гнѣ* въ порядокъ привожу, поправляю, начинаю)—*начало*. Самое отвлеченное изъ нихъ *конъ* и *начало* (у другихъ народовъ мѣньше этихъ словъ). Изъ этихъ словъ произошло понятіе власти: *начальникъ*, т. е. дѣлающій, сохраняющій *гнѣ* или порядокъ; такой человекъ бываетъ *началомъ* того, что называется порядкомъ. Правда, что и спутанныя нитки и запутанное дѣло равно приводятъ въ порядокъ съ концовъ (*ordior* начинаю, *ordo* порядокъ). И такъ *конъ* или начало, принадлежащее къ понятію о *пространствѣ и времени*, такъ тѣсно и неразрывно соединено съ идеею порядка, что нельзя не высказать великой истины—(скажу по Болгарски): *из-кони бѣ порядокъ, и порядокъ бѣ начало, и начало бѣ у Бога* (479). Вотъ какимъ образомъ слово перешло съ *конца* въ судопроизводство.

(479) Нельзя не замѣтить здѣсь, что простыя и, такъ сказать, голыя слова, смотря по происхожденію, перѣдко вполне выражаютъ мысль или ученіе народа. Такъ приведенный здѣсь примѣръ содержитъ въ себѣ ту истину,

конъ
яма

Разныя слова и глаголы произшли отъ *конъ*, сохранившіеся въ нынѣшнихъ Славянскихъ парѣчіяхъ. У Сербовъ *коначъ* нитка, *концы* нитки, и тоже *конецъ*, но не часто употребляется: развѣ въ слѣдующемъ выраженіи: *то ме нема ни края ни конца*; это ни имѣетъ ни начала ни конца. У Карпато-Россовъ: *конаю* издыхаю, *конанье* послѣднее издыханіе. Поляки: *doskonaly* совершенный, Русскіе (Сѣверяне): *доконать* довести до крайности физически или доказательствами, т. е. убѣдить совершенно. У Чеховъ *ikon*, *konánj* и *kon* дѣйствіе, совершеніе чего-либо, исполненіе (должности) *actus*, *functio*, отсюда *konawu* и *wukonpu* опытный, практическій (⁴⁸⁰). Въ Россіи въ игрѣ въ *городки* или *гузки*, тотъ называется *конъ*, кто начинается. Сверхъ сего *конитьсѧ* съ кѣмъ-либо, т. е. мѣряя съ кѣмъ либо палку отъ конца до конца, узнать, кто схватитъ послѣдній или верхній кончикъ. Замѣчательно, что тотъ *начинаетъ*, кто послѣдній кончитъ.

Итакъ *конъ* по-Болгарскому понятію (въ грамматѣ) значитъ *поставленіе*, *сдѣлка*, или какъ говорится *законъ*. Однако *конъ* и *законъ* не есть одно и тоже. Очевидно былъ прежде употребляемъ и глаголъ сложнопроизводный *законаю*, *законяю* (только отсюда *законъ*). *За* въ сложныхъ глаголахъ имѣетъ особенную силу. Поелику *конъ* (начало) есть черта *ultra quam pop*, то *законаю* значитъ отчерчиваю, отстраняю, исключаяю; слѣдственно, *за* имѣетъ исключительную, воспретительную силу: на пр. *повѣдаю* говорю, вѣлю, *заповѣдаю*, отрицательно вѣлю, или *не* вѣлю; *прещу*—запрещаю. Посему очень естественно десять Божіихъ запрещеній названы *заповѣдями*, ибо почти всѣ состоятъ въ «не». И такъ *Заповѣдь* и *Законъ* одно и тоже.

Всякой пойметъ, что вообще постановленія, какъ условія общественнаго существованія, должны быть двухъ противоположныхъ категорій или родовъ, положительнаго и отрицательнаго; положеній «да» и «да не»,—положеній требующихъ существованія или осуществленія, и требующихъ уничтоженія, несуществованія.

Такимъ образомъ на двойственномъ своемъ понятіи *добра* и *зла* Славяне, сообразно съ двойственнымъ характеромъ ихъ мифологій,

которой перѣдко и долго добивался умъ человѣческій и которую мы знаемъ изъ Откровенія. Много можетъ быть примѣровъ въ подтвержденіе сему.

(⁴⁸⁰) См. *Logika nebo Umuice. Wydaná od Antonina Marĕa, farára na Tejně, audda Cesko-Slovenske Spolecnosti w Uhrish. W. Praze. 1820*; т. е. *Логика или Умуица*. Издаѣ Ант. Марекъ, Пасторъ на Теѣнѣ, Членъ Чешско-Словенскаго Общества въ Венгріи. Въ Прагѣ 1820.

основали два источника своего правовѣдѣнія, своего кодекса, положительный и запретительный. Отсюда ихъ *коны* и *законы*.

Конечно ни одинъ народъ не дѣлалъ подобнаго различія въ постановленіяхъ; у нихъ *lex*, *Gesetz*, *loi*, на все; и кажется, въ самомъ дѣлѣ, можно одну и ту же вещь выразить и положительно и запретительно, напр. *старыхъ почитать* и *старыхъ не оказывать неуваженія*. Нѣтъ; и то и другое будетъ положительно: но сверхъ сего не все можно изъ человѣческихъ постановленій высказать и положительно и запретительно. Много постановленій касаются только одного запрещенія, напр. *не убей*. Все раздѣляется на *повелѣнія* и *запрещенія*.

Запрещенія, отстраняя зло, дѣлаютъ всѣхъ и всякаго безопаснымъ; *повелѣнія* указываютъ порядокъ, въ коемъ всѣ и всякій должны пользоваться, и можетъ быть, еще наслаждаться жизнью. Не тотъ великій наставникъ, кто наговоритъ своему воспитаннику кучу поучительныхъ наставленій (*повелѣній*), но тотъ, кто умно, хотя и вкратцѣ, умѣлъ *запретить*. Творецъ нашъ небесный далъ намъ одни *запретительные* законы (*leges divinae*), и оставилъ намъ (что непостижимо мудро) на волю уладить между собою свои положительные, и даже измѣнять сообразно характеру, климату, обстоятельствамъ, всякому народу порознь (*leges humanae*). Онъ ими отвратилъ отъ насъ зло, и этого довольно, чтобы мы были счастливы.

Итакъ *leges humanae*, *коны*—были собственно внутреннія, правительственныя *постановленія*, а наконецъ и *частныя сдѣлки*, такъ какъ и въ сей грамматѣ сдѣлка купчей называется *кономи*.

Можетъ быть кто-либо скажетъ: почему же нынѣ Славяне одно слово *законъ* употребляютъ въ обоихъ смыслахъ, и если одно изъ сихъ двухъ словъ должно было остаться въ употребленіи, то почему не сохранилось *конъ*?—Что *конъ* буквально сохранилось, мы уже это видѣли; но что слово *законъ* употребительнѣе, причина тому та, что *запрещеніе* простолюдию, да и всякому человѣку ощутительнѣе, нежели *позволеніе*, или какая-либо сдѣлка. Такова природа человѣческая. Впрочемъ *конъ* есть основаніе тому, что и мы и другіе народы называютъ *правоми*. Собраніе *коновъ* составляетъ *правду*. И постановленіе наказанія за нарушеніе закона есть *конъ*; и *конъ* и *законъ* есть дѣло *правды* (*далнія права*) т. е. суда.

Поэтому всякое постановленіе называлось *конога* или короче *книга*. А отсюда простолюдиемъ названъ *коногою* или *книгою* и всякій исписанный лоскутокъ кожи (пергамина), доски, или бумаги; а наконецъ и матеріалъ. Это тоже, что и у Римлянъ *tabula*, *tabella* доска, дощечка, и *tabella* письмо, *tabellarius* письмоводитель, *письмоносецъ*, почталіонъ.

И нынѣ Болгаре письмо, и даже всякую исписанную бумажку называютъ *книгою*; а наконецъ слово перешло и на бумагу, которую означаетъ: *листа книга* и собраніе исписанныхъ листовъ *книга*.

Разумѣется, что съ симъ вмѣстѣ связано неразрывно и лицо законодателя; это слово *Конязь* или *Князь*, производное прилагательное притяжательнаго смысла, по свойствамъ языка Славянскаго произшедшее отъ имени кончавшагося на *гъ*: посему *Конягъ*; теперь вижу, что оно было самое прямое нарицательное названіе верховнаго повелителя, или лучше сказать, *законодателя*; ибо по смыслу слово *Конягъ* или *Коняга* (отвага, бродяга, скряга, плутяга, очагъ, врагъ) значить законодателя. Сеперь можно рѣшительно сказать, что *König*, (какъ и *Шеллягъ* schilling, Варягъ weging) и *König*, употребляемое Нѣмцами, есть Славянское слово. Отсюда—то *Конязь*, *Князь*, сынъ *Коняга*.

А вотъ какъ понималъ Венелинъ *филологію* и *языкъ* вообще (тамъ же, въ примѣч.):

Полный словарь народнаго языка есть система его *философій*. Это и названо *Философій Языка*. Конечно у насъ, Славянъ, нѣтъ поименованныхъ Аристотелей, Платоновъ, Зиноновъ, Эмпедокловъ; но что за нужда, у насъ есть огромный Словарь: раскрываю его и назидуюсь.

Не всякій языкъ въ равной степени можно назвать *философическимъ*. Въ этомъ отношеніи можно назвать таковымъ только тотъ, въ которомъ *богаче* и *разнообразнѣе* словопроизводство; словопроизводнѣе же тотъ языкъ, въ которомъ *меньше* *всѣхъ* корней. Безсмертный Аббатъ *Добровскій* сосчиталъ всѣ корни Славянскаго языка и нашлось съ небольшимъ 1,600. Очень мало! И, не смотря на то, всякаго слова источникъ въ числѣ ихъ. Въ Нѣмецкомъ, столь богатомъ словами, несравненно болѣе корней. Въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ великое множество словъ безъ корней, т. е. одни обломки, или же ихъ корни въ Славянскомъ. Ближе подходитъ къ Славянскому словопроизводство Греческаго. О Французскомъ и Англійскомъ нечего и говорить; все собрано, откуда можно было вѣять. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Славянскій долженъ быть *философичнѣе* всѣхъ прочихъ, ибо только полное его и обширное словопроизводство можетъ показать ходъ мыслей Древнихъ. Мнѣ часто приходила въ голову дерзкая мысль, что можно въ трехъ или въ четырехъ томахъ составить, по словарю, *Философскую Систему древнихъ Славянъ*.

Если я приписываю древнимъ Славянамъ *высшую мыслительность*, то это оправдывается тѣмъ, что они необходимо должны были быть мыслителями по свойству своего *языка*; или даже можно сказать на оборотъ: языкъ ихъ сдѣлался гибкимъ отъ того, что *народъ* былъ мыслителенъ.

Доказательствомъ мыслительности служатъ мудрыя изреченія, взятая изъ общежитія. Эти изрѣченія суть *пословицы*. Я не знаю ничего о мыслительности Греческаго и Латинскаго народа: *Corpus Adagiorum* или *Sententiae Virorum Clarorum* есть извлеченіе изъ сочиненій *ex professo*. Англійскія, Нѣмецкія и Французскія пословицы не многочисленны и далеко уступаютъ Славянскимъ. Но за то прошу взглянуть на многочисленность и силу сихъ послѣднихъ. Пословица есть результатъ длиннаго размышленія; и не одна Русская пословица иногда на меня дѣйствуетъ сильнѣе сентенціи Аристотеля или Цицерона.

Но это о цѣлыхъ рѣченіяхъ; а я говорилъ что *даже и одно слово* отбѣняетъ нравственную мысль народа. Высоко и справедливо понятіе въ словѣ *начало* (отъ *гунъ*), велико слово *Князь* (не отъ *коня*, а отъ *кона*): по такъ ли высоко и благородно выразятся Нѣмецъ и Латинецъ? *Anfang* (отъ *fangen* схватываю) схватка или *principium* (или *primum principium* отъ *capio*) *первая схватка!* *princeps* т. е. *первый схватившій!* или у Нѣмцовъ древнихъ *first* т. е. *первый* или *гех* (отъ *гего* править,) *понять правитель?*—

Да не подумаетъ кто-либо, что я говорю это изъ безотчетливой привязанности къ своему племени; я хотѣлъ только обратить на это вниманіе Славянъ, порицателей Славянскаго же племени, которымъ свои *предки* кажутся грубѣйшими варварами потому только, что *сами* очень недалекъ видны.

Спрашиваю всѣхъ безпристрастныхъ изыскателей: *кто* такъ основательно разсуждалъ объ языкѣ вообще и такъ глубокомысленно разбиралъ слова этимологически? На Русскомъ языкѣ до Венелина и подобнаго ничего не было.

Слѣдственно: только люди не читавшіе Венелина могутъ писать, будто бы онъ не понималъ ученой филологіи и все основывалъ единственно на сходствѣ звуковъ!

Посмотримъ теперь, какими средствами надѣялся Венелинъ уничтожить противорѣчія и споры историковъ между собою:

Если въ познаніяхъ человѣческихъ есть понятія или *физически* или - же *логически* положительныя, то въ такихъ познаніяхъ нѣтъ мѣста *мнѣніямъ*, слѣдовательно нѣтъ мѣста и *противорѣчіямъ*. Вотъ почему не было *разныхъ* мнѣній о томъ, что *дважды два четыре*.

Есть однако не только *математическія*, но и *логическія* аксіомы или истины, недопускающія никакихъ *мнѣній*, разсужденій. Такъ напр. изъ правила, что *уголъ отраженія происходитъ подъ угломъ паденія*, откроете существованіе невиданнаго и невидимаго вами предмета. Если укажете мнѣ на потолокъ сосѣдней комнаты солнечное пятно, и скажете мнѣ, что въ той комнатѣ на извѣстномъ мѣстѣ стоитъ кусокъ зеркала, *повѣрю* вамъ. Если вы, сообразивши направленіе луча, откроете и наклоненіе, въ которомъ находится зеркало въ отношеніи къ солнцу, *повѣрю* вамъ. Если я самъ буду въ состояніи сообразить и понять это, то тогда уже перестану *вѣрить*, потому что стану *знать*. Стану знать не только *существованіе* зеркальца, но и его *мѣсто* и его *наклоненіе*, не смотря на то, что я всего этого не вижу. Можно открыть еще больше, если лучевое пятно на потолокъ движется, или даже бѣгаетъ; тогда я открою, что зеркало находится въ движущей рукѣ *человѣка*, или *играющаго ребенка*. Такимъ образомъ открыто существованіе и *человѣка* или *ребенка* въ сосѣдней комнатѣ, о которомъ однако молчали всѣ *мѣтописи*!

Совершенно тоже правило *общей логики* должно управлять и Историческимъ *вѣрованіемъ* и *знаніемъ*. Древніе писатели оставили намъ тысячи этихъ лучевыхъ пятенъ, по которымъ очень можно было открыть и знать о существованіи *тысячи* предметовъ и отношеній, о которыхъ не упоминали, *молчали* Древніе. Тогда только логическая критика возвратила бы Исторіи ея истинное достоинство: сдѣлала бы изъ нея *догматъ*, то есть: знаніе, сдѣлала бы ее *наукою*, свѣдѣніемъ для *человѣка*! тогда не было бы *разныхъ* мнѣній, т. е. противорѣчій! *Разныя* мнѣнія, т. е. противорѣчія, ясно и неопровержимо доказываютъ, что Историко-Критическая логика находится еще въ своей *глиняной* эпохѣ. (482)

Руководимый этими началами, Венелинъ скоро замѣтилъ основную ошибку прежнихъ изслѣдователей, которые не знали, что Словенами называется себя одинъ только народъ въ цѣломъ мірѣ, именно Словенцы и Словаки, живущіе отъ Адриатическаго моря до истоковъ Вислы; что этотъ одинъ народъ собственно и назывался Sclavi, Sclavini, Sthlavi, хотя впослѣдствіи чужеземцы распространили это имя и на прочіе единоплеменные съ Слованцами народы; и слѣдственно подъ именемъ Sclavin'овъ, Словенъ, Славянъ, можно отыскивать исторію только нашихъ Дунайскихъ братьевъ, а не нашу, не Польскую, не Чешскую, не Сербскую, не Болгарскую, откуда неизбѣж-

но вытекало другое слѣдствіе, что Болгаре, Сербѣ, Русѣ, Чехи, Ляхи, Поморяне покрывались у Греческихъ писателей не именемъ *Slav'ovъ*, а *иными*, которыя и должна сънихъ снять *Историческая критика*.

Въ I томѣ изслѣдованій о Болгарахъ Венелинъ уже очень ясно высказалъ мысль эту:

Имя Словенъ (*Словене, Словенцы, Словаки* одно и то же, какъ и Россіяне, Русскіе, Русаки) принадлежало всегда исключительно *одному* Славянскому племени, а именно: Паннонцамъ и Итало-Украинцамъ; прочія же имъ никогда не назывались. Иноплеменники произносили сіе имя *Σκλαβι, Slavi, Slavini*; довольно страннымъ образомъ они распространили оное, въ своемъ воображеніи, и на прочія сродныя съ Словенами племена, такъ что *Словене, или собственно видовое*, стало дѣлаться и *родовымъ*. Въ Европѣ и по сію пору пишутъ сіе названіе только по Латинскому правописанію: *die Slaven, les Slavons* или *Slaves*, и никогда не означаютъ, о чемъ говорятъ: о *видѣ* ли? или о *цѣломъ родѣ*? Сія неопредѣленность понятій причинила вообще въ Европейской исторіи чрезвычайную путаницу: употребленіе видового имени вмѣсто родового подало многимъ поводъ думать, будто издревле дѣйствительно *всѣ* виды сего обширнаго рода назывались симъ именемъ, что однако несправедливо. Сія-то ошибка породила и многія другія; между прочимъ покровительствовала понятію о *татарствѣ* Болгаръ, о *скандинавствѣ* Россіянъ и проч. Однако Русскія лѣтописи не подражали Грекамъ и Римлянамъ, а писали (какъ надлежитъ) *Словене*, чего не поняли всѣ наши толкователи. Съ нѣкотораго времени и въ Россіи иные писатели, между прочими и Карамзинъ, ввели *Славянъ* въ Русскій языкъ, такъ однако, что и по сію пору иные пишутъ «Словене», а другіе «Славяне», но и тѣ и другіе въ одномъ значеніи, т. е. подобно иностранцамъ, сами не знаютъ: въ какомъ? Но пора говорить внятіе: пора имя *Словене* возвратитъ племени, коему оно принадлежитъ исключительно, въ *видовомъ* значеніи; но какъ *общаго* имени *всѣхъ* племенъ никто не знаетъ, то вмѣсто онаго можно допустить введенное уже: *Славяне*. (4⁸⁵).

Это чрезвычайно важное наблюденіе совсѣмъ было упущено изъ виду прежними критиками и породило сотни разсужденій о томъ, *когда Словене* (NB. донинѣ живущіе на среднемъ Дунаѣ) *удались съ Дуная* и заселили Чехію, Балтійское поморье, Польшу, Россію, Болгарію, Сербію? И начали спорить, доказывая, что *вѣроятно* это

(4⁸⁵) Древн. и нын. Болгаре, т. I, стр. 65—66.

было въ VII вѣкѣ по Р. Х. при Кубратѣ Болгарскомъ, въ доказательство чего стали ссылаться на лѣтопись Пр. Нестора, забывъ, что Пр. Несторъ, излагая свои мысли о древнѣйшей нашей исторіи, говоритъ, что это расселеніе Славянъ совершилось «по разрушеніи столпа (Вавилонскаго) и по раздѣленіи языкъ по мнозѣхъ времянѣхъ»⁽⁴⁸⁴⁾; слѣдственно, относить это событіе къ временамъ предъ-историческимъ и благоразумно не назначаетъ опредѣленнаго времени; старобытными же обитателями *полунощной страны*, на сѣверъ отъ Понта или Чернаго моря, ставитъ *Русь*, а за нею *Чудь*⁽⁴⁸⁵⁾, и прямо говоритъ что *въ Руси языкъ* (народъ) *Словенскъ*⁽⁴⁸⁶⁾. Новѣйшіе же изыскатели, приурочивъ это *предполагаемое* расселеніе Словенъ къ VII вѣку Христіанской эры, заключили такъ: если Словене появились въ нашей землѣ только въ VII вѣкѣ, то Скиѣы, Сарматы и прочіе упоминаемые тутъ до VII вѣка народы, какъ не-Словене, *вѣроятно* были Татары, Монголы, Финны, *можетъ быть* исчезшіе при переселеніи Словенъ, которые черезъ двѣстѣ лѣтъ призывали Скандинавовъ, причемъ и помѣнялись именемъ: Свей подарили Словенамъ свое Чухонское прозвище Ruotsi, передѣленное Словенами въ *Русь*; а Словене подарили Свеемъ свой языкъ, забыли настоящее имя своихъ князей, перестали помнить что они Свей, и начали звать ихъ по-Чухонски!...

Венелинъ, открывъ *причину* заблужденій, снялъ завѣсу, скрывавшую Болгаръ подъ именемъ Гунновъ; обличилъ софизмы Тунмана и Энгеля, относительно ихъ мнимо-Татарскаго происхожденія; указалъ, что сами Болгаре составляли только восточную отрасль Русскаго народа, и вывелъ отсюда, что Русскій народъ всегда жилъ въ Руси, хотя Греки называли насъ не-Русью, а Скиѣами (Чужаками), Савроматами (Ящероглазыми—голубоглазыми, по цвѣту глазъ), Меланхленами (Чернозипунниками), Макрокефалами (Длинноголовыми, отъ обритыхъ бородъ, въ слѣдствіе чего лице кажется длиннѣе) и проч. Изложивъ свои соображенія объ этомъ предметѣ, Венелинъ смѣло провозгласилъ:

Русь или Руссы, какъ народъ Норманскій, Скандинавскій, никогда не существовалъ, и есть только плодъ *жалкаго толкованія*, или *фантастическое произведеніе* нѣкоторыхъ изыскателей. *Не по-*

(484) Лаврент. списокъ, стр. 2.

(485) тамъ же стр. 2.

(486) тамъ же стр. 6.

няли Нестора: *да еще какъ не поняли!* Байеро-Шлёцеровское учение о происхождении Россіянъ (и Варяговъ) почти слово въ слово походить на Тунмано-Энгелевское о происхождении Болгаръ ⁽⁴⁸⁷⁾.

Венелинъ только *указывалъ*: смѣтливые, конечно, могла его понять; прочіе возопили отъ ужаса, прочтя эти положенія, и не видя тутъ же передъ глазами доказательства сказанному. Соображать самому, знаете, трудновато, да и умственная машина давнымъ-давно заржавѣла послѣ Байеровой ловли созвучій; такъ и выводы Венелина для людей *не привыкшихъ размышлять* показались невѣроятными, даже нелѣпыми, потому что «съ Байеромъ согласны всѣ *учёные*», по мнѣнію шлёцеріанъ. Венелинъ самъ признавался, что «развитіе этихъ положеній требуетъ распространиться *еще на три или на четыре тома*»; что «по недостатку мѣста надобно было придерживаться возможной краткости, и потому-то книга состоитъ *почти изъ однихъ темъ* или задачъ для разсужденій съ краткими наставленіями»; что «книга эта далека отъ совершенства, и довольно съ нея и того, если она могла указать *возможность* анти-сектическаго, *православнаго* историческаго вѣрованія ⁽⁴⁸⁸⁾».

Разсматривая событія преимущественно со стороны *логической возможности*, Венелинъ касается только общаго, снимаетъ съ Русскаго народа только главныя названія, подъ которыми онъ слылъ у иноземцевъ, и на каждомъ шагу твердить, что это еще только начало, что доказательствъ много еще и кромѣ логическихъ соображеній, но что эти прочія доказательства онъ предоставляетъ себѣ развить въ слѣдующихъ томахъ, вызывая на этотъ трудъ всѣхъ любителей исторіи. Показавъ на прим. что именами Гунновъ, Акатзировъ (Казаровъ), Гетовъ или Даковъ, Алановъ, Раксалановъ (Росс-алановъ) покрывался именно Русскій народъ, Венелинъ пишетъ: «*вогъ вкратцѣ* о разныхъ именахъ нарицательныхъ, коими покрываемы были Россы; надѣюсь, что историки, при описаніи разныхъ событій, опишутъ это *обстоятельнѣе*; впрочемъ сія статья, обработанная обстоятельнѣе, можетъ представить весьма важное и обширное историко-критическое разсужденіе» ⁽⁴⁸⁹⁾; или: «я показалъ выше *только* подъ *какими* именами должно искать подробныхъ свѣденій о Руси; над-

⁽⁴⁸⁷⁾ Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I. стр. 175.

⁽⁴⁸⁸⁾ Скандиновоманія, стр. 102.

⁽⁴⁸⁹⁾ Древніе и нын. Болгаре, т. I, стр. 197.

лежить собрать оныя и объяснить: это не входило въ кругъ моихъ изысканій, касающихся только до главныхъ положеній историческихъ» (490). Изложивъ главныя черты исторіи той стороны, которая по-гречески называлась *Скиѳіей*, а по-скиѳски *Русью*, Венелинъ пишетъ: «продолженіе объясненій по сему направленію (къ чему я осмѣливаюсь пригласить всякаго отечественнаго любителя исторіи), со-временемъ можетъ довершить то, въ чемъ еще недостаточны наши свѣденія касательно первобытной Руси или Скиѳіи» (491). Относительно же племенъ между Вислою и Рейномъ, Венелинъ сказалъ только, что имъ «досталось другое вздорное же общее названіе: Братовщина или *Germania*» (492); что «слишкомъ половину Братовщины населяли Славяне» (503); что «чрезмѣрное пристрастіе Нѣмецкихъ изыскателей къ своему племени заставило видѣть во всей Германіи только однихъ Нѣмцевъ, и смотрѣть сквозь пальцы и зажмуренные глаза на величайшіе и важнѣйшіе вопросы древней сѣверной исторіи, а именно: въ какихъ отношеніяхъ находились заграничныя владѣнія Вандалинъ къ своей метрополіи? были ль правители сихъ большихъ частей настоящими королями (*reges*), какъ воображали себѣ и именовали ихъ Итальянцы? или феодалными правителями, *feudales*? или просто чиновными верховными начальниками, наместниками, *locumtenentes reges*? когда и какъ завоеванія Вандаловъ отпали отъ старой Вандалинъ: подобно сѣверо-Американскимъ штатамъ, Мексикѣ, или подобно Бразиліи?» (494) и объявилъ: «я далекъ отъ того, чтобы, подобно симъ ученымъ, на-оборотъ приписывать все Славянамъ; признаюсь, что въ сей Готской или общей Германской кутермѣ скрывается и значительная часть *Дайгерскихъ* племенъ, только надобно по-потѣть въ изысканіяхъ, чтобы опредѣлить имъ надлежащее мѣсто и въ *Исторіи* и въ *Германіи*. Я здѣсь изложилъ только общія черты, или главное основаніе; прочія же подробности объяснить дальнѣйшее изслѣдованіе» (495). Въ 1835 году Венелинъ приступилъ къ изданію II-го тома своей книги, въ которомъ надѣялся обработать древно-

(490) Древніе и нын. Болгаре, т. I, стр. 210.

(491) тамъ же, стр. 218.

(492) стр. 179.

(493) стр. 188.

(494) стр. 228—229.

(495) стр. 229.

сти Словенъ, по отношенію къ Исторіи Болгаръ (⁴⁹⁶); не смотря на крайне-стѣсненные обстоятельства въ слѣдующемъ году (1836) началъ онъ печатать еще другое сочиненіе подъ названіемъ «Скандинавоманія и ея поклонники», въ которомъ хотѣлъ подробно разобрать Байера и все ученіе его послѣдователей. . . Смерть постигла неутомимаго изыскателя, когда перваго сочиненія было отпечатано только 15 листовъ, а другаго 7; только и было выдано, въ шесть лѣтъ . . .

Не имѣя возможности довести до конца любимый трудъ свой, Венелинъ старался въ разныхъ журнальных статьяхъ, *между прочимъ*, обратить вниманіе читателя на объясненіе того или другаго явленія. Какъ много важныхъ замѣтокъ разбросано у Венелина въ этихъ произведеніяхъ, можетъ служить доказательствомъ одно мѣсто изъ разсужденія *О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ* (⁴⁹⁷). Тутъ онъ разсуждаетъ объ ожесточеніи, на которое до сихъ поръ не обращали вниманія, говоря о причинахъ паденія Рима. Сказавъ о впечатлѣніи, произведенномъ Рейнско-Дунайской восною линіею Римлянъ на сосѣднія племена,—Венелинъ пишетъ:

Наконецъ Провидѣніе наслало *бѣгъ* свой, Атилу, который разорвалъ эту пагубную желѣзную Дунае-Рейнскую цѣпь, такъ жестоко тяготившую всю Европу. Послѣ сраженія при Шалонѣ и кроваваго взятія Аквилей, Италію вогналъ онъ въ ея древніе предѣлы, и Европа отдохнула. Атила далъ ей свободу и пошли кодификаціи! Появилась тотчасъ *lex Salica, lex Frisonum, lex Ripuarianorum, lex Burgundionum, lex Alemannorum, lex Frisonum*. Если Юлій Цезарь началъ и установилъ *чужеземство*, Атила установилъ *кодификаціи* и свободу Европы.— На смерть этаго необыкновеннаго человека, говоритъ современный писатель, съѣхались въ Сочаву, что въ Буковинѣ, владѣтели всѣхъ народовъ освобожденной Европы, и *Сочавскій* этотъ *конгрессъ* навѣки останется великою эпохою въ судьбахъ Европейскихъ племенъ. (⁴⁹⁸)

Но болѣе всего вооружали противъ Венелина безпощадныя насмѣшки, которыми преслѣдовалъ онъ защитниковъ исторической безсмыслицы. Посмѣявшись надъ писателями, ко-

(⁵⁰⁶) Московскій Наблюдатель (1835), ч. II, стр. 151.

(⁴⁹⁷) Оно помѣщено въ «Телескопѣ» (1835) и потомъ напечатано отдѣльною книжкой.

(⁴⁹⁸) О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ, стр. 63.— Какъ вѣренъ былъ взглядъ Венелина и какъ справедливо это его замѣчаніе о значеніи Атилы—докажетъ подробное разысканіе о той эпохѣ, помѣщенное въ трактатѣ моемъ о Гупнахъ.

торые не хотят разобрать дѣла и повторяютъ одни за другими, что Римскую Имперію разрушили les barbares Nord, — не трудясь надъ разрѣшеніемъ вопроса, кто же были эти «сѣверные варвары», — Венелинъ рассказываетъ анекдотъ объ одномъ мудромъ просвѣтителѣ, который на разныя вопросы, естественно тутъ возникавшіе, «дѣлалъ такую же глупую рожу, какую только можетъ сдѣлать своему ребенку незамужняя Маменька на вопросъ Папенькѣ.» Насмѣшку-разсужденіе, о томъ какъ иногда *ребячествуютъ* великіе даже писатели, онъ заключилъ словами: «вообще всѣ произведенія Скандинавоманіи представляютъ немало примѣровъ веселаго *буфонства*, которое однако *нѣкоторые Русскіе мараки* довели до *pas plus ultra*, такъ что уже остается только сожалѣть о такой *мыслительной мизерабельности*. Сами Шведы надъ ними смѣются, потому, что нынѣ именно въ Скандинавіи *меньше* всѣхъ Скандинавоманіи и *больше* здраваго смысла». — Это и внушило ему мысль разоблачить Скандинавоманію во всей наготѣ, выставить все ея противорѣчіе здравому смыслу; къ сожалѣнію, онъ успѣлъ подробно разобрать одного только Байера, котораго твореніе de Varagis и прослѣдилъ со страницы на страницу; прочіе писатели очеркнуты весьма кратко, за исключеніемъ одного Шафарика, о взглядѣ котораго на Славянскія древности высказано много правды: (499)

Чѣмъ больше *запутывали* и затемняли Исторію всякаго Славянскаго племени — гипотезами, тѣмъ болѣе дѣлается она загадкою въ глазахъ Теоремановъ, Монголомановъ, Тевтомановъ, Скандинавомановъ. *Leider!* вопіютъ они, *die Geschichte der slawischen Völker ist bis jetzt noch ein Problem!* Malheureusement l'histoire des Slaves est encore un problème! Воскликнемъ-же и мы въ свою очередь: *увы!* донынѣ остается тайною *ключъ* къ Исторической Силлогистикѣ Славянскихъ Теоремановъ, Скандинавомановъ, Тевтомановъ, Монголомановъ! и донынѣ мѣсто Юрнандово о *Словенціи* служитъ единственнымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ этихъ *сектъ!*....

Замѣчательнѣе всего то, что ни одинъ изъ Европейскихъ Невославянскихъ народовъ не задавалъ себѣ вопроса о *происхожденіи* своего племени: по крайней мѣрѣ не помню диссертаций *Ueber die Abkunft der Deutschen*, или *Sur l'origine des Français*, о *происхожденіяхъ, прихожденіяхъ и перехожденіяхъ* Нѣмецкаго или Французскаго народа.

(499) Скандинавоманія, стр. 94, 96—99, 103—110.

По Славяне, или же любители Славянъ, помѣшались на *произхожденіяхъ*, на *началъ*. Задавать себѣ на разрѣшеніе задачу *неразрѣшимую* — есть высокая *нелѣпость* (*une haute absurdité*). Да и кто можетъ угадать начало гигантскаго народа, заселившаго *два трети* Европы! Само собою разумѣется, что на *нелѣпую* задачу слѣдуютъ *нелѣпые доводы*. Вотъ и начало фантазмагоріи въ Исторіи Славянскихъ племенъ, которыхъ теореманы заставляютъ являться подобно Китайскимъ тѣнямъ!

Нынѣ Нѣмцы заставляютъ Славянъ происходить всячески, а Славяне обижаются, преимущественно въ *Варшавѣ*, въ *Прагѣ* — столицѣ Богеміи, и въ *Будинѣ* столицѣ Венгріи. *Суровецкій* (скончавшійся 1827 г.) рѣшился изслѣдовать начало всѣхъ Славянскихъ племенъ, исписалъ 300 листовъ, и всячески перевертѣлъ слова Иорнанда о границахъ Штиро-Венгерскихъ Словаковъ. *Суровецкій* придумалъ новый *треугольникъ* для *всѣхъ* Славянскихъ племенъ! Сокращеніе этихъ изысканій читалъ онъ, 24 Января 1824 года, въ собраніи Варшавскаго Общества *пріятелей наукъ*, и помѣстилъ въ XVII томѣ трудовъ этого Общества подъ заглавіемъ: *Sledzenie poczatku Narodow Slowianskich. (Warszawa. 1824)*

Другой патріотъ, въ Венгріи, *Павелъ Шафарикъ*, родомъ изъ Венгерскихъ Словаковъ, полюбилъ выгоды Варшавца: пожелавъ сообщить ихъ Нѣмецкой публикѣ, перевелъ, прибавилъ много своихъ собственныхъ соображеній и подкрѣпленій, и въ 1828 году напечаталъ въ *Будинѣ* подъ заглавіемъ: *Über die Abkunft der Slawen. Ofen. 1828. стр. 212. (О происхожденіи Славянъ.)*

Г-нъ Шафарикъ тоже принялся за *Словеницію* Иорнандову, какъ и всѣ предшествовавшіе ему теореманы. Однако *треугольникъ* Суровецкаго показался ему маловатымъ для *столькихъ* Славянскихъ племенъ. Для того онъ *Iacus Mursianus* Иорнанда изъ Панноніи пересадилъ на берега Чернаго моря! и притомъ самымъ натянутымъ словопроизводствомъ. *Mursianus* онъ превращаетъ сперва въ *Musi-anus*, а послѣ *Mysianus*, отъ слова *Mysia*, *Maesia*, и силится доказать, что *Mursianus* (происходящее собственно отъ *Mursa* въ Панноніи) значитъ *Бабадагское* озеро у устья Дуная! озеро, которое тамошніе жители по-Турецки называютъ *Рамзинъ*! Перековерковъ *Mursianus* въ *Mysianus*, Шафарикъ продолжалъ дальше, изъ *Mysianus* дѣлая *misin*, *m'sin*. Осталось *Ра*, которое Шафарикъ отъ корня *рс* производитъ вмѣстѣ со словами *роса*, *рѣю* и названіями Славянскихъ рѣкъ, — и вышло *Ра-мзинъ*! — Не знаю однако, по Шафарикову ль словопроизводству (т. е. изъ слова-ли *Moesia* и Славянскаго корня *рс*) образовали Турки свое *Рамзинъ*! — Такимъ обра-

зомъ Шафариковы Славяне, набродившись до-сыта по разнымъ треугольникамъ господъ изыскателей, наконецъ могли папиться водицы изъ Бабадагскаго озера!

Вообще въ изысканіяхъ *Шафарика* есть и *хорошія нѣкоторыя соображенія*, но ни одной логически-основной *управляющей* мысли. Въ немъ отразились всѣ секты: онъ Теореманъ въ своей Слованціи; Скандинавоманъ относительно Русскаго и Варяжскаго племенъ: тутъ его выводы зависятъ отъ выводовъ Байера или Струбе; онъ Монголоманъ относительно Руси и Болгаръ; онъ Тевтоманъ касательно древности Славянъ Германскихъ, не смотря на то, что силится доказать старобытность Славянскихъ племенъ въ Европѣ.

Но, послѣ вѣчныхъ возгласовъ о *загадочности* древностей Славянскихъ племенъ, можно было изслѣдовать причины этой мнимой загадочности: понемногу открылись бы Теореманія, Скандиновоманія, Монголоманія, Татароманія. . . .

Въ одно время съ его сочиненіемъ «О происхожденіи Славянъ», вышло сочиненіе *Паррота* «*Über Litwen, Letten und Esten*» (1828), въ которомъ авторъ утверждаетъ, что Славяне народъ *восточный* и *рѣшительно новый*, явившійся въ первый разъ въ Европѣ въ концѣ V вѣка—только неизвѣстно откуда и какъ, и что языкъ этого народа въ филологическомъ отношеніи не стоитъ ни малѣйшаго вниманія. Въ Вѣнскихъ *Jahrbücher der Litteratur*, говоритъ Шафарикъ, очень недавно одинъ доказывалъ, что Славяне Монгольскаго племени! . . . *Halling*, помѣстивъ въ *Wiener Jahrb. der Litt.* (1833) разборъ изслѣдованій Шафариковыхъ, въ которомъ отвергаетъ древность Славянъ въ Европѣ «безъ всякихъ доказательствъ», восклицаетъ Шафарикъ.

Въ негодованіи, П. I. Шафарикъ написалъ, на Чешскомъ языкѣ, свои «*Мысли о старобытности Славянъ съ Европѣ*», и помѣстивъ въ *Sazpis Ceskeho Museum* (1834 г. N 1. стр. 23 — 57). Мысли эти помѣщены были въ VIII-й части Московскаго Наблюдателя (1826 года, стр. 50—84,) гдѣ между прочимъ такъ *плачутъ*:

«Исторія древнихъ Славянъ, не смотря на то, что многіе уже о ней писали, и свои и иностранцы, по сію пору не достигла еще той степени свѣтлости и очевидности, на которой каждый истинный Славянинъ желалъ бы ее видѣть. Главною причиною тому «съ одной стороны запутанность и трудность *самаго предмета*,» (ужь не незапутанность ли въ *головѣ* причиною тому?) «съ другой недостаточность, чтобъ сказать ничтожность нашей Исторіографіи.» Да развѣ древніе больше писали о Нѣмецкихъ племенахъ, нежели о Славянскихъ? И отъ того-ли Исторіографія Славянъ *бѣдна*, что Шафарикъ не такъ понимаетъ Приска, Прокопія, Энводія,

Юрнанда, Нестора!) «Древніе Славяне были люди кроткіе (?), спокойные, любившіе заниматься торговлею и ремеслами, и потому древніе Историки, обращавшіе свое вниманіе только на гульбитвѣ, мало заботились о нашихъ Славянахъ». Что на резонъ! Развѣ Шафарикъ не видитъ, что потомки Цесаревыхъ Аллемановъ, то есть Баденцы, Виртемберцы, Тиролецъ, въ тѣхъ же мѣстахъ и доселѣ, какъ и Цесареви; что Цесареви Нѣмцы (Nemetes) и доселѣ въ той-же Эльзаси и Швабіи, и что его Тейштеры (Teuchteri чит. *Тейштеры*) и доселѣ остались по Саксоніи кромѣ перехода вынужденнаго въ Британію. Ужели Шафарикъ въ погромителяхъ Восточной Римской Имперіи, Ост-Готѣхъ и Гуннахъ, не видитъ двухъ Славянскихъ племенъ, если на оборотъ не хочетъ видѣть ихъ потомковъ въ нынѣшнихъ Задунайскихъ Славянахъ—*Болгарахъ* и *Сербсахъ*! заселившихъ всю нижнюю Паннонію, Далмацію, обѣ Мизіи, Фракію, Македонію, и Елладу до самой Спарты! Не значить-ли это ложную или выдуманную характеристику Славянскихъ племенъ стараться доказывать явнымъ *противорѣчіемъ* дѣйствительно Исторіи? Ужели Шафарикъ не замѣтилъ, что со времени Карла Великаго, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ Теореманія прекращается въ Исторіи, Славянскія племена всегда были бойчѣе и буяннѣе Тевтонскихъ, и что съ тѣхъ поръ уже слова *кроткіе, спокойные, любившіе заниматься торговлею и ремеслами* именно принадлежатъ Нѣмецкому характеру. Но увы! Шафарикъ читалъ это мнѣніе у Гердера, и продолжаетъ дальше такъ: «А мы непризнательные потомки къ своимъ предкамъ, измѣнившие своему роду» (вотъ какъ, теперь-де мы не хотимъ быть *кроткими* пахарями, *спокойными* дяурами, и сапожниками Татаръ, какъ это дѣлали Шафариковы Славяне!) «мы пустились искать *происхожденія* своего» (мы уже видѣли какъ г. Шафарикъ отыскивалъ происхожденія своего!) «между Скиѣтами, Сарматами, Роксаланами, Языгами, Гуннами, Аварами, Болгарами, и другими *врагами отцовъ нашихъ*». А въ выпискѣ прибавляетъ: «Въ недавнее время побраталъ (?) ихъ съ Турецкими (??) Булгарами *Юрій Венелинъ*, въ сочиненіи—*Древніе и нынѣшніе Болгаре*. Москва 1829.» Это показываетъ, что Шафарикъ не читалъ со вниманіемъ моего сочиненія, гдѣ я строго отличаю *Болгаръ* отъ *Словенцевъ*, согласно съ тѣмъ, что Византійцы говорятъ о подданствѣ *Slaveпогит* отъ Обровъ, съ тѣмъ, что Несторъ сказалъ: *Болгаре насильницы Словеномъ быша*; или: *Обры насильницы Дулебамъ быша*. Если Шафарикъ въ слѣдствіе этого называетъ Болгаръ или Обровъ *врагами отцовъ нашихъ*; то Россіянинъ, Болгаринъ, Сербъ это выраженіе должны такъ переводить: *врагами отцовъ его* (Шафарика),—потому что Шафарикъ родомъ не Сербъ, не Русакъ, а

Словакъ; тогда онъ былъ бы правъ; но имѣлъ-ли онъ право называть жителей Руси или Болгаріи Татарами отъ того только, что они дѣйствительно были не *Словаки*, а Болгаре, а Русаки! Вотъ основная мысль Шафарика: *кто не Штиріецъ, тотъ не Славянинъ!* Далѣе:

«Иноземцы ни чуть не виноваты въ томъ, что, мы» (кто? всѣ Славяне, или одни только *Словаццы*?) «погрязли въ этомъ Сармато-«Скиѣскомъ болотѣ.» Конечно, *иноземцы* (но кто: Прокопій, Иорнапды и Страбоны? или Байеры и Шлѣцеры?) не виноваты, если у насъ *салихъ* не доставало логики, чему доказательствомъ служить результатъ всѣхъ изслѣдованій о *происхожденіи* Славянскихъ племенъ! Далѣе: «Горе Исторіи того народа, которой ищетъ объясненія своего мраку и жизни своихъ предковъ у иноземцевъ, глядитъ изъ рукъ ихъ.» Это уже новый парадоксъ, и вмѣстѣ *двусмысленіе*: если подразумѣваетъ *древнихъ* иноземцевъ, то, напротивъ ими только и можно пояснить Исторію жителей Руси IX, VIII, VII, VI вѣковъ, эпоху, которую Несторъ не могъ обнять. Если-же намѣкаетъ на *новыхъ* (нынѣшнихъ) иноземныхъ изыскателей, то ужели они могутъ мѣшать намъ пояснить свои древности!

«Намъ самимъ должно заняться своей Исторіей тщательно, неусыпно, разсудительно, и тогда отворятся и для насъ врата во «градъ древностей нашихъ, точно такъ-же, какъ отворились они «другимъ Древне-Европейскимъ народамъ: Грекамъ, Римлянамъ, «Нѣмцамъ.» — Греки и Римляне никогда не входили во врата своихъ древностей, которыя затмѣнены какъ *народными*, такъ и мифологическими сказками, и которыя они передали намъ неочищенные отъ сказокъ. Древніе Аѳинскіе и Спартанскіе Цари вошли въ Исторію изъ простонародныхъ сказокъ, собранныхъ въ одно цѣлое подъ названіемъ *Иліады*. Равно и Ливій взялъ своихъ Римскихъ Царей изъ сказочныхъ источниковъ. Древности Грековъ и Римлянъ стали *систематически* очищать и пояснить Европейцы только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Нѣмцы въ первой разъ хватились за свои древности, и притомъ довольно вяло, только около половины XVIII вѣка; нынѣ-же въ XIX вѣкѣ, стала у нихъ проявляться любовь къ народной Археологіи, чему доказательствомъ служить образованіе Археологическихъ обществъ. Не смотря на это, весь результатъ этихъ трудовъ относительно древностей Нѣмецкаго народа подлежатъ еще *суду новой критики* потому, что Нѣмецкіе новѣйшіе ученые слишкомъ вдали въ Гевтономанію (о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться.)

Шафарикъ, кажется, забылъ, что Славянскіе ученые гораздо опередили если не всѣхъ Европейскихъ, то по крайней мѣрѣ Нѣм-

цевъ, вопросахъ о своей древности, о своей старости. Первый предложилъ этотъ вопросъ—Преподобный Несторъ. Руководствуясь двумя-тремя Византійцами относительно періода до-Рюриковского, и при ихъ недостаточности теряясь въ догадкахъ, онъ излагалъ свои мнѣнія въ введеніи къ своей лѣтописи, оканчивающемся *изгнаніемъ* Варяговъ изъ Новгорода. Это вступленіе есть именно *диссертація* Нестора, которая на всякій случай *несравненно лучше Байеровой*, не смотря на то, что критика не можетъ допустить ея положеній.

И такъ, изслѣдованія въ Славянскомъ мірѣ началъ *Несторъ-диссертантъ*, продолжала же ихъ цѣлая вереница Славянскихъ изыскателей до нынѣшняго дня. Къ какой же стати г-нъ Шафарикъ находитъ, что Славяне ничего не дѣлали, и заставляетъ ихъ *самихъ* дѣлать, не позволяя имъ имѣть никакого сообщенія съ иноземцами, какъ будто между *иноземцами* не можетъ родиться *логическая голова*! Въдѣ досель работали же *сами* Славяне, и *сами* они отдали 40 милліоновъ Славянъ (*Русаковъ*) Скандинавамъ и Монголамъ, *Великую Сербію* (въ Германіи) и *Сербію* Задунайскую (*новую*) Нѣмцамъ, *Болгаръ* Татарамъ! И еще сами жалуются на *загадочность* Исторіи Славянскихъ племенъ!! Не *любви*, не *любитеley* ожидаетъ Исторія Славянскихъ племенъ, а *логики*.

«Чего не сдѣлаемъ мы,» продолжаетъ Шафарикъ, «не доразумѣемъ, что, дастъ Богъ, сдѣлаютъ, доразумѣютъ—не сегодня, завтра,—наши потомки; но для того, чтобы что нибудь могло быть сдѣлано, надо, чтобы оно было уже начато.»

Осмѣливаюсь увѣрить гна Шафарика, что если наше Славянскіе потомки станутъ дѣлать свое дѣло по той-же силлогистикѣ, какъ и *угеные* ихъ предки, то *во вѣки вѣковъ* ничего не сдѣлаютъ, какъ и отъ Нестора до нынѣшняго дня ничего не сдѣлано относительно періода предшествовавшаго *Рюрику* и *Карлу Великому*,—если не отстанутъ отъ Шафариковой *Словенціи*, которую онъ подымаетъ и натягиваетъ уже въ *тысяча и первый* разъ. Въ противномъ случаѣ они, наши потомки, наконецъ схоронятъ свои древности, и тогда всякій Китайскій Мандаринъ на этотъ случай можетъ написать Элегію подъ названіемъ: *Плачь Славянъ надъ гробомъ своей старины!*

И дѣйствительно, если будущіе изыскатели древности всякаго Славянскаго племени не отстанутъ отъ Юриандовой и Прокопѣевой Словенціи, то не избавится отъ *безвѣрія* въ Историко-логическую догматику, пристающую изъ *согласія* между *правильнымъ* пониманіемъ древнихъ и *общей естественностью* дѣлъ *человѣческихъ*, и постоянно будетъ валяться въ грубомъ историческомъ *сусвѣртіи*, ко-

торое одно можетъ воображать себѣ непонятныя *исчезанія* съ лица земли цѣлыхъ народовъ, или ихъ мнимыя *превращенія* изъ народа въ народъ: Шведовъ въ Славянъ (т. е. *Русскихъ* въ *Русскихъ*), Татаръ въ Славянъ (т. е. *Болгаръ* въ *Болгаръ*), Ост-Готѣвъ Нѣмцевъ въ Славянъ (т. е. *Сербовъ* въ *Сербовъ*), и потому подобныя.

Заключу свою мысль словами Цицерона. «Я не понимаю, почему эти *суевѣрные* и почти *фанатическіе* философы во все вѣрятъ охотнѣе, нежели въ свою нелѣпость! Охотнѣе рѣшаются вѣрить въ *исчезаніе* и *истребленіе* того, что, если бы существовало, неперестало бы существовать, — нежели не вѣрить въ то, во что не должно вѣрить.» De Divinat. L. II. cap. 57. (5°°).

Какъ многознаменательны слова Венелина, что не запутанность предмета, а *запутанность въ голову* причиною жалкаго состоянія древней Исторіи Славянъ! Какъ бы ни горячились защитники Шафарика, а здравый смыслъ по-неволѣ заставитъ повторить за Венелинымъ: «иноземцы не виноваты, если у насъ самихъ не доставало логики, чему доказательствомъ служить результатъ всѣхъ изслѣдованій о произхожденіи Славянскихъ племенъ». Дѣйстви-тельно «не любви, не любителей ожидаетъ Исторія Славянскихъ племенъ, а *Логики!*» Любителей было много, а толку *очень мало!* Одни повели къ намъ Славянъ изъ Германіи, съ береговъ Салы и Эльбы въ VIII-мъ вѣкѣ, забывъ что сами же Восточную Германію населили выходцами изъ Россіи! постройку Новгорода возложили на Скандинавовъ, плывшихъ по Двинѣ или Невѣ въ Царьградъ, потомъ на Одинова сыночка Сигурлама въ первыхъ вѣкахъ нашей эры, наконецъ на Датчанъ, помогавшихъ Шведскому Царю Анунду въ половинѣ IX вѣка! Рюрика изъ-подъ стѣнъ Парижа заставили прибыть въ Новгородъ, забывъ, что умершему отъ заразы не лзя уже воротиться съ того свѣта.... Другіе стали увѣрять, что Греки *можетъ быть* звали Шведовъ *πυρρον ἑθνος* (племя свѣтло-желтаго цвѣта), а это слово въ мужескомъ родѣ *πυρρος* (*pyrrhos*) *встѣмъ* Шведамъ слышалось худо, и *встѣ* они стали себя называть только *кончиломъ* этого Греческаго слова *ρος, ρως, rhos*; кончикъ Греческаго слова понравился Славянамъ; они забыли, что ихъ князья

(5°°) Sed nescio, quomodo isti philosophi *superstitiosi* et paene *fanatici*, quidvis malle videntur, quam se non ineptos! *Evanuisse* mavultis et extinctum esse id quod, si unquam fuisset, certe aeternum esset; quam ea, quae non sunt credenda, non credere.» Cicero. De Divinat. L. II cap. 57.

Свеи, и начали ихъ (да и самихъ себя) звать Россами или Руссами!... Третьи, въ память Байера и Миллера, стали по прежнему забавляться ловлею созвучій, превращая Кіевъ въ Кейпъ, Олега въ Ого, Игоря въ Ivar, Купалу въ Балдюра, унаваго въ море и тамъ покупавшагося въ солененькой водицѣ, дочерей Кащея въ Валкирій Оденовыхъ (въ подкрѣпленіе чего приводятъ поэтическую сказку Жуковского о царѣ Берендеѣ), а Волоса въ Одина, что будто бы доказывается удивительнымъ сходствомъ того и-другаго имени: Одинъ, Водинъ, Водъ, Волдъ, Володъ, Волосъ!... Четвертые пустились бросать высшіе взгляды на Варяжскій періодъ, увѣряя, что Рюрикъ былъ только военный постоялецъ, Олегъ—движущаяся точка, Игорь—ингредиентъ или тонкая нить, или сѣмя, которое не развилось, но нѣсколько укрѣпилось; переходъ Олега въ Кіевъ объясняютъ тѣмъ, что удалой Норманнъ соскучился, либо лишился мѣста, и пошелъ съ Игоремъ куда глаза глядятъ; Святославъ не раздѣлилъ государство, но только послалъ сыновей въ дикое поле; а война съ Греками за Болгарію происходила потому, что Святославу хотѣлось перемѣнить квартиру; сущность же всѣхъ событій отъ Рюрика до Ярослава заключается въ томъ, что удалые Норманны раскидывали планъ Государства, смѣтаннаго на живую нитку, намѣчали его предѣлы, нарѣзывали ему земли, безъ циркуля, безъ линейки, безъ астролябіи, куда хватила размашистая рука.... Видите сами, любителей Русской Исторіи много, а толку очень мало—нѣтъ, не любителей она ожидаетъ, а логики, здраваго смысла! Правѣ, съ горя, ужъ лучше читать Шлёцера!—развертываю 100-ую страницу II тома: «глупое словопроизводство надѣлало очень много зла въ Русской Исторіи»; развертываю 261-ую страницу: «какъ жалко отдѣлали это важное отдѣленіе новѣйшіе Русскіе историки, превосходитъ всякое вѣроятіе! Глупѣйшія дѣтскія сказки принимаютъ они за чистую истину; темныя мѣста переводятъ какъ хотятъ; цѣлыя страницы наполняютъ прикрасами; безстыдно выдумываютъ происшествія, о которыхъ нѣтъ ни словечка, ни малѣйшаго слѣда въ древнихъ исторіяхъ, а часто даже явно противное»... Умный человѣкъ былъ Шлёцеръ, хотя и увлекался Рейнскимъ патріотизмомъ, говоря о событіяхъ до IX вѣка!

Высказавъ откровенно свои мысли о трудахъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, прежнихъ и нынѣшнихъ, я

долженъ также предоставить *или* право — съ такою же откровенностью высказать *ихъ* мнѣніе о моихъ трудахъ, съ самаго перваго моего шага на литературномъ поприщѣ. Переберемъ эти отзывы, въ хронологическомъ порядкѣ, съ нѣкоторыми замѣтками.

Авторъ этой книги, выступилъ на литературное поприще съ 1837 года, окончивъ курсъ въ Московской университетѣ по факультету Нравственно-Политическихъ Наукъ, преобразованному въ Юридическій, но посѣщая также лекціи и Словесныя (нынѣ Филологическія). Особенное вниманіе его обращали: лекціи Богословія, П. М. Терновскаго, одного изъ ученѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ Θεологовъ, къ которому добровольно приходили многіе студенты изъ лютеранъ и католиковъ; лекціи Римскаго Права, Ѳ. Л. Морошкина, восторженнаго своимъ предметомъ, юриста-мыслителя, которому даже враги не могутъ отказать въ учености, и глубокомысліи; лекціи Всеобщей Исторіи, М. П. Погодина; лекціи Русской Исторіи и Статистики, покойнаго М. Т. Каченовскаго; а изъ постороннихъ предметовъ: изящныя лекціи Исторіи Литературы, С. П. Шевырева, къ которому, особенно въ первый годъ, стекалось множество студентовъ всѣхъ факультетовъ; и краснорѣчивыя лекціи Физики, покойнаго М. Г. Павлова, бывшаго любимцемъ всѣхъ своихъ слушателей различія: медиковъ, математиковъ, филологовъ и юристовъ. Съ признательностью вспоминая о своемъ студенческомъ времени (1833—1836), авторъ долженъ сказать, что особенною благодарностью онъ обязанъ П. М. Терновскому, Ѳ. Л. Морошкину и М. Г. Павлову, которыхъ удивительная логичность системы, строгая послѣдовательность выводовъ и многостороннее изслѣдованіе разсматриваемыхъ вопросовъ — очень сильно дѣйствовали на умы слушателей, и много содѣйствовали раскрытію мыслительности студентовъ. Особенно важно было то, что въ Московскомъ Университетѣ господствовалъ тогда духъ свободнаго изслѣдованія, не стѣсняемаго никакимъ авторитетомъ и склонявшагося только передъ вѣчными истинами Откровенія и непреложными законами Разума. Борьба между школою Каченовскаго и ученіемъ Байеро-Шлёцеровымъ, защиту котораго принималъ на себя М. П. Погодинъ, поддерживала духъ любознательности и любопытательности между юношами, и авторъ этой книги, оставивъ университетъ, рѣшился посвятить всѣ способности разработанію Отечественной Исторіи, въ

память *единственного* нашего Русскаго исторіографа, Николая Михайловича Карамзина, который прислалъ ему, новорожденному, безсмертный трудъ свой, съ надписью: «маленькому тескѣ, можетъ быть также будущему историку»...

Отсюда объясняется критическое направленіе первыхъ трудовъ автора этой книги: три года по выходѣ изъ Университета не хотѣлъ онъ принимать на себя никакой опредѣленной гражданской должности, посвящая все время изученію нашей исторической литературы, прежней и современной; три года онъ выступалъ только съ критическими разборами важнѣйшихъ историческихъ произведеній. Первымъ печатнымъ его трудомъ былъ разборъ книги: «*Начертаніе Русской Исторіи для училищъ, Сочиненіе Профессора Погодина*» (Москва, 1835), напечатанный въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (ч. X). Въ этой критической статьѣ, написанной со всею юношескою, скромностію замѣченъ у почтеннаго профессора недостатокъ общихъ обзрѣній каждаго періода, безъ которыхъ не возможно уразумѣть послѣдовательность, необходимость и значеніе событій, а равно указаны многіе важнѣйшіе частные недостатки, пропуски и невѣрности. Бѣльшей части своихъ мнѣній критикъ представилъ доказательства, но прибавилъ: «однакожь, я всегда готовъ отказаться отъ всякаго своего мнѣнія, какъ скоро докажутъ его ошибочность — истина должна почитаться выше всѣхъ мнѣній, выше всѣхъ личностей». Эта книжка «Московского Наблюдателя», какъ видно изъ подписи цензора, выпущена 21 Февраля 1837 года; а черезъ два мѣсяца, М. П. Погодинъ приступилъ къ печатанію втораго изданія «Начертанія», въ которомъ большая часть недостатковъ, указанныхъ юнымъ критикомъ бывшему своему профессору, была уже исправлена. Въ предисловіи ко второму изданію этой книги, которая только поступила въ цензуру 27 Апрѣля 1837 года, М. П. Погодинъ пишетъ: «я получилъ нѣсколько отмѣтокъ отъ покойнаго Митрополита Евгенія и г-на Арцыбышева, потомъ отъ гг. Мошкіна и Бодянскаго; наконецъ, *уже поздно*, прочелъ я рецензію г-на Савельева, передъ концемъ печатанія. Между тѣмъ, *самъ я* увидѣлъ важные недостатки; я поставился исправить ихъ при этомъ второмъ изданіи» (501). — Можетъ быть!

(501) Начертаніе Русской Исторіи, для гимназій. Сочиненіе Профессора Погодина. Изданіе второе, 1837 (Предисловіе, стр. VII).

Послѣ того, критикъ обратился къ книгѣ другаго профессора, именно къ «Русской Исторіи» Н. Г. Устрялова (Спб. 1837). Разборъ первыхъ двухъ томовъ этой Исторіи помѣщенъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» которыя издавались Плюшаромъ подъ редакціею А. А. Краевского, и занялъ три огромныхъ статьи (Лит. Приб. 1837, № 29, 30 и 31, стр. 283, — 285, 290 — 295, 300 — 301, въ листъ). Въ этомъ разборѣ *доказано*, что въ сочиненіи почтеннаго профессора: 1) многое, чрезвычайно важное, вовсе опущено; 2) многіе вопросы, очень любопытные, не разрѣшены нисколько; 3) нѣкоторыя изъ прежнихъ несправедливыхъ мнѣній приняты безъ сильныхъ доказательствъ; 4) иные факты представлены невѣрно, иные совсѣмъ превратно; встрѣчаются по мѣстамъ 5) несправедливыя сужденія о событіяхъ и характерахъ дѣйствующихъ лицъ и 6.) противорѣчія однѣхъ страницъ книги другимъ; наконецъ, 7) слогъ во многихъ мѣстахъ неправиленъ, языкъ же преисполненъ неологизмами; а эти новыя слова, принадлежащія нашей эпохѣ, бывъ перенесены въ древность, даютъ о ней совершенно ложное понятіе. Впрочемъ критикъ утверждалъ—и теперь утверждаетъ, что если бы почтенный Н. Г. Устряловъ возвратился на *прежній* путь свой, подаривъ публику *изданіемъ* давно обѣщанной рукописи о Никонѣ, тогда любители старины Отечественной не поминали бы лихомъ этой исторіи, и примирились бы съ г-мъ *издателемъ* сказаній Князя Курбскаго и другихъ сочиненій, важныхъ и полезныхъ для Русской Исторіи... Три обширныхъ статьи объ Исторіи профессора Устрялова, напечатанныя (сообразно условіямъ редакціи) безъ подписи имени критика, доставили ему однакожь громкую извѣстность; а съ другой стороны, возбудили противъ него тѣхъ, кому хотѣлось видѣть въ этой Исторіи что-то великое. Почтенный сочинитель этой «Русской Исторіи», сознавая свои силы, писалъ въ предисловіи: «знаю, что въ издаваемой мною книгѣ *гораздо больше недостатковъ*, чѣмъ достоинствъ» (5° 2); скромный и справедливый этотъ отзывъ Н. Г. Устрялова о самомъ себѣ—вполнѣ оправдался, и критикъ только представилъ тому *очевидныя доказательства*, противъ которыхъ защитники этой «исторіи» не нашли сказать въ оправданіе книги ни слова.

(5° 2) Русская Исторія (Н. Г. Устрялова), изданіе 1837 года ч. I, Предисловіе, стр. 2.

Въ концѣ 1837 года критикъ Погодина и Устрялова напечаталъ въ Москвѣ разсужденіе: *«Димитрій Іоанновичъ Донской, Первоначальникъ Русской славы»*. Побудительною причиною изданія этой диссертациі (157 стр. въ 8) было желаніе—смыть пятно, несправедливо наложенное на одного изъ тѣхъ благородныхъ государей, которые составляютъ гордость и честь древней Руси: 1) показать, какими несправедливыми обвиненіями старались помрачить славу героя, которая сдѣлалась священнымъ достояніемъ цѣлаго народа; наконецъ 2) обнаружить несостоятельность другой мысли, высказанной въ «Исторіи Русскаго народа», относительно Московскихъ Митрополитовъ, и доказать, что Св. Алексій Митрополитъ никогда самъ собою (какъ Римскіе Первосвященники на западѣ) не вмѣшивался въ дѣла политики, слѣд. несправедливыя (хотя и полезныя для Московскихъ князей) мѣры Боярскаго Совѣта не должны быть приписываемы смиренному и кроткому Святителю, который никогда не поступалъ вопреки своему сану. — Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, Его Высокопревосходительство, С. С. Уваровъ, читавшій это сочиненіе въ рукописи, сообщилъ отрывокъ изъ него въ «Журналъ Мин. Нар. Просв.» (1837, № 6), а по напечатаніи всего разсужденія вполнѣ, поднесъ эту книгу Великому Князю Михаилу Павловичу, отъ котораго авторъ имѣлъ честь получить благодарность; славный поэтъ нашъ, В. А. Жуковский изъявилъ автору благоволеніе Государя Наслѣдника Цесаревича; а Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ удостоило автора званіемъ Соревнователя. — Но въ то же время Историко-критическое изслѣдованіе о временахъ «Первоначальника Русской славы» возбудило совершенно различные толки въ журналахъ: «Библіотека для Чтенія» рѣшила дѣло такъ: Россія, которой посвящено изслѣдованіе о Донскомъ, *«чувствительно благодаритъ»* автора: она не охотница до «первыхъ плодовъ»; авторъ же, по мнѣнію Б. для Ч. *«поступилъ довольно неумѣло въ отношеніи къ представи- тельницѣ міра Славянскаго»*, посвятивъ ей всѣ труды свои, начиная съ перваго: *«ему слѣдовало посвятить ей по край- ней мѣрѣ десятый или одиннадцатый плодъ, потому что «первые плоды остаются на кухню, гдѣ изъ нихъ дѣлаютъ «колпоты»*. Окончательный приговоръ Библіотеки: *«авторъ «прекрасно и съ большими пробѣлами (?) хлопочетъ о воз- «вращеніи гести оклеветанному Димитрію Донскому и ста-*

«рается отнять позоръ у могилы, мимо которой проходимъ съ укоризной; къ сожалѣнію, онъ повторяетъ *напыщеннымъ* языкомъ давно избитыя вещи» (5°3). Доказательствъ къ сожалѣнію не представлено ни одного; а потому и всѣ читатели остаются въ недоумѣніи, *отчего же* «прекрасную защиту оклеветаннаго и возвращеніе чести» герою древней Руси—должно считать *избитыми вещами*.—Сѣверная Пчела рѣшила тѣмъ, что «если авторъ дѣйствительно правъ, а Полевой виноватъ, то онъ неправъ въ томъ, что онъ говоритъ о Полевомъ»; что «при ученомъ спорѣ надо говорить о дѣлѣ, но не должно трогать честь своего противника» (5°4). Отвѣтъ на эту рецензію, помѣщенный въ «Сынъ Отечества» (Февр. 1838, Смѣсь, 24—31) заключаетъ въ себѣ развитіе мысли, что авторъ, не принадлежа ни къ одной изъ партій, раздѣляющихъ или точнѣе раздирающихъ Русскую Литературу, совершенно чуждъ всѣхъ литературныхъ предразсудковъ и — слѣдственно — безпристрастенъ къ сочинителю Исторіи Русскаго Народа; что излишнее увлеченіе заставляло г. Полеваго—быть слишкомъ пристрастнымъ относительно однихъ лицъ и несправедливымъ относительно другихъ; приговоръ же *цѣлаго народа* Донскому не можетъ бы несправедливъ, потому что въ своей общности, цѣлостности, онъ всегда разумно-сознателенъ, и оспаривать этотъ приговоръ всегда бесполезно, потому что цѣлый народъ всегда умнѣе одного лица, и сужденіе цѣлаго народа, который не можетъ увлекаться пристрастіемъ, всегда истиннѣе и справедливѣе сужденія одного лица. — Въ заключеніе было сказано: «отказаться отъ своего *мнѣнія* въ пользу *истины*—ни для кого и никогда не стыдно!» — Вызванный на открытый бой, сочинитель «Исторіи Русскаго Народа» не защитилъ своего мнѣнія, но не хотѣлъ и отказаться отъ него во славу *истины*; онъ ограничился только слѣдующимъ отзывомъ: «мы готовы отдавать справедливость труду, если бы видѣли въ немъ что нибудь «противъ насъ самихъ и противъ трудовъ нашихъ» (— все несчастное, эгоистическое *Я*, а гдѣ же *истина*-то? Объ ней-то, бѣдняжкѣ, и помину совсѣмъ нѣтъ!) «Вотъ, на примѣръ, мы съ удовольствіемъ упомянемъ о небольшой по-этической брошюркѣ г-на Савельева: Димитрій Іоанновичъ Донской. Онъ не соглашается съ нами, даже бранить

(5°3) Библ. для Чт. (1838, Янв.) т. XXVI, отд. VI, стр. 12.

(5°4) Сѣв. Пч. (Янв. 1838, № 6), стр. 22.

«насъ» (— помилуйте, гдѣ же?), «но въ изысканіяхъ своихъ «показываетъ тщательность, усердіе, начитанность — мы «въ сторонѣ, а труду автора почетъ, *если бы намъ взду- «малось* даже и *поспорить съ нимъ*» (⁵⁰⁵). Разумѣется, *по- спорить* сочинителю не *вздумалось*, по той же самой при- чинѣ, по которой никому никогда не вздумается поспо- рить съ математической истиной: дважды два четыре, а не пять.—Другой нашъ критикъ, князь Д. А. Кропоткинъ, по- святилъ обширную статью этому предмету, въ которой пи- шеть: «авторъ, только что распроставшійся съ универ- «ситетскими аудиторіями, какъ юноша, смотрѣлъ на ве- «щи иногда слишкомъ восторженно, иногда нѣсколько по- «верхностно, иногда даже, не въ обиду сказать, *можетъ «быть* немного опрометчиво» (охъ ужъ это *можетъ быть!*), но соглашается, что «авторъ *основывается на огромномъ «запасѣ историческихъ источниковъ*» (!), что «разсказъ при «всей краткости полонъ, въ той мѣрѣ, какъ требовалъ са- «мый предметъ сочиненія, легокъ, одушевленъ и соразмѣ- «ренъ въ частяхъ», что «слогъ историко-критическаго изслѣ- «дованія прекрасенъ, истинно достоинъ своего предмета», и въ заключеніе выписываетъ походъ Дмитрія на Нов- городъ, «событіе чрезвычайно важное, и до сихъ поръ еще «ни у кого такъ хорошо и подробно не рассказанное». — Издатель «Маяка» (1840), помѣстивъ на страницахъ своего журнала (кн. 9) ученый разборъ Дмитрія Донскаго, напи- санный княземъ Д. А. Кропоткинымъ, прибавилъ отъ себя пояснительныя замѣчанія, въ которыхъ оправдалъ автора книги во *всеми*, кромѣ двухъ *частныхъ* ошибокъ. Въ од- ной (относительно состава Дмитріева ополченія), за про- пускъ нѣкоторыхъ князей, авторъ книги приноситъ по- винную, и за указаніе благодарить критика; въ другой ошибкѣ надѣется оправдаться совершенно, довольствуясь теперь только ссылкой на II-й томъ «Повѣствованія о Рос- сіи» (кн. III, стр. 127), гдѣ критикъ самъ увидитъ свою ошибку.

Не упоминая о многихъ другихъ, не такъ обширныхъ, статьяхъ своихъ, въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» (1837 1838, 1839) и въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1839), — двухъ журналахъ, въ которыхъ авторъ Дмитрія почти исключительно помѣщалъ въ то время свои критическіе раз- боры,—онъ ограничится указаніемъ здѣсь только на подроб-

(⁵⁰⁵) Сынъ Отеч. 1837, т. I, критика, стр. 148.

ное разысканіе о *Несторѣ*, его лѣтописи и о книгахъ: профессора Погодина о Несторѣ и Арцыбышева о древней Исторіи Россіи; оно помѣщено въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1839, № 4). Критикъ показалъ, что «если смотрѣть на трудъ г-на Арцыбышева, какъ твореніе противопоставленное Исторіи Государства Россійскаго, то оно не выдерживаетъ никакого сравненія съ великимъ твореніемъ Карамзина»; но «если смотрѣть на эту книгу, какъ на приготовительный матеріалъ для будущаго свода лѣтописей, то «Повѣствованіе о Россіи» представляетъ много замѣчательнаго, и нѣкоторыми сличеніями разныхъ мѣстъ лѣтописныхъ съ благодарностью должны будутъ воспользоваться редакторы свода лѣтописей»; что въ книгѣ Арцыбышева «встрѣчаются многія вѣрныя поправки лѣтописей», хотя въ то же время иныя мнѣнія «поражаютъ своего странностію, доказывая, что гнѣ Арцыбышевѣ остановился на тѣхъ понятіяхъ, какія господствовали въ 1802 году, когда онъ приступилъ къ труду своему». Относительно жъ книги своего бывшаго профессора, юный критикъ объяснился также откровенно и прямодушно, указавъ на два существенные недостатка сочиненія М. П. Погодина о Несторѣ: «первый и общій недостатокъ — гнѣ Погодинъ не составилъ себѣ ясной идеи о томъ, *что и какъ* должно было защищать противу нападеній скептиковъ», а это произошло отъ того, что почтенный авторъ только исправилъ свои статьи помѣщенные въ Библ. для Чтенія, гдѣ, разумѣется, и не было мѣста ни для *подробнаго* развитія предмета, ни для опроверженія *всѣхъ* противныхъ мнѣній,—перваго необходимаго условія ученой книги. Потомъ указанъ «второй общій недостатокъ — отсутствіе *логической послѣдовательности*, другаго условія ученыхъ твореній: профессоръ Погодинъ любитъ все писать афористически — у него часто предложенія никакъ не вяжутся одни съ другими, и оттого во всѣхъ его сочиненіяхъ замѣчается отсутствіе связи внутренней и наружной. Такъ точно и въ Несторѣ: вы прочли нѣсколько предложеній, ожидаете продолженія — его нѣтъ: вмѣсто его, глаза ваши видятъ: точку, потомъ черту посрединѣ страницы, и новую строку, новую мысль; послѣ, можетъ быть, черезъ нѣсколько страницъ, видите опять новыя черты, новыя строки, и вдругъ продолженіе мысли прежней. Такое разединеніе мыслей, внутреннее и наружное, очень много вредитъ сочиненію». Затѣмъ указаны многіе частные недо-

статки, и наконецъ достоинства: хорошо обработанныя двѣ главы: VII-ая «О договорахъ Русскихъ князей», и X-ая «О достовѣрности извѣстій Несторовыхъ».—Въ заключеніе же, критикъ обратился къ гну Погодину «съ просьбою представить намъ книгу свою въ *новомъ*, совершеннѣйшемъ видѣ: пусть почтенный авторъ придаетъ ей видъ истинно-ученый, расположить доказательства въ строгой послѣдовательности, рассмотреть критически и опровергнуть мнѣнія своихъ противниковъ, наконецъ — предположенія силою ученыхъ доказательствъ возведетъ на степень положеній, аксіомъ, и *тогда* ученая литература наша приобрѣтетъ сочиненіе истинно-прекрасное, которое займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду важнѣйшихъ произведеній Русской Литературы.»—Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія такъ отозвался объ этомъ изслѣдованіи: «критическій разборъ Нестора долженъ быть отнесенъ къ числу *самыхъ замѣчательныхъ* разборовъ, явившихся въ нынѣшнемъ году, тѣмъ болѣе, что самый предметъ разбираемой книги вполне близокъ къ сердцу всякаго любителя отечественной Исторіи» (5°6).

Въ 1840 году, онъ издалъ краткое обзорѣніе современныхъ трудовъ Европейскихъ ученыхъ, относительно познанія Славянъ, подъ названіемъ: «*Исторія, Географія и Археологія древне-Славянскаго міра*». Журналъ Минист. Нар. Просв. извлекъ на свои страницы важнѣйшіе результаты автора, «желая представить краткое, но полное обзорѣніе древняго быта Славянскихъ народовъ» (5°7). Авторъ книги: «Россія въ историческ. отношеніи», О. В. Булгаринъ написалъ объ этомъ изслѣдованіи: «статья Н. В. Савельева-Ростиславича доказываетъ, что авторъ серьезно занимается предметомъ, и имѣетъ въ Исторіи отличныя свѣденія; мы съ удовольствіемъ видимъ, что онъ съ величайшею осторожностью принимаетъ показанія древнихъ... Вообще это прекрасная статья, дѣлающая честь автору, и мы просимъ его продолжать свой прекрасный трудъ». (5°8)

Въ томъ же году напечаталъ онъ въ «Маякѣ» *Очерки Всеобщей Исторіи*, о которыхъ Журналъ Минист. Народ. Просв. тогда же объявилъ, что «взглядъ автора на свой

(5°6) Жур. Мин. Нар. Просв. (1839), ч. XXII, отд. VI, стр. 262.

(5°7) Тамъ же (1840) XXVII, отд. VI, стр. 245.

(5°8) Свв. Пчела, 1840, Апрель 23-го, № 89.

«предметъ оригиналенъ и достоинъ вниманія ученыхъ» (509).

Въ 1841 и 1842 г. онъ издалъ книгу *«Римскіе Папы, ихъ церковь и Государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ»*, помѣщенную по частямъ въ Академическиххъ вѣдомостяхъ. Журналъ Минист. Народ. Просв. согласился съ редакціей Академическиххъ вѣдомостей, что Авторъ оказалъ Русскимъ читателямъ «двойную услугу: познакомилъ ихъ съ твореніемъ Берлинскаго ученаго Ранке, и представилъ новый взглядъ на событія, предшествовашія Реформаціи и бывшія дѣйствительною ея причиною»; что «говоря о Реформаціи, у насъ имѣли въ виду одну западную Европу; нашъ авторъ проникъ гораздо глубже: читая его, всякій безпристрастный и мыслящій человекъ согласится, что Реформація принадлежитъ не однимъ Тевтонскимъ племенамъ, и что судъ историческій о Реформаціи, судъ всесторонній, многообъемлющій, окончательный принадлежитъ не Римскимъ Католикамъ—приверженцамъ Папъ и врагамъ Лютера, не Протестантамъ—приверженцамъ Лютера и врагамъ Папъ, но той Церкви, которая до нашихъ временъ одна хранитъ во всей чистотѣ ученіе Христіанское» (510). Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, прочитавъ эту книгу, удостоилъ автора — письмомъ, выразивъ такимъ образомъ Свою любовь къ Русской Словесности, наследственную въ Семействѣ Безсмертныхъ Петра и Екатерины (511).

(509) Журн. Минист. Нар. Просв. XXVIII, отд. VI, стр. 238.

(510) Тамъ же, ч. XXX, отд. 258.

(511) Русскіе никогда не забудутъ, что покровительницей безсмертнаго нашего Исторіографа была Великая Княгиня Екатерина Павловна, Принцесса Ольденбургская, имѣвшая мѣстопробываніе въ Твери. Въ 1810 году, Она представила Карамзина Императору Александру, обозрѣвавшему вмѣстѣ съ нею Московскую Оружейную Палату; въ 1811 году, Великая Княгиня — черезъ заслуженнаго вельможу-поэта, Ивана Ивановича Дмитріева, пригласила его друга, Николая Михайловича Карамзина—пріѣхать въ Тверь, куда ожидала къ себѣ Августѣйшаго Брата. Тамъ-то, во дворцѣ Екатерины Павловны, въ присутствіи Императора Александра, Карамзинъ читалъ отрывки изъ своей «Исторіи Государства Россійскаго.» Выслушавъ краснорѣчивое повѣствованіе о нашествіи Татаръ и о подвигахъ героя Донскаго, Императоръ Александръ сказалъ: *«Русскій народъ достоинъ имѣть свою Исторію!»*—Исторія, написанная Карамзинымъ, *достойна Русскаго Народа*, справедливо сказалъ Августѣйшій Цѣнитель дарованій, нынѣ благополучно Царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Карамзина

Въ 1842 году напечатавъ въ «Сынъ Отечества» (№ 1) «О необходимости критическаго изданія Исторіи Карамзина». Въ этомъ изслѣдованіи о двоюродномъ братѣ Іоанна Грознаго, Владиміръ Андреевичъ, — показано, что многія жестокости, приписанныя Іоанну его врагами, выдуманы ими и опровергаются новѣйшими матеріалами Исторіи того времени; что Владиміръ Андреевичъ казненъ уже за третью измѣну, а страдальческая кончина всѣхъ членовъ его семейства (столь краснорѣчиво описанная въ «Исторіи Государства Россійскаго») есть выдумка измѣнниковъ: Курбскаго и другихъ: ибо сынъ и дочери Владиміра Андреевича являются въ живыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мнимой своей кончины. — Это изслѣдованіе возбудило жаркіе споры въ «Москвитянинѣ», въ «Сынъ Отечества» и въ «Маякѣ»: въ первыхъ двухъ журналахъ возсталъ противъ этого мнѣнія извѣстный знатокъ Русскихъ древностей, И. П. Сахаровъ, назвавшій однако разсужденіе о Владиміръ Андреевичѣ *остроумнымъ*; въ третьемъ журналѣ ополчился кто-то неизвѣстный, основавъ однакожь свое опроверженіе только на «можетъ быть» и «вѣроятно». Наконецъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1842) Н. А. Полевой провозгласилъ: «это разысканіе статья дѣльная, и мы порадовались, что, брося свои прежніе *вздорные толки объ Исторіи*, гнѣ Савельевъ принимается за *дѣльные занятія*»; критикъ объявилъ, что онъ и самъ *точно также* разсуждалъ въ «Исторіи Русскаго Народа» — конечно въ *невыданныхъ* томахъ, ибо въ VI-мъ (послѣ котораго не выходило ни одного съ 1834-го года) разсказъ оканчивается смертію Анастасіи, а это куда еще далеко до смерти Владиміра Андреевича... Что же касается до возраженій въ «Москвитянинѣ», въ «Сынъ Отечества» и въ «Маякѣ», то замѣчу здѣсь одно: оба критика, И. П. Сахаровъ и неизвѣстный, не рѣшили спорнаго дѣла, ибо не доказали своихъ *предположеній* по правиламъ фактической Исторической Логикѣ, — и авторъ надѣется убѣдить со временемъ какъ того, такъ и другаго, что разысканіе это не только *остроумно* (какъ отозвался почтенный археографъ нашъ, И. П. Сахаровъ), но еще заключаетъ въ себѣ гораздо высшее достоинство — истину.

Въ томъ же году, онъ помѣстилъ въ Сынъ жь Отечества (№ 3) разсужденіе *О важности изученія Исторіи*

13 Мая 1826 года. — Къ сожалѣнію, Карамзинъ остановился на 1611 годѣ, дойдя только до времени Минина и Пожарскаго...

особенно въ настоящее время.— Журналъ Минист. Народ. Просв. отдалъ полную справедливость искусству, съ которымъ авторъ «изложилъ необходимость исторіи для полнаго человѣчественнаго образованія и вліянія ея на развитіе нравственныхъ силъ человѣка». Въ примѣръ глубокаго Христіанскаго воззрѣнія автора на предметъ — приведены изъ этого сочиненія обширныя выписки (⁵¹²).

Между тѣмъ еще въ 1841-мъ году издатель «Маяка» предложилъ ему критически оцѣнить сочиненіе Ѳ. В. Булгарина «Россія въ Историческомъ отношеніи». Авторъ Димитрія Донскаго—охотно изъявилъ свое согласіе, и помѣстилъ въ концѣ 1841 года первое отдѣленіе, а въ началѣ 1842 года второе отдѣленіе своего отчета объ этой книгѣ. Высказавъ безпристрастно свое искреннее мнѣніе о трудѣ Булгарина, во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательномъ, особенно для Русскихъ читателей (⁵¹³),—онъ воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы развить свой взглядъ на Русскія древности, объясняемыя обще-Славянскими; такимъ образомъ составились двѣ диссертациі, напечатанныя потомъ и особо, подъ названіемъ: «*Исторія Сѣверо-Восточной Европы и мнимаго переселенія народовъ*». Въ этомъ сочиненіи раскрыта мысль, что переселеніе народовъ будто бы изъ Азіи—происходило только въ головахъ новѣйшихъ историковъ, а не въ дѣйствительности, и на основаніи современныхъ лѣтописцевъ, критически объясненныхъ, доказывалось, что наша Русь, до призванія Рюрика соединенная съ Болгаріею, составляла съ нею одно Государство, которое съ IV вѣка до половины IX-го владычествовало отъ Бѣлаго моря до Балкановъ и Адриатическаго моря. Авторъ этихъ изслѣдованій желалъ представить только общій очеркъ своей системы и показать, какъ удивительно ею разъясняется весь хаосъ начала среднихъ вѣковъ; но такъ какъ изысканіе это облечено въ форму разбора книги гна Булгарина, то и естественно, что *внѣшній* порядокъ тутъ прерывается отступленіями, частыми возраженіями противъ разбираемой книги, и многими повтореніями; впрочемъ, не смотря на все это, внутренняя

(⁵¹²) Жур. Мин. Нар. Просв. ч. XXXV, отд. VI, стр. 61.

(⁵¹³) Остаюсь и теперь при прежнемъ мнѣніи (не смотря на Пчелиныя выходки 1844 года противъ меня) въ книгѣ Ѳ. В. гораздо болѣе здравыхъ мыслей относительно древности и гражданственности Славянъ, нежели во всѣхъ изслѣдованіяхъ господъ Крузе, Погодина и Сабинина.

связь и твердость всѣхъ мнѣній (хотя и не вездѣ доказанныхъ) таковы, что и теперь, по прошествіи почти четырехъ лѣтъ, авторъ не только не отказывается отъ основныхъ положеній, но еще болѣе утвердился послѣдующими розысканіями въ истинѣ прежнихъ своихъ мнѣній. Возраженія противниковъ послужили только къ большому утвержденію новой системы. Одинъ изъ противниковъ, Польскій ученый Игнатовичъ, много лѣтъ изучавшій Римское право въ связи съ Исторіею послѣднихъ вѣковъ Рима, и появленія новыхъ государствъ на западѣ, такъ выразилъ окончательное свое мнѣніе объ этой книгѣ: «Розысканія Н. В. Савельева оставили во мнѣ такое глубокое и пріятное впечатлѣніе, какого давно не удавалось мнѣ ощущать въ бесѣдѣ съ книгами. Немного найдется произведеній ума положительнаго, не только въ Русской, но и въ Европейской литературѣ, соединяющихъ въ себѣ такую бездну учености съ живымъ, почти изящнымъ и вмѣстѣ строго-отчетливымъ изложеніемъ. Постепенно возрастающая занимательность изслѣдуемыхъ и развиваемыхъ событій держитъ въ безпрерывномъ напряженіи вниманіе читателя, отрѣшаетъ духъ его отъ всего настоящаго, и увлекаетъ въ очаровательное былое, кипѣвшее нѣкогда столь разгульною жизнію Славянскихъ племенъ». Относительно жъ основной мысли, разъясняющей нашу До-Рюриковскую Русь, ученый критикъ сказалъ: «теорія объ Азіятскомъ и Нѣмецкомъ произхожденіи всѣхъ безъ изъятія воинственныхъ дружинъ, разрушившихъ Западную Римскую Исторію, такъ сильно потрясена розысканіями Н. В. Савельева, что еще одинъ толчекъ, и она рушится безвозвратно». Журналъ Министер. Народ. Просвѣщ. согласился въ 1844 году, что «новыя извѣстія только служатъ поясненіемъ и подкрѣпленіемъ той мысли, что Гунны среднихъ вѣковъ и Геродотовы Скиѣы — одинъ и тотъ же народъ Русскій; мнѣніе о выходѣ Гунновъ (будто бы изъ Азіи, въ концѣ IV вѣка) противорѣчитъ современнымъ свидѣтелямъ». — Для полнаго торжества новыхъ мнѣній не доставало одного только: послѣ ученыхъ преній, бездоказательнаго ожесточеннаго порицанія со стороны приверженцевъ прежней, падающей школы. Наконецъ и оно явилось, благодаря усердію гна Полеваго, провозгласившаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что величайшее преступленіе автора изслѣдованій о временахъ мнимаго переселенія народовъ заключается въ слѣдующемъ: «хвалилъ бредни (?) Венелина, раз-

глагольствія (?) Шафарика, возгласы другихъ Славянофиловъ передѣлывалъ Всеобщую Исторію, и спорилъ объ Атилѣ (514)». Назвавъ это «вздорными толками, данію слабостямъ человѣческимъ», сочинитель Исторіи Русскаго Народа воскликнулъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ: «какъ не жаль ему «тратить время, трудъ и дарованіе на такой вздоръ» (515)! Доказательствъ, что это вздоръ, по обычаю гна Полеваго, никакихъ — ни хорошихъ, ни худыхъ!

Въ томъ же году авторъ Димитрія Донскаго написалъ *Предисловіе* къ историко-критическимъ изслѣдованіямъ Московскаго профессора Морошкина, гдѣ кратко разобралъ основанія системы Скандинавскаго происхожденія Рюрика, показалъ ея неосновательность, и объяснилъ, что Рюриковы Руссы были наши единоплеменники, при-Балтійскіе Славяне. Объ этомъ произведеніи, Дѣйствительный Членъ Императорскаго Московскаго Историческаго Общества, Макаровъ, печатно сказалъ: «истина возметъ свое, и «историческая правда, за которую возстали Ѳ. Л. Морошкинъ и Н. В. Савельевъ, рано или поздно, восторжествуетъ «и воцарится на обломкахъ нелѣпой въ основаніи системы «Скандинавскаго происхожденія Рюрика и его Руси».

Въ концѣ 1842 году, по просьбѣ И. И. Глазунова, принявшаго новое изданіе Сочиненій Державина, авторъ Димитрія Донскаго занялся *Жизнеописаніемъ* пѣвца Бога, Фелицы и Водопада. Не входя въ эстетическій разборъ произведеній Державина, новый біографъ поставилъ себѣ цѣлю — жизнию автора объяснить его произведенія, и твореніями пояснить отношенія поэта къ вѣку безсмертной Екатерины: въ такомъ духѣ составлено «Жизнеописаніе Державина». Въ началѣ 1843 года оно сдѣлалось предметомъ распрей между журналами: приговоръ Библіотеки для Чтенія, Отечественныхъ Запискъ, Маяка и Сѣверной Пчелы (Ѳ. Б.), былъ въ пользу этой біографіи, которую всѣ они признали полнѣйшею и основательною; но потомъ въ «Пчелѣ» же (Z. Z.) и въ «Литературной Газетѣ» (къмъ-то неизвѣстнымъ) сдѣланы были вылазки противъ новаго Жизнеописанія. Какъ обширны историческія свѣденія господѣ критиковъ, можно видѣть изъ одного примѣра Въ *Жизнеописаніи* Державина говорится: «и по родной странѣ своей, Екатерина Великая не совѣстьмъ нужна намъ: Ангальтъ-

(514) Русскій Вѣстникъ, 1842, № 2, Смѣсь, стр. 39.

(515) Тамъ же, № 4, Смѣсь, стр. 46.

Цербтское княжество, вмѣстѣ съ другими Нѣмецкими владѣніями, основано на развалинахъ древней Сорабіи или Германской Сербіи, покоренной въ среднихъ вѣкахъ Тевтонскимъ племенемъ Саксоновъ: *земля нашихъ сдиноплеменниковъ дала нашему Сѣверу безсмертную Царицу* (5 : 6). Это и многія другія мнѣнія привели въ ужасъ нашихъ мудрецовъ: какъ? родина Великой Екатерины, Ангальтъ-Цербтъ, есть страна Славянская — только онѣмеченная? а какъ же всѣ привыкли считать Екатерину чистою Нѣмкою? и притомъ гдѣ же сходство звуковъ: Ангальтъ-Цербтъ и Сербія? нѣтъ! біографъ *вѣроятно* все это выдумалъ самъ! И на основаніи подобныхъ размышленій, авторъ обвиненъ учеными критиками въ незнаніи Исторіи. А вѣдь стоило только развернуть I-й томъ Шлёцера «Нестора» (въ Русскомъ переводѣ Д. И. Языкова) — тамъ, на стр. 138 и 139, можно было прочесть: «Сербы, сами себя называющіе *Србы* и *Србсти*, раздѣляются на южныхъ (Дунайскихъ) и сѣверныхъ (Германскихъ); послѣдніе, сосѣды Богемцевъ, называются также *Бѣлыми* и *Великими* Сербами. Они очень распространились между Эльбою и Салою подъ названіемъ Сорабовъ. Венды, живущіе въ Верхнемъ и Нижнемъ Лаузицѣ, и теперь еще называютъ себя Сербами; Мейссенъ назывался *Zugbia*; городъ *Цербтъ*, *Serbesta*, получилъ отъ *нихъ* свое названіе». — А если бы наши ученые критики знали «Славянское Народописаніе», составленное по новѣйшимъ свѣденіямъ трудолюбивымъ Шафарикомъ и переведенное по-Русски О. М. Бодянскимъ; то заглянувъ на стр. 174-ую, увидѣли бы, что Славяне и донынѣ зовутъ эту землю настоящимъ ея Славянскимъ именемъ: *Србище* или *Србиште*; а узнавъ это, легко бы сообразили, что Нѣмцы сдѣлали изъ *Србище* *Serbst* или *Zerbst* по неимѣнію въ Латинскомъ алфавитѣ буквъ, которыми можно было выразить Славянскіе звуки *ш* или *щ*. — Видите-ли теперь, какую бездну историческихъ свѣденій Русская Литература пріобрѣла въ твореніяхъ Z. Z. и вполнѣ неизвѣстнаго рецензента Литературной Газеты! По неволѣ воскликнешь съ Грибоѣдовымъ: «вотъ наши строгіе цѣнители и судьи»!...

Въ 1843 году онъ составилъ обзоръ *Исторіи военного искусства Славянскихъ народовъ до половины XVII вѣка*, вошедшее въ составъ извѣстнаго сочиненія Гене-

(5:6) Жизнеоп. Державина, стр. XIX, въ примѣчаніи.

радь-Лейтенанта Барона Л. И. Зедделера, который въ началѣ второй части объяснилъ, что причиною ея поздняго появленія (послѣ первой) были, между прочимъ и «затрудненія, встрѣтившіяся при самомъ составленіи исторіи «военнаго искусства вообще, и въ особенности у Славянскихъ народовъ, недостатокъ или неудовлетворительность «нужныхъ къ тому извѣстій»; но, что «наконецъ пренятствія преодолены, усерднымъ содѣйствіемъ Н. В. Савельева, «извѣстнаго уже въ Россіи глубокими своими познаніями «въ Исторіи Славянскихъ народовъ».

Въ 1843-мъ же году, онъ представилъ, по желанію Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, критическое обзорѣніе четырехъ томовъ «Исторіи Малороссіи» Маркевича, рассматривая это важное твореніе въ *археографическомъ отношеніи*. Разборъ этотъ помѣщенъ въ томъ же году въ Жур. Мин. Нар. Просв. Разсмотрѣніе же труда гна Маркевича собственно въ *политическомъ отношеніи* помѣщено авторомъ Димитрія Донскаго въ «Сынѣ Отечества».

Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (1840—1845) жизнеописаніе завоевателя Сибири *Ермака* и послѣдняго царя Сибирскаго *Кучума*, единственнаго въ исторіи Ливонскаго короля *Магнуса*, гетмана *Жолкѣвскаго*, возымѣвшаго въ XVII вѣкѣ великую мысль о вѣчно-неразрывномъ союзѣ и дружбѣ Польскаго и Русскаго народовъ; незабвенныхъ героев междоусобицъ: *Ляпунова*, *Минина* и другихъ достопамятныхъ лицъ; изъ новѣйшихъ—жизнь: *Мазепы*, *Котубел*, и др. *Дорохова*, *Дохтурова*, *Мадатова* и проч., историческое обзорѣніе замѣчательнѣйшихъ областей: *Кіева*, *Казани*, *Запорожья*, *Малороссіи*, *Ливоніи* и проч. По древности нашихъ единоплеменниковъ, жизнь *Льва Армянина*, при которомъ Болгаре едва не овладѣли Константинополемъ; по исторіи прочихъ народовъ: жизнь *Льва Иконоборца*, при которомъ Италія отдѣлилась отъ Греціи и положено основаніе могуществу Папъ и проч. — Всѣ эти статьи заслужили единогласное одобреніе всѣхъ нашихъ журналовъ безъ различія партій: Библіотеки для Чтенія, Отечественныхъ Записокъ, Маяка, Сѣверной Пчелы, Русскаго Инвалида и пр.

Въ 1844 году, онъ помѣстилъ въ Маякѣ «Сводъ новѣйшихъ розысканій о старобытности Славянъ въ Восточной Германіи,» а потомъ отрывки изъ подробнаго объясненія *Тацитовой Германіи*, доказывая, что имя *Герма-*

піа въ древности и до половины ІХ вѣка обнимало какъ Нѣмцевъ, такъ и Славянъ, означая только землю независимыхъ отъ Рима Европейскихъ народовъ, а отнюдь не однихъ Нѣмцевъ; что западные Германь суть Рейнскіе Нѣмцы, занявшіе кромѣ того Ютландскій и Скандинавскій полуостровы; восточные же Германь, начиная отъ береговъ Лабы до Вислы (а по другимъ до самаго Дона)—суть Славяне, искони жившіе на своихъ мѣстахъ: въ Польшѣ, Богеміи, Моравіи и до Адріатическаго моря. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія такъ выразилъ свое мнѣніе объ этихъ розысканіяхъ: «авторъ оказываетъ *услугу* изученію Славянщины въ Россіи. Имѣя предъ собою множество изслѣдованій знаменитыхъ Славянистовъ о древней Исторіи Славянъ, онъ смотритъ на эти изысканія съ *Русской точки зрѣнія*, «оцѣниваетъ ихъ *безпристрастно*, и сличивъ противорѣчущія, выводитъ *ясныя результаты*, которые должны служить *основаніемъ* для нашихъ будущихъ изыскателей. Въ особенности онъ пользовался трудами Венелина и Шафарика, но даль ихъ изслѣдованіямъ *новое направленіе*, «во многихъ мѣстахъ оправдалъ догадки ихъ *новыми* от-
«крытіями» (517).—Ученый и трудолюбивый переводчикъ Мацѣевского и Нарушевича, Л. А. Кавелинъ такъ выразилъ свое мнѣніе о «Сводѣ», сравнительно съ трудомъ извѣстнаго Польскаго юриста-изыскателя: «великій юристъ, Мацѣевскій, «не такъ счастливъ на поприщѣ критическихъ изысканій глу-
«бокой древности. . . Сколько предположеній, ничѣмъ не до-
«казанныхъ, сколько догадокъ, совсѣмъ ни на чемъ не осно-
«ванныхъ, и придуманныхъ единственно потому, что преж-
«няя историческая теорія не знала, какъ связать концы. А
«причиною всему *слѣпая довѣренность* къ Шафарику, ко-
«торый заслуживаетъ уваженія по необъятной учености;
«но требуетъ *строжайшей повѣрки*, и во многомъ уже
«опровергнутъ новыми соображеніями исторической кри-
«тики. Истинная цѣна всѣхъ вещей познается изъ сравне-
«нія: вотъ передъ вами произведеніе ученаго, стяжавшаго
«Европейскую славу; присоедините сюда и самаго Шафа-
«рика, и перчите-жь послѣ того изслѣдованія, Н. В. Са-
«велъева — взвѣсьте логичность, послѣдовательность выво-
«довъ, и окончательный приговоръ вашъ, безъ всякаго со-
«мнѣнія, будетъ и въ честь и въ славу вашему земляку,
«которому *иные* изъ нашихъ, такъ-называемыхъ, ученыхъ

(517) Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, Августъ, отд. VI, стр. 178 — 179.

«не хотятъ отдать заслуженной справедливости потому только, что... онъ Русскій, свой братъ! А будь онъ ино-странецъ — о, мы умѣли бъ разшумѣться (518)!» — Начало объясненій Тацитовой Германіи служило *оправданіемъ* какъ мпѣній Венелина, такъ и продолженіемъ, ученымъ дальнѣйшимъ раскрытіемъ системы автора изслѣдованій о временахъ мнимаго переселенія народовъ. Разумѣется, приверженцы школы созвучій не замедлили ополчиться. Въ Сѣверной Пчелѣ предприняли отчаянную вылазку: О. Б. выворотилъ *на-изнанку* всѣ *мысли* автора, придавъ его словамъ *другой смыслъ* и началъ истощать свое остроуміе... надъ собственными своими выдумками, какъ обнаружилъ А. В. Александровъ, въ Письмахъ къ издателю Маяка (519).

Въ томъ же году помѣщено въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1844, № 6) объясненіе Генеологии и Хронологіи Болгарскихъ Царей IX вѣка, по новымъ матеріаламъ; тутъ возстановлено правильное родословіе этихъ знаменитыхъ нашихъ единоплеменниковъ, которое было совсѣмъ перепутано у Стриттера.

Въ томъ же году напечатано «*Паденіе Пскова*». — Эта историческая характеристика, помѣщенная въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1844, № 3) заслужила единогласное одобреніе всѣхъ знатоковъ Исторіи. Одинъ изъ нихъ напечаталъ, что «Паденіе Пскова — живой отголосокъ простодушныхъ лѣтописцевъ нашихъ, въ изящной формѣ нашего времени, произведеніе, которое принесло бы честь самому Тьерри, еслибъ онъ писалъ по-русски» (520). Журналъ Мин. Нар. Просв. согласился, что это «одно изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ нашей Исторіи» (521); объ отрывкѣ же изъ Исторіи Россіи въ XVII вѣкѣ, которою тотъ же авторъ нѣсколько лѣтъ занимается, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ отзывался: «*Царь Василій Шуйскій, помѣщенный въ Сынѣ Отечества* (1843, года № 5) — *есть полнѣйшій на Русскомъ языкѣ сводъ извѣстій о царствованіи этого Государя*. Тотъ же авторъ сообщилъ уже въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ (т. IX) статью о Царѣ Василіи Шуйскомъ; нынѣшняя является въ болѣе пол-

(518) Маякъ (1844), т. XV, гл. III, стр. 33.

(519) 1845, т. XX, гл. IV, стр. 40—49; въ отдѣльно-напечатанной книгѣ гна Александрова «современ. Истор. труды въ Россіи», письмо 2, стр. 40-50.

(520) Тамъ же стр. 91.

(521) Жур. Мин. Нар. Просв. ч. XLIII, отд. VI, стр. 175.

«номъ и обработанномъ видѣ, по причинѣ накопленія «новыхъ и важныхъ матеріаловъ» ⁽⁵²²⁾.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, напечатано въ Академическихъ Вѣдомостяхъ (7 Апрѣля 1845, № 79) *Письмо къ любителю отечественныхъ древностей о Ханскихъ ярлыкахъ*, данныхъ Русскому духовенству. Послѣ разысканій ученаго и проницательнаго ориенталиста нашего, В. В. Григорьева, уже не остается и сомнѣнія въ подлинности ярлыковъ; но ему было неизвѣстно: откуда ихъ досталъ Новиковъ? и нѣтъ ли гдѣ еще какихъ слѣдовъ? Въ «Письмѣ» показано, что Новиковъ получилъ всѣ ярлыки отъ самой Государыни Екатерины Великой, чѣмъ и устраняется всякое подозрѣніе о подлогѣ; а слѣды существованія другихъ ярлыковъ, — или по крайней мѣрѣ другихъ списковъ, — видны изъ разныхъ каталоговъ нѣкоторыхъ книгохранилищъ ⁽⁵²³⁾. *Письмо* это писано 22-го Марта 1844 года; Археографическая Коммиссія, въ отвѣтъ своемъ (отъ 16 Мая 1844, за № 4462), изъявила автору Письма свою признательность за эти указанія, которыя положила принять въ соображеніе впослѣдствіи, при изданіи ярлыковъ; одинъ же изъ редакторовъ, Отецъ Протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ сообщилъ автору, что Коммиссією открыты слѣды Ханскихъ ярлыковъ даже въ Литвѣ.

Такимъ образомъ, въ продолженіи 8-лѣтней литературной дѣятельности, три мысли руководили моими историческими трудами:

I. Воспользоваться вновь изданными отъ правительства Археографическими актами, и дополнить нашу Исторію нѣкоторыми фактами, неизвѣстными Карамзину (Кучумъ, Владиміръ Андреевичъ, Царь Василій Шуйскій, и проч.); испытать свои силы въ разсказъ событій, уже описанныхъ исторіографомъ, но не съ должною подробностью и простотою (Паденіе Пскова); наконецъ опредѣлить истинную цѣну писателей, которыхъ вздумали было

⁽⁵²²⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. X, отд. VI, стр. 5.

⁽⁵²³⁾ Император. Публичной Библіотеки Отд. 2, № 75 и 341; Румянцевскаго Музеума № 371; Московской Синодальной Библіотеки, Сборники подъ № 344, 473, 549, 556; Библіотеки Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, № 25 (по печатному каталогу Каченовскаго); Библіотеки Царскаго, отд. 3, № 76; Успенскаго Собора Макарьевской Чети-Миней мѣсяць Августъ; Воскресенскаго монастыря № 116 (по печат.) изъ Библіотеки Кирилловской № 680 и 64.

сравнивать съ Карамзинымъ (разборы сочиненій Полеваго, Погодина, Устрялова);

II. Въ періодъ времени, до котораго не коснулась животворная кисть исторіографа, приготавливать матеріалы къ продолженію Русской Исторіи, начиная со временъ Междоцарствія (⁵²⁴); что же касается до періода, предшест-
вующаго Рюрику, то —

III. Разъяснить, сколько возможно, древностями обще-Славянскими древности наши собственныя, періодъ едва только очеркнутый Карамзинымъ въ «Исторіи государства Россійскаго», и не обработанный Исторіографомъ именно по причинѣ господствовавшихъ тогда теорій (⁵²⁵), а Вене-
линымъ — по причинѣ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Осу-
ществленію этой мысли посвящается «Славянскій Сбор-
никъ».

Въ 1835 году, по случаю спора между М. П. Погоди-
нымъ и Скромненкою (С. М. Строевымъ) о нашихъ лѣто-
писяхъ, — редакторъ «Библіотеки для Чтенія», О. И. Сен-
ковскій писалъ:

Жаль, что въ этомъ важномъ дѣлѣ обѣ воюющія стороны
стрѣляются только брошюрками да статьями. Не лучше ли при-
ступить прямо къ дѣлу, взяться за *основный вопросъ*, и разрѣшить
его на *жизнь* или *смерть* той или другой школы? До тѣхъ поръ,
пока будутъ осмѣивать частности, страницы, строчки, никто не
убѣдится въ непогрѣшимости пововводителей. Нападите, господа,
разомъ, дружно, на историческую критику Шлёцера, на историче-
скія понятія Карамзина; выставьте всю ихъ ложность, неоснова-
тельность, разорите впрахъ непріятельскую землю, и на мѣстѣ па-
мятника, воздвигнутаго трудами Карамзина, соорудите другой, вашъ
собственный, котораго подножіе было бы столь же *незыблемо* и
непоколебимо, — тогда карамзинисты сами откажутся отъ своихъ
притязаній, бросятъ Шлёцера и пойдутъ подъ вашими знаменами.

Но для этого *труднаго, важнаго, великаго* предпріятія юная
историческая школа, кажется, еще слишкомъ юна. Желаемъ ей

(⁵²⁴) Біографія *Минина* и *Пожарскаго* будетъ издана въ концѣ нынѣшня-
го года.

(⁵²⁵) «Въ Исторіи Государства Россійскаго» всѣ древнѣйшія событія въ землѣ
Славянъ (Русскихъ или Восточныхъ, Германскихъ или Западныхъ, и
Балканскихъ или Южныхъ) до 862 года, — или до призванія Рюрика,
занимаетъ только 53 страницы (по изданію Сленина, 1818), и 120 при-
мѣчаній.

рости не по днямъ, а по часамъ: ея будущность занимаетъ *всѣхъ* любителей Отечественной Исторіи (⁵²⁶).

Прошло 10 лѣтъ, и вотъ юная историческая школа представляетъ шлѣцеріанамъ уже не брошюрку, не статью, а цѣлый томъ въ семь-сотъ страницъ съ 1500 примѣчаній — основной вопросъ разрѣшенъ на жизнь и смерть, ибо *доказывается*:

1) что система Скандинавскаго производства Варяжской Руси, возникшая въ вѣкъ Бирона, была плодомъ обстоятельствъ *своего* времени, а не *древнимъ вѣрованіемъ* Русскаго народа;

2) что Байеръ основалъ ее, по незнанію Русскаго языка, наперекоръ ясному свидѣтельству Преп. Нестора, только на *созвучіяхъ* и на *превратноиъ толкованіи Византійцевъ*, которыхъ не понималъ, по незнанію Этнографіи Славянскаго міра, — въ слѣдствіе чего и всѣ байеріане были вынуждены поддерживать гипотезу своего учителя также *односторонними* доказательствами, въ основаніи которыхъ лежало то же самое *сходство созвучій*, а не прямой смыслъ Несторовой лѣтописи (⁵²⁷);

(⁵²⁶) Библ. для Чт. (1855), т. X, Литер. лѣтопись, за Апрель, стр. 20—21.

(⁵²⁷) Благоразумный Эверсъ раньше *всѣхъ* понялъ, что Байеро-Шлецерова система держится только на *отсутствіи логическихъ доказательствъ* и на *сходствѣ звуковъ*, часто совершенно случайномъ. Вотъ что писалъ разсудительный Эверсъ:

«Чего вообще недостаетъ *Имѣнцамъ* въ силѣ *доказательной*, того ищутъ они въ *собственныхъ именахъ* братьевъ. Но изъ *всѣхъ* путей, кои ведутъ къ открытію историческихъ истинъ, скорѣе всего можно заблудиться на *производствѣ* словъ и именъ *порознь*. Не смотря на сіе, безпрестанно являются на ономъ отважные искатели, и поелику Байеръ представился здѣсь *вожатымъ*, то самъ недовѣрчивый Шлѣцеръ рѣшился ему сопутствовать и очень обрадовался, найдя съ нимъ *вмѣстѣ* у Сиорри, у Саксона и др. множество Скандинавскихъ героевъ, кои назывались *такъ* или *почти такъ*, какъ *Рюрикъ* и *Труворъ*, на примѣръ: *Грорекуръ*, *Рорекъ*, *Рорикръ*, *Рурикъ*; *Труваръ*, *Трусере*. Съ третьимъ, *Синеусомъ*, ему не посчастливилось; но онъ утѣшился въ неудачѣ, *предположивъ*, что сіе имя *испорчено* Русскими, и напомнилъ у Саксона объ одномъ Царѣ *Сніо*, ab isto nomine non abhorrens. Шлѣцеръ умножаетъ число, прибавляя: *Родерикъ*; — *Труве*, *Тригіе*, *Тригръ*; — *Синніутеръ*, *Сигніаутеръ*, *Синіали* и *Суне*. Байеръ почиталъ *Игоря*, и даже *Святослава* съ *Владиміромъ*, Скандинавскими именами.

«Сходство звуковъ въ двухъ первыхъ именахъ съ приведенными въ примѣръ не льзя не признать, и потому онъ могутъ *подкрѣплять* Историческое положеніе, но не *могутъ доказывать* оного. Шлѣцеръ самъ хотѣлъ прежде, по строгимъ законамъ критики, исключить совершенно

3) что Миллеръ и Струбе, хотя и остались учениками Байера относительно Скандинавскаго произхожденія Руссовъ, однакожь считали необходимымъ *измѣнить* Байерово мнѣніе, пересадкою ихъ въ Пруссію на устье Вислы или въ Ботническую Лапонію, и тѣмъ безмолвно признали *неосновательность* системы своего учителя;

4) что Шлѣцеръ принялъ (въ молодости) и поддерживалъ Байерову систему единственно по *малому знакомству* съ древнею Русью и Славянищиною вообще, а еще болѣе — по *Рейнскому патриотизму*, усиленному *враждою* съ Ломоносовымъ; но не считалъ этой гипотезы *истинною неопровержимою*. Онъ писалъ только: «хотя многіе счи-

собственныя имена изъ всякаго Историческаго изслѣдованія, когда сѣи въ подобномъ случаѣ подали поводъ къ важнымъ заключеніямъ

«А именно — обыкновенное окончаніе Халдейскихъ именъ на *Царь* навело (проницательнаго впрочемъ) изслѣдователя Михаелеса на мысль, что Вавилонскіе Халдеи были *можетъ быть* Славяне. Великій знатокъ языковъ, Бютнеръ, коему сообщилъ онъ свою догадку, не только подкрѣпилъ его въ оной, но и объяснилъ даже имя Nebucadnezar (Навуходоносоръ), чрезъ Nebje-cadzenui-tzar, небомъ поставленный Царь; старшій Форстеръ пошелъ еще далѣе, и хотѣлъ всѣ Халдейскія имена производить изъ Славянскаго языка: въ Nebucadnezar читалъ онъ: Небугодиный-Царь. — Шлѣцеръ наконецъ настоящимъ Историческимъ изслѣдованіемъ кончилъ сѣи этимологическія забавы.

«Мы видимъ *только сходство звука*, но самое величайшее сходство не предохраняетъ отъ *заблужденія*. Въ самыхъ далекихъ между собою странахъ звуки по одному случаю часто бываютъ разительно сходны: — кто не почелъ бы именъ *Лохмана* и *Свенванга* за Германскія или Скаддинавскія, если бы сѣи имена не были ему извѣстны прежде? И между тѣмъ, то принадлежатъ Арабу, а сіе Китайцу. Черкеской Князь *Иналъ* и Скаддинавъ *Инильдъ*, *Ингіальдъ*, сходятся именами много. — Русскій *Игорь* у Константина Багрянороднаго называется, извѣстно, *Іууор*, *Ингоръ*, и никакъ не сомнѣваются, чтобъ сіе имя не было одно съ Скаддинавскимъ именемъ *Ингваръ*. Это кажется очень вѣроятнымъ; но бабу сего вѣнчаннаго писателя, супругу Василія Македонянина, Евдокію, всѣ Византійцы называютъ дочерью благороднаго *Ингера* (*Іууερος*). Не ужели этотъ Ингеръ, — который, по сказанію Кедрина происходилъ изъ *Мартинакскаго* рода (*Μαρτινακίων*), — былъ также Скаддинавъ? — По такому праву можно бы и Римскаго полководца Руриція Помпейяна, которой въ 312 году сражался съ Константиномъ за Максентія, завербовать въ Норманны!

«Еще менѣе рѣшаютъ имена Русскихъ посланниковъ, которые при Игорѣ и Олгѣ заключили миръ съ Греками. По причинѣ великихъ разнорѣчій, не рѣшено еще, какъ они назывались собственно; ибо кто знаетъ, какое чтеніе правильнѣе: *Каларъ* или *Карла*, *Фарлова* или *Вархова*, *Велмудръ* или *Велмида*, *Фуевастъ* или *Ибуехатъ*? Если бы

тають *отлѣтно вѣроятнымъ*, что Руссы означаютъ Шведовъ, но если они и обманываются, то не - за - что еще считать ихъ государственными преступниками ⁽⁵²⁸⁾;

5) что въ послѣдствіи, когда поутихъ пылъ самолюбія, раздраженнаго ссорою съ Ломоносовымъ, Шлёцеръ совсѣмъ уже *иначе* судилъ о дѣлахъ Славянщины; изучивъ предметъ основательнѣе, онъ далъ слѣдующія важныя признанія: I. «восточная часть Германіи, съ *давнѣйшихъ временъ*, то есть сколько намъ извѣстно изъ Исторіи, была населена *Славянами*»; II. «въ Мекленбургъ, Помераніи, Лаузицѣ и проч. *никогда не было Нѣмцевъ* прежде Ободритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ, слѣд. старожиловъ своей земли»; III. «*великіе успѣхи*, дѣлаемые теперь *изученіемъ* Славянскія Исторіи, скоро, совсѣмъ истребятъ всеобщее мнѣніе будто бы сіи Германскіе *Славяне пришли тогда, когда вышли настоящіе Нѣмцы*, будто бы жившіе до-того въ ихъ земляхъ!» ⁽⁵²⁹⁾ IV. «Руссія при Рюрикѣ является на сѣверѣ *настоящею правильною державою*» ⁽⁵³⁰⁾, V. «Рюрикъ, Олегъ, Ольга и Владиміръ заслуживаютъ названія *славныхъ*, имѣвъ на участь нашей земли важнѣйшее и благотворнѣйшее вліяніе» ⁽⁵³¹⁾;

Скандинавское происхожденіе Руссовъ было доказано *другими доказательствами*, то слѣдовало бы признать правильнѣйшими тѣ, кои звучатъ *наяснѣе по-Скандинавски*. Если же станемъ разсматривать сіи имена въ самихъ себѣ, независимо отъ всего прочаго, то намъ покажется *вѣроятнымъ*, что иной Скандинавской звукъ произошелъ отъ *описки* или *недоразумѣнія*, отъ коихъ дѣйствительно происходитъ иногда очень странное. Такъ Пахимеръ называетъ предводителя Сицилійскихъ воиновъ, кои въ 1281 году стояли въ крѣпости Бѣлградѣ, *Ρως Σολυμας*, котораго легко могли бы мы принять за Русскаго или Турка, если бы мы отъ другихъ не знали, что то былъ храбрый Французскій рыцарь *Руссо де Соли*.

«Впрочемъ я не хочу отвергать, что между послами Олега и Игоря къ Грекамъ были дѣйствительно Скандинавы: они, какъ Варяги, служили симъ Князьямъ, и при семъ сношеніи были ими уполномочены и отправлены; — такъ какъ и другія важныя дѣла виѣ Государства иногда препоручались въ семъ періодѣ Русскими Государями чуждымъ наемникамъ. Такъ на примѣръ Владиміръ послалъ Сигурда, Ерикова сына, къ Эстамъ для собранія Княжеской подати. И Греческіе Императоры равномѣрно употребляли иногда Варанговъ въ политическихъ дѣлахъ».

(Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для Россійской исторіи, пер. М. П. Погодина. кн. I, стр. 70 — 73.)

⁽⁵²⁸⁾ Шлёц. Несторъ, ч. I, предувѣдомленіе, стр. XXVIII.

⁽⁵²⁹⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 423.

⁽⁵³⁰⁾ Тамъ же, III, стр. 252.

⁽⁵³¹⁾ Тамъ же, II стр. 145.

6) что этими положеніями низпровергаются всѣ софизмы, порожденные теоріею Байеро-Шлёцеровской школы: если Русь при Рюрикѣ была уже *правильною державою*, то ясно, что Русскіе Славяне не были *и до Рюрика* дикарями, полу-человѣками, забытыми отъ Отца человѣчества; если Нѣмцы *никогда не жили въ Восточной Германіи прежде Славянъ*, которые обитали тамъ съ *отдаленнѣйшей древности*, то ясно, что Восточные Германцы разрушители Рима, были не кто другіе, какъ Германскіе Славяне, исконные обитатели Восточной Германіи; если же, самъ Шлёцеръ находилъ *очень невѣроятнымъ*, чтобы *многочисленные народы пропали съ лица земли* ⁽⁵³²⁾, то ясно, что и Тунмано-Энгелевская теорія Нѣмецкаго, Татарскаго и Финскаго произхожденія разныхъ народовъ, разрушившихъ Римъ, но вслѣдъ за тѣмъ исчезнувшихъ будто бы съ лица земли — для того, чтобы уступить свое мѣсто Славянамъ, основывается на какомъ нибудь взаимномъ недоумѣніи между нами и писателями среднихъ вѣковъ;

7) что Карамзинъ, хотя и уступилъ большинству, хотя и объявилъ Варяговъ Скандинавами, однакожь не отказалъ въ *вѣроятности и другому* мнѣнію, о выходѣ ихъ изъ Пруссіи. Стараясь сблизить обѣ гипотезы, онъ составилъ *свою*, — и во всякомъ случаѣ, мнѣнія Карамзина относительно Варяжской Руси, относительно старобытности Славянъ по Днѣпру и Волхову, относительно нашего народнаго имени, и вообще относительно характера всей нашей древности, *гораздо основательнѣе* мнѣній Байеровыхъ и Шлёцеровыхъ;

8) что согласіе съ Байеромъ Карамзина было вынуждено *обстоятельствами и необходимостью* посылать тексты I-го тома «Исторіи Государства Россійскаго» на просмотръ къ Шлёцеру, почитавшемуся немерцающимъ свѣтиломъ Русскихъ Древностей; но, между тѣмъ, личныя мнѣнія Карамзина сближались съ Ломоносовскими;

9) что Карамзинъ былъ правъ, укоряя Байера въ томъ, что «уважалъ сходство именъ *недостойное замѣчанія и худо зналъ Географію*» ⁽⁵³⁵⁾, Миллера — въ томъ, что «съ важностію повторилъ въ академической рѣчи *сказки*» ⁽⁵³⁴⁾, а

⁽⁵³²⁾ Шлёцер. Несторъ, ч. II, стр. 398.

⁽⁵³⁵⁾ Ист. Гос. Рос. I, пр. 71 и 513.

⁽⁵³⁴⁾ Тамъ же, прим. 96.

Шлёцера въ томъ, что у него «народы падаютъ съ неба и скрываются въ землю какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія» (535);

10) что Карамзинъ, однакожь, зналъ Исторію Ломоносова только по выпискамъ Шлёцеровымъ; Шлёцеръ же по личной враждѣ умышленно соединилъ въ одно и мнѣніе Степенной книги и Ломоносовское, а тѣмъ ввелъ въ ошибку славнаго Исторіографа, который—думая опровергать мнѣніе Ломоносова—своими возраженіями только поддержалъ и подкрѣпилъ его гипотезу;

11) что и всѣ послѣдующіе писатели, толкуя о Ломоносовѣ и его мнѣніяхъ, знали ихъ только по выпискамъ Шлёцера же, и потому такъ неуважительно отзывались о безсмертномъ Русскомъ писателѣ, которому принадлежитъ по праву имя не только перваго Русскаго Витія, перваго Русскаго Поэта, перваго Русскаго Физика, перваго Русскаго Химика, но и перваго Русскаго *ученаго Историка*, раньше всѣхъ постигшаго истинныя начала исторической критики;

12) что эти раціональныя начала Исторической критики сами собою проявились у Венелина, непонятаго и неопытеннаго современниками, котораго заслуги начинаютъ сознать только уже нынѣшнее поколѣніе. И хотя Венелинъ не успѣлъ совершить преобразованія Исторіи, однако важно и начало, именно: во I-хъ обнаруженіе основной ошибки прежнихъ писателей, которые не знали, что у Византійцевъ подъ именемъ *Sclavi, Slavini* разумѣлись только одни Словенцы, донинѣ живущіе на Дунаѣ, а отнюдь не всѣ племена Славянскія, и потому смѣшали понятіе *рода* и *вида*, принявши *часть* за *цѣлое*; во вторыхъ—раскрытіе ложности гипотезы Дегиня о Гуннахъ, и объясненіе ихъ исторіи въ періодъ непобѣдимаго Атилы; наконецъ въ третьихъ—подробный разборъ диссертациі Байера о Варягахъ;

13) что благоразумнѣйшіе изъ противниковъ уже старались сблизить систему Венелина съ своими личными мнѣніями, на примѣръ—покойный Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, который отказался отъ мысли о Турецкомъ происхожденіи Руссовъ, и призналъ ихъ племенемъ Славянскимъ, расселившимся изъ-за Карпатовъ (536), хотя и

(535) Ист. Гос. Рос. I, прим. 283.

(536) Эту гипотезу принялъ и окончательно утвердилъ М. Т. Каченовскій въ послѣдній академическій годъ (1835—1836) своихъ чтеній о Русской

не могшій рѣшиться признать Славянами древнихъ обитателей Руси, извѣстныхъ у Грековъ подъ именемъ Скиѳовъ Гунновъ и проч;—П. Г. Бутковъ, который призналъ Славянство Болгаръ и древнюю гражданственность нашихъ предковъ, старобытность Славянъ въ западной и южной Руси, и старобытность Руссовъ на Днѣпрѣ, хотя еще выдаетъ этихъ Руссовъ за Финновъ или Чудь, а Варяжскихъ Руссовъ за Лапонскихъ Скандинавовъ;—А. Д. Чертковъ, который признаетъ древнюю гражданственность Славянъ, хотя и вѣруетъ въ Скандинавизмъ Варяговъ;—О. И. Сенковскій, который отрекся отъ Азіатскаго происхожденія Гунновъ, хотя и придаетъ имъ (очень неудачно) происхожденіе Финское, признаетъ у Славянъ развитіе гражданственности въ VIII вѣкѣ, и проч.

14) что историческіе труды писателей, возставшихъ на защиту Скандинавоманіи, заключаютъ въ себѣ только безчисленные противорѣчія другъ другу, противорѣчія самому себѣ, противорѣчіе здравомыслящей Филологіи, противорѣчія всѣмъ условіямъ Исторической Логики и Критической Догматики, въ слѣдствіе смѣшенія настоящихъ источниковъ историческихъ съ баснями, или выражаясь пошлѣцеровски—Скандинавскими бреднями (сагами);

15) что укоризны ихъ Карамзину, зачѣмъ онъ придалъ Варяжскому періоду характеръ Славянскій а не Скандинавскій, проистекаютъ отъ незнанія дѣла, да и большая часть ихъ обвиненій основывается на умышленномъ искаженіи словъ и мнѣній исторіографа (534), который потому отсту-

исторіи и статистикѣ. Мнѣ поручено было имъ—составить (говоря по университетски) журналъ этой лекціи; я исполнилъ это, и въ бумагахъ покойнаго профессора должна находиться эта его лекція, въ которой, разсуждая статистически о племенахъ Русской Имперіи—онъ касается происхожденія Русскаго народа.—О Каченовскомъ много дѣльнаго высказалъ А. В. Александровъ, см. «Современные историческіе труды въ Россіи», I письмо, стр. 4 и 5.

(534) Защитники сагъ пишутъ: «Карамзинъ хотѣлъ производить слово *князь* отъ *коня* (*конь*—азъ, то есть: я, лошадь); надобно полагать, что онъ хотѣлъ только пошутить надъ корнесловами» (Библ. для Чт. томъ I, статья о Сагахъ, стр. 60, прим. 23). Справляюсь у Карамзина, и что же оказывается? что самъ критикъ вѣрно хотѣлъ пошутить надъ довѣренностію читателей, ибо у Карамзина сказано: «слово *князь* родилось едва ли не отъ *копѣ*: въ Славянскихъ земляхъ кони были драгоценнѣйшею собственностію; у Поморянъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли великое богатство, и всякій *хозяинъ коня* назывался княземъ, *pobilis «saritaneus et princeps»* (Ист. Гос. Рос. I, стр. 75). Спрашивается: виновать ли Карамзинъ въ томъ, чего не говорилъ?—Защитники сагъ

пиль отъ гипотезъ Байера, Миллера и Шлёцера, что былъ несравненно умнѣе, разсудительнѣе и ученѣе всѣхъ Скандинавомазовъ;

16) что Байеро-Шлёцерово ученіе о Скандинавскомъ произхожденіи Руссовъ и позднемъ населеніи нашей страны Славянами, и Тунмано-Энгелевское ученіе о татарскомъ произхожденіи Болгаръ и прочихъ обитателей древней Руси — нѣтъ никакой возможности согласить съ здравымъ смысломъ, развѣ допустить *множество произвольныхъ гипотезъ*, свидѣтельствомъ чему служатъ «Славянскія древности» Шафарика, могшаго сдѣлать въ-десятеро болѣе, если бѣ не вдаля въ-теоре-манію, Скандинаво-манію, Тевто-но-манію, Финно-манію и Татаро-манію, а потому, не смотря на частныя достоинства и удачныя объясненія иныхъ

пишутъ: «Карамзинъ серіозно повторилъ *неумѣстную шутку* (?) Несторовой лѣтописи объ испугѣ Ярослава и отчаянномъ его желаніи бѣжать изъ Новгорода за море отъ непріятеля, *пирующего за-горами за-лѣсами* въ 1200 верстахъ оттуда; по вмѣсто варварскаго слова за море онъ выразился гораздо ученѣе: въ *Норвегію*» (Б. для Чт. I, науки, с. 59); смотрю въ «Исторіи Государства Россійскаго» описаніе 1018 года, и опять укоризна Карамзину оказывается *неумѣстною шуткою* критика. У Карамзина совсѣмъ нѣтъ ни пол-слова объ испугѣ отъ пировъ за-горами за-лѣсами, и объ отчаянномъ желаніи бѣжать въ Норвегію. Исторіографъ писалъ: «Ярославъ, устрешенный *могуществомъ* короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать *за море къ Варягамъ*; но великодушіе Новгородцевъ спасло его отъ *сего несчастія и стыда*» (Ист. Гос. Рос. II, стр. 15)—Защитники сагъ пишутъ: «Карамзинъ, представивъ себѣ Якуна *совершенно слѣпымъ*, сказалъ, что онъ носилъ на глазахъ шитую золотомъ луду или повязку. И такъ слѣпой Норманскій витязь сражался еще, *завязавъ себѣ глаза?* *Странная времена!*» (Б. для Чт. I, Науки стр. 76, пр. 34). Странная привычка укорять Карамзина въ то, чего тотъ и не думалъ! Въ Ист. Гос. Росс. II, стр. 23 читаемъ: «Якунъ едва могъ видѣть, но еще любилъ бити войну и битвы»; а въ дополненіи къ 23 страницѣ II-го тома (помѣщенномъ въ VIII т. 144 стр.) говорится еще яснѣе: «слѣпой витязь *Якунъ, какъ славный Богемецъ Зиска*, (т. е. Жижка), *могъ носить повязку на больныхъ глазахъ, чтобы закрытьъ ихъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и воздуха*». Защитники Эймуновской Саги, желая согласить се съ Несторомъ, увѣряютъ, будто бы «луда носилась на груди и на спинѣ, а не на глазахъ; это родъ стариннаго Польскаго папцыря, брони, кольчуги подбитой подъ платъе»; но вотъ небольшое затрудненіе: Якунъ, бѣжавъ съ поля сраженія, оставилъ на мѣстѣ битвы свою луду, которая «*бы золотомъ исткана*»; неужели онъ раздѣвался и скидалъ броню *изъ подъ платья?* Повязку, истканную золотомъ, обронить Якунъ очень могъ во время бѣгства; а потерять кольчугу *изъ подъ платья* — не было никакой возможности.

частныхъ вопросовъ, не объяснившего *цѣлаго* Славянскихъ древностей—именно оттого, что хотѣлъ помирить помощію *гипотезъ* Байеро-Шлёцерово и Тунмано-Энгелево ученіе съ *противоположными* свидетельствами Греческихъ и Римскихъ писателей;

17) что, слѣдственно, пора уже *сообразить* всѣ мнѣнія въ горнилѣ исторической критики, и — не полагая ни одного изъ прежнихъ *одностороннихъ* ученій въ основаніе—воспользоваться однакожь всѣмъ, что есть *истиннаго* въ каждомъ изъ нихъ: у Шлёцера, у Тунмана, даже у гна Крузе; съ другой стороны—у Эверса и его послѣдователей, учениковъ скептической школы Каченовскаго; съ третьей—у писателей, составляющихъ переходъ къ нынѣшнему ученію, именно—у Карамзина, Руссова, Буткова, Черткова, Шафарика; и наконецъ—съ четвертой, у писателей, хотя и прямо возставшихъ на защиту Славянства, но увлекшихся частными своими гипотезами: Вельтмана, Макарова, Морошкина, Максимовича, Кирѣевскаго (⁵³⁸);

18) но, чтобы узнать и отличить *истину*, необходимо бросить прежнюю систему, основанную только на сходствѣ созвучій, и вывести *новыя основанія* исторической критики, призвавъ на помощь *здравую логику*, принимая въ расчетъ логическую *возможность* событій, *естественность* основанную на *примѣрахъ* прошедшаго, и возникающія отсюда *неизмѣнныя отношенія* между *историческими* явленіями, давними и недавними; *путь* же изслѣдованій, разумѣется, долженъ былъ *математическій*, объясняющій неизвѣстное *извѣстнымъ*: тогда и выводы будутъ математически вѣрны. Послѣ того, когда выводъ исторической логики уже оправдается *свидѣтельствами древнихъ*, для большей полноты призвать и *филологію*, которая такимъ образомъ должна занять третье-степенное мѣсто,—потому что «сходство звуковъ можетъ *подкрѣплять* Историческія положенія, но не можетъ *доказывать* ихъ», какъ утверждалъ благоразумный Эверсъ;

19) что необходимо, послѣ того, *заново* переизслѣдовать всѣ свидетельства, оставленные древними, обративъ особенное вниманіе на древность нашихъ единоплеменниковъ, Германскихъ Славянъ и Балканскихъ; тогда рас-

(⁵³⁸) См. у меня далѣе, стр. 70 (прим. 7), стр. 191 — 164 (прим. 142) и многія другія; любопытныя разысканія гна Кирѣевскаго появились въ «Москвитинѣ» (1845) во время окончанія моей книги: въ нихъ очень много дѣльнаго, не смотря на пристрастіе автора къ Шафарiku.

кроется, что древніе знали большую часть ихъ названій: *мѣстныхъ, племенныхъ и прозвищныхъ*; одни изъ этихъ названій сохранены въ *настоящемъ* видѣ, передѣланныя на иностранный ладъ очень немного, другія же—имѣющія смыслъ — *персведены и уцѣлѣли* въ переводахъ на Греческій языкъ, Латинскій, древне-Нѣмецкій, Кельтскій, смотря потому, *среди какого племени жилъ писатель, или чрезъ посредство кого получалъ свѣденія*;

20) что, послѣ того, явится возможность *возсоздать* всю *Древнюю Географію* Тевтонскаго и Славянскаго міра; но для этого необходимо приложить къ Географіи новыя основанія Исторической Критики обративъ особенное вниманіе не на *Политическія* государственныя границы, а на *Этнографическіе предѣлы* племенъ, принимаемые за величину почти-постоянную. Дѣйствительно, въ слѣдствіе нашествій иноплеменниковъ и поселенія ихъ на покоренной землѣ, Политическая граница измѣняется, а Этнографическая остается почти-та же; переходя подѣ власть чуждаго правительства, область получаетъ новыхъ жителей, но прежніе (если только осѣды) остаются на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ измѣненіе Этнографическаго предѣла происходитъ лишь на границѣ, которая отъ сильнаго прилива чужеплеменниковъ можетъ иногда утратить *свою* народность; но это вліяніе чуждой власти постепенно ослабѣваетъ, по мѣрѣ удаленія отъ центра;

21) что, слѣдственно, тутъ уже надобно главнѣе всего надо—принять въ соображеніе *мѣстность*, разсужденіе о которой должно зависѣть отъ математической истины: двѣ величины, равныя порознь одной третьей, равны мѣжду собою.—Если, напримѣръ, страну А занимаетъ племя В, между тѣмъ какъ по другому лѣтописцу тамъ живетъ племя С, по третьему D, по четвертому E, то ясно, что $A=B$, $A=C$, $A=D$, $A=E$, или $A=B=C=D=E$, откуда критическій географъ вправѣ заключить: В, или С, или D, или E, не смотря на все *различіе звуковъ*, есть *одно и тоже племя*, живущее на землѣ А; или еще точнѣе: все это *разныя названія* одного и того же племени. Примѣняя все это къ древней географіи, относительно Славянскаго міра, найдемъ:

I. въ сосѣдствѣ съ Литвою и нашею Русью, начиная отъ Вислы и къ Одрѣ, всегда жили *Поляки* подѣ разными мѣстными именами: *Полянъ* Bulanes, Georgi, *Вартинецвъ* Wartones, *Обровъ* Ombri, *Ольсинцевъ* Olysii, Elysii, *Слезо-*

цовъ или *Силезцевъ* Silingae, *Нурянъ* или *Нураловъ* Nurali, Naharvali, и проч. По сходству значенія и звуковъ, этихъ Полянъ *Ляховъ*, занимавшихъ обширныя луга (поля), иноземцы часто покрывали именемъ *Лугарей*, *Луговъ* (Lugii Lugii), принадлежавшимъ собственно ихъ сосѣдамъ, Прибалтійскимъ Сербамъ;

II. великій Кутъ (уголь), образуемый Лабою и Одрою или Рудою, всегда занимали племена Великихъ или Бѣлыхъ Сербовъ, Прибалтійская Сербъ, также подъ многими мѣстными именами: *Велеты* Weltae, *Древляне* или *Боряне* Borii, Burii, *Варны* Wargini, *Пльняне* Pien-gitae *Ябологана* Havelsonii (по выговору Нѣмцевъ, у которыхъ, Ябола, Habela, названа Havel), *Луги* Lygii, Lugii, *Рудины* Rudigni, а при извивистомъ устьѣ Руды или Звивы — *Звивяне* Svevi; общее для всѣхъ мѣстное имя *Кутинцы* Gutones, Kotensii, позднѣ Gothi, и *Поморяне* въ Нѣм. пер. Wandali, Wenedi; общее племенное: *Сербы* Servi, Servitii, Cervetii, Chervsci; частныя племенные: *Яры*, Arii, или *Руйи* Rugii, иначе *Руяне* Rugiani, *Варяги* Wargiones, *Рудинскіе Варяги* Var-rudeni, *Славяне-Русь* въ перев. Ruti-clii. Прозвищныя имена этой прибалтійской Велетской Серби: у сосѣднихъ Англо-Саксовъ *Бородаги* или *Длиннобородые* Lang-bardi, — а у сосѣднихъ Славянъ: Франконскихъ за-Лабою, Чехо-Волоховъ на югъ и у Поляковъ на востокъ, *Вильки-Лютики*, Vilzi-Lutici, то есть: волки лютые, въ Нѣмецкомъ переводѣ Англо-Саксовъ Waggi;

III. на югъ отъ этой Велетской Серби искони жили *Чехи* Zigi, Sigi, Ziginii, Siginii; ихъ народныя мѣстныя имена также извѣстны были древнимъ, какъ-то: *Моравы* въ Нѣмецкомъ переводѣ Marcomanni, *Гораки* въ Нѣм. пер. Hermunduri, *Польсяне* въ Кельтскомъ Quadi, равно и прозвищное названіе этого боеваго народа, *Бойи*, Boii, распространенное потомъ на Сербовъ, на Франковъ и на западныхъ иноплеменниковъ Тевтонскихъ или Швабовъ;

IV. на юго-западъ отъ Чеховъ, всегда обитали *Словене*, раздѣлившіеся (по переходѣ за-Дунай) на *Словаковъ* (въ сосѣдствѣ Чешскаго племени) и *Словенцевъ* (между Адриатикой и Дунаемъ). Общее ихъ племенное названіе *Словене*, по греческому выговору Sclavini, Sclavi, въ греческомъ переводѣ Rheti; мѣстныя имена: *Норійцы* Norici, *Краинцы* Carni, Crapci, *Жупаняры* Rapiari, иначе *Жупанцы* Pannonos, *Истрияне* или *Истрийцы* Istrii, *Венетяне* Veneti, *Далматы*, Dalmatae; частныя мѣстныя названія: *Колпинцы*

Colarini, *Брайцы* Breuci, *Савацы* Savaci, *Вараджане* Vari-
ciani, *Озеряты* Oseriates, *Подравляне* Ambidrayi, *Горяне*,
Гореницы, *Горутаницы*, Hercuniates, *Салійцы* Sali, Zali, Asali,
Оравицы Aravici, иначе *Оравскій Языкъ* (народъ) переселен-
ный, въ полу-греческомъ переводѣ Jazyges-Metanastae. Соб-
ственно Горскую Словенію (Rhetia) населяли въ Альпахъ
слѣдующія племена: *Липинцы* Lepontii, *Вининцы*, *Винон-*
цы, Venpones, *Агновицы*, Genavni, *Дрвентяне* или *Трвен-*
тяне, Trventini, Trientini, Tridentini, *Зареницы*, Sarventes,
Бревненцы, Brevni, *Бросквинцы* Brescivintes, Brexintes. Об-
щее мѣстное ихъ названіе *Головиты*, по другому нарѣчію
Гелевиты, *Гельвиты* (подобно какъ *Волоты* и *Велеты*)
измѣнено Римскими писателями въ Helvetii, а въ насмѣшку
Galli (пѣтухи).—Это имя, распространенное какъ на соб-
ственно-Кельтовъ, такъ и на Словенскихъ обитателей *голь*
(высокихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ) ⁽⁵³⁹⁾ покрывало у Рим-
скихъ писателей и землю ближайшихъ къ Италіи Словенъ,
которую звали Итальянцы Gallia cis-Alpina (пѣтушья зем-
ля Предъ-Алпійская), въ отличіе отъ Кельтики, которую на-
зывали Gallia trans-Alpina (пѣтушья земля За-Алпійская).
Предъ-Алпійская же Словенія, въ сочиненіяхъ Римскихъ
географовъ, раздѣлялась рѣкою Падомъ на Пред-Паданскую
(cis-padana) и За-Паданскую (transpadana): тутъ жили от-
части между Славянами Кельты, такъ точно какъ въ самой
Кельтикѣ обитали многіе Славянскіе поселенцы.—По сви-
дѣтельству древнихъ, эти Rheti (Словене) извѣстны были
у Латинскихъ племенъ подъ именемъ Etrusci, а у Грековъ
сохранилось даже частное племенное имя этой Словенской
Руси: *Резіане*, Rhasenae;

V. на западъ отъ Велетскаго Кута Сербовъ, земли Че-
ховъ и до страны Словенской, по границѣ Тевтонскихъ
или Нѣмецкихъ племенъ (Nemetes, Teutones, Teutcheri) про-
стиралась *Франконская Славія*, Windelicia, какъ ее назы-
вали Римляне и Нѣмцы (донынѣ еще называющіе име-
немъ Winden только однихъ Славянъ); тутъ являются
Бреганицы Brigantii, *Лехиты* Licates, *Бойи* Boii и проч.

(539) Славянскіе потомки *головитовъ* или *гельвитовъ* донынѣ уцѣлѣли въ
Швейцаріи, въ Валлійскомъ кантонѣ; у Нѣмцевъ эти Славяне извѣстны
подъ именемъ Нун'овъ (Malten's Bibl. d. Weltk. 1834, V. I, S. 28-50; —Чеш-
ская Пчела 1834, № 9; —Славян. Древности Шафарика, въ Русскомъ
переводѣ, кн. II, стр. 259; Путешествіе Коллара, какъ у насъ при-
выкли писать, или, правильнѣе: Колларя).

VI. на Балканскомъ полуостровѣ сосѣди черноволосыхъ Ѳракійцевъ, голубоглазые и русоволосые Ѳракійцы суть Иллирійскіе Славяне: *Бѣссы* Bessi, *Кровичи* или *Кривичи*, (*Κροβυζοι, Κριβιζοι*), *Мызы* Moesi, Mysii, *Волыняне* Wulini, *Котореницы* Katarensi, *Дѣвитеницы* Divitenses, *Новеницы* Novenses, *Рязаницы* Risinites, и проч.

VII. если же всѣ наши единоплеменники искони жили на своихъ мѣстахъ, то ясно, что начиная отъ Дунайской Буковины и Русскаго Хребта (превращеннаго иноземцами въ «Карпаты») до Ладожскаго озера, Волги и Кавказа, также искони обиталъ нашъ Русскій народъ, хотя чужеплеменники называли насъ въ древности не *Росъ* или *Русъ*, но Aorsi, Alan-orsi, Rox-alani, Roxani, Rossomanni, — или давали прозвища: Scythae, *Чужаки*, Sauromatae (ящеро-глазые = голубоглазые) и проч., — или же переводили на свой языкъ наши названія: *Поляне* (Georgi), *Древляне* (Hylaei), обитатели *Конскихъ водъ* (Kalippidi) и проч., — или наконецъ, употребляли настоящія названія, немного искаженные: *Козаре* (*Ακατζίροι, Κατζαροι, Χαζαροι*), *Буковинцы* (*Πευκίνοι, Πκινοι*), *Быстрые* Bastarnae, Basternae, и проч. Собственное имя *Хорватской Руси* (или, по-ученому, *Карпато-Россовъ*) иноземцы употребляли въ переводѣ: *Даки* = горцы) уравнивъ это общее названіе горской или хребтовой Руси частному имени *Угличей* или *Кутигей*, Getae, распространенному потомъ на весь Русскій сѣверъ, землю исполиновъ нравственнаго и физическаго міра, по-Нѣмецки Нип'овъ, по Германо-Славянски Обг'овъ.

Вотъ въ какомъ объемѣ, послѣ новѣйшихъ разысканій, является взорамъ Исторіи нашъ общій міръ Славянскій, боровшійся съ Римомъ и избавившій Европу отъ оковъ Римскаго деспотизма! Паденіемъ Рима и освобожденіемъ цѣлаго міра отъ ига развращенныхъ Цезарей заключается первый періодъ обще-Славянской Исторіи, терлющій свое начало въ глубочайшей древности. Потеря народности среди покоренныхъ племенъ Латинскаго произхожденія, но за-то обновленіе Запада свѣжею, не растлѣнною жизнію, а на Востокъ образованіе Государства Болгаро-Русскаго, составляютъ второй періодъ, оканчивающійся повсюднымъ введеніемъ Христіанства у Славянскихъ народовъ. Междоусобія, и въ слѣдствіе того покореніе Франконской Славїи, Балтійской Сербїи и части Словенїи Нѣмцами, завоеваніе Руси Татарами, а Болгаръ Турками, представляютъ третій періодъ обще-Славянской Исторіи. Обновленіе Россїи Единодержаві-

емъ и Самодержавіемъ, паденіе Чехіи и начало упадка Польши отъ ослабленія власти Правительства — составляютъ четвертый періодъ жизни Все-Славянской.

Но Исторія Славянства еще не дописана: «племя Славянское», — справедливо сказалъ нашъ юристъ-мыслитель (⁵⁴⁰), — «живетъ *будущностію*, надеждою, что вновь возстанетъ великій Царь Волги, и воззоветъ ихъ къ единому великому знамени, къ знамени не разрушенія, а общаго успокоенія въ нѣдрахъ *семейственнаго Христіанскаго быта*, который, кажется, предоставлено развить Славянскимъ народамъ. Царство *мира и любви* имѣетъ *семейственную форму*, — форму, данную отъ природы и духа, а не изысканную, не созданную преходящими вѣками Исторіи. Когда настанетъ судъ Исторіи, Тевтонскій міръ отдастъ Славянамъ все, что взято у нихъ. Не своими Козарскими саблями Славянскій міръ грозитъ Тевтонамъ, а *Славянскою цивилизаціей*, первородными формами человѣческаго быта, грозитъ ему преемничествомъ, званіемъ наследника во Всемирной Исторіи». — Да, внутреннее скръьшеніе Русскаго Славянскаго племени *Православіемъ* Истины Христіанства, а потомъ освобожденіе отъ ига, и обновленіе *Православнаго Царства* Русскаго *Самодержавнымъ* единствомъ Воли Царя и *Народностію*, сосредоточенною въ любви къ *Россіи* — «Дому Пресвятой Богородицы», и къ Царю — *Отцу* своихъ подданныхъ, есть великій урокъ для нашихъ Славянскихъ братій и для всего міра: «возставитъ Богъ Небесный Царство, еже во *вѣки* не разсыплется. И Царство Его людямъ *инымъ* не достанется — истнितъ и развѣетъ вся Царства: тое же *станетъ во вѣки*» (⁵⁴¹)!

*К*то читаетъ Исторію, долженъ *изслѣдовать* бытописанія; пропикнетъ древнее и настоящее, какъ бы собственными очами. Устами читай, *мыслию* вникай!

Санъ-цзы-цзынь (пер. съ Кит. О. Іакинѣа, стр. 20).

СПБ.

15 Апрѣля 1845 года.

(⁵⁴⁰) Историко-Критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ, Московскаго профессора О. Л. Морошкина, стр. 118-119.

(⁵⁴¹) Даніилъ, II, 44.

		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно бы быть:</i>
I стр. —	6 строка	въ эпиграфъ a vérité —	la vérité
V —	3 стр.	Но по общему	Не по общему
VIII —	12 стр.	брошено, у насъ	брошено у насъ
—	21 стр.	Академію	Академіи
—	3 стр. съ низу	Lomonosoff; vient	Lomonosoff vient
IX —	3 стр.	потерпѣлъ	потерпѣлъ
XI —	6 стр.	преданнаго. Отечеству	преданнаго Отечеству.
—	20	Артемій. Петровичъ	Артемій Петровичъ
XII —	12	называть	называлъ
XIII —	9 съ низу	поколебленное	поколебленное
—	4 съ низу	Биронова	Бирнова
XVIII —	3 съ низу	перемѣшано	перемѣшаны
—	1 съ низу	О древностяхъ. Россіи	О древностяхъ Россіи
XXII —	9 съ низу	прикрыла	прикрыла
XXIII —	23	на произхожденія	ни произхожденія
XXIV —	9	друиэхъ	другихъ
—	11	гома	сама
XXVI —	2	неопровержено	неопровержимо
XXXVI —	3 съ низу	наша земли	наша земля
XXXVIII —	6	объщать себя	объщать себя
XLI —	9	императоръ	императоръ
—	6 съ низу	ни упоминають	не упоминають
XLII —	20	себѣ Руси	себѣ имя Руси
—	30	не этимологическую дыбу	на этимологическую дыбу
XLV —	6	назывались	называли
XLVI —	4 съ низу	самостоятельныхъ	самостоятельность
—	7 съ низу	себе	себѣ
—	15 съ низу	который	который
XLVII —	9	можетъ	можемъ
XLIX —	2	Такъ на, примѣръ	Такъ на примѣръ
—	11	Up	Ире
—	23	Русской исторіи	Русской исторіи
—	4 съ низу	вынуть	вынуть
L —	21	соединеніе	соединенное
—	24	Русской исторіи	Русской исторіи
LI —	12 съ низу	приписываетъ	приписываетъ
LVI —	1	бывъ	Забывъ
—	2	который	который бы
LVII —	12	Верхнее	Верхней
LXI —	4 съ низу	отресся	отнесся
LXII —	23 съ низу	важу	вижу
—	9 съ низу	туду Шлѣцера	туду Шлѣцера
—	3 съ низу	Римляни	Римлянами
LXIV —	13	наколѣбродить	наколѣбродить
LXXIV —	25	Сего системою	Сею системою
LXXV —	16 съ низу	въ народъ Литовскій	въ народъ Литовскій

		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно бы быть:</i>
LXV —	6	Новгородцами	Новгородцамъ
LXXVI	3 съ низу	подъ властвъ	подъ власть
LXXVII	4	зеніального	геніального
—	22	съ произхожденіемъ	произхожденіемъ
—	5 съ низу	иринята	принята
LXXIX	2 съ низу	тамъ же	Ист. Гос. Росс. I, прим. 105.
LXXXI	6	оранизація	организація
LXXXIV	22	миѣніл	миѣніл
	23	признаеть	признать
XCI —	13	сказанію	сказанію
XCIV	17	ознаеть	означаетъ
	3 съ низу	Трубы	Труды
CI —	11 съ низу	затеменялъ	загемнялъ
	12 съ низу	не объяснялъ но	не объяснялъ, но
CIV	11 съ низу	префессора	профессора
	16 съ низу	Геттенгенскаго	Геттингенскаго
CXIII	15 съ низу	Круз-	Крузе
CXIV	6	Бълоозерь	Бълоозеро
	23	Францужанки	Француженки
CXV —	17	основаніи	основаніе
—	9 съ низу	П. Г. Буткова	П. Г. Бутковъ
CXVI	22 съ низу	съ отеческомъ	съ отеческимъ
—	16 съ низу	по душъ	по душъ
CXVII	5	Какъ не удерживалъ	Какъ ни удерживалъ
—	9	самаго Шлѣцере	самаго Шлѣцера
CXVIII	6	мысла	смысла
CXX —	11	тѣсниться	тѣшиться
—	30	Нордманискій	Нордманскій
CXXI	9	еще	еще
CXXII	3	энтузіазма	энтузіазма
CXXIII	1	шахматы	шахматы,
—	21	первѣшительныхъ,	первѣшительныхъ,
CXXIV	14	Иліадою	Иліадою
CXXVI	1	торжествующей	торжествующій
CXXVII	16	успѣній воображенія	успѣій воображенія
	5 съ низу	смѣсняетъ	стѣсняетъ
CXXXII	3 съ низу	ыновьями,	сыновьями,
	6 съ низу	говори	говорить
	18 съ низу	Аѳрика	Аѳрики
CXXXVII	2	кості его	кости его
	9 съ низу	наститутъ	настигнуть
CXXXVIII	13 съ низу	отъ испорченія	отъ испорченія
CXL	12	отъ будетъ	онъ будетъ
CXLI	2	сборами, какія	сборами, какіе
CXLII	5	въ то время	въ то же время

			<i>Напечатано:</i>	<i>Должно бы быть:</i>
CXLII	—	18	силетней	силетней
	—	22	ношла	нашла
CXLIV	—	21	который	которой
CXLVI	—	20	съ низу	произносилось
CXLVIII	—	10	такъ удачною	такъ удачно
CXLIX	—	23	объявить <i>скотъ</i> ,	объявить— <i>скотъ</i>
CLIII	—	4	замѣчаніе	замѣчанія
	—	20	свѣтъ Божій	свѣта Божьяго
	—	23	Вмѣсто ея,	Вмѣсто ея,
CLVII	—	14	Руссаго	Русскаго
CLVIII	—	17	смотреть	смотрѣть
	—	10	съ низу	необъятная
CLX	—	7	Къ землѣ.	къ землѣ
CLXII	—	2	Новгородцахъ.	Новгородцахъ.
CLXVI	—	1	съ низу	ч. II, стр. 145-146
	—	3	съ низу	ч. II, стр. 143
CLXVII	—	2	желаніямъ	желаніемъ
	—	3	признанія	призванія
	—	22	справедливымъ	справедливымъ
	—	23	надо мнѣ	надо мною
	—	30	дѣлать	дѣласть
CLXIX	—	3	объимъ	обоимъ
CLXX	—	2	Руссамъ,	Руссами,
CLXXII	—	10	плечевный	плачевный
	—	23	Отделенія	Отдѣленія
CLXXIII	—	15	Столначальникъ	Столначальникъ
	—	25	археографахъ	археографовъ
	—	27	изслѣдованій	изслѣдованій
	—	29	Морошкинъ	Морошкина
CLXXIV	—	16	настоящую степен	настоящую степень
	—		въ Русскомъ	въ Русскомъ
CLXXV	—	12	извѣстнымъ	извѣстны
	—	10	съ низу	сообщили
CLXXIX	—	20	знаменитаго.	знаменитаго
CLXXXIII	—	4	лѣтпись	лѣтопись
CLXXXII	—	1	предъ	весьма пре-весьма
CLXXXIV	—	6	Балтійскаго	Балтійскаго.
	—	8	не лѣзя быть	не лѣзя
	—	24	сдѣлались	сдѣлалось
CLXXXV	—	15	отвращается	отвращаешься
	—	18	лѣтописателей	лѣтописателей
	—	13	съ низу	пустилъ въ
CLXXXVI	—	23	восклицается—	восклицаете
CLXXXVII	—	24	человеческаго	человѣческаго
	—	10	безспорно уже;	безспорно уже

		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно бы быть:</i>
CLXXXVIII	14 съ низу —	за первую эпоху —	за первую эпоху
CLXXXIX	12	выслушай те	выслушайте
CXCII	— 19	Философій языка —	Философіей языка
CXCV	4 съ низу	удались	удалились
CXCVI	— 21 —	передѣленное —	передѣланное
CXCVII	5	могла	могла
CXCVIII	9	объяснить	объяснить
CXCIX	15 съ низу	необыкновенного	необыкновеннаго
CC	3	Nord	du Nord
	6	на вопросъ Пашенькъ —	на вопросъ о Папенькъ
CCI	18	roszatku	roszátku
	21	выгоды	выводы
	7 съ низу	Перековерковъ	Перековерковавъ
CCII	4	Что на резонъ	Что за резонъ
	11	двух —	двухъ
	17	дѣйствительно	дѣйствительной
	12 съ низу	отцавъ	отцевъ
CCIV	5 съ низу	подлежать	подлежить
	8 съ низу	саужить	служить
	12 съ низу	Европѣйцы	Европейцы
	23 съ низу	теряться	теряться
CCV	11 —	Славянскихъ	Славянскихъ
	— 1 съ низу	будеть	будутъ
	— 4 съ низу	не изабавится	не избавятся
	— 15 съ низу	нездѣлають	не сдѣлають
	— 17 съ низу		наше наши
CCVI	19	Славенскихъ	Славянскихъ
CCVIII	17	Всеобщей Исторію	Всеобщей Исторіи
	— 24	различія	безъ различія
CCIX	— 16	юношескою, скромностію	юношескою скромностію,
CCXVIII	— 3 съ низу	выходки 1844 года	выходки, 1844 года,
CCXXIV	— 15	Генеологін	Генеалогін

Принесу ли пользу Исторіи, если опишу дѣянія Римскаго народа отъ основанія города Рима—не знаю; да если бы и зналъ, то не смѣлъ бы сказать: сколько стара, столько же и обыкновенна всегдашняя увѣренность новыхъ писателей, что они или событія изложатъ вѣрно, или искусствомъ разсказа превзойдутъ старинныхъ необразованныхъ писателей. Какъ бы ни было, но мнѣ будетъ пріятно, что и я, по мѣрѣ силъ, содѣйствовалъ сохраненію памяти о дѣяніяхъ перваго народа въ мірѣ; если же моя слава и померкнетъ въ толпѣ писателей,—по крайней мѣрѣ я буду утѣшаться благородствомъ и величіемъ тѣхъ, которые превзойдутъ меня.

Титъ Ливій, Истор. Предисловіе.

Facturusne operae praetium sim, si a primordio Urbis res populi Romani perscripserim, nec satis scio; nec si sciam, dicere ausim: quippe qui cum veterem, tum vulgatam esse rem videam, dum novi semper scriptores, aut in rebus certius aliquid allaturos se, aut scribendi arte rudem vetustatem superaturos credunt. Utcunque erit, juvabit tamen, rerum gestarum memoriae principis terrarum populi pro virili parte et me ipsum consuluisse; et si in tanta scriptorum turba — mea fama in obsuro sit, nobilitate ac magnitudine eorum, qui meo nomini officient, me consoler.

Titii Livii Histor. Praefatio.

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...

Savel'ev-Rostislavič, Nikolai Vasil'evič

Slavjanskij sbornik N. V. Savel'eva-Rostislaviča Pamjati Lomonosova i
Venelina, padšich v bor'bě za nezavisimost' Russkoj mysli

Bd.: [1]

Sanktpeterburg (1845)

L.rel. 2600 u-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10589412-1